

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ЮЖНЫЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ
И ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ



Т.П. Хлынина, Е.Ф. Кринко, А.Т. Урушадзе

**РОССИЙСКИЙ СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ:
ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ УПРАВЛЕНИЯ
И ФОРМИРОВАНИЯ ГРАНИЦ РЕГИОНА**

Ростов-на-Дону
Издательство ЮНЦ РАН
2012

УДК 351/354/470.6/

X613



Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Российский Северный Кавказ: исторический опыт управления и формирования границ региона», проект № 12-31-08027

Рецензент

главный научный сотрудник ИРИ РАН,
доктор исторических наук, профессор Н.Ф. Бугай

Хлынина, Т.П., Кринко, Е.Ф., Урушадзе, А.Т.

X613 Российский Северный Кавказ: исторический опыт управления и формирования границ региона / Т.П. Хлынина, Е.Ф. Кринко, А.Т. Урушадзе. – Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2012. – 272 с. – ISBN 978-5-4358-0043-2.

Монография посвящена анализу ключевых административно-территориальных преобразований на Северном Кавказе второй половины XIX–XX вв., предопределивших современное состояние организации власти и границ региона. В ней рассматриваются основные реформы системы управления и соответствующие им территориальные изменения, выявляются их динамика и обусловленность, определяются принципы и формы взаимодействия центра и региона; прослеживается взаимосвязь между доктринальными представлениями управленческой элиты, потребностями развития страны и формированием административных практик интеграции региона в российское государственное пространство; выявляется роль профессионального сообщества в формировании бытующих на протяжении последних двух столетий представлений о разбалансированности власти и слабой управляемости регионом.

Издание адресовано специалистам по истории управления, государственного строительства, регионоведения и всем интересующимся прошлым нашей страны.

УДК 351/354/470.6/

ISBN 978-5-4358-0043-2

© Т.П. Хлынина, 2012
© Е.Ф. Кринко, 2012
© А.Т. Урушадзе, 2012
© ЮНЦ РАН, 2012
© ИСЭГИ ЮНЦ РАН, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
ГЛАВА I. Политика Российской империи на Северном Кавказе: присоединение, колонизация, управление (середина XVIII – начало XX вв.)	7
§ 1.1. Южнороссийский фронт: особенности расширения границ Российской империи на южном направлении (середина XVIII – первая половина XIX вв.)	7
§ 1.2. Становление и развитие российской администрации на Северном Кавказе (конец XVIII в. – 1845 г.)	31
§ 1.3. Кавказское наместничество: бегство от империи для империи	54
ГЛАВА II. Советский проект формирования Северо-Кавказского региона	72
§ 2.1. Советские республики: от «союза народов и племен» до областных автономий	72
§ 2.2. Горская АССР: «форпост советской власти на Тереке»	89
ГЛАВА III. Национально-государственное строительство на Северном Кавказе: трудности становления национальных автономий	103
§ 3.1. Роль центральных органов власти в становлении и развитии советской национальной государственности в регионе	104
§ 3.2. Национально-государственное строительство на Северном Кавказе: особенности и итоги	116
ГЛАВА IV. Реформа районирования и проблемы границ на Северном Кавказе	152
§ 4.1. Административно-хозяйственное районирование и образование Северо-Кавказского края	152
§ 4.2. Районирование и административно-территориальное размежевание народов края	163

ГЛАВА V. Административно-территориальные преобразования на Северном Кавказе в условиях военного и послевоенного времени	187
§ 5.1. Депортация и ее последствия в историографическом осмыслении	188
§ 5.2. Выселение части народов Северного Кавказа и ликвидация их национально-государственных образований в период Великой Отечественной войны	212
§ 5.3. Реабилитация и восстановление национальной государственности репрессированных народов	241
Заключение	268

ПРЕДИСЛОВИЕ

Пристальный интерес к состоянию дел в одном из наиболее сложных и взрывоопасных регионов страны, которым, по мнению экспертов, единодушно признается Северный Кавказ, демонстрирует не только официальная власть. Поиском причин сложившейся в крае ситуации занято и профессиональное сообщество историков, пытающееся в прошлом найти ответы на вопросы сегодняшнего дня. При этом в центре внимания и власти, и исторической науки оказываются вопросы, так или иначе связанные с формированием региона – входящими в его состав территориями, подвижностью их границ, эволюцией системы управления. Власть ждет от историков «выверенных глубоким опытом прошлого» практических рекомендаций по развитию региона, а те в свою очередь – их последовательного и грамотного воплощения в жизнь. Однако обоюдная недостижимость поставленных целей, вытекающих из природы самого познания прошлого и текущих политических задач, придают использованию предшествующего опыта довольно проблематичный и крайне противоречивый характер. В этом отношении весьма показательна нынешняя практика обращения к управленческой традиции и административно-территориальным преобразованиям на Северном Кавказе. Неоднозначность их оценок привела не только к девальвации практической востребованности накопленного опыта, но и породила довольно устойчивые представления о неуправляемости региона в прошлом.

Между тем российская практика формирования территории и системы управления бывшей национальной окраины свидетельствует о целенаправленных усилиях власти по превращению ее в нечто большее, нежели привычная географическая данность. Северный Кавказ оказался не просто очередным приобретением власти, вызванным геополитической ситуацией и сложившимся течением обстоятельств. Он стал ее региональным изобретением, в пространстве которого решались задачи построения основ нового общества, способного интегрироваться в общероссийское пространство. Именно этим задачам подчинялась административная конфигурация региона, логика территориальных преобразований и определения его границ. Формирование северокавказского макрорегиона продолжалось вплоть до конца советской эпохи и ознаменовалось целым рядом изменений, определивших развитие его народов вплоть до сегодняшнего дня.

Выстроенное по принципу изучения наиболее значимых и судьбоносных преобразований в истории края исследование его регионального формирования сосредоточилось на анализе сюжетов становления южнороссийского фронта и его особенностей, роли Кавказского комитета и Кавказского наместничества в упрочении и становлении российской системы управления; советском

опыте национально-государственного строительства, отягощенном депортацией репрессированных народов и последующим восстановлением их автономий, и административно-территориальных преобразованиях. Столь, казалось бы, «неоправданно выборочный» подход к освещению поставленной проблемы позволил авторскому коллективу выстроить систему взаимодействия центробежных и центростремительных факторов, которая, собственно, и обусловила выбор административных практик управления краем. В свою очередь, обращение к разнообразным источникам как официального, личного, так и историографического характера позволило выявить динамику меняющихся образов Северного Кавказа, ее тесную взаимосвязь с исследовательскими стратегиями освоения прошлого и современными потребностями развития региона.

Едва ли очередная книга о российском Северном Кавказе, написанная исследователями разных поколений, станет для профессионального читателя открытием новых и неизведанных страниц его прошлого. Скорее наоборот, в своем стремлении постичь логику истории формирования региона, ее ветвистые и не всегда внятные отклонения, авторский коллектив пытался отойти от «сенсационных» архивных открытий последнего времени, отчетливо понимая, что любое историческое свидетельство имеет рукотворное происхождение и несет на себе неизбежный отпечаток конкретной эпохи. Руководствуясь позицией вне-находимости, мы попытались разглядеть то, чего, возможно, не видели наши предшественники, и ограничились своей задачей предостережением современного поколения от чрезмерно эмоциональной и пренебрежительной оценки предшествующего опыта построения Российского государства и его не всегда спокойных и благонадежных регионов.

Надеемся, что книга, ставшая своеобразным подведением итогов многолетней работы авторского коллектива, не оставит равнодушным заинтересованного читателя и станет для него добротным подспорьем для дальнейшего размышления о непростых судьбах одного из наиболее любопытных и интригующих воображение исследователей регионов страны.

ГЛАВА I. ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ: ПРИСОЕДИНЕНИЕ, КОЛОНИЗАЦИЯ, УПРАВЛЕНИЕ (СЕРЕДИНА XVIII – НАЧАЛО XX вв.)

§ 1.1. Южнороссийский фронтир: особенности расширения границ Российской империи на южном направлении (середина XVIII – первая половина XIX вв.)

Концепт «фронтир» зародился в североамериканской историографии. Ф.Дж. Тернер, предложивший данную теорию как основу для описания истории становления и развития США, по сей день является одним из наиболее почитаемых американских ученых-историков. Он назвал фронтиром подвижную границу американских поселений, подчеркивая, что «фронтир представляет собой внешний край волны – место контакта дикости и цивилизации», а также что это «полоса наиболее быстрой и эффективной американизации»¹. Эта дефиниция стала классическим определением термина, но далеко не единственным. Рассматриваемый концепт за время своего существования породил огромное количество собственных определений. Развитие и распространение исследуемого концепта привело к появлению самых различных его вариаций, нацеленных на учет местных особенностей и специфики исторического процесса. Очевидно, что фронтир представляется исследователям в качестве теоретической конструкции, не отягощенной канонической догматикой и свободной от «идола истоков». Вероятно, в этом и секрет его популярности. Интересно, что и сам Ф.Дж. Тернер отмечал эластичность предложенного термина, который не требует особо точного определения².

В отличие от многих концептов, теоретических конструктов, авторы которых в свое время не представляли возможных масштабов распространения своих детищ, фронтиму долгую жизнь завещал его основоположник. В частности, в письмах к своим ученикам Ф.Дж. Тернер выразил надежду, что теория фронтаира может найти благодатную почву на материале русской (российской) истории³. Ожидания американского историка были более чем оправданы.

По окончании Второй мировой войны фронтир вышел за пределы североамериканской истории. Д.И. Олейников отмечает, что большую роль в этом сыграла работа У.П. Уэбба «Великий фронтир» (1951 г.), где автор постулировал возможность универсального применения концепта. Книга имела огромный резонанс и стала событием не только в американской, но и в международной научной

¹ Тернер Ф.Дж. Фронтир в американской истории. М., 2009. С. 15.

² Олейников Д.И. Фронтир и колонизация. URL: www.timeandspace.lviv.ua/ (дата обращения: 12.01.2012).

³ Там же.

жизни. Это было следствием не только новаторских положений, аргументированных в работе, но определялось и высоким статусом ее автора, вскоре возглавившего Американскую историческую ассоциацию, которой в свое время руководил Ф. Дж. Тернер. В основе труда У. П. Уэбба лежит гипотеза, согласно которой фронтир является одним из основных факторов Новой истории¹.

Представляется, что в определенной степени успех книги У. П. Уэбба являлся следствием получивших широкое признание трудов британского географа, историка и теоретика международных отношений Х. Дж. Маккиндера. Он еще в начале XX столетия выступал сторонником синтеза географических и исторических обобщений, отмечая следующее: «...мы можем ощутить некоторые реальные пропорции в соотношении событий, происходящих на мировой арене, и выявить формулу, которая, так или иначе, выразит определенные аспекты географической детерминированности мировой истории»².

Со второй половины XX в. фронтир прочно утверждается в научно-исследовательских практиках ученых-гуманитариев по всему миру. В СССР по причине наличия единственно верной методологии исторического познания концепт не получил распространения. Однако советский медиевист В. Д. Королюк предложил концепцию «контактных зон», которая, несомненно, имеет ряд родственных с фронтиром черт. Данная концепция впервые была сформулирована на материале Юго-Восточной Европы применительно к периоду перехода от Античности к Средневековью. Позднее положения теории были расширены и дополнены Е. А. Мельниковой, которая ввела понятие «зоны контактов», исследуя скандинавский материал. Эти пространства представляли собой своеобразные «перекрестные поля», где процессы этнополитического и этносоциального взаимодействия могли приводить как к ассимиляции одного этноса другим, так и к этнической амальгамизации, то есть к появлению нового синкретического общества³.

После краха СССР отечественные исследователи получили возможность свободного определения теоретико-методологического инструментария. Фронтир начал обретать свое место на страницах отечественных научных изданий наряду с другими концептуальными новшествами. При этом российские историки зачастую предпочитали альтернативную фронтину концепцию контактных зон. Учитывая предшествующий историографический опыт, это не кажется случайным или удивительным. Работая в парадигме теории контактных зон, исследователи приходили к общим выводам. Л. С. Гагагова, подчеркивая особенности кавказского казачества как общества приграничья, отмечала: «Феномен казачества – яркая

¹ *Webb W.P.* The Great Frontier. University of Nevada, 2003. P. 413.

² *MacKinder H.J.* The Scope and Methods of Geography and the Geographical Pivot of History. L., 1951. P. 31.

³ *Якуб А.В.* Образ «норманна» в западноевропейском обществе IX–XII вв. Становление и развитие историографической традиции: автореф. дис. ... д-ра ист. н. Томск, 2008. С. 5.

иллюстрация синтеза культур в границах контактной зоны ... Казачество сублимировало характерные черты и особенности как славянских, так и кавказских этносов, обусловившие его особый психотип и специфический социум»¹.

Позднее В.В. Черноус, рассмотрев Кавказ в качестве «контактной зоны цивилизаций и культур», подтвердил справедливость оценки Л.С. Гатаговой и указал на особую роль терско-гребенского казачества, «которое начинает играть посредническо-передаточную роль в цивилизационно-культурном диалоге России и Северного Кавказа»².

Теория контактных зон сыграла в развитии отечественной историографии важную роль, а именно подготовила историков к творческому восприятию нового концепта. В начале 2000-х гг. в исследовательских практиках понятия контактной зоны и фронта отождествляются³. Концептуальные границы этих понятий оказались полностью размыты, а бытующие предпочтения имеют исключительно филологический подтекст (в духе боев за «корнесловие»). Более того, вероятно, можно предполагать, что теория контактных зон сформировалась как своего рода заместитель концепта фронт или его эрзац-версия.

Нецелесообразным дальнейшее самостоятельное развитие теории контактных зон сделало и появление работ американских и западноевропейских исследователей, активно эксплуатирующих концепт фронта в изучении окраин российского государства⁴. Кроме того, А. Каппелером была предложена классификация российских фронтов. Так, этот австрийский специалист выделил южный и восточный фронты в истории России⁵.

Южная граница российского государства представляла собой подвижную линию, менявшую свои очертания с завидной быстротой и регулярностью. Само понятие «государственной границы» было в XVI – XVII вв. для юга весьма условно. Такое положение было в первую очередь связано с особенностями развития взаимоотношений русского государства и донских казаков.

¹ Гатагова Л.С. Контактные зоны в истории Восточной Европы. М., 1998. С. 126.

² Черноус В.В. Культурно-цивилизационное взаимодействие на Северном Кавказе: история и некоторые современные тенденции // История: научные поиски и проблемы. Ростов н/Д, 2000. С. 168.

³ См. например: Олейников Д.И. Человек на разломе культур. Особенности психологии русского офицера-горца в период Большой Кавказской войны // Звезда. 2001, № 8. С. 95.

⁴ Баррет Т.М. Линии неопределенности: северокавказский «фронт» России // Американская русистика: вехи историографии последних лет. Императорский период. Антология. Самара, 2000; Khodarkovsky M. Of Christianity, Enlightenment, and Colonialism: Russia in the North Caucasus, 1550–1880 // The Journal of Modern History. (1999, Jun.). Vol. 71, No. 2. P. 394–430; Khodarkovsky M. Russia's steppe frontier: the making of a colonial empire, 1500–1800. Indianapolis, 2002; Sunderland W. Taming the wild field: colonization and empire on the Russian steppe. Ithaca, 2004.

⁵ Каппелер А. Южный и восточный фронт России в XVI–XVIII веках // Ab Imperio. 2003, № 1. С. 47–64.

Полагаем, что в развитии южного фронта российского государства можно, в свою очередь, выделить несколько этапов. В XVI–XVIII вв. фронт представлял собой границу леса и степи, а русское (российское) государство контактировало здесь с кочевыми сообществами (в первую очередь ногайцами). Московская Русь, а затем Российская империя продвигались в пространство Дикого поля, стремясь овладеть наследием Золотой Орды. Как отмечалось в сборнике статей «Кавказ и Поволжье», вышедшем в свет еще в 1913 г., «подчинив себе Казань и Астрахань, Россия пришла в непосредственное соприкосновение с Кавказом, с какового времени и начинаются у московских царей с этим краем то мирные, то враждебные сношения»¹.

В 1770–1780-е гг. южный фронт смещается в Предкавказье и очень скоро к Большому Кавказскому хребту. На новом этапе своего развития южнороссийский фронт из степного превращается в предгорное и горное приграничье. Изменяется и этно-культурное окружение; теперь соседями авангарда российской колонизации становятся горские сообщества с высокоразвитыми скотоводческой и земледельческой культурами. При этом южный фронт России был не единственным в пространстве кавказского региона, который еще со времен походов Александра Македонского был ареной противоборства и взаимодействия различных народов, региональных и континентальных держав.

Фронтальные области на Кавказе были различного возраста и имели различный потенциал, определяемый социально-экономическими ресурсами и внешнеполитическими амбициями государств и сообществ, приграничные территории которых составляли палитру кавказских фронтов. Важнейшей характеристикой кавказских фронтов конца XVIII – первой половины XIX вв. являлась их динамика, мобильность. Каждый из кавказских фронтов пребывал в движении, расширялся, тесня соседей, или напротив, уступал позиции сжимаясь.

Крупнейшими державами, которые имели прочные позиции на Кавказе еще с середины XVI в., являлись Османская империя и шахский Иран. Для Османской империи и Персии как для мусульманских государств Кавказ символически являлся фронтом, пролежавшим между «пределом Ислама» и «пределом войны», пространством противоборства воинов, сражавшихся за истинную веру – *гази* – и «неверных» – *кяфиров*.

Несмотря на то, что в XVIII в. Турция растеряла былое могущество и получила в дипломатических кругах Европы неофициальное прозвище «больного человека», она по-прежнему доминировала в южных и западных областях Грузии, а также контролировала черноморское побережье. Иран, ослабленный практически непрерывающимися смутами, последовавшими за смертью Надир-шаха (1747 г.), имел сильные позиции и многочисленных приверженцев в Закавказских мусульманских ханствах (Шуша, Шемаха, Куба), а так же в некоторых областях Дагестана (Дербент). К этому необходимо добавить, что грузинскую аристократию и Иран

¹ Цаликов Ах. Кавказ и Поволжье. М., 1913. С. 7.

связывали давние союдно-даннические отношения. Грузинские войска, предводительствуемые членами царской фамилии, участвовали в походах иранских шахов. Высшая картлийская и кахетинская аристократия служила иранским шахам, фактически получая от них своеобразную инвестицию. В этом отношении показателен фирман Рукх-шаха 1749 г., в котором иранский правитель назначал царевича Теймураза главнокомандующим шахскими войсками в «Ираке и Адзербейджане (так в тексте. – *Авт.*)». Мотивируя свое решение, повелитель Ирана выражается следующим образом: «...ибо как предки его отличались преданностью нашему престолу, так равно и он того достоин за его к нам преданность»¹. Восточно-грузинская аристократия и духовенство имели тесные (зачастую взаимовыгодные) взаимоотношения с Ираном. Кроме того, Персия была законодательницей мод при дворе грузинских царей.

Грузинская аристократия имела устойчивое тяготение к фрондерству, оппозиции власти монарха. Грузинские князья, отстаивая свою независимость, часто вступали в коалиции с турками и персами. Как выразился один из исследователей, в Грузии всегда имелось «обилие горючего материала», а грузинский народ «был мятежами внутренними и внешними обуреваемый»². Кроме регулярных контактов с Персией и Турцией грузинские царства и княжества были связаны и с горцами Северного Кавказа. Между Грузией и горцами велся торговый обмен, а кроме того, еще со времен Давида IV Строителя (Агмашенебели) горцы Северного Кавказа и кочевники Предкавказья активно привлекались в грузинское войско. Здесь же отметим, что именно усиление позиций России на Северном Кавказе в конце XVIII в. пресекло транскавказский путь многовекового комплектования грузинской армии³.

Влияние Османской империи не ограничивалось территорией южного Кавказа. Крымское ханство, находившееся в сюзеренно-вассальных отношениях с Портой, в свою очередь оказывало существенное воздействие на этнополитическую ситуацию на Северо-Западном и Центральном Кавказе, а так же в Приазовье. Многие черкесские князья (пши) и представители высшего дворянства (тлекотлеши) отдавали своих детей на воспитание в семьи крымских ханов и беев. Вернувшись на родину из семей крымских аталыков, черкесская аристократическая молодежь зачастую сохраняла устойчивую ориентацию на крымско-османский фронт. Выделение отдельного от турецкого пограничья крымско-османского фронта

¹ Акты, собранные Кавказской Археографической комиссией (далее – АКАК). Тифлис, 1866. Т. I. С. 76–77.

² *Петрушевский И.П.* Джаро-Белоканские вольные общества в первой половине XIX в. Махачкала, 1993. С. 86–89.

³ *Бугаев Д.С.* Военные наемники с Северного Кавказа в Картли-Кахетинском царстве // Лавровский сборник. Материалы XXXIII Среднеазиатско-кавказских чтений 2008–2009 гг.: этнология, история, археология, культурология / отв. ред. Ю.Ю. Карпов, И.В. Стасевич. СПб.: МАЭ РАН, 2009. С. 100.

обусловлено не только интенсивностью взаимодействия и регулярностью контактов горцев Северо-Западного и отчасти Центрального Кавказа (Кабарда) с Крымом, но и особенностями формирования, поведения и жизненных ориентаций крымских элит, «оседавших не только в Крыму, но и на Кубани, этой важной и проблемной части владений Гиреев»¹. К этому следует добавить, что крымская аристократия оказывала влияние и на внутривластительское положение в Кабарде. Российское правительство видело в этом угрозу для южных границ империи².

Отдельным сюжетом, относящимся к истории крымско-османского фронта, является переселение и обоснование с начала XVIII в. на Кубани во владениях крымских ханов донских казаков (некрасовцев), которые после поражения восстания К.А. Булавина были вынуждены спасаться от репрессий Петра I. На новом месте жительства казаки И. Некрасова стали крымскоподданными, стремительно сформировав основы взаимоприемлемых отношений с правящим домом Гиреев. Казакам-некрасовцам удалось выработать принципы сожительства и с местным ногайским населением. Как отмечает Д.В. Сень, «на это указывает тот, например, факт, что уже вскоре после своего прихода на Кубань казаки-некрасовцы стали весьма далеко уходить от своих жилищ, между тем как семейный характер их сообщества очевиден»³.

Такая активность Крыма контрастировала с манерой поведения Турции, которая не вмешивалась во внутренние дела черкесов, довольствуясь формальными выражениями покорности и свободным доступом к черноморскому побережью, где было основано несколько турецких торговых факторий и крепостей, крупнейшей из которых была Анапа⁴.

Об устойчивости связей кабардинцев с Крымским ханством свидетельствует и история основания на землях Кабарды русской крепости Моздок. В 1764 г. кабардинцы уведомили представителя имперской администрации ротмистра И. Мещерякова, что в случае если Россия не удовлетворит их просьбу о срытии этого укрепления, они «не минуют отдаться в послушание хана крымского»⁵.

¹ Грибовский В., Сень Д. Фронтальные элиты и проблема стабилизации границ Российской и Османской империй в первой трети XVIII в.: деятельность кубанского сераскера Бахты-Гирея // Украина в Центрально-Східній Європі. Київ, 2010. Вип. 9–10. С. 194.

² Выписка из указа российской императрицы Екатерины II из коллегии иностранных дел астраханскому генерал-губернатору И.О. Брылкину с разъяснением позиции России по поводу пребывания ханских родственников в Кабарде // Российско-северокавказские отношения в XVIII веке: сб. док-тов / составитель И.И. Якубова. Нальчик, 2011. С. 115.

³ Сень Д.В. Казачество Дона и Северо-Западного Кавказа в отношениях с мусульманскими государствами Причерноморья (вторая половина XVII – начало XVIII в.). Ростов н/Д, 2009. С. 260.

⁴ Архив Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований (далее – Архив КБИГИ). Ф. 1. Оп. 1. Д. 23. Л. 4 об.

⁵ Цит. по: Казаров В.Х. Столкновение цивилизаций и первые поражения Кабарды в 60–90-х гг. XVIII века // Исторический вестник. Нальчик, 2006. Вып. IV. С. 214.

Несмотря на оформление еще в XVI в. военного союза (симмахии¹) с русским государством, кабардинская знать сохранила и развивала отношения с Крымом. Именно эти контакты и связи стали единственным весомым политическим аргументом Кабарды в борьбе с гегемонией Российской империи на Кавказе.

Таким образом, продвижение южнороссийского фронта привело его к столкновению с фронтами Турции, Персии и Крыма. Между тем необходимо отметить, что взаимоотношения с кочевниками Дикого поля и Поволжья продолжают сохранять для России свою военно-политическую актуальность. На новом этапе развития южного фронта кочевые сообщества переходят в разряд союзников империи и активно ею используются в давлении на горцев Северного Кавказа.

В XVIII в. определенные кочевые сообщества по-прежнему обладали серьезным военным потенциалом. Так, для поселений терских казаков на Северном Кавказе калмыцкие орды были едва ли не самым опасным противником: «Когда между буграми, покрывавшими моздокскую степь, показывались бесчисленные табуны коней, войлочные кибитки, и из-под косматых остроконечных шапок сверкали узкие глаза калмыков, казак брался за винтовку и сторожил станицу уже на все стороны»². Кочевники степного Предкавказья составляли кавказский кочевой пояс, охватывавший территорию Кавказа от Прикаспия и Поволжья до Приазовья. Привлечение калмыков на свою сторону и эксплуатацию их боевых качеств следует считать крупным политическим успехом Российской империи в годы правления Екатерины II.

Калмыцкое войско хана Убаши было едва ли не самым боеспособным и успешным подразделением войск Кубанского корпуса генерал-майора И.Ф. де Медема, умирившего непокорных кабардинцев в конце 60-х – начале 70-х гг. XVIII столетия. Значение калмыцкого войска было столь велико, что Екатерина II в письме к И.Ф. де Медему просила последнего соблюдать «политесность» в отношениях с ханом Убаши³. После битвы на реке Калаус 29 апреля 1769 г., которая закончилась поражением черкесского войска, калмыки хана Убаши соединились с отрядом И.Ф. де Медема у Бештау.

Осознавая безвыходность своего положения, кабардинцы, находящиеся под водительством князя Касая Атажукина, 28–29 мая 1769 г. вынуждены были присягнуть на верность России. Активное сопротивление продолжила только небольшая кабардинская партия Мисоста Баматова. Однако столкнувшись вскоре со значительно превосходящими силами русско-калмыцкого войска, кабардинцы после упорного боя сдались. Екатерина II писала Вольтеру об этом событии: «Действительно, черкесы-горцы присягнули мне в верности. Это те, которые населяют страну, называемую Кабардой, что произошло вследствие

¹ История многовекового содружества: к 450-летию союза и единения народов Кабардино-Балкарии и России. Нальчик, 2007. С. 57.

² *Потто В.А.* Кавказская война. Ставрополь, 1994. Т. I. С. 57.

³ Там же. С. 118.

победы, одержанной нашими калмыками при поддержке регулярных войск над кубанцами – подданными Мустафы, живущими в стране, пересекаемой рекой Кубанью...»¹

Впоследствии мы увидим, что стало с воинственными и могущественными калмыками, терявшими самостоятельность и значимость для царской России по мере укрепления ее позиций в кавказском социокультурном и геополитическом пространстве.

В 1760–1770-е гг. очагами российского влияния на Северном Кавказе являлись крепости Кизляр и Моздок, коменданты которых находились в подчинении астраханского генерал-губернатора. Однако рапорты и донесения комендантов направлялись не только в Астрахань, но и в Коллегию иностранных дел. В этот период политика России на Кавказе продолжала оставаться одним из направлений внешнеполитической деятельности империи.

Астраханские губернаторы бывали на Кавказе наездами. Их прибытие чаще всего ознаменовывало начало проведения масштабных военных операций. В 1777–1780 гг. проходило интенсивное строительство Азово-Моздокской укрепленной линии. Укрепленная линия сооружалась в соответствии с планом колонизации и экономического освоения Предкавказья, который Г.А. Потемкин представил императрице Екатерине II. Он предложил сомкнуть русские форпосты в устье Дона и в низовьях Терека новой укрепленной линией, которая пересекала бы все предкавказские степи от Азова до Моздока. Он писал: «Оная линия прикрывает от набегов соседних границу между Астраханью и Доном ... разделит разного звания горских народов ... от тех мест, коими нашим подданным пользоваться следует; положением же мест своих подает способ учредить виноградные, шелковые и бумажные заводы, размножить скотоводство, табуны, сады и хлебопашество ... Сверх того, открывает способ войти в тамошние горы и жилище осетинское и со временем пользоваться их рудами и минералами»². Общее руководство инженерными работами и командование войсками осуществлял губернатор И.В. Якоби. В ходе военных столкновений с кабардинцами летом – осенью 1779 г. последние вынуждены были пойти на заключение мира, согласно которому граница с Российской империей отодвигалась далее на юг вплоть до Терека и Малки. Показательно, что астраханский губернатор И.В. Якоби после успешного завершения военных действий поспешил вернуться в губернскую столицу³.

В «Историческом обзоре Терека, Ставрополя и Кубани», который был издан в Санкт-Петербурге в 1851 г., Кавказская линия получила такое описание: «Собственно под Кавказскою линиею не должно подразумевать одну кордонную

¹ Цит. по: История Калмыкии с древнейших времен до наших дней. Элиста, 2009. Т. I. С. 419.

² Цит. по: *Фадеев А.В.* Россия и Кавказ первой трети XIX века. М., 1960. С. 37.

³ Записки Густава фон Штрэндмана // Кавказская война: истоки и начало. 1770–1820 годы. СПб., 2002. С. 29.

черту, но к ней принадлежат все крепости, укрепления, посты, ряды оборонительных линий, передовые укрепления, устроенные в Кавказском крае, и все пространство, занимаемое поселением Кавказского линейного казачьего войска и мирных горских народов, находящихся под управлением начальников Кавказской линии»¹.

В воспоминаниях современников Кавказская линия именовалась «землей», и описывалась ими как отдельно взятая территория с городами, поселками, населением². Необходимо отметить, что кавказские укрепленные линии изначально не рассматривались только как фортификационные сооружения. Кавказская линия являлась не только оборонительным рубежом, но и способом обустройства или освоения нового пространства, которому суждено было стать частью империи.

Можно сказать, что Кавказская линия стала материальным воплощением южнороссийского фронта, а кроме того, и административным механизмом управления Северным Кавказом. Можно говорить и том, что для самих горцев Кавказская линия представляла собой нечто большее, нежели ряд вражеских укреплений и охранных постов. Она являлась фактически границей двух миров: «своего» – понятного, «правильного» – и «чужого» – непонятного, абсурдного. Отечественный этнограф Ю.М. Ботяков отмечает: «Кордонная линия становилась ареной бесконечных набегов, стычек и крупных сражений. В одном из кабардинских сказаний нартам, задумавшим проникнуть на недоступную для смертных территорию, где пасутся табуны Тлебыца, предстоит переправиться через речку. При этом весьма примечательно, что река, отделяющая земли нартов от не менее мифической территории Тлебыца, вполне реальна – это Псыж (Кубань). Таким образом, в тексте происходит отождествление мифической, запретной и недоступной для смертных территории с земными реалиями, в качестве которых выступают русские земли за рекой Кубань»³.

На Кавказскую линию переселялось казачество, основывающее многочисленные казачьи станицы. Что представляли собой эти станицы?

Все они были «по преимуществу четырехугольной формы, обнесены значительной профили валом, обложенным колючкою, и окружены рвом, а по углам имелись тур-бастионы, из которых некоторые были вооружены чугунными, на безобразных крепостных лафетах и без платформ, орудиями»⁴. Станицы являлись не только местом жительства казачьего населения, но и частью военной инфраструктуры империи. Общеизвестно, что горцы крайне болезненно реагировали на сооружение крепостных и фортификационных сооружений на территориях,

¹ Исторический обзор Терка, Ставрополя и Кубани. Военно-статистическое обозрение Российской империи. М., 2008. Т. XVI. Ч. I. С. 90–91.

² Тучков С.А. Записки. 1766–1808 // Кавказская война: истоки и начало. 1770–1820 гг. СПб., 2002. С. 229–230.

³ Ботяков Ю.М. Россия в пространстве абрека // Лавровские (среднеазитско-кавказские) чтения 2002–2003. СПб., 2003. С. 37.

⁴ Ольшевский М. Кавказ с 1841 по 1866 год. СПб., 2003. С. 479.

традиционно используемых ими как пастбища. Однако казачья колонизация, сооружение казачьих станиц представляли для «старого» кавказского мира не меньшую угрозу. Горцы, осознавая разницу между занятием, страны военной силой и более прочным завоеванием, то есть заселением, говорили: «Укрепление – это камень, брошенный в поле: дождь и ветер снесут его; станица – это растение, которое вбивается в землю корнями и понемногу застилает и охватывает все поле»¹.

На Кавказской линии были построены не только многочисленные казачьи станицы, но и крепости, некоторые из которых позднее стали городами. Российские крепости выполняли несколько функций, выступая в качестве «гнезд российского влияния», а также являясь фактором, преобразующим ландшафт и экосистему края. Между ними прокладывали дороги, вокруг самих крепостей концентрировалось население, ведущее иной тип хозяйствования.

Горцы пытались воспрепятствовать в том числе и освоению, благоустройству русской администрацией кавказских минеральных источников, которые местные жители закидывали камнями². Такие действия местного населения вовсе не являются примерами «варварства», «дикости» или «вандализма». Минеральными источниками задолго до появления в крае первых отдыхающих из внутренних губерний России пользовались местные жители, которые высекали ванны прямо в горной породе. Реакция горцев была обусловлена появлением на водах имперских фортификационных сооружений и русских гарнизонов. Константиногорская крепость была выстроена уже в 1780 г. у слияния рек Золотушки и Подкумка. В 1803 г. по инициативе главноуправляющего Грузией и командующего войсками на Кавказской линии П.Д. Цицианова была основана Кисловодская крепость.

Не имея достаточных средств для «подобающего» «европейского» обустройства кавказских минеральных вод, местная имперская администрация активно использовала хотя и довольно «азиатские», но доступные материалы. Речь идет о калмыцких кибитках, которые выполняли функцию своеобразных купальных павильонов. Именно в калмыцких кибитках принимали целительные ванны российские курортники на протяжении почти полувека (с конца XVIII в. по 1840-е гг.). Калмыки были обложены особым кибиточным налогом, который они «уплачивали» по запросу командующих на Кавказской линии и при посредничестве Калмыцкого управления. Роль калмыков претерпела за короткое время сильную метаморфозу: из грозы степного Предкавказья они превратились в облагаемое специфическими повинностями, «обижаемое» сообщество беззащитных кочевников. Калмыки обращались в Петербург с просьбами освободить их от разорительного налога. Но кавказская администрация еще долгое время не находила возможности отменить этих мер, так как иначе посетители минеральных вод были бы поставлены в «совершенную невозможность»³. И все же, принимая

¹ *Потто В.А.* Кавказская война. Ставрополь, 1994. Т. I. С. 96–97.

² АКАК. Тифлис, 1868. Т. II. С. 251.

³ АКАК. Тифлис, 1874. Т. VI. Ч. 2. С. 590.

во внимание, что калмыки «терпели сильное разорение» кибиточным налогом, А.П. Ермолов снизил число поставляемых на воды кибиток до 20¹.

Именно в годы «кавказского проконсульства» А.П. Ермолова строительство новых укреплений на Северном Кавказе ускорило. В период с 1818 по 1822 гг. ряд российских фортификационных сооружений заняли берега р. Сунжи. Та же участь постигла пространство, «лежащее между реками Кубанью и Малкою»². На примере Нальчикского укрепления, построенного в этот период, можно видеть, что российские «фортеции» возводились по системе знаменитого французского инженера С. Вобана и включали в себя кроме непосредственно крепости форштадт, где были расположены казармы гарнизона, дома офицеров и церковь³.

Немного позже стали осваиваться старые и сооружаться новые укрепления на побережье Черного моря. Стремясь ограничить связи адыгов и турок, царское правительство с 1834 г. начинает сооружение Черноморской береговой линии. «Спустя шесть лет на берегу моря занимаются нашими войсками следующие укрепленные пункты: Анапа, Новороссийск, Кабардинское, Геленджик, Новотроицкое – на Пшаде, Михайловское – на Вулане, Тенгинское – на Джубе, Вельяминовское – на Туапсе, Лазаревское – на Псекупсе, Головинское – на Шахе, Навагинское – на Соче, Святого Духа – на Мзымте, Гагры – на Гагробше, Пицунда, Бомборы, Сухум-Кале, Иллори, Редут-Кале и Поти – у впадения Риона в море»⁴.

Постройка таких укреплений, как Головинское, Навагинское, Святого Духа сопровождалась военными экспедициями на территорию расселения убыхов. Во время этих походов русские солдаты занимались рубкой леса, которая описана в одном из кавказских рассказов Л.Н. Толстого, едва ли не чаще, чем стрельбой по противнику. Необходимо отметить, что рубка леса была не только способом уничтожения естественного убежища противника, но и лишила его редкого строительного и отопительного материала. Перефразируя слова английского историка Д. Бэддели, можно сказать, что черкесы (как и другие кавказские народы) опасались не столько русского штыка, сколько русского топора.

В отличие от ситуации в центральных районах Северного Кавказа на северо-западе края империя действовала во многом «вслепую». Ф.Ф. Торнау отмечал: «До занятия Гагр и Геленджика мы не имели точного понятия об ожидавшем нас сопротивлении, о дурном климате и о других затруднениях, с которыми приходилось бороться нашим войскам на черкесском берегу»⁵.

Черноморские укрепления были не только угрозой свободе черкесских племен, но часто превращались в братскую могилу для крепостного гарнизона. «Страшная болезненность в войсках поразила меня. Особенно свирепствовали

¹ АКАК. Тифлис, 1874. Т. VI. Ч. 2. С. 591.

² Дебу И. О Кавказской линии. СПб., 1828. С. 40.

³ Пеннер В.Я., Пеннер Н.В. Нальчик глазами современников. Нальчик, 1993. С. 11–12.

⁴ Ольшевский М. Кавказ с 1841 по 1866 гг. С. 484.

⁵ Торнау Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера. 1835 год. М., 1864. Ч. I. С. 9.

перемежающиеся лихорадки, которые после двух-трех пароксизмов оканчивались нередко спячкой, столбняком или ударом. Если же продолжались долго, то обращались в цингу и оканчивались смертельным кровавым поносом. Особенно страшно свирепствовали болезни в Сухуме и в Гаграх»¹, – писал в своих воспоминаниях Г.И. Филипсон. Не проходило 3–4 лет, и гарнизон укрепления либо вымирал, либо в нем не оставалось способных нести службу. Гарнизоны многих укреплений Черноморской береговой линии после окончания Крымской войны были переведены в другие места, так и не сумев приспособиться к климатическим условиям. Черноморское побережье долгое время было самым зловещим местом для русских солдат.

Необходимо отметить, что различные болезни, эпидемии настигали солдат русской армии не только в крепостях, но и в ходе боевых экспедиций. Так, 15 июня 1828 г. после взятия Поти в ходе возвращения на квартиры в Кутаиси было потеряно 1800 солдат от лихорадки, «которой печально знамениты эти места»².

Для формирования и развития российской администрации на Кавказе важное значение имела урбанизация края. С середины второй половины XVIII столетия на Северном Кавказе стали появляться первые очаги городской жизни. Особенностью образования многих северокавказских городов было то, что они появлялись не как результат развития торговли или промышленности, а буквально «вводились» указом сверху. «Во вновь учрежденных городах, – писал статистик И.В. Бентковский, – не было еще жителей, а уже повелено было ввести городовое положение»³. Весьма показательна судьба Екатеринограда, первоначально основанного в 1777 г. близ впадения Малки в Терек. В 1785 г. он был превращен из казачьей станицы в столицу Кавказского наместничества. Наместник П.С. Потемкин перенес туда свою резиденцию. По этому случаю в Екатеринограде было устроено празднество, «которое было не столь великолепно, как того ожидали, ибо отпущенное на оное императрицей сумму г-н Потемкин рассудил у себя оставить»⁴. Кроме того, П.С. Потемкин воздвиг массивную триумфальную арку, на которую поместил надпись «Дорога в Грузию». Спустя два года столица наместничества была перенесена в Георгиевск, а затем в Астрахань. Екатериноград превратился в одинокую казачью станицу с триумфальной аркой в чистом поле. Пример Екатеринограда показывает, что именно необходимость осуществления административных функций играла определяющую роль в придании поселению городского статуса⁵.

¹ Воспоминания Григория Ивановича Филипсона // Русский архив. 1883. № 6. С. 209.

² *Баддели Дж.* Завоевание Кавказа русскими. 1720–1860 гг. М., 2010. С. 155.

³ Цит. по: *Киняпина Н.С., Блиев М.М., Дегоев В.В.* Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России. М., 1984. С. 58.

⁴ *Жизнь А.С. Пшишевича, им самим описанная* // Кавказская война: истоки и начало. 1770–1820 гг. СПб., 2002. С. 139.

⁵ *Исмаил-Заде Д.И.* Население городов Закавказского края в XIX – нач. XX в. Историко-демографический анализ. М., 1991. С. 10.

Директивным путем на Кавказе не только возникали города, но и составлялось их население. В 1846 г. для распространения русских поселенцев на черноморском побережье Кавказским наместником М.С. Воронцовым был составлен особый проект, в котором территория «Северо-Восточного берега Черного моря» определялась между реками Кубань и Ингури¹. Согласно проекту «для поселения торгового и промышленного класса жителей на Северо-Восточном берегу Черного моря предназначаются: Анапа, Новороссийск и Сухум. На сей конец учреждаются в них города, с наименованием портовых»². Для привлечения поселенцев в означенные города правительство предоставило им ряд льгот и преимуществ (в основном фискального характера)³. В то же время в соответствии с «Положением о заселении и Гражданском управлении Северовосточного берега Черного моря» все новопоселенцы, причисленные к городам Анапа, Новороссийску и Сухуму, были обязаны завести там в течение трех лет со дня приписки «прочную оседлость»⁴.

Мнение о том, что сооруженные или завоеванные на Кавказе укрепления и города едва ли не сразу же становились «мощным источником излучения цивилизации на окружающие народы»⁵ или являлись «локомотивами экономического развития региона»⁶, кажется явным преувеличением. Так, в воспоминаниях современников мы можем прочесть о Екатеринодаре: «...вы мало заметите в Екатеринодаре общественной деятельности и движения. Широкие и прямые улицы, а также огромные площади летом пусты по причине жары и удушливо-го воздуха от зловредных испарений, поднимающихся из топей и болот; во все же прочее время года они не только непроходимы, но и трудно проезжи от грязи и трясин. Да и общественных удовольствий, за исключением войскового довольно большого и красивого сада, нет никаких ... В Екатеринодаре нет и торговой деятельности, да и не может быть ее, как по вышеизложенным причинам, так и по малости потребителей»⁷. Об Анапе: «Местечко это жалко, но обстроено и только новые дома (так в тексте. – *Авт.*) русских чиновников и офицеров напоминают европейский комфорт»⁸.

¹ Российский Государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1268. Оп. 26. Д. 9. Л. 563.

² Там же.

³ Там же. Л. 580.

⁴ Там же. Л. 584.

⁵ *Пылков О.С.* Политические аспекты участия российской армии в трансформационных процессах развития Северного Кавказа (первая половина XIX в.) // Региональные политические исследования. 2010. № 3. С. 77.

⁶ *Великая Н.Н.* Мероприятия российского государства по включению Северного Кавказа в состав империи в первой половине XIX в. // Вопросы южнороссийской истории. М.; Армавир, 2006. Вып. 12. С. 55.

⁷ *Ольшевский М.* Кавказ с 1841 по 1866 год. С. 507–508.

⁸ *Гактсаузен А.* Закавказский край. СПб., 1857. С. 3.

Еще более красноречивы воспоминания сенатора Д.Б. Мертваго, который в 1818 г. участвовал в сенатской ревизии Кавказской губернии: «По приезде в Кавказскую губернию увидел я не губернию, а хутор... Дела производятся не столько злонамеренно, сколько глупо. Люди все дрянь, и те томятся бедностью и болезнями. Город губернский (Георгиевск. – *Авт.*) как нарочно учрежден в таком месте, коего хуже на всем пространстве губернии найти нельзя»¹.

Сенатская ревизия привела к серьезным преобразованиям Кавказской административной системы, которые вступили в силу указом от 24 июля 1822 г. Губернским городом был определен Ставрополь, основанный в 1777 г. Однако и новый административный центр с трудом можно отнести к «очагам цивилизации». Современный исследователь отмечает: «В областном центре (Кавказская губерния была переименована в область в 1822 г. – *Авт.*) – Ставрополе – не было ни одного каменного здания, отсутствовали здания, имевшие общественное значение, улицы были непроходимы из-за грязи и мусора и никогда не освещались. В темное время суток они представляли собой серьезную опасность не только для здоровья, но и для самой жизни ... Торговля не только в Ставрополе, но и во всей области находилась в зачаточном состоянии, дороги, мосты, переправы наводили ужас на цивилизованного человека, гостиниц не было, карантинные работы с многочисленными нарушениями, полиция как земская, так и городская, не соответствовала своему назначению»².

Данные свидетельства и оценки не уменьшают того политического значения, которое северокавказские города, основанные/обустроенные имперской администрацией, приобрели в жизни края во второй четверти XIX в., однако совершенно ясно дают понять степень их малой эффективности как социокультурных центров в конце XVIII – первой четверти XIX вв.

Горцы, лишаясь традиционного способа хозяйствования, отходили в предгорья Кавказа. Этническая карта Кавказа подвергалась масштабным изменениям. Переселение горцев в высокогорные, труднодоступные районы отмечалось современниками, наблюдавшими эти процессы. В этом отношении показательно хрестоматийное свидетельство А.С. Пушкина, который совершил путешествие на Кавказ в 1829 г. и в вышедшем позднее произведении «Путешествие в Арзрум» писал: «Черкесы нас ненавидят. Мы вытеснили их из привольных пастбищ; аулы их разорены, целые племена уничтожены. Они час от часу далее углубляются в горы и оттуда направляют свои набег»³. Наиболее тяжелые последствия отход в горы имел для черкесов Северо-Западного Кавказа. Английский путешественник и предприниматель Э. Спенсер, совершивший несколько поездок по Кавказу

¹ Мертваго Д.Б. Записки. 1760–1824. М., 1867. С. 334.

² Лисицына Г.Г. Административная деятельность генерала А.П. Ермолова на Кавказе // Генерал А.П. Ермолов и российско-кавказские отношения в XIX – начале XX в. СПб., 2009. С. 41.

³ Пушкин А.С. Сочинения. М., 1987. Т. 3. С. 378.

на протяжении 1836 г., отметил в своих воспоминаниях следующее: «Богатые волнообразные пастбища, спускающиеся до болот близ Кубани, стали для горцев абсолютно бесполезными, за исключением одного или двух месяцев зимой, из-за той легкости, что эта часть их территории предоставляет противнику, дабы нападать на них с артиллерией»¹. Пушки были наиболее эффективным оружием русской армии в борьбе с черкесами Северо-Западного Кавказа. Перед артиллерийским огнем знаменитая и блестящая черкесская конница была абсолютно бессильна, а кроме того, укрепления, которые сооружали черкесы для защиты своей территории, несмотря на всю тщательность их возведения, были не в состоянии выдержать и одного пушечного залпа².

Северо-Западный Кавказ был областью удивительно богатой в хозяйственном отношении. Плодородие почв было поразительным для европейцев, живших или путешествовавших здесь³. Данная местность изобиловала пастбищами, пригодными для содержания тучных стад, а также плодовой растительностью. Искушенность горцев в ведении хозяйства не вызывает сомнений. Они занимались крайне трудоемкими видами хозяйственной деятельности, в частности пчеловодством. Однако черкесские общества не вели активной хозяйственной эксплуатации подвластной им территории. Это объясняется относительной малочисленностью черкесов⁴. И хотя вопрос о численности населения черкесских общностей остается дискуссионным, очевидно, что столь плодородная и удобная для жизни местность вкупе с легендарной умеренностью черкесов в потреблении пищи полностью обеспечивала потребности горцев Северо-Западного Кавказа. В то же время хозяйственное изобилие провоцировало горцев «жить одним днем», не задумываясь над проблемой необходимости продуктового запаса. При масштабных территориальных потерях горцы были обречены на жестокие лишения и в конечном счете демографическую катастрофу.

Единственным способом военных действий, который мог приносить успех горцам в борьбе с русской регулярной армией и линейным казачеством, был набег – кратковременная боевая операция, совершаемая мобильными отрядами численностью в несколько сотен всадников и проводимая неожиданно для противника с целью уничтожения живой силы и инфраструктуры, угона пленников. Иногда черкесские предводители отправлялись и в более масштабные военные экспедиции, в которых участвовало до нескольких тысяч воинов. Сигналом к проведению такого похода было поднятие адыгским князем «санжак шерифа» – особого знамени, под которое обязаны были собраться все мужчины, способные носить оружие⁵.

¹ Спенсер Э. Описание поездок по Западному Кавказу. Нальчик, 2008. С. 58.

² Там же. С. 54.

³ Там же. С. 133.

⁴ Архив КБИГИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 23. Л. 3 об.

⁵ Спенсер Э. Указ. соч. С. 82.

Военные успехи, достигнутые черкесами в набегах, имели локальный характер и не могли помешать устройству новых укрепленных линий на Северо-Западном Кавказе. Таким образом, процесс преобразования окружающей среды продолжился. С 1840 г. строилась Лабинская линия. На начало Крымской войны Лабинская линия состояла из следующих станиц: Темиргавевской, Курганной, Родниковской, Лабинской, Владимирской и Зассовской на Большой Лабее; Петропавловской, Михайловской, Константиновской, Чамлыкской, Вознесенской и Урупской – между Лабой и Кубанью¹. Между станицами находились по несколько казачьих постов, величина которых была различна. На пересеченной непросматриваемой местности посты были сильнее и находились друг от друга на незначительном расстоянии. Таких постов, например, на Кубани насчитывалось до семидесяти².

Империя заселяла территорию Северо-Западного Кавказа запорожскими казаками. После переселения (конец XVIII в.) запорожцы стали именоваться казаками Черноморского казачьего войска. Всего в 1792–1793 гг. переселилось в Прикубанье 12 645 казаков (мужского пола), а всего, согласно переписи 1794 г., население Черномории равнялось 18 171 душе обоого пола³. При этом бывшие сечевики составили в новом войске меньшинство. Число запорожцев в Черноморском войске на 1794 г. составляло приблизительно 43 %⁴. Около 30–40 % приходилось на долю «охотников», набранных во время войны 1787–1791 гг., а 30 % составляли «прочие» примкнувшие к отрядам атаманов З. Чапеги и А. Головатого в причерноморских и приазовских степях⁵. Как отмечает Б.Е. Фролов, «полиэтничность черноморского казачества, особенно в первые годы его существования, была определена источниками комплектования и пополнения»⁶. Среди черноморцев встречались поляки, адыги, евреи. Только после 1848 г., то есть после третьего и последнего массового переселения малороссиян в Черноморию, было определено этническое лицо черноморского казачества.

Процесс адаптации черноморцев к новым условиям жизни первоначально проходил крайне тяжело. Виной тому были как непривычные для казаков климатические и экологические особенности Прикубанья, так и отсутствие возможности организации быта и семейной жизни из-за недостатка представительниц прекрасного пола. В 1802 г. на каждые 100 мужчин среди казаков-черноморцев

¹ *Ольшевский М.* Кавказ с 1841 по 1866 год. С. 481.

² Там же. С. 482.

³ Энциклопедия Кубанского казачества / под общ. ред. В.Н. Ратушняка. Краснодар, 2011. С. 351.

⁴ *Фролов Б.Е.* Национальный состав Черноморского казачьего войска (1787–1860 гг.). URL: http://www.cossackdom.com/articles/f/frolov_natschek.pdf (дата обращения: 17.03.2011).

⁵ *Фадеев А.В.* Очерки экономического развития степного Предкавказья в дореформенный период. С. 38.

⁶ *Фролов Б.Е.* Указ. соч. URL: http://www.cossackdom.com/articles/f/frolov_natschek.pdf (дата обращения: 17.03.2011).

приходилось всего 39 женщин. В этой связи министр внутренних дел А.Б. Куракин в 1809 г. инструктировал екатеринославского губернатора, чтобы «из числа семейств, желание свое к переселению объявивших, по уважению малого числа женского пола, ныне в Черноморском войске состоящего, предпочитать те, где более девок и вдов, в брак еще вступить могущих»¹.

Эти неблагоприятные обстоятельства вынуждали казаков к бегству в турецкую Анапу, где они изъявляли желание перейти в ислам². Как правило, османская администрация не спешила выдавать беглецов³.

Еще более затрудняли процесс закрепления черноморцев на новой родине эпидемии, нередко случавшиеся на Кавказе в начале XIX столетия. Так, в 1812 г. в казачьих станицах на линии и в казенных селениях свирепствовала чума, занесенная из-за Кубани. А в 1847 г. от эпидемии холеры умерло 9 тыс. казаков.

Выживание черноморцев на новом месте жительства во многом зависело от их способности к этнокультурному синтезу и заимствованиям. Степень восприимчивости черноморского казачества к новациям в повседневной жизни оказалась достаточной для формирования основ гармоничного существования в новой экологической и этнической среде.

Черноморские казаки охотно перенимали у местных жителей оружие, одежду, предметы быта, если находили их более удобными и соответствующими особенностям жизни на конкретной территории⁴. Как отмечает И.Д. Попко, «вполне применяясь к местным обстоятельствам, так важным в военном деле, старинные казаки, народ православный, не без достаточных причин принимали одежду, вооружение и даже басурманскую наружность своих соседей – недругов»⁵. Необходимо отметить, что модифицировать структуры повседневности черноморцам было не в новинку. Черноморские казаки еще до переселения на Кубань «одевались, вооружались, седлали коней и даже брили себе голову, как крымские татары. Чтoб стать барсами для крымских гиен, они подходили к ним хамелеонами»⁶. Безусловно, наличие такого опыта облегчало черноморцам процесс адаптации к новым условиям жизнедеятельности.

Немаловажное значение имело и становление прямых мирных контактов между черноморцами и черкесами. Встречи на берегах Кубани в конце XVIII – начале

¹ *Фадеев А.В.* Очерки экономического развития степного Предкавказья в дореформенный период. С. 47.

² *Сень Д.В.* «Преодоление границы миров»: некоторые аспекты формирования кубанского казачества на территории Крымского ханства и новые практики казачества по освоению Северо-Западного Кавказа (конец XVII в. – начало XIX в.). URL: www.cossackdom.com (дата обращения: 20.03.2012).

³ Там же.

⁴ *Фролов Б.Е.* Оружие кубанских казаков. Краснодар, 2009. С. 9.

⁵ *Попко И.Д.* Черноморские казаки в их гражданском и военном быту // Черноморские казаки. М., 2009. С. 125.

⁶ Там же. С. 125–126.

XIX вв. были частыми и не подвергались никакому контролю и регулированию со стороны администрации. Поводом к этим встречам обычно бывало взаимное тяготение к обмену продуктами. В обмен на соль черкесы охотно снабжали казаков зерном, сыром, скотом, птицей, лесом, бурками. Начальники кубанских кордонов докладывали: «...На пограничных стражах доньине состоит благополучно и чрезвычайностей никаких не происходило». В связи с этим командование Черноморского казачьего войска приказывало даже «в рассуждении закубанскими соседями мира и дружбы» распустить находившихся на кордонах пеших казаков, оставив там одну только конную стражу¹. Казачество хранило в памяти эти времена. Об этом свидетельствуют слова из текста пособия для учеников станичных школ Кубани, написанного А.П. Певневым и вышедшего в свет в 1911 г.: «Закубанские горцы весьма дружелюбно встретили появившихся на Кубани черноморцев. Видя, что черноморцы терпели большие невзгоды и нуждались в хозяйственных вещах, горцы на первых порах пришли к ним на помощь»².

В то же время, оказавшись втянутыми в местные социально-политические противоречия (в качестве примера «втягивания» казачества в горские конфликты можно сослаться на участие черноморцев в братоубийственном для черкесов сражении на р. Бзюк в 1796 г.), казаки приобрели среди горцев уже не только друзей, но и врагов. Кавказская война до предела обострила некогда мирные взаимоотношения казаков и черкесов, на смену соседской взаимопомощи пришла кровопролитная вражда. В этих условиях, по замечанию В.А. Потто, «ни казаку не удержаться бы перед горцами без помощи государства, ни государству с одной регулярной армией не одолеть бы беспокойного Кавказа»³.

Тем не менее черноморцы и адыги даже в ходе Кавказской войны встречались не только в бою, но и на войсковых казачьих праздниках, куда приглашались как «мирные», так и «немирные» горцы⁴.

К одной из ранних казачьих групп, сформировавшихся в Предкавказье, относятся гребенские казаки. Первые исторические свидетельства об их пребывании в Притеречье относятся еще ко второй половине XVI в.⁵

Длительное проживание на Кавказе сформировало самобытный хозяйственно-культурный тип (ХКТ) казачьего сообщества. Долгое время гребенцы преимущественно занимались промысловой деятельностью (охотой, рыболовством) и военными походами. Но со временем гребенские казаки стали успешно практиковать и занятия земледелием. Существенную роль в развитии земледельческих

¹ *Фадеев А.В.* Очерки экономического развития степного Предкавказья в дореформенный период. С. 41.

² *Певнев А.П.* Кубанские казаки. Краснодар, 1995. С. 16.

³ *Потто В.А.* Кавказская война. Ставрополь, 1994. Т. I. С. 96–97.

⁴ Очерки истории Кубани с древнейших времен по 1920 г. Краснодар, 1996. С. 296.

⁵ *Великая Н.Н.* Казаки Восточного Предкавказья в XVIII–XIX вв. URL: www.cossackdom.com (дата обращения: 22.03.2012).

навыков в казачьем сообществе сыграл местный этнокультурный субстрат, а именно женщины-горянки, которых гребенцы охотно брали в жены¹.

С другой стороны, известны свидетельства того, что «казачка нередко в горских аулах встречалась и в качестве жены того или иного горца – казачьего кунака»². По этим причинам материальная культура гребенского казачества трудноразличима с горской.

Еще один интересный пример, иллюстрирующий процесс становления казачьих сообществ на Кавказе, можно почерпнуть из истории линейного кубанского казачества. В этническом отношении линейные кубанские казаки представляли собой сложную картину, но преобладала южнорусская культурная традиция³. Кубанские линейцы, в отличие от других казачьих сообществ, являлись русской этнографической группой. Дополнительный импульс этому процессу «обрусения» линейных казаков придал указ от 2 декабря 1832 г. «Об усилении обороны Кавказской линии посредством обращения в сословие линейных казаков жителей некоторых ближайших казенных селений». Свыше 30 из них с января 1833 г. переводились в разряд казачьих станиц⁴.

В то же время известны и многочисленные примеры сопротивления казаков переселению на Кавказ. Так, правительственные «наряды на Кавказскую линию» регулярно вызывали масштабные волнения среди донского казачества. В 1793 г. неповиновение казаков присланным армейским офицерам обернулось открытым мятежом пятидесяти казачьих станиц⁵.

Переселение казаков на Кавказ практиковалось имперским правительством и в середине XIX в. Ввиду необходимости заселения Северо-Западного Кавказа в 1860-х гг. проводится переселение казаков Азовского казачьего войска, которые следовали через земли Войска Донского в распоряжение командующего войсками Кубанской области для поселения на сооружаемой Адагумской линии (в пространстве между р. Абин и р. Хабль)⁶.

Казаки стали *regretuum mobile* южнороссийского фронта. Во многом от успеха казачьей колонизации зависело не только завоевание Кавказа, но и его освоение. В этом отношении имперская администрация возлагала надежды в первую очередь именно на казачество. Хорошо известны слова Кавказского наместника А.И. Барятинского: «Единственное надежное средство для прочного утверждения

¹ История народов Северного Кавказа (конец XVIII – 1917 г.). М., 1988. С. 89.

² Там же.

³ Энциклопедия Кубанского казачества / под общ. ред. В.Н. Ратушняка. С. 276.

⁴ Дон и степное Предкавказье. XVIII – первая половина XIX в. (заселение и хозяйство). Ростов н/Д, 1977. С. 54.

⁵ Наш край. Документы по истории Донской области XVIII – начало XX в. Ростов н/Д, 1963. Т. I. С. 91.

⁶ Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф. 301. Оп. 13. Д. 161. Л. 1–2.

нашего владычества на Западном Кавказе есть занятие горного и предгорного пространств нашим вооруженным казачьим населением»¹. А в книге «Колонизация Кавказа и казаки», вышедшей в конце XIX в., неизвестный автор, подчеркивая колонизационные возможности казачества, отмечал: «Где оснуется 10–20 казаков – они уже принимают в свою общину всех – русских крестьян и черкесов (под условием окреститься)...»²

В отличие от казаков Средней Азии, ставших во второй половине XIX в. для имперского правительства «сомнительными культуртрегерами»³, кавказское казачество сохранило свой колонизационный потенциал. Как отмечал В.А. Потто, северокавказское казачество было «летучим авангардом, за которым сомкнутым строем медленно ползли вереницы русских пахарей»⁴.

Крестьянская колонизация по замыслу имперской власти должна была вместе с освоением региона предоставить и выгоды от эксплуатации местных ресурсов и развития торговли. Кавказ в умах представителей политической и интеллектуальной элиты Российской империи представал как территория очень богатая и с хозяйственной точки зрения перспективная, но до сих пор не реализовавшая свой потенциал ввиду лени и нерадивости местного населения. Идеология колонизации была основана на расиалистском мифе об отсталости и природной неспособности жителей Кавказа вести эффективную хозяйственную и торговую деятельность. Именно поэтому «преобразование стран Закавказских, сосредоточение всех выгод как частных, так и государственных и привлечение внимания туземцев на роскошные дары природы, их окружающие и остающиеся в непростительном забвении, должно быть произведено постороннею силою, а именно: водворением российских колоний на тех местах, где прежде процветали греческие, дарованием сим новым сынам юга всех способов для торговли и промышленности, ободрением их усилий и деятельности и доставлением возможности сбыта»⁵. Как отмечала Д.И. Исмаил-Заде, «военно-политическое присоединение края фактически шло бок о бок с его экономическим освоением»⁶.

Первоначально крестьянская колонизация Северного Кавказа была локализована центральным районом края. До 1785 г. новые селения возникали главным образом в долине Кумы (Обильное, Новозаведенное, Отказное, Привольное, Прасковьино) или близ кордонных укреплений Кавказской линии (Пелагиада,

¹ Цит. по: *Фадеев А.В.* Россия и Кавказ первой трети XIX века. М., 1960. С. 49.

² Колонизация Кавказа и казаки. СПб., 1886. С. 6.

³ Подробнее см.: *Ремнев А., Суворова Н.* «Русское дело» на азиатских окраинах: «русскость» под угрозой или «сомнительные культуртрегеры» // Изобретение империи: языки и практики. М., 2011. С. 152–222.

⁴ *Потто В.А.* Два века Терского казачества (1577–1801). Ставрополь, 1991. С. 12.

⁵ *Зубов П.* Картина Кавказского края. СПб., 1834. Ч. I. С. 14–15.

⁶ *Исмаил-Заде Д.И.* Русское крестьянство в Закавказье. 30-е годы XIX – нач. XX в. М., 1982. С. 24.

Михайловское, Надежда). Во второй половине 80-х гг. XVIII в. наряду с дальнейшим заселением долины Кумы (Покойное, Найденное, Чернолесское) наблюдается оседание переселенцев в долине Калауса (Сухая Буйвола, Донская балка, Петровское). Вместе с тем некоторые группы переселенцев уходят дальше к востоку, в моздокские степи, где появляются новые селения на берегах Кумы (Курское, Спасское, Государственное)¹.

Переселение русского крестьянства на Кавказ было во многом обусловлено тем, что к концу XVIII столетия в центральной России усилился процесс присвоения и захвата помещиками казенных земель, что резко ухудшило материальное положение однодворцев и других категорий государственных крестьян. Поскольку наибольший процент однодворцев приходился на Курскую, Тамбовскую, Воронежскую губернии, постольку именно эти губернии являлись главными районами выхода переселявшихся в Кавказский край. Так, из общей массы прибывших сюда в 1787–1788 гг. переселенцев 38,9 % дала Курская губерния, 10,99 % – Тамбовская, 10,5 % – Воронежская².

В период 1782–1795 гг. из Тамбовской губернии в Кавказскую переселилось 2 тыс. душ м.п.³ Однако ведущую роль в заселении Кавказа играла Курская губерния, которая имела повышенную плотность населения и характеризовалась интенсивным миграционным движением в соседние районы. В 1783–1794 гг. отсюда на Кавказ переселилось 7,6 тыс. душ м.п.⁴

Крестьянское переселение на Кавказ проходило не только в форме организованного государством мероприятия по освоению новых территорий, но и как стихийное бегство крестьян в поисках свободных земель, без помещиков-эксплуататоров. Поток беглых иной раз принимал невиданный размах. Так, в 30-х гг. XIX в. 1200 воронежских крестьян были остановлены на Дону и возвращены на прежние места жительства. В 1847 г. приготовились к переселению на Кавказ около 20 тысяч крепостных из 46 селений Курской губернии. Этот поток был остановлен только вмешательством военной силы⁵.

Ф. Дж. Тернер так описывает изменение быта, привычек и хозяйственных навыков американского колониста, оказавшегося в новой окружающей среде, в непривычной экологической обстановке: «Она (дикая местность. – *Авт.*) срывает с него (колониста. – *Авт.*) цивилизованную одежду и облачает в охотничью куртку и мокасины. Она селит его в бревенчатой хижине индейцев чероки и ирокезов и окружает это жилище индейским частоколом. Очень скоро колонист начинает

¹ *Фадеев А.В.* Очерки экономического развития степного Предкавказья в дореформенный период. М., 1957. С. 4.

² Там же. С. 34.

³ *Кабузан В.М.* Эмиграция и реэмиграция в России в XVIII – начале XX века. М., 1998. С. 36.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 57.

сеять кукурузу, пашет землю заостренной палкой; он издает боевой клич и, следуя устоявшейся индейской традиции, снимает скальпы»¹. В отличие от американских фронтисменов быт и хозяйство российских крестьян-колонистов не претерпевали столь быстрых и тотальных изменений. Автор, наблюдавший быт русских переселенцев в Предкавказье на рубеже XVIII–XIX вв., писал в этой связи: «Ничего иного о сельском их хозяйствовании описать не можно, как токмо, что в губерниях будет описано, из коих они переведены ... Образ жизни, нравственность и досужество россиян по краткому времени пребывания в сем климате остаются еще в таком виде, какой они имели в прежних местах пребывания своего. Словом, вообще все их работы, одежды и даже лапотная обувь не имеют перемены своей»².

Неспособность к приспособлению в новых условиях приводила к высокой смертности среди новоселов, особенно в первые годы крестьянского заселения Северного Кавказа, которое было официально дозволено рескриптом Екатерины II от 22 декабря 1782 г.³ В 1783 г. смертность среди переселенцев достигла 21,4 % от общего числа переселившихся (из 22,1 тыс. умерло 4,7 тыс.)⁴.

Крестьяне-переселенцы осваивались на Кавказе тяжелее терских и черноморских казаков, экологические условия оказывали на колонистов сильное давление, с которым они далеко не всегда справлялись. Засухи нередко становились причиной массового исхода крестьян из Предкавказья. Известны тяжелые последствия засухи 1833 г., когда десятки тысяч переселенцев, оставшихся без запасов зерна на зиму, покинули «погибельный Кавказ» и двинулись обратно в центральные губернии России⁵.

Российские колонисты, селившиеся на Кавказской линии, часто были подвержены «продолжительным лихорадкам и скорбутам», которые «лишали многих здоровья и жизни»⁶. Имперские власти были озабочены высокой смертностью среди крестьян-переселенцев, которая ставила под сомнение масштабные колонизационные проекты. На Кавказ для выявления причин высокой смертности среди колонистов была прислана медицинская комиссия, которая определила, что главной причиной высокой смертности поселенцев является «малое население и сильное плодородие земли – сочные, густо и высокорастущие травы, почти никем не собираемые, сгнивают на корнях и чрез то наполняют воздух азотом»⁷. Удивительно, но даже такое благоприятное обстоятельство,

¹ Тернер Ф.Дж. Фронт в американской истории. С. 15.

² Цит. по: *Фадеев А.В.* Очерки экономического развития степного Предкавказья в дореформенный период. С. 69.

³ ПСЗ-I. Т. XXI. № 15619. С. 720.

⁴ *Кабузан В.М.* Эмиграция и реэмиграция в России в XVIII – начале XIX века. С. 40.

⁵ Цит. по: *Фадеев А.В.* Указ. соч. С. 72.

⁶ *Тучков С.А.* Записки. 1766–1808... С. 230.

⁷ Там же.

как высокая плодородность почв, обернулось бедствием для новых кавказских поселенцев.

Бегство крестьян было связано не только с тяжелыми климатическими условиями, но и с усиливающейся и на Кавказе трудовой эксплуатацией. В 1845 г. помещичий крестьянин Макаренко, который находился «в услужении» у майора Черноморского линейного войска, бежал из Анапы с целью «пробраться в Россию»¹. Вероятно, Макаренко бежал в родные места, откуда он и был переселен на Кавказ. Пытаясь найти дорогу обратно, он был схвачен горцами, у которых прожил следующие десять лет. Спустя это продолжительное время, Макаренко был приведен горцами в Новороссийское укрепление, где по приговору военного трибунала приговорен к смертной казни. Жесткие меры, которые практиковали имперские власти в отношении беглых кавказских крестьян и других лиц «гражданского ведомства», свидетельствуют о немалом количестве случаев, подобных судьбе крестьянина Макаренко.

Укрепленные линии, казачьи станицы, города и крепости являлись элементами российского фронта на Кавказе. Именно поэтому их функции были намного шире функций аналогичных или сходных сооружений, находящихся в иной, «не фронтальной» пространственной локализации. На Кавказе данные фронтальные элементы кроме своих унитарных функций выполняли задачу поглощения или присвоения осваиваемой империей территории. Это присвоение происходило за счет преобразования традиционного кавказского биоландшафта, придания ему черт упорядоченности, разграниченности, узнаваемости, подобности.

Инкорпорируя территорию Кавказа, империя осваивала пространство, используя различные социальные ресурсы, местные и колонизационные.

Экосистема фронта была также труднопреодолима для различных имперских структур, как и сопротивление кавказских народов. Историю окружающей среды кавказского фронта можно представить в виде противопоставленных векторов трансформации. С одной стороны, это вектор трансформации жизни и быта новых кавказских поселенцев (крестьян, казаков, солдат и офицеров, чиновников), а с другой – вектор трансформации природы, хозяйства, ландшафта Кавказа (вырубка лесов, прокладка дорог, сооружение крепостей, распашка целины и пастбищных территорий). Безусловно, придать означенным направлениям какие-то количественные характеристики весьма затруднительно (если вообще возможно), но в то же время очевидно, что в исследуемый период продолжали качественно меняться оба вектора, процесс взаимодействия был определяющим.

Расширение границ Российской империи стало катализатором социальных процессов внутри кавказских социумов. Обострение социальной напряженности наблюдалось на Северном Кавказе повсеместно. В адыгских обществах с середины XVIII в. обозначилось ослабление власти владетельной аристократии, участились междоусобия. Адыгское дворянство более не выступало как сила,

¹ РГИА. Ф. 1268. Оп. 26. Д. 8. Л. 117.

сдерживающая княжеские распри, что привело к усилению центробежных тенденций внутри черкесских социумов¹.

Уже во второй половине XVIII столетия власть в некоторых адыгских обществах захватили старшины, а князья и уздени были изгнаны из народных собраний горцев. Сын последнего владетельного бжедугского князя Тархана Хаджимукова, офицер первого Екатеринодарского полка Кубанского казачьего войска, так рассказывает о событиях: «Вспыхнула революция, причем многие князья и дворяне поплатились жизнью, а другие бежали и отдались под защиту русских ... Русское правительство приняло все меры, чтобы примирить народ с князьями, но эти попытки не увенчались успехом. Правда, народ согласился принять к себе князей и оказывать им почет при полном содержании, но с условием, чтобы князья отказались от власти и всех своих прерогатив»².

Империя в первую очередь сделала ставку на черкесскую аристократию, приняв под своей опекой значительную часть адыгейских князей и дворян, но оттолкнув от себя старшин шапсугов, натухайцев и абадзехов. Уздени и князья переселялись с подвластными людьми на территории, в той или иной степени контролируемые имперской администрацией. Причем они активно сотрудничали с империей, в частности, «выручали и доставляли» российских пленников³. Черкесская аристократия служила в казачьих и регулярных частях русской армии. Известно, что шапсугские дворяне-«эмигранты», как правило, зачислялись на службу в полки Черноморского казачьего войска и к середине XIX в. составляли в нем значительную часть офицерского состава. Необходимо отметить, что кавказские офицеры служили непрерывно, заменяя собой русских офицеров, уходивших на «льготу»⁴.

Адыгская аристократия, по-прежнему имея высокий социальный статус, потеряла свою социальную роль в традиционном обществе. Служба империи была попыткой вернуть себе прежнее положение в новых условиях. Но вместе с тем горская аристократия была вынуждена адаптироваться к «правилам игры», знаковой системе офицерских или чиновных корпораций Российской империи, иначе функционирующих и построенных на других принципах.

На Северо-Восточном Кавказе в противоречие вступили тухумно-общинные традиции и феодальные. Для характеристики социально-политических отношений весьма показательно одно из цудахарских преданий рубежа XVIII–XIX вв., которое гласит: «Во время богатого застолья шамхал дал берцовую кость крупного барана нукеру, чтобы он сломал ее для извлечения мозга (очень распространенный

¹ *Кажаров В.Х.* Адыгская хаса. Нальчик, 1992. С. 33.

² Цит. по: *Покровский М.В.* Социальная борьба внутри адыгейских племен в конце XVIII – первой половине XIX вв. и ее отражение в общем ходе Кавказской войны. М., 1956. С. 5.

³ АКАК. Тифлис, 1866. Т. I. С. 983.

⁴ *Покровский М.В.* Указ. соч. С. 21.

в Дагестане вид соперничества – проверки силы). Тот сломал его одними руками, не приложив к колену. Шамхал сказал Курбану: “У меня сорок таких нукеров”. Тогда Курбан схватил кость бычка и одной рукой, уперев в пол, сломал ее и ответил: “А у меня сорок таких братьев, как я”»¹.

Очевидно, что политика трех имамов Чечни и Дагестана (Гази-Мохаммеда, Гамзат-бека и Шамиля), направленная на уничтожение ханской аристократии, была обусловлена не только проповедью нового религиозного учения, но и, что не менее важно, коррелировала с изменением расстановки сил в социальной жизни обществ Северного Кавказа. Давняя борьба «вольных обществ» с аварскими ханами на Северо-Восточном Кавказе в начале XIX в. вступила в решающую стадию. «Священная война», объявленная Гимринским совещанием 1830 г., была направлена не только против императорской России, но должна была нанести удар и по верхушкам горской феодальной аристократии – ханам и бекам. Кроме того, «в определенной направленности выступления явно сказались настроения кой-сублинского крестьянства, ненавидевшего аварских ханов и требовавшего уничтожения их разбойничьего гнезда, “столицы” ханства, аула Хунзах»².

Отметим, что под социальными лозунгами проходили и крестьянские восстания в Закавказье – Марабдинское в 1830 г. и Гурийское в 1841 г.

Таковы были пространственные и временные условия начала формирования и последующего развития российской администрации в крае. Именно усилиями имперской администрации Кавказ должен был превратиться из фронта – пространства, население которого не имеет унифицированных принципов жизнедеятельности, а властные импульсы исходят из различных центров, – в имперскую окраину, связанную с общеимперским телом территории, объединенную едиными правовыми нормами, дисциплинарными практиками и вертикально восходящей иерархией.

§ 1.2. Становление и развитие российской администрации на Северном Кавказе (конец XVIII в. – 1845 г.)

Со второй половины XVIII в. Российская империя, продвигаясь все дальше на юг, заключала с местными правителями новые договоры о мире, военных союзах и сотрудничестве, более известные как шертовые грамоты³. А к концу XVIII в. Российская империя начала переходить к более серьезным мерам по укреплению своих позиций в регионе.

¹ Приведено по: *Османов М.-З.О.* Два цудахарских предания – свидетельства уровня общественно-политического развития горных даргинцев в XVIII–XIX вв. // Лавровские (среднеазитско-кавказские) чтения 2002–2003. СПб., 2003. С. 31.

² *Покровский Н.И.* Кавказские войны и имамат Шамиля. М., 2009. С. 281.

³ История Дона и Северного Кавказа. Ростов н/Д, 2001. С. 140–141.

По окончании Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. и заключения Кючук-Кайнарджийского мирного договора Россия упрочила свое положение на Кавказе. В этот период были заключены договоры о покровительстве народов Ингушетии (1770 г.), Осетии (1774 г.) и Чечни (1781 г.). Принципы взаимоотношений российских властей с чеченскими обществами были оформлены специальной грамотой, представителями российской стороны в двухсторонних отношениях были определены кизлярский комендант и командиры кордонов Кавказской линии¹.

Важной вехой в истории становления российской имперской администрации на Кавказе стало присоединение в 1801 г. Восточной Грузии. По мнению некоторых современных исследователей, именно присоединение Картли-Кахетинского царства к Российской империи выступило в качестве «спускового механизма» Кавказской войны².

Российское правительство долго колебалось в принятии данного решения, осознавая, что, присоединив Грузию, империя будет вовлечена в открытую борьбу за Кавказ, за который необходимо будет долго бороться с Турцией и Персией, а затем осваивать, «вписывать» в имперские структуры, российское политико-правовое пространство.

Российский историк З.Д. Авалов (Авалишвили) в начале двадцатого столетия писал: «Действительно, мы видим, что присоединение Грузии к России вызвало в Государственном Совете настоящие дебаты по вопросу внешней политики; редкий пример в истории Совета за этот век»³. Тем не менее имперские амбиции и статус «сверхдержавы» взяли верх над принципом легитимизма. Грузия вошла в состав империи, царская династия Багратидов была лишена престола и депортирована. Фундаментальные проблемы присоединения и социально-политического «освоения» Кавказа наполняются новым содержанием и окончательно перемещаются из теоретической в практическую плоскость.

С этого времени усиливается стратегическое значение Центрального Кавказа (Кабарда, Осетия), ставшего связующим звеном между Россией и Закавказьем. К тому времени история политических взаимоотношений российского государства с князьями Кабарды насчитывала более двухсот лет, начиная с известных посольств в Москву верховного князя Кабарды Темрюка Идарова (1560-е гг.)⁴.

Давность и прочность русско-кабардинских политических связей во многом предопределили «передовое» место Кабарды в практике российской администрации на Кавказе. Именно в Кабарде раньше других кавказских «субрегионов» была введена приставская система управления. Должность кабардинского пристава

¹ См.: Документальная история образования многонационального государства Российского. М., 1998. Кн. I. С. 248–252.

² Гордин Я.А. Кавказ: земля и кровь. СПб., 2005. С. 43.

³ Авалов З.Д. Присоединение Грузии к России. СПб., 2009. С. 123.

⁴ Подробнее см.: История многовекового содружества. К 450-летию союза и единения народов Кабардино-Балкарии и России. Нальчик, 2007. С. 47–72.

в 1769 г. занял Д.В. Таганов, получивший воспитание и образование в Петербурге и принявший там крещение¹. По вступлении в должность Д.В. Таганова снабдили специальной инструкцией², в которой были определены основные полномочия и направления деятельности кабардинского пристава. В функции пристава входило «наблюдение за кабардинскими князьями», которые должны были согласовывать с ним свои действия. Кроме «ближнего» надзора за кабардинской аристократией Д.В. Таганову поручалось наладить отношения с закубанскими черкесами³.

Для сравнения отметим, что для «мирных» обществ Чечни и Ингушетии пристав был назначен только в 1818 г. В Дагестане имперская администрация долгое время и вовсе ограничивалась сменой враждебно настроенных ханов, беков и кадиев на более лояльных представителей властно-религиозной элиты.

Кроме введения новых административных учреждений, имперские власти модернизировали в крае систему судопроизводства. И в этом случае Кабарда вновь стала своеобразным «испытательным полигоном». Еще в 1793 г. здесь были учреждены так называемые «родовые суды» и «расправы», которые непосредственно подчинялись моздокскому коменданту и учрежденному здесь в это же время Верхнему пограничному суду⁴. Новая судебная система довольно быстро обнаружила свои недостатки, которые поставили под сомнение ее эффективность. Значительная часть кабардинцев рассматривала родовые суды и расправы как «противные магометанскому закону»⁵. Бойкот кабардинцами выборов в состав новых судебных инстанций вынудил российскую администрацию пойти на уступки. Так, в 1807 г. в Кабарде были учреждены духовные суды – мехкеме. Кабарда вступила в период «духовного правления», вновь став фактически независимой страной. Как отметил В.Х. Кажаров, «вся полнота власти перешла к мехкеме, которое занималось не только судебными делами, но и осуществляло главные управленческие функции в ее внутренней и внешней политике»⁶.

Непрекращающиеся антиимперские выступления конца 80-х – начала 90-х гг. XVIII столетия, вызванные постройкой новых укреплений и вмешательством имперских властей во внутренние дела населения Кабарды, вынуждали российскую

¹ Потто В.А. Кавказская война. Ставрополь, 1994. Т. II. С. 60.

² Архив КБИГИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 39.

³ Афаунова М.И. Институт пристава в Кабарде (1769–1822) // Исторический вестник. Нальчик, 2007. Вып. VI. С. 101.

⁴ Подробнее см.: Абазов А.Х. Административно-судебные реформы 1793 г. в Кабарде и их последствия // Исторический вестник. Нальчик, 2010. Вып. IX. С. 44–61; *Его же*. Формирование многоуровневой судебной системы в Кабарде в конце XVIII – начале XX вв.: этапы и особенности // *Caucasica*. М., 2011. Т. I. С. 93–107; Из истории Кабардинского временного суда 1822–1858 гг. Пятигорск, 2008. С. 5.

⁵ Цит. по: Абазов А.Х. Административно-судебные реформы 1793 г. в Кабарде и их последствия // Исторический вестник. Нальчик, 2010. Вып. IX. С. 53.

⁶ Кажаров В.Х. Кабарда в период «духовного правления» (1807–1822) // Исторический вестник. Нальчик, 2006. Вып. IV. С. 257.

администрацию продолжить поиск оптимальной модели административно-судебной системы. В самом начале XIX в. российское правительство впервые попыталось установить на Северном Кавказе гражданское управление. В мае 1802 г. Коллегия иностранных дел признала необходимым передать кабардинцев, абазин и ногойцев из административного ведения начальника Кавказской линии под управление нового должностного лица – главного пристава. Первым главным приставом стал коллежский советник Макаров, который, согласно полученной им инструкции, обладал значительной самостоятельностью и находился в непосредственном подчинении Коллегии иностранных дел¹. Под началом главного пристава находились все частные приставы, кандидатуры которых он представлял на утверждение в Коллегию иностранных дел². Однако на практике власть главного пристава оказывалась только номинальной. Приставы не пользовались заметным влиянием среди горской знати. Не имея собственных средств для предотвращения возникающих конфликтов, они были вынуждены постоянно обращаться за помощью к военным, что подрывало их и без того скромный авторитет.

В том же 1802 г. имперское правительство решилось на давно назревшую административно-территориальную оптимизацию северокавказских территорий. Астраханская губерния, административно объединявшая до этого времени Северный Кавказ и Поволжье, была разделена на две части – Астраханскую и Кавказскую губернии³.

В свою очередь Кавказская губерния учреждалась в составе пяти уездов: Кизлярского, Моздокского, Георгиевского, Александровского и Ставропольского. Административным центром губернии был определен Георгиевск. При этом администрация Кавказской губернии была подчинена начальнику (инспектору) Кавказской линии, астраханскому военному губернатору и главнокомандующему в Грузии, генерал-лейтенанту князю П.Д. Цицианову⁴.

В истории развития российской администрации на Северном Кавказе период деятельности в крае П.Д. Цицианова (1802–1806 гг.) представляет собой отдельный этап, а многие начинания и замыслы «главноуправляющего» стали своего рода «дорожной картой» и были претворены в жизнь его последователями. Е.И. Кобахидзе отметила, что П.Д. Цицианов «первым из кавказских администраторов сформулировал долгосрочную программу политико-административного подчинения Северного Кавказа, учитывавшую как специфику общественного устройства кавказских народов, так и их традиционную юридическую практику и конфессиональные предпочтения»⁵.

¹ *Грабовский Н.Ф.* Присоединение Кабарды к России и ее борьба за независимость. Нальчик, 2008. С. 144.

² *Афаунова М.И.* Институт пристава в Кабарде... С. 103.

³ АКАК. Тифлис, 1868. Т. II. С. 919.

⁴ Там же. С. 920.

⁵ *Кобахидзе Е.И.* Интеграция Осетии в судебно-административную систему Российской империи // Российская история. 2012. № 4. С. 4.

Павла Дмитриевича иногда относят к числу деятелей, называемых «колониалистами», которые полагали, что «окраины – это колонии, и не следует делать из них часть России»¹. Между тем в 1804 г. П.Д. Цицианов в рапорте императору Александру I от 23 марта 1804 г., касаясь положения в Кабарде, предлагал преобразовать должность местного пристава в должность начальника. Кроме того, заменить наименование «Кабардинский народ» на «Кабардинскую область», так как, по его мнению, название «Кабардинский народ» «само собою напоминает им (кабардинцам. – *Авт.*), что оный есть как будто отдельное тело от Российской империи...»² П.Д. Цицианов настаивал на замене гражданского чиновника военным в качестве представителя имперской администрации. Впоследствии этот принцип лег в основу системы военно-народного управления на Кавказе.

Главными средствами покорения и умиротворения Кабарды, а равно и всего Кавказа П.Д. Цицианов видел, во-первых, «перемену воспитания» горцев, во-вторых, «введение роскоши», в-третьих, «сближение с российскими нравами»³. Последнее князь предполагал реализовать через соответствующую систему воспитания и образования горской молодежи. Сыновей кабардинских аристократов предполагалось отправлять на обучение в георгиевское и екатериноградское училища, а затем в кадетские корпуса. Образовательная политика играла важную роль в административной деятельности П.Д. Цицианова, но нередко первые шаги в распространении образования и просвещения на Кавказе были сопряжены с труднопреодолимыми препятствиями.

Так, П.Д. Цицианов в отношении к министру народного просвещения графу П.В. Завадовскому от 28 декабря 1802 г. сообщал об открытии 22 сентября того же года в Тифлисе училища «для обучения благородного Грузинского юношества»⁴. В училище планировалось обучать чтению и письму на русском и грузинском языках, а число учеников должно было составлять 45 человек. Но, вернувшись в Тифлис, П.Д. Цицианов не смог обнаружить «ни учеников, ни учителей, ни даже училища», о чем с прискорбием сообщал министру⁵. Несмотря на первую неудачу, Павел Дмитриевич не оставил задуманного. Училище удалось открыть 21 мая 1804 г. Кроме того, П.Д. Цицианов рассчитывал открыть подобные училища в Гори и Телави⁶. Главной задачей училища князь П.Д. Цицианов определил дать «твердое и полезное основание Российскому языку»⁷.

¹ Щербина А.В. Эволюция этнического состава населения Российской империи и ее влияние на имперскую политику правительства в XIX – начале XX веков (постановка проблемы) // Россия XIX – начала XX века: государственный строй, реформы, общественно-политическая мысль, экономическое развитие. Ростов н/Д, 1997. С. 55.

² АКАК. Тифлис, 1868. Т. II. С. 953.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 195.

⁵ Там же. С. 197.

⁶ Там же. С. 198.

⁷ Там же. С. 196.

В повседневной работе имперской администрации постоянно возникали серьезные сложности ввиду незнания большей частью населения Кавказа русского языка. Указы имперских властей публиковались на русском языке и оставались для местного населения «загадочными письменами»¹. Финансировать училище предполагалось за счет доходов от продажи шелка. П.Д. Цицианов надеялся, что деятельность училища поможет имперской администрации избавиться от такого порока, как «недостаток в переводчиках»². Необходимо отметить, что переводчики нужны были и лично П.Д. Цицианову, который, несмотря на свое грузинское происхождение, не владел грузинским языком, отчего, вероятно, испытывал сильный дискомфорт в общении с соплеменниками.

По социальному составу Тифлисское благородное училище первоначально было исключительно аристократическим учебным заведением. В училище обучались не только представители грузинской знати, но и отпрыски северокавказской аристократии, в частности сыновья таких влиятельных кавказских владетелей, как Джафар-Кули-хан Шекинский и Ахмед-султан Элисувский³.

П.Д. Цицианов был автором и активным сторонником идеи отправления наиболее талантливых учеников гимназии на продолжение обучения в столичные университеты и институты, но реализовать все задумки князя в этом направлении удалось лишь много позже. Центральные власти не остались безучастными к судьбе нового училища, прислав двух учителей русского языка, а также учебники. Для преподавания грузинского языка в новом учебном заведении П.Д. Цицианов попросил католика Антония освободить от занимаемых должностей священника Иоанна Картвелова и иеромонаха Неофита, которые должны были пополнить преподавательские кадры Тифлисского благородного училища⁴.

Тифлисское благородное училище, как и другие образовательные учреждения пограничья, имело несколько характерных особенностей. Так, в частности, контингент учащихся был полиэтничным и поликонфессиональным по составу. Наряду с христианскими воспитанниками в училище отдавали на воспитание детей мусульманского вероисповедания. Крайне интересна личность первого директора Тифлисского благородного училища Алексея Петриева. В 1796 г. он закончил Астраханскую семинарию и поступил священником в соборную церковь Кизляра. В 1803 г. он был уволен Святейшим Синодом для вступления в монашеское звание, но в 1804 г. был назначен на должность директора Тифлисского благородного училища. Этот человек, безусловно, был наделен административным талантом, так как именно в годы его руководства училище добилось серьезных успехов и стало популярным среди кавказской элиты, он при этом несколько раз просил освободить его от занимаемой должности, которая год от года становилась все

¹ РГИА. Ф. 1268. Оп. 26. Д. 8. Л. 112–113.

² АКАК. Тифлис, 1868. Т. II. С. 197.

³ Там же. Тифлис, 1869. Т. III. С. 27.

⁴ Там же. Тифлис, 1868. Т. II. С. 198.

более значимой. Петриев настойчиво выражал желание отойти от мирских дел и перейти в монашеское звание, полностью посвятив себя церковному служению. Деятельность Петриева заметили и в далеком Петербурге. Остаться на своем посту Алексея Петриева просил сам император в своем Высочайшем рескрипте от 6-го ноября 1806 г.¹ Данный факт также позволяет говорить, что в Петербурге с вниманием относились к развитию образования на Кавказе, вероятно, понимая значимость проводимой политики в этой сфере. В 1810 г. Петриев ушел с поста директора училища. После его ухода дисциплина и профессионализм преподавателей училища сильно упали. Русские учителя были замечены в пьянстве².

Тем не менее Тифлисское училище достаточно быстро завоевало популярность на Кавказе. Обучать детей в нем было очень престижно. Об этом свидетельствует то, что в 1806 г. число учеников, составлявшее 60 человек, по просьбе местного дворянства было увеличено еще на 25 человек³.

После трагической смерти П.Д. Цицианова в 1806 г. командующим русской армией на Кавказской линии и в Грузии был назначен опытный генерал И.В. Гудович. В историографии с его именем иногда связывается введение системы военноплеменного управления на Кавказе, которое он якобы учредил в 1806 г. на территории Кубинского ханства⁴. Единоразово утвержденная, данная позиция получила широкое распространение и поддержку со стороны авторитетных исследователей⁵.

Ее основой служит факт проведенной И.В. Гудовичем замены во главе Кубинского ханства неблагонадежного Шейх-Али-хана лояльным беком, получившем при этом «повышении» звание наиба. Но нам представляется, что назначить на место хана-мятежника одного из беков имперскую администрацию вынудила несговорчивость самого Шейх-Али-хана, а не какие-то соображения относительно усовершенствования местного управления. Очень скоро стало ясно, что поставленный вместо хана наиб Хаджи-бек «по большей части живет в деревне, и никакой силы не имеет в народе, что все подтверждают и кубинцы, приезжающие в Баку по своим надобностям»⁶. И.В. Гудович не вводил никакого принципиально нового управления, граф просто заменил мятежного владельца на лояльного, но не имеющего реальной власти бека. То, что Хаджи-бек получил должность наиба, вовсе не свидетельствует о связи этой должности с разделением территорий Северного Кавказа в 1858 г. на округа и наибства.

Более того, И.В. Гудович отнюдь не собирался раз и навсегда покончить с ханской властью в Кубе. Введение должности наиба не было стратегическим

¹ АКАК. Тифлис, 1869. Т. III. С. 25.

² Там же. Тифлис, 1870. Т. IV. С. 62.

³ Там же. Тифлис, 1869. Т. III. С. 25.

⁴ Национальная политика в императорской России. М., 1997. С. 92.

⁵ *Бобровников В.О.* Мусульмане Северного Кавказа: обычай, право, насилие. Очерки по истории и этнографии права Нагорного Дагестана. М., 2002. С. 15–153.

⁶ АКАК. Тифлис, 1869. Т. III. С. 397.

решением, а диктовалось исключительно соображениями текущего момента. Главнокомандующий пытался проводить политику, при которой Шейх-Али-хан смог бы вернуться к управлению Кубинским ханством, но при условии безоговорочного признания верховной власти российского самодержца. Последнее не трудно заметить на примере предписания И.В. Гудовича одному из подчиненных, в котором сказано: «...Ших-Али продолжайте ласкать, а между тем и держите онаго в неизвестности, дабы тем надежнее обратить его к верности и усердию для российского правления; не упускайте случаев уверять его, что владение его уже никогда из наших рук не выйдет, а потому оставил бы он уповать на персиян и сношаться с ними, а во всем вспомоществовал бы нашим пользам. Сим единственным средством он найдет во мне своего ходатая пред всемилостивейшим монархом, но прежде он не может достигнуть ханства Кубинского пока не придет ко мне, ибо на таковое важное достоинство должен он присягу принять в присутствии моем...»¹

Как известно, одной из главных целей введения военно-народного управления было преодоление административной неразберихи путем унификации и единообразия управленческой деятельности. Действия И.В. Гудовича имели иные мотивы, смыслом которых было обеспечение лояльности жителей Кубы.

Представляется весьма показательным, что в записках о своей службе² граф И.В. Гудович не находит места для упоминания о своих административных нововведениях в Кубинском ханстве. Между тем, бесспорно, если бы ему действительно приходилось вводить на Кавказе какую-то новую административную систему, он как человек честолюбивый не преминул бы написать об этом потомкам.

В конце 1808 г. после неудачной осады Эривани, сославшись на тяжелую болезнь, И.В. Гудович попросил отставку, получив которую незамедлительно покинул Кавказ.

Место И.В. Гудовича занял генерал А.П. Торماسов, управлявший краем в 1809–1811 гг. Новый командующий стремился избегать военных экспедиций против горцев, сосредоточившись на решении проблем гражданского характера. В рапорте на имя военного министра М.Б. Барклая де Толли А.П. Тормасов определил основы своей стратегии по умиротворению Кавказа в пяти пунктах: «1) отнять у сих народов всякое сообщение с Турцией, которая влиянием своим подстрекает в них злобу к России, – что завладением береговых на Черном море крепостей и пристаней уже исполнено. 2) мирных из них, жительствующих на плоскостях близ границы Кавказской линии, занимающихся хлебопашеством и скотоводством, не только ни под каким предлогом не обижать, но покровительствовать и доставлять им возможные выгоды, – что отчасти исполнено учреждением в прошлом году для кабардинцев соляного магазина при прохладненском

¹ АКАК. Тифлис, 1869. Т. III. С. 397.

² Записки о службе генерал-фельдмаршала графа И.В. Гудовича, составленные им самим // Кавказская война: истоки и начало. 1770–1820 годы. СПб., 2002. С. 55–88.

пограничном карантине. 3) как горские народы по мухаммеданской религии управляются и в гражданских делах духовенством, то стараться, по прекращении сообщения их с Турцией, откуда духовные чины к ним доставлялись, определять в сие звание людей благомыслящих, кротких и приверженных к России, дабы чрез них можно было знать все намерения горских народов и, так сказать, управлять их умами. 4) содержать кордонную на Линии стражу наистрожайшим образом, чтобы при первом покушении горцев на внутренность Линии сии хищные злодеи не токмо были примерно наказаны, но совершенно истреблены <...> 5) Привлекать горцев в наши города, где устроить мечети, жилища для духовенства и при них школы для образования юношества; а наконец учредить торговое сообщение между ими и жителями Кавказской губернии»¹.

В соответствии с этой программой А.П. Тормасов предпринял попытку реорганизации учебных заведений на Кавказе, в частности наиболее крупного из них – Тифлисского благородного училища. В 1810 г. он обратился в Министерство народного просвещения с предложением преобразовать существующее учебное заведение в Благородное Военное Училище, указывая на то, что «в нравах здешних жителей, а особливо дворянства, вкоренены дух и склонность к военной службе»². По мнению главноуправляющего, силы местного лояльного дворянства с наибольшей эффективностью возможно было использовать именно на военной службе.

Для реализации задуманного преобразования А.П. Тормасов просил министра народного просвещения графа П.В. Завадовского назначить директором училища офицера, так как, по его мнению, мусульманских владетелей, желающих отдать своих детей в учение, удерживал факт управления училищем православным священником³. Данный вопрос был передан на рассмотрение в Комитет о Военных Училищах, находившийся в ведении Великого князя Константина Павловича⁴. Однако дальше дело не двинулось.

Последующие несколько лет жизни училища отмечены крайне тяжелыми обстоятельствами. В Тифлисе в 1811 г. свирепствовала «заразительная болезнь». Родители учеников, опасаясь за жизнь и здоровье своих детей, увезли их в загородные имения и селения⁵. Так училище во второй раз осталось без учеников и быстро пришло в запустение и даже «разрушилось»⁶.

Учебное заведение европейского типа было новым явлением для Кавказа и его жителей. Обучение детей в нем кавказская аристократия воспринимала в первую очередь как атрибут социального престижа, а также как возможность

¹ АКАК. Тифлис, 1870. Т. IV. С. 829.

² Там же. С. 58.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 62.

⁵ Там же. Тифлис, 1873. Т. V. С. 24.

⁶ Там же.

выгодно устроить карьеру подрастающего поколения. Новые знания, получаемые в ходе обучения, не воспринимались как самоцель. Такой настрой учеников и их родителей сказывался на посещении занятий в училище, а следовательно и на успеваемости воспитанников. Часто случалось, что ученики «пропадали» из поля зрения учителей на несколько месяцев. Все это время они проводили в имениях своих родителей. Администрации училища больших трудов стоило «вызвать» учеников обратно и вернуть их к обучению¹. Стремительнее всего и практически поголовно ученики покидали училище, если начинали распространяться слухи о нередких на Кавказе эпидемиях и болезнях, реальных и мнимых. Даже если в итоге опасения не подтверждались и опасностей «заразительных болезней» не существовало, ученики еще долго не возвращались в училище, мотивируя свой отказ лаконичной фразой: «Жизнь дороже учения»².

В 1811 г. А.П. Тормасов ввиду одолевавшей его болезни покинул Кавказ. Управление краем было разделено между Ф.О. Паулуччи – управлявшим закавказскими провинциями – и Н.Ф. Ртищевым – осуществлявшим военное командование и административное управление Кавказской линией и Астраханской губернией. Но уже в 1812 г. Ф.О. Паулуччи был отозван с Кавказа и весь край был поручен управлению Н.Ф. Ртищева. Основными направлениями деятельности Н.Ф. Ртищева на Северном Кавказе стало укрепление Кавказской кордонной линии и устройство меновых дворов. В 1812 г. кабардинцы получили Высочайшую грамоту, по которой среди прочего им позволялось свободно торговать на территории Кавказской и Астраханской губерний³.

В 1816 г. командующим Отдельным Грузинским корпусом и главноуправляющим на Кавказе стал А.П. Ермолов. Алексей Петрович воспринимал себя продолжателем дела П.Д. Цицианова. Ему удалось воплотить в жизнь часть намерений П.Д. Цицианова в отношении управления Кавказом. Так, в 1820 г. с образованием Управления Кабардинской линии была введена должность начальника, который одновременно являлся командующим указанной линией.

Показательно, что А.П. Ермолов, как и П.Д. Цицианов именно в ханствах видел главную угрозу «прочному развитию гражданственности в крае». В одном из писем к М.С. Воронцову (Кавказскому наместнику в 1844–1854 гг.) А.П. Ермолов отмечал: «Терзают меня ханства, стыдящие нас своим бытием. Управление ханами есть изображение первоначального состояния обществ. Вот образец всего нелепого, злодейского самовластия и всех распутств, уничтожающих человечество»⁴. Тем не менее революционных изменений в управлении ханствами при А.П. Ермолове не произошло. Владетели были поставлены под контроль

¹ АКАК. Тифлис, 1873. Т. V. С. 275.

² Там же. С. 273.

³ Там же. С. 862.

⁴ Кавказские письма А.П. Ермолова М.С. Воронцову. СПб., 2011. С. 37.

военных чиновников, а некоторые административно-территориальные единицы подверглись укрупнению¹.

Серьезному реформированию в годы «проконсульства» А.П. Ермолова было подвергнуто управление Кавказской губернией. После уже упоминавшейся сенатской ревизии 1818 г. А.П. Ермолову было поручено внести предложения по усовершенствованию губернской административной системы. Согласно плану А.П. Ермолова Кавказскую губернию ввиду малочисленности населения следовало переименовать в область, а административным центром назначить Ставрополь. «Проконсул Кавказа», отмечая особенности управления пограничной губернии, где тесно переплетены военные, гражданские и пограничные дела, предлагал поставить во главе администрации «командира Кавказской линии под непосредственной зависимостью главноуправляющего Грузии и губернии Астраханской»².

Кроме того, А.П. Ермолов настоятельно рекомендовал упростить судебную систему в губернии (области), отмечая, «что нравы и образ жизни людей, в Кавказской губернии обитающих, имеют более нужды в простом полицейском надзоре, нежели в судебных установлениях, недостаток коего был доселе причиною больших по части полиции упущений...»³ А.П. Ермолов внес предложение об упразднении в Кавказской губернии уездных земских судов и учреждении окружных управ во главе с окружными начальниками в Ставрополе и Георгиевске. Кавказский главноуправляющий несколько раз дорабатывал первоначальный текст программы преобразования губернии уже после введения первых изменений в управление южной окраиной. В дневнике А.П. Ермолова привлекает внимание запись, датированная 22 августа 1822 г. (первый вариант плана реформ административного управления Кавказской губернии датирован 26 марта 1821 г.): «Из Екатеринограда отправлен в Санкт-Петербург проект о преобразовании Кавказской губернии, пополненный некоторыми статьями, заимствованными из постановления о Сибири, с которым приказано было сколько возможно сообразоваться»⁴. Имперское правительство пыталось использовать опыт управления сибирской окраиной при реформировании администрации на Кавказе.

По указу от 24 июля 1822 г. Кавказская губерния была переименована в область с центром в Ставрополе и во главе с командиром войск Кавказской линии⁵. В том же году А.П. Ермолов продолжил судебное реформирование Кабарды и в прокламации к кабардинскому народу извещал население об учреждении Временного кабардинского суда. Шесть лет спустя, в 1828 г., по аналогии с Временным

¹ Лисицына Г.Г. Административная деятельность генерала А.П. Ермолова на Кавказе // Генерал А.П. Ермолов и российско-кавказские отношения в XIX – начале XX века. СПб., 2009. С. 43.

² АКАК. Тифлис, 1874. Т. VI. Ч. 2. С. 610.

³ Там же. С. 611.

⁴ Погodin М. Алексей Петрович Ермолов. Материалы для его биографии. М., 1864. С. 248.

⁵ Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗ РИ). Собрание I. СПб., 1830. Т. 38. С. 568.

кабардинским судом для осетин и ингушей был учрежден Владикавказский иноподанный суд. В том же году новый судебный орган был введен и в Чечне.

Введение новой судебно-административной системы сопровождалось, кроме всего прочего, существенным ограничением свободы передвижения кабардинцев. Населению Кабарды было запрещено отлучаться куда-либо без «письменных видов». «На случай же необходимости в отлучке, – отмечает Н.Ф. Грабовский, – они (кабардинцы. – *Авт.*) должны были получать печатные билеты: для поездки внутри линии – от временного суда, за Кубань и в горы – от начальника в Кабарде, а при отъезде в дальние места России – от начальника Кавказской линии»¹. Естественно, что подобные меры вызвали негативную реакцию кабардинцев, особенно в рядах аристократии, многие представители которой встали на путь последовательного сопротивления имперским устремлениям на Кавказе.

Очевидно, что Кабарда в кавказской политике А.П. Ермолова выступала в роли «авангарда» вводимых в крае судебно-административных преобразований. Именно на ее территорию первоначально распространялось действие новых инстанций, которые впоследствии вводились и на земли сопредельных народов. В то же время методы, которые использовала имперская администрация при введении и утверждении новых институтов, правил, распоряжений, в Кабарде не отличались от методов, практиковавшихся в отношении иных территорий Северного Кавказа.

А.П. Ермолов в своих действиях нередко опирался на кабардинскую знать, представители которой находились на российской службе. Традиция службы адыгов в армии российского государства берет свое начало еще с середины XVI в. Среди кабардинцев в конце XVIII – первой четверти XIX вв. большой авторитет имел К.Д. Джанхотов, происходивший из знатного княжеского рода Бекмурзиных². В 1787–1788 гг. К.Д. Джанхотов участвовал в экспедиции кабардинцев под командованием бригадира Горича в Закубанье против турок и крымского войска. К.Д. Джанхотов принимал активное участие в деятельности новых судебно-административных органов в Кабарде. В 1796 г. он был произведен в подполковники «за отличное усердие при учреждении Родовых судов», а в 1822–1830 гг. являлся председателем Кабардинского временного суда³. Кроме официальных должностей К.Д. Джанхотов исполнял роль посредника между А.П. Ермоловым и кабардинцами. На кабардинского князя русский генерал

¹ *Грабовский Н.Ф.* Присоединение Кабарды к России и ее борьба за независимость. Нальчик, 2008. С. 144.

² Необходимо отметить, что в историографии высказывалось прямо противоположное мнение о статусе К.Д. Джанхотова. В работе Ср.Н. Жемухова Кабардино-русская война 1810–1812 гг. (Нальчик, 2000) отмечается следующее: «Ни один член прорусской партии не входил в политическую элиту Кабарды» (С. 55).

³ *Казаков А.В.* Адыги (черкесы) на российской военной службе. Воеводы и офицеры. Середина XVI – начало XX в. Нальчик, 2006. С. 108.

нередко возлагал обязанности герольда, который должен был оглашать решения «проконсула Кавказа» «всем прочим князьям, узденям и народу Кабардинскому»¹. Это являлось одним из следствий общего упадка значения горской знати в конце XVIII – начале XIX вв., происходившего на фоне инкорпорации Кавказа в состав Российской империи. А.П. Ермолов слабо прислушивался к мнению К.Д. Джанхотова, когда тот позволял себе критические замечания в адрес главноуправляющего. Это особенно показательно на примере истории «наказания Трамова аула». К.Д. Джанхотов выразил свое недоумение суровой карательной акцией имперской администрации, проведенной в отношении жителей кабардинского поселения. Однако на А.П. Ермолова это не имело никакого воздействия. В ответном письме «проконсул Кавказа» не преминул возможностью «устыдить» кабардинского князя за служебную нерадивость: «Трамов аул наказал я как притон разбойников и не имел причины уведомлять вас о том, ибо если вы удовлетворяли за некоторые грабежи и похищения, никогда однако же посредством вашим не выдан ни один мошенник к наказанию и, конечно, не от того, чтобы в них был недостаток, когда и между хорошими и известными фамилиями таковые находятся»². Несмотря на то, что кабардинцы имели давние политические связи с российским государством, для них не делалось исключения, когда речь заходила «о необходимости» проведения карательных акций.

Следуя своей тактике прочного присвоения территории проживания кавказских народов, А.П. Ермолов не ограничивался разовыми военными экспедициями, но активно сооружал новые укрепленные линии, разделяя или переселяя автохтонное население. Новая Кабардинская укрепленная линия, сооруженная при А.П. Ермолове в 1822 г., подходила к подошве Черных гор. Аулы местных жителей были переселены на плоскость. В письме к М.С. Воронцову А.П. Ермолов не без гордости отмечал: «В 1822 году целое население Кабарды сведено с гор и поселено на плоскости. У самого подножия гор устроена цепь крепостей, пресекающих все арбеньные дороги»³. Одной из задач новой кордонной линии было воспрепятствовать естественным связям кабардинцев с закубанскими горцами. В представлении А.П. Ермолова главным содержанием этих связей являлось «подстрекательство к мятежам». Насильственно переселенному населению Кабарды было трудно адаптироваться к изменившимся условиям жизнедеятельности. Как отмечает в «Описании Кабарды 1827 года», «народ и по сие время привержен к своим прежним местам и неоднократно настаивали просьбами, из главного начальства о дозволении переселиться им на оные...»⁴ Эти просьбы остались без удовлетворения. Как видно из переписки А.П. Ермолова с М.С. Воронцовым «проконсул Кавказа» придавал огромное значение задаче переселения кабардинцев: «Мне

¹ АКАК. Тифлис, 1874. Т. VI. Ч. 2. С. 466.

² Там же.

³ Кавказские письма А.П. Ермолова М.С. Воронцову. С. 115.

⁴ Описание Кабарды 1827 года. Нальчик, 2010. С. 45.

надобно было усадить на плоскости кабардинцев и отнять убежище в горах»¹. Ввиду произошедших событий 1822 г. в новейших исследованиях обозначается как время завершения завоевания Кабарды². К уже приводимой в историографии аргументации данного положения добавим, что после насильственного переселения кабардинцы оказались совершенно беззащитны перед экзекуциями российских войск. В таких условиях решиться на открытое выступление против империи было невозможно. Сам А.П. Ермолов в этой связи отмечал: «Да если бы и могла она (Кабарда. – *Авт.*) возмутиться, то ее задавить возможно, и жены, дети и имущество от нас укрыться не могут»³.

В политике А.П. Ермолова в Кабарде, как и на Кавказе в целом, важную роль играли экономические факторы давления на местное население. Так, А.П. Ермоловым была ужесточена таможенная политика в регионе⁴. Кроме того, имперская администрация монополизировала торговлю солью, в результате чего кабардинцы были вынуждены обменивать свои товары на соль при меновых дворах, что обходилось им значительно дороже, чем при свободном обмене с русскими крестьянами-переселенцами. Отсутствие соляных месторождений в горах, жизненная важность этого продукта обусловили его значение в торговом обмене горцев с русскими. Понимая роль соли в хозяйстве народов Северного Кавказа, монополизировав и регламентировав ее продажу, российские власти получили дополнительный ресурс давления на горцев⁵. Кабардинские князья несколько раз обращались к А.П. Ермолову с просьбой уменьшить цену соли, но всегда получали отказ: «Цену соли уменьшить не могу»⁶.

«Проконсул Кавказа» не в пример своим предшественникам (А.П. Тормасову и Н.Ф. Ртищеву) являлся противником различных уступок горским обществам, связанным с ведением торговых операций. Тем временем торговые контакты с горцами в предшествующий период стали широко распространены, а благодаря ведению выгодной торговли с горцами, некоторые предприниматели приобрели в крае немалый политический вес. Наиболее заметным среди них был российский коммерсант генуэзского происхождения Р.А. Скасси, который некоторое время пользовался покровительством местных властей и Министерства иностранных

¹ Кавказские письма... С. 161.

² См. например: *Думанов З.Б.* Политика Российской империи в Кабарде: административно-правовые, социальные и экономические аспекты (конец XVIII – первая половина XIX века): автореф. дис. ... канд. ист. н. Майкоп, 2010. С. 18.

³ Кавказские письма... С. 126.

⁴ АКАК. Тифлис, 1874. Т. VI. Ч. 1. С. 240.

⁵ *Патракова В.Ф.* Некоторые вопросы изучения торговой политики России на Северном Кавказе в первой половине XIX века // Проблемы социально-экономической истории и революционного движения на Дону и Северном Кавказе (XIX – нач. XX в.) / отв. ред. В.П. Крикунов. Ростов н/Д, 1992. С. 77.

⁶ Цит. по: *Грабовский Н.Ф.* Присоединение Кабарды к России... С. 144.

дел Российской империи¹. Р.А. Скасси выступал за развитие свободной торговли с черкесами на меновых дворах и жестко критиковал местную администрацию за отход от этого принципа: «Меры, принятые, без сомнения, в пользу казачьей казны, запретили свободу меновых рынков. Их отдали предпринимателям, которые откупили также водку и рыбные ловли. Эти предприниматели пренебрегают деталями рынков и сводят все на одну соль, тогда как черкесам нужны и другие товары. А цена соли ими так поднята, что черкесы предпочитают искать ее на очень большом расстоянии от себя в Анапе. Турки же с очень большими издержками принуждены приезжать с Мраморного моря или из Анатолии закупать русскую же, крымскую соль в Козлове и везти ее в Анапу. И тем не менее они ее продают черкесам дешевле, чем русские. Этой мерой рубится связь, которая могла бы удерживать черкесов в нашем соседстве; таким образом, на плохом понимании основанная скаредность предпринимателей приводит эти народы к тому, чтобы разбоями добывать себе то, чего они не в состоянии закупить за свои продукты»².

Р.А. Скасси удалось достигнуть определенных результатов в развитии торговли с черкесами, которые вырубил для отпуска в Россию свыше двух тысяч корней строевого леса. В 1821 г. для руководства торговыми операциями с горцами была создана специальная административно-коммерческая организация, которую возглавлял «Попечитель торговли с черкесами и абазинцами». Попечителем был назначен Р.А. Скасси, а комиссарами – К.И. Тауш и Л.Я. Люлье³. Комиссары поддерживали связи с кунаками-черкесами и выступали посредниками при торговых сделках. Отметим, что Л.Я. Люлье удалось собрать ценнейший этнолингвистический материал об адыгах, которым пользовались многие поколения кавказоведов⁴. Торговля с черкесами и другими горцами являлась не только выгодным коммерческим предприятием, но и способом узнать и понять культуру, нравы, обычаи кавказских народов. Вероятно, органичное и последовательное развитие практики мирных контактов между империей и горцами могло быть альтернативой трагедии мухаджирства – насильственного исхода адыгов с земли предков. Однако деятельность Р.А. Скасси и возглавляемого им попечительства натолкнулась на противодействие со стороны А.П. Ермолова. Алексей Петрович считал деятельность и планы попечительства Р.А. Скасси бесполезными: «Но превосходная сия теория чрезвычайно неудобна в приложении, если не совсем невозможна»⁵. Между тем

¹ Извлечение из записки о делах Черкесии, представленной господином Скасси в 1816 году. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1800-1820/Skassi/text1.htm> (дата обращения: 18.05.2011).

² Там же.

³ *Чирг А.Ю.* Из истории русско-адыгейских торговых связей на черноморском побережье Кавказа в первой четверти XIX в. // Вопросы общественно-политических отношений на Северо-Западном Кавказе в XIX в. Майкоп, 1987. С. 8.

⁴ *Люлье Л.Я.* Черкессия: историко-этнографические статьи. Киев, 1990.

⁵ АКАК. Тифлис, 1874. Т. VI. Ч. 2. С. 485.

комиссары торгового попечительства К.И. Тауш и Л.Я. Люлье, находясь среди черкесов и имея связи со знатнейшими из них, способствовали переходу целых сообществ на пророссийские позиции¹.

Торговому попечительству не суждено было достигнуть конечной цели – мирного присоединения Черкесии к Российской империи. Неоправданно жестокие и безадресные карательные экспедиции командующего Войском Черноморским генерал-майора М.Г. Власова, ставленника А.П. Ермолова², возбудили в черкесах оправданное недовольство и жажду мщения. Отметим, что А.П. Ермолов лично направлял и контролировал карательные акции, проводимые М.Г. Власовым³. Противодействие А.П. Ермолова во многом способствовало сворачиванию деятельности торгового попечительства и сделало неизбежным его окончательную ликвидацию в 1829 г.

Пренебрежение вопросами развития торговли отчасти компенсировалось в деятельности А.П. Ермолова повышенным вниманием к расширению и совершенствованию работы учебных заведений в крае. Империя укрепляла свои позиции на Кавказе. Администрация расширялась, квалифицированных чиновников не хватало. Теперь уже все больше требовалась не просто лояльная кавказская аристократия, а образованный класс, способный к плодотворной службе, – новая элита, по-европейски образованная и по-имперски воспитанная. Для России появление новых учебных заведений на окраинах государства было воплощением имперской миссии, смысл которой отчетливо сформулировал в 1817 г. С.С. Уваров, в то время президент Российской академии наук, а также попечитель Петербургского учебного округа: «Никакая сила человеческая не может более противоборствовать могущественному гению Европы. В общем просвещении находится залог общей независимости. Завоевание без уважения к человечеству, без содействия новых, лучших законов, без исправления состояния побежденных – тщетная, кровавая мечта, но побеждать просвещением... распространением наук и художеств, образованием и благоденствием побежденных – вот единственный способ завоевания, от коего ныне можно ожидать прочности вековой...»⁴

С.С. Уваров имел значительное влияние во властных верхах, не случайно впоследствии он стал главным идеологом русского самодержавия. Вероятно, его слова отражали воззрения имперской власти на способы утверждения российского влияния во вновь присоединенных территориях. Новые оттенки к концепции С.С. Уварова добавила речь профессора Казанского университета О.М. Ковалевского (1801–1878), прочитанная им во время университетского

¹ АКАК. Тифлис, 1874. Т. VI. Ч. 2. С. 492.

² Энциклопедия Кубанского казачества / под общ. ред. В.Н. Ратушняка. Краснодар, 2011. С. 61.

³ АКАК. Тифлис, 1874. Т. VI. Ч. 2. С. 481.

⁴ Цит. по: *Сопленков С.В.* Дорога в Арзрум: российская общественная мысль о Востоке (первая половина XIX века). М., 2000. С. 144.

торжественного собрания 8 августа 1837 года. О.М. Ковалевский отметил, что России принадлежит почетная роль осуществления синтеза европейских и азиатских культур: «...Провидение, управляющее судьбами России, предназначило ей быть посредницею между Европой и Азией для сообщения сей ... части света плодов истинного образования, которое мы сами приобретаем с невероятным трудом...»¹ Схожих взглядов придерживался и адмирал Н.С. Мордвинов, член Государственного совета. В 1816 г. адмирал подал на рассмотрение Комитета министров записку, посвященную «умиротворению» Кавказа. В записке содержались предложения о том, как способствовать просвещению кавказской окраины империи, а также был выдвинут тезис о необходимости развития экономических и торговых связей с жителями Кавказа, что должно было смягчить нравы горцев. Политика просвещения становилась важной составляющей в программе инкорпорации «загадочных земель Востока» в состав Российской империи.

Тем временем положение дел на Кавказе в области развития и просвещения оставалось малоудовлетворительным. Главным показателем успехов ученика считалось знание им русского языка. И здесь результаты были неутешительны. В конце 1814 г. Грузинский губернатор генерал-майор Симонович сообщал главнокомандующему генералу Н.Ф. Ртищеву: «Ученики высших классов только учатся писать, а из учеников низших классов многие не знают еще говорить на Российском языке, хотя они года по два и более учатся»². В том же документе Симонович излагает причины столь неудовлетворительного положения дел: «Причина сей беспечности та, что каждый из них (грузинских князей и дворян. — *Авт.*) сына своего, получившего хотя мало познание о русском языке, тотчас спешит записать в статскую службу, единственно для того, дабы там скорее вывести его в чины и он бы получал жалованье»³. Разумеется, подобные чиновники были мало полезны для коронной власти, не говоря уже об издержках на их содержание.

Пытаясь преодолеть кризисные явления в сфере, имеющей стратегическое значение, местная администрация начала пересматривать учебный курс Тифлисского благородного училища. В начале 1819 г. тифлисский губернатор Р.И. Ховен и А.П. Ермолов просят назначить новые классы (предметы) к преподаванию, а именно: 1) татарского языка, «весьма употребительного в здешнем крае, и необходимого в особенности для пользы службы»; 2) геодезии; 3) полевой фортификации; 4) гражданской архитектуры; 5) танцев; 6) ситуации⁴. Тифлиское благородное училище превращалось из «светоча праздного просвещения» в школу подготовки служилой элиты. Происходила трансформация социокультурной миссии училища. В учебном заведении теперь не только приобщали к русскому языку, но давали принципиально новые, профессиональные знания.

¹ Сопленков С.В. Дорога в Арзрум... С. 155.

² АКАК. Тифлис, 1873. Т. V. С. 275.

³ Там же.

⁴ АКАК. Тифлис, 1874. Т. VI. Ч. I. С. 134.

Администрация А.П. Ермолова с большим вниманием относилась к необходимости пополнения числа учащихся училища, особенно если отчетливо видела перспективу их скорого применения по службе. Один из ближайших сподвижников А.П. Ермолова генерал-лейтенант И.А. Вельяминов, занимавший должность управляющего гражданской частью на Кавказе, сурово отчитал Р.И. Ховена за отказ от принятия в обучение грузинского дворянина Николая Дарафанидзе. По мнению И.А. Вельяминова, этот дворянин «...имея уже поверхностные знания в языках грузинском и российском, усовершенствуясь в них несколько, может поступить с пользою в военную службу, к чему, как известно мне (Вельяминову – *Авт.*), имеет он расположение»¹.

Инкорпорация Кавказа в пространство империи проходила в условиях хронического недостатка кадров квалифицированных чиновников местной администрации. Русские чиновники с неохотой ехали в незнакомый край, который к тому же имел репутацию «теплой Сибири», места для изгнанников, подвергнутых остракизму столичными сообществами. Среди тех чиновников, которые все же прибыли на Кавказ, трудно было отыскать человека, знавшего край, его особенности, традиции и обычаи местного населения. Без этих качеств эффективная административная работа на Кавказе была немыслима и чаще всего приводила к потере авторитета коронной власти. Неудивительно, что задачи развития просвещения и образования в крае стояли в центре деятельности кавказских главноуправляющих.

При начальствовании на Кавказе И.Ф. Паскевича (1827–1831 гг.) Тифлисское благородное училище было преобразовано в гимназию (1830 г.). Но несмотря на все усилия коронную власть продолжала беспокоить нехватка профессиональных чиновничьих кадров. В частности, следующий главноуправляющий Г.В. Розен (1831–1837 гг.) был вынужден признать полное отсутствие в крае русских чиновников, знающих местные языки². Вероятно, это было одной из причин увеличивающегося числа детей русских чиновников среди воспитанников гимназии. Так, в 1840 г. из 70 казенно-коштных воспитанников Тифлисской гимназии, состоящих в пансионе, 30 было из детей русских чиновников и 40 из детей закавказских дворян³.

Еще одним светским учебным заведением на Кавказе стала открытая в 1837 г. Ставропольская гимназия. Как и Тифлисское благородное училище, Ставропольская гимназия была ориентирована прежде всего на подготовку квалифицированных чиновников для нужд кавказской администрации. Развитие Ставропольской гимназии было более последовательным во многом благодаря опыту Тифлисского училища. В истории двух крупнейших учебных заведений кавказского края можно найти много общего. При Ставропольской гимназии

¹ АКАК. Тифлис, 1874. Т. VI. Ч. I. С. 138.

² АКАК. Тифлис, 1884. Т. VIII. С. 95.

³ АКАК. Тифлис, 1885. Т. IX. С. 256.

в 1839 г. был открыт пансион, в который принимали не только уроженцев Кавказа, но и детей русских чиновников. Однако этот шаг был определен не только нуждами администрации края, но и настойчивыми пожеланиями представителей русских дворян и чиновников, живших на Кавказе. Еще в 1835 г. предводитель дворянства Кавказской области Е.Е. Ростованов в письме министру внутренних дел отмечал: «...из всех неудобств для дворян и чиновников Кавказской области главнейшее есть совершенная невозможность дать детям своим приличное воспитание; ибо хотя для детей мужского пола и имеется в Ставрополе народное училище, но преподаваемые в нем науки недостаточны для того, чтобы окончившие курс учения могли поступать на службу, сообразно с изданными для сего правилами, или в одно из высших учебных заведений... Кавказское дворянство очень бедно, почему не может отправлять детей своих для воспитания в другие отдаленные города. Притом заочное воспитание детей иногда может повредить только питомцам, и этот вред поздно уже исправить. Тогда как воспитывая детей на своих глазах, дворяне всегда могут своевременно исправить зло, происшедшее или от дурных порядков в учебных заведениях, или от нехороших учителей»¹.

Как и Тифлисское училище (гимназия), учебное заведение в Ставрополе быстро приобретает популярность и становится крупнейшим учебным заведением Северного Кавказа. Это объясняется не только острой нехваткой кадров имперской администрации и потребностями местного русского и горского дворянства, но и стремительным социально-экономическим развитием Ставрополя. Одним из самых впечатляющих показателей является рост численности населения в городе. За период 1825–1856 гг. население Ставрополя выросло в 5 раз, с 3,6 тысяч до 17,3 тыс. чел. В 1847 г. население Ставрополя составляло 12,6 тыс. чел. (порядка 1300 детей младшего школьного возраста), что существенно больше населения других городских центров Северного Кавказа. Население Моздока и Кизляра находилось на уровне 8–9 тыс. чел. (чуть меньше 1000 детей школьного возраста); Георгиевск в 1847 г. имел 2,1 тыс. жителей².

Еще более востребованным учебное заведение стало после открытия в 1842 г. при гимназии подготовительного отделения для горских мальчиков, собирающихся затем поступать в кадетские корпуса и военные вузы. Отделение было рассчитано на 50 человек. Именной список «воспитанников благородного пансиона Ставропольской губернской гимназии из детей почтенных горцев», который дается в отчете инспектора Кавказского учебного округа от 24 января 1853 г., выглядел так: «Бек-Мурза Ахлов – сын поручика, Мурза-Бек Канмурзин – прапорщик, Батыр-Гирей Кешев – князь; Заурбек Кафусов – князь, Кази Атажукин – князь, Николай Соколов, Сагай-Гирей Ханов – прапорщик, Хадис Мансуров – прапорщик, Юсуф Шихалов – сын майора, Гадо Тхостов – поручик, Касай Мансуров – князь

¹ Цит. по: *Суцый С.Я.* Образование и наука Юга России: аналитико-картографическое исследование. Ростов н/Д, 2009. Ч. I. С. 33.

² Там же. С. 34.

ногайский, Эдигей Мансуров – князь, Хаджибек Киндзов – прапорщик, Мурзабек Куденетов – сын князя»¹.

При обучении в гимназии, которое для горца становилось новым социокультурным опытом, традиционные горские обычаи продолжали присутствовать в его жизни. При этом зачастую традиции позволяли ученикам-горцам быстро освоиться и не отставать от своих русских одноклассников. Так, директор Ставропольской гимназии Я.М. Неверов писал: «Здесь дикие племена Кавказа могут служить поучительным примером для цивилизованных наций. Известно, что отдают своих детей посторонним лицам на воспитание. Атылык вполне заменяет отца, и горец понятие об аталыке переносит на начальника заведения, в коем воспитывается, потому что других отношений он не понимает. Вот почему эта система простоты, отсутствия всякой официальности, атмосфера любви, доверия необходимы для раскрытия его богатой натуры, иначе ... понятие аталыка будет нарушено»².

В Ставропольской гимназии, как и в Тифлисской, ученики обучались не только русскому языку, но и местным языкам. Большим событием в культурной жизни Кавказа стало разрешение правительства изучать в гимназии черкесский язык. Черкесский язык изучали не только горские дети, но и дети русских чиновников и офицеров по букварю, составленному преподавателем гимназии, черкесом Умаром Берсеем.

Необходимо отметить, что развитию образования и просвещения на Кавказе способствовал значительный «спрос» со стороны местного населения. Имеются сведения об обращениях местных жителей к представителям российской администрации с просьбой открыть учебные заведения для горской молодежи. Так, в частности, кабардинские аристократы в 1840 г. обращались к Начальнику центра Кавказской линии генерал-майору А.Г. Пирятинскому с вопросом об открытии при Нальчикской крепости училища³. Интересно, что для строительства здания желаемого училища они обязались самостоятельно «заготовить лес и все нужные к тому материалы»⁴. Еще более примечательной представляется позиция, занятая по этому вопросу эфендием Большой Кабарды Умаром-хаджи. Духовный лидер кабардинцев в письме к А.Г. Пирятинскому отмечал: «[Если] благомыслящее начальство воззрит милости о том, чтобы учредить в Кабарде

¹ Цит. по: *Стрекалов В.И.* Ставропольская мужская гимназия как этнокультурная контактная зона: опыт обучения горцев в русской школе середины XIX в. // Новая локальная история. Выпуск 2. Новая локальная история: пограничные реки и культура берегов: материалы второй Международной Интернет-конференции (Ставрополь, 20 мая 2004 г.) Ставрополь, 2004. С. 122.

² Цит. по: *Стрекалов В.И.* Указ.соч. С. 124.

³ Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской Республики (далее – ЦГА КБР). Ф. Р-1209. Оп. 13. Д. 24. Л. 10.

⁴ Там же.

училище для обучения кабардинских детей, то я обещаю все, что только мне в годовой доход при настоящей моей обязанности приходится будет, как то: из баранов, рогатого скота, меду, проса и прочего подлежащего мне в пожертвование от народа, по учреждению училища определяю на содержание оногo с полным удовольствием»¹. Подчеркнем, что речь шла об образовании светского учебного заведения, в котором горцы обучались бы русскому и другим языкам (восточным). Приведенное свидетельство противоречит широко распространенному мнению, согласно которому «мусульманская духовная элита Северного Кавказа с опаской следила за распространением русскоязычного светского образования»². Вероятно, часть мусульманского духовенства отчетливо осознавала масштабность последствий вхождения Северного Кавказа в культурно-цивилизационное пространство Российской империи.

Подготовка чиновников и офицеров для нужд края стала главной задачей развития образования на долгие годы. Работа учебных заведений контролировалась и направлялась лично первыми лицами российской администрации на Кавказе. Открытие учебных заведений стало до времени учреждения Кавказского наместничества наиболее значимым событием в жизни края³.

В конце 1830-х гг. имперские власти предпринимают масштабную попытку реформирования судебно-административной системы на южной окраине. В 1837 г. для обсуждения и общей координации предстоящих преобразований был образован Комитет об устройстве Закавказского края. Он приобрел особую значимость в 1840 г. Причиной этому послужило обсуждение проекта административной реформы сенатора П.В. Гана. Именно комитет был призван осуществлять «высший надзор за успешным введением за Кавказом нового гражданского устройства»⁴. О повышении статуса института свидетельствует и то, что в его состав вошли видные представители имперской бюрократической элиты: А.И. Чернышев, Е.Ф. Канкрин, П.Д. Киселев, параллельно возглавлявшие важные министерства⁵. Однако круг полномочий Комитета был ограничен, на его рассмотрение подавались дела, касающиеся исключительно хода выполнения и результатов реформы П.В. Гана⁶.

В марте того же года создается специальная комиссия для инспекции кавказских дел под руководством барона П.В. Гана, сумевшего убедить императора Николая I в необходимости распространения на Кавказ российской губернской

¹ ЦГА КБР. Ф. Р-1209. Оп. 13. Д. 24. Л. 25.

² Северный Кавказ в составе Российской империи / отв. ред. В.О. Бобровников, И.Л. Бабич. М., 2007. С. 277.

³ Гатагова Л.С. Правительственная политика и народное образование на Кавказе в XIX в. М., 1993. С. 16.

⁴ ПСЗРИ. Собрание II. СПб., 1841. Т. XV. Ч. I. С. 301.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

системы. В 1840 г. согласно проекту комиссии П.В. Гана местное управление на Кавказе было в значительной степени унифицировано с устройством внутренних губерний России. Все гражданское судопроизводство было переведено на общероссийский порядок. Исключение было сделано только для суда по шариату, который был сохранен. Реформы сенатора П.В. Гана были крайне неудачны, в своих записках барон М.А. Корф оставил о них такую характеристику: «Многое на деле оказалось несоответствующим местным нуждам, даже невозможным в исполнении; другое противное нравам и навыкам жителей возбудило ропот ... народу, лишенному прежней быстрой азиатской расправы, окутанному неизвестными и чуждыми ему формами, подверженному новым притеснениям, стало еще хуже и тяжелее, чем когда-либо...»¹

В ряде областей края вспыхнули вооруженные восстания, наиболее крупным из которых стало Гурийское восстание 1841 г. Император Николай I, желая получить достоверные сведения о военно-политической ситуации на Кавказе, отправил в край с ревизией военного министра А.И. Чернышева. О высокой степени доверия А.И. Чернышеву свидетельствуют слова высочайшего рескрипта императора: «Предоставлением вам сих прав, заменяя поездкой вашей собственное мое посещение, я убежден, что вы, вполне постигая виды мои, оправдаете мои ожидания с тем усердием и прозорливостью, с коими вы исполняли уже столько важных поручений»².

С завершением своей поездки по Кавказу в 1842 г. А.И. Чернышев представил российскому императору подробный доклад, содержащий кроме прочего рекомендации по усовершенствованию системы управления краем. Очень скоро последовали масштабные изменения в деятельности Комитета об устройстве Закавказского края. Сменив название на Комитет по делам Закавказского края, он значительно расширил свою юрисдикцию. Если ранее в учреждение поступали дела, касающиеся подготовки и проведения административной реформы, то, согласно новому положению, на рассмотрение Комитета направлялись все дела по управлению краем, в которых необходимо было участие императора³.

В то же время для решения административных проблем, с которыми столкнулась империя на Кавказе, был создан еще один профильный институт – Временное отделение в составе Собственной Его Императорского Величества Канцелярии⁴. При этом на Временное отделение возлагалось производство дел, требовавших для разрешения скорого принятия новых законодательных мер.

Состав комитета остался неизменным, а его председателем, разумеется, остался А.И. Чернышев. Таким образом, учреждение приобрело высокий статус,

¹ Корф М.А. Записки. М., 2003. С. 330.

² Цит. по: Сборник Императорского русского исторического общества. СПб., 1905. Т. СХХII. С. 256.

³ ПСЗРИ. Собрание II. СПб., 1843. Т. XVII. Ч. I. С. 891.

⁴ Там же.

превратившись из неформальной организации, а затем учреждения с ограниченными функциями в полноценный институт государственной власти.

Наряду с планами по унификации управления Кавказом в среде опытных кавказских офицеров и администраторов стали появляться проекты переустройства администрации края, основанные на накопленном местными российскими властями опыте и учете особенностей социально-политической жизни горских обществ.

В 1839 г. командующий войсками на Кавказской и Черноморских линиях П.Х. Граббе (1839–1843) составил «Проект положения об управлении мирными горскими племенами»¹. Для нас представляет интерес тот факт, что в этом документе было предложено новое административно-территориальное деление всей (подвластной империи) территории Северного Кавказа. При этом в качестве административных единиц выделялись приставства, а внутри них – округа². Отдельно обращалось внимание на необходимость учитывать в отношении местных народов «степень их покорности русскому правительству, степень развития у них гражданского устройства, их обычаи, взаимные их сношения и вообще местные обстоятельства»³.

Проект П.Х. Граббе не был реализован, но именно в его духе были выдержаны и последующие подобные преобразовательные планы. К 1842 г. относится «Очерк плана покорения кавказских горских народов» генерал-майора М.Ф. Кудашева⁴. В главе, посвященной преобразованию управления на Кавказе, М.Ф. Кудашев выделил основные принципы, в соответствии с которыми должна быть устроена местная администрация: «Им (горцам. – *Авт.*) нужно управление твердое, но справедливое, с примесью природных своих обычаев, когда эти обычаи не противуречат нравственности и благодетельным видам правительства»⁵.

Уже к началу 1840-х гг. многие представители имперской администрации на Кавказе были уверены в том, что административное реформирование в крае невозможно без интеграции с местными социальными и управленческими практиками, построенными на традиции и обычном праве. Накопление сведений об особенностях социально-политической организации и хозяйственного уклада горцев Северного Кавказа являлось немаловажным фактором в поиске оптимальной модели управления южной окраиной империи.

¹ Архив КБИГИ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 5. Л. 2.

² Там же. Л. 3–10.

³ Там же. Л. 2.

⁴ Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX – начало XX вв. СПб., 2005. С. 144–153.

⁵ Там же. С. 151.

§ 1.3. Кавказское наместничество: бегство от империи для империи

В современной отечественной историографии вопрос учреждения на южной окраине Российской империи наместничества и история дальнейшего функционирования этого института управления неизменно рассматривались сквозь призму имперской политики по «умиротворению» края. Данную исследовательскую парадигму можно назвать *взглядом из Петербурга*. Для нее характерно противопоставление центра и периферии, где первый, периодически совершая ошибки, пытается «заморозить» вторую¹.

Несмотря на всю продуктивность указанного подхода, ему свойственен и ряд серьезных недостатков, которые уже были отмечены в научной литературе². Очевидно, что для дальнейшего развития научных представлений о сущности процесса инкорпорации Кавказа в состав Российской империи перспективной представляется кардинальная корректировка оптики исследования. На смену взгляду из имперского центра должен прийти *вид из Тифлиса* – центра Кавказского края. Мы попытаемся рассмотреть историю формирования и развития Кавказского наместничества, основываясь на обозначенной инверсии.

К середине 40-х гг. XIX столетия Грузия, находящаяся в составе Российской империи уже более четырех десятилетий и бывшая главной ее опорой в крае, тяжело переживала последствия провальной административной реформы сенатора П.В. Гана. В Кахетии, Гурии, Имеретии, как и в некоторых других областях Закавказья, тлело народное недовольство, только отчасти приглушенное новыми заверениями и широкими декларациями местной администрации. На Северо-Восточном Кавказе время своего наивысшего военно-политического могущества переживала теократическая держава Шамиля, мюриды которого не боялись совершать дерзкие набеги на территории Восточной Грузии (Кахетии) и Кабарды. В Причерноморье адыги смогли нанести ряд чувствительных ударов частям русской армии, расположенным в укреплениях Черноморской береговой линии. Разобщенная кавказская администрация испытывала тотальный дефицит – ресурсов, кадров, полномочий, доверия. Свидетельством полного паралича

¹ Имперский строй России в региональном измерении (XIX – начало XX века). М., 1997; Институт генерал-губернаторства и наместничества в Российской империи. СПб., 2003. Т. I; Северный Кавказ в составе Российской империи. М., 2007; *Трепавлов В.В., Гатагова Л.С.* Государственная национальная политика на Северном Кавказе до 1917 года: особенности, специфика // Проблемы истории народов Северного Кавказа: межнациональные отношения (XX–XXI вв.). М., 2009. С. 14–69.

² *Бобровников В.* Что получилось из «Северного Кавказа в Российской империи»: послесловие редактора несколько лет спустя // *Ab Imperio*. 2008. № 4. С. 501–519; Новая имперская история и вызовы империи / И. Герасимов, С. Глебов, Я. Кусбер и др. // *Ab Imperio*. 2010. № 1. С. 19–52.

административных институтов явилось посещение края императором Николаем I еще в 1837 г., которое задумывалось прежде всего как политическое мероприятие. Весьма показательна в этом отношении и история дипломатической миссии С. Хан-Гирея, предполагавшая мифическую возможность добровольной присяги черкесских общностей на верность «белому царю». Несмотря на все старания, кавказской администрации не удалось скрыть от самодержца истинного положения вещей. Спустя несколько лет после своего памятного путешествия Николай I отметил: «После моей поездки на Кавказ, в 1837 г. я видел, что надобно было принять другие меры для управления эти краем. Дела шли хуже и хуже»¹. Для Николая I учреждение на Кавказе наместничества, во главе которого встал человек, наделенный его личным доверием, означало укрепление государственного централизма. Уже после учреждения наместничества Николай I отметил: «Я желаю и должен стараться сливать его (Кавказ. – *Авт.*) всеми возможными мерами с Россией, чтобы все составляло одно целое»². Однако для Кавказского края и его жителей (включая военных и чиновников) образование наместничества способствовало формированию чувства независимости, зримым выражением которого стало закрепление особого статуса региона в имперском пространстве России.

Огромное значение для определения политики Российской империи на Кавказе имела личность первого Кавказского наместника М.С. Воронцова, который служил на Кавказе еще под началом П.Д. Цицианова, с которым состоял в дружественной переписке³. Кавказ не был для М.С. Воронцова чем-то абсолютно новым и неведомым. Неубедительно выглядят утверждения о том, что наместник не знал и не учитывал кавказскую специфику⁴. Знаменитый ученик «летописца Кавказской войны» В.А. Потто С.С. Эсадзе так охарактеризовал «программу» Кавказского наместника: «Князь Воронцов хорошо понимал, что главный интерес России – связать разноплеменный край с империей; эта же связь могла быть прочной, если вся система управления имела бы целью разобраться во всех условиях народной жизни»⁵.

Свои политические и административные идеи М.С. Воронцов, получивший образование в Великобритании, черпал из английского опыта организации управления Индией и взглядов английских интеллектуалов-«ориенталистов», которые в это время были широко представлены в парламентских дебатах. Однако при разработке планов по административному устройству южной окраины внимательно изучался не только английский опыт управления Индией, но и французский – Алжиром.

¹ Архив князя Воронцова. М., 1892. Кн. XXXVIII. С. 388.

² Там же. С. 387.

³ Там же. С. 3–28.

⁴ Ганич А.А. На службе двух империй: жизнь генерала Мусы Кундухова // Восток (Oriens). 2008. № 4. С. 110.

⁵ Эсадзе С.С. Историческая записка об управлении Кавказом. Тифлис, 1907. Т. I. С. 89.

1 мая 1845 г. генерал барон А.Ф. Гревениц отправил управляющему делами Кавказского комитета В.П. Буткову письмо и номер французского журнала «Moniteur universel», в котором была помещена статья о французской административной системе в Алжире¹. По поручению В.П. Буткова данные материалы были переведены на русский язык и доставлены императору Николаю I. Отметим, что кроме перевода для государя был подготовлен и специальный сравнительный обзор управления на Кавказе и в Алжире. Документ содержит пометку, которая гласит: «Государь император изволил читать»². Ознакомившись с подготовленными для него материалами, император поручил председателю Кавказского комитета А.И. Чернышеву передать их Кавказскому наместнику М.С. Воронцову, что и было исполнено.

Из документа следует, что на определенной части территории Алжира, именованной «военно-гражданскими владениями», действовало гражданское управление, порученное военным лицам, которые, начальствуя над округами, осуществляли не только военные, но и судебные функции. В ходе введения на Кавказе военно-народного управления территория также делилась на округа, во главе которых стояли офицеры русской армии. В Алжире офицеру-администратору в управлении территорией оказывала содействие совещательная комиссия, состоявшая в том числе и из выборных лиц: двух европейцев и двух местных уроженцев. Как известно, имперская администрация с введением военно-народного управления опиралась в сельских обществах на выборных старшин. Отдельную категорию территории Алжира составляли так называемые арабские владения, которые были «поручены особым туземным начальникам и подчинены одному только военному управлению»³. В Дагестане в 1860–1870-х гг. во главе некоторых наибств стояли бывшие шамилевские наибы, служившие теперь российскому императору⁴. Параллели между двумя управленческими моделями очевидны. Колониальный опыт англичан и французов не только учитывался, но и целенаправленно изучался.

Учреждение Кавказского наместничества привело к концентрации огромных полномочий в руках Кавказского наместника. М.М. Сперанский однажды определил российских генерал-губернаторов как «министров на местах». Кавказский наместник являлся еще более самостоятельной и властной фигурой. По «Высочайше утвержденным правилам об отношениях Кавказского наместника» он наделялся внушительными административными прерогативами на территории вверенного ему края, обладая полным контролем над деятельностью местных институтов коронной власти. Согласно принятым правилам кавказская администрация была выведена из прямого подчинения соответствующих центральных министерств

¹ РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 765. Л. 1.

² Там же. Л. 92.

³ Там же. Л. 96.

⁴ Северный Кавказ в составе Российской империи. М., 2007. С. 197.

и ведомств. Циркуляры и предписания последних направлялись не в краевые ведомства, а на рассмотрение Кавказского наместника, который мог наложить своеобразное «вето» на распоряжения министров, в случае если находил их исполнение «невозможным или неудобным»¹.

В 1845 г. был реорганизован и Комитет по делам Закавказского края, который стал именоваться Кавказским комитетом. Наряду с централизацией властных полномочий в крае (Кавказский наместник) была проведена и централизация высших профильных учреждений в столице империи.

В феврале 1845 г. Временное отделение при СЕИВК было закрыто. С этого времени в комитет стали поступать «все дела по законодательной части и устройству вообще как Закавказского края, так и Кавказской области»².

При Кавказском комитете учреждалась отдельная канцелярия во главе с управляющим делами комитета, который назначался по выбору и представлению председателя комитета (этот пост сохранил за собой А.И. Чернышев). В свою очередь управляющий делами назначал и увольнял всех остальных сотрудников канцелярии комитета³. Представляется, что такой порядок кадровой комплектации позволял председателю Кавказского комитета создать под своим началом надежную команду единомышленников.

Период 1845–1854 гг. отмечен наибольшей активностью Кавказского комитета, который в своеобразном институциональном союзе с Кавказским наместником определял траекторию интеграции Кавказа в политическое и социокультурное пространство Российской империи. Несмотря на невиданную самостоятельность, наместник при случае всячески подчеркивал чрезмерность опеки со стороны имперского центра. Принимая то или иное важное решение, М.С. Воронцов часто с иронией добавлял: «...хорошо и то, что мне не надо спрашивать об этом в Петербурге»⁴.

М.С. Воронцов жестко и последовательно отстаивал административные прерогативы наместника. Граф всячески стремился не допустить вмешательства в кавказские дела со стороны министров, находившихся в далеком Петербурге. В черновиках одного из писем М.С. Воронцова привлекает внимание категоричное утверждение наместника: «Предположение заняться в Петербурге преобразованием теперешнего порядка гражданских дел у нас весьма меня пугает; они сделают ералаш»⁵. Наместник не принимал министерскую опеку даже в том случае, когда она была санкционирована императором.

¹ Высочайше утвержденные правила об отношениях Кавказского наместника // Полное собрание законов Российской империи. Собрание II. Т. XXI. Отделение I. 1846. СПб., 1847. С. 17–19.

² ПСЗРИ. Собрание II. СПб., 1846. Т. XX. Ч. I. С. 168.

³ Там же.

⁴ Харитонов А.А. Воспоминания // Русская старина. 1894. № 5. С. 198.

⁵ Архив князя Воронцова. М., 1892. Кн. XXXVIII. С. 410.

Примером такого случая является Высочайшее повеление, по которому в отношении управления VIII округом путей сообщения наместник должен был «испрашивать мнение» главноуправляющего (министра) путей сообщения и публичных зданий графа, генерал-адъютанта П.А. Клейнмихеля¹. М.С. Воронцов обратился к председателю Кавказского комитета А.И. Чернышеву. Выразив свое недоумение, наместник обозначил все новые сложности, с которыми неизбежно должна была столкнуться кавказская администрация. После нескольких заседаний Кавказского комитета управление VIII округом путей сообщения осталось в компетенции наместника, а по вопросам, превышающим его полномочия, он входил в отношение с председателем Кавказского комитета.

С успехом отбивая иерархические атаки петербургской бюрократии, Кавказский наместник стал для населения Кавказского края высшей инстанцией, «полудержавным властелином», с именем которого связывались все последние надежды на «милость и справедливость». Именно к Кавказскому наместнику подавались прошения на смягчение наказания, возвращения из ссылки или мест заключения². Наместник оставлял министрам и главноуправляющим только одно средство давления и контроля своей деятельности – Кавказский комитет. Между тем участие в работе Кавказского комитета являлось для министров дополнительной рабочей нагрузкой с соответствующим к ней отношением. Министры осуществляли попытки добиться перенесения некоторых дел из Кавказского комитета на рассмотрение в Комитет министров, где они могли бы, используя различные коалиционные схемы, консолидировано выступить по многим вопросам управления Кавказом, но такие попытки успеха не имели.

В этих условиях тандем наместник – управляющий делами Кавказского комитета мог на время сделать управление Кавказом более независимым от центральных ведомств. Если для министров заседания Кавказского комитета были дополнительными занятиями к основной работе по должности, то для управляющего делами комитета эта работа была главным содержанием и смыслом деятельности. Именно управляющий делами первым получал запросы наместника, мнения министров, а также вел переписку с этими и другими должностными лицами. Одной из наиболее важных функций управляющего делами было представление мнений и позиций министров на заседаниях Кавказского комитета³, которые главы ведомств посещали далеко не регулярно и с большой неохотой. Управляющий делами Кавказского комитета при наличии определенных навыков мог представить соображения министра в выгодном или, напротив, не выгодном для наместника свете. От бойкости пера и остроты языка управляющего делами зависело решение многих дел Кавказского комитета. Поддержка управляющего делами во многом гарантировала успешное прохождение представлений наместника через Кавказский комитет.

¹ РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 671. Л. 14–15.

² Там же. Оп. 26. Д. 8. Л. 137–138; Л. 257–258.

³ Там же. Оп. 1. Д. 266. Л. 2.

В годы наместничества М.С. Воронцова управляющим делами Кавказского комитета являлся один из самых талантливых чиновников-канцеляристов Российской империи В.П. Бутков. Их отношения были доверительными и едва ли не дружескими. Во многом это объясняется наличием давних дружеских связей между М.С. Воронцовым и А.И. Чернышевым. Креатурой последнего и был В.П. Бутков. А.И. Чернышев «давно знал, и ценил его редакторские способности»¹. В.П. Бутков практически всегда не без желания и азарта способствовал продвижению и принятию представлений наместника. При этом В.П. Бутков имел репутацию опытного и виртуозного канцелярского «дельца», что еще более усиливало позиции наместника в Кавказском комитете.

Некоторые отрасли управления Кавказский комитет добровольно полностью отдал на откуп наместнику. В частности, дела по учебной части, поступающие в Кавказский комитет, передавались на разрешение Кавказскому наместнику. Обращает на себя внимание канцелярская формула, неизменно сопровождающая передачу дел в компетенцию наместника: «Комитет, принимая в соображение, что дело это удобнее может быть разрешено на месте, положил: разрешение оного предоставить Кавказскому наместнику»².

Кавказский комитет запрашивал мнение наместника не только по вопросам, относящимся к административной деятельности, но и по проблемам законодательства. Находясь в поиске «наилучших законоуложений» для Кавказа, II Отделение СЕИВК разбирало законодательство грузинского царя Вахтанга VI на предмет того, «согласно ли оно с духом нашего законодательства и с теперешними местными обстоятельствами...»³ Результаты работы II Отделения СЕИВК поступили на рассмотрение в Кавказский комитет, который прежде всего запросил мнение наместника⁴.

Во второй половине 1840-х и начале 1850-х гг. сложилась особенная неформальная традиция взаимоотношений Кавказского комитета и Кавказского наместника. Не став для Кавказа особым региональным правительством, Кавказский комитет скорее играл роль своеобразного петербургского представительства Кавказского наместника. При авторитетных и влиятельных преемниках М.С. Воронцова (А.И. Барятинский, великий князь Михаил Николаевич) такое положение еще более упрочилось. Показательно, что А.И. Барятинский смог «провести» через Кавказский комитет ряд инициатив, которые пытался реализовать еще М.С. Воронцов, но оказался бессилён перед несговорчивостью членов Кавказского комитета⁵.

¹ Ремнев А.В. Самодержавное правительство: Комитет министров в системе высшего управления Российской империи (вторая половина XIX – начало XX века). М., 2010. С. 128.

² РГИА. Ф. 1268. Оп. 26. Д. 8. Л. 122.

³ Там же. Л. 477.

⁴ Там же. Л. 479.

⁵ Там же. Оп. 3. Д. 287. Л. 30.

Кроме сосредоточения власти в одних руках, с учреждением наместничества произошла и административно-территориальная централизация южной окраины. Под властью Кавказского наместника были объединены Северный Кавказ и Закавказье. В состав наместничества вошла Кавказская область с центром в Ставрополе, а областной администрации было предписано «по всем делам, власть его превышающем, не обращаясь в министерства», обращаться непосредственно к Кавказскому наместнику¹.

Центром наместничества стал Тифлис. Этот город являлся центром российской администрации в Закавказье с момента присоединения Восточной Грузии (Картли-Кахетинского царства) к Российской империи, а именно с 1801 г. И несмотря на то что должность главы имперской администрации звучала как «Главнуправляющий Грузией», а высший административный орган носил название «Верховное грузинское правительство», власть тифлисской администрации распространялась на все подвластные России территории Закавказья². Принимая во внимание определенную историческую традицию, придание Тифлису статуса центра Кавказского наместничества представляется вполне закономерным. Тем не менее с учреждением в крае наместничества значение Тифлиса как административного, экономического и культурного центра стало неуклонно возрастать. Д.И. Исмаил-Заде в одной из своих работ, посвященной проблемам демографической динамики и состава населения городов Закавказского края, отмечала: «Экономические и социально-политические функции городов не являются величиной константной, и они подвергались изменениям под влиянием действовавших факторов того же порядка»³. Период наместничества М.С. Воронцова – для Тифлиса решающий этап в эволюции «не только из города феодального в город капиталистический, но и из города восточного в город европейского типа»⁴.

Наряду с этой широкомасштабной эволюцией Тифлис приобретал все черты полноценной столицы. Этому способствовала сложившаяся несколько ранее (1820–1830-е гг.) интернациональность населения города, в котором, по словам современника, «...можно подумать, что стоишь одной ногой в Европе, а другою в Азии»⁵. В Тифлисе проживали европейцы, турки, персы и представители всех кавказских народов, объединенные городской жизнью столицы Кавказского наместничества.

¹ АКАК. Тифлис, 1885. Т. X. С. 1.

² Здесь мы, вероятно, сталкиваемся с очередным сюжетом, имеющим отношение к истории воображаемой имперской географии, что, безусловно, является темой специального исследования.

³ *Исмаил-Заде Д.И.* Население городов Закавказского края в XIX – нач. XX в. Историко-демографический анализ. М., 1991. С. 8.

⁴ Там же. С. 11.

⁵ *Барон Ф.Ф. Корф.* Проезд через Закавказский край. URL: www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1820-1840/Korf_F_F/text.htm (дата обращения: 12.03.2012).

С приездом в Тифлис М.С. Воронцова жизнь города существенно изменилась. Знатность и влияние Кавказского наместника привлекла в Тифлис многих отпрысков петербургских дворянских семейств, мечтавших сделать успешную, а главное быструю карьеру. Дом наместника очень скоро превратился в излюбленное местными элитами место встреч и великосветских бесед, при этом на Кавказе его часто называли «двором Кавказского наместника»¹. М.С. Воронцов и его окружение стали проводниками европейского влияния, которое доминировало в формировании нового облика Тифлиса. Уже в первый год наместничества М.С. Воронцова в Тифлисе было построено 86 новых строений, в том числе 15 каменных (двух- и трехэтажных). Для благоустройства тифлисских предместий, «представляющих безобразную кучу неопрятных сакель»², наместником была организована специальная комиссия. При М.С. Воронцове Тифлис приобрел тот европейский лоск, наблюдая который молодой артиллерист Кавказского корпуса Л.Н. Толстой нашел в столице Кавказского наместничества сходство со столицей империи – Санкт-Петербургом.

Кроме внешних изменений в архитектуре, Тифлис становился все более самостоятельным городским центром, приобретающим дополнительные институты, необходимые для автономного существования. Так, в 1848 г. ввиду роста населения в Тифлисе была учреждена городская полиция, а также создана квартирная комиссия, образованная для регулярного сбора квартирных денег, обеспечивающих аренду жилых помещений для военных и чиновников края. Сам наместник в отчете пояснял необходимость учреждения особой квартирной комиссии следующим образом: «Вероятно, нет города в России, который был бы обременен квартирной повинностью в такой степени, как Тифлис. Будучи центром управления обширного края, находящегося постоянно в военном положении, в нем сосредоточены отдельные военные ведомства и управления, независимо от пребывающих временно генералов, штаб- и обер-офицеров и проходящих воинских команд»³.

Таким образом, учреждение Кавказского наместничества, задуманное императором Николаем I как средство централизации управления в рамках империи, слияния всех частей государства в одно целое, привело к быстрой административной централизации отдельного края и его обособлению. Огромные должностные права и полномочия Кавказского наместника превратили главу «губернии» из местного звена гигантского бюрократического аппарата империи в самостоятельный центр власти. Власть невозможно представить без ее атрибутов, в данном случае речь идет о столице Кавказского наместничества Тифлисе, приобретшем в годы наместничества М.С. Воронцова новый облик и новое значение.

¹ Дондуков-Корсаков А.М. Мои воспоминания. 1845–1846 гг. Ч. II. Гл. VII. URL: www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1840-1860/Dondukov_Korsakov/text12.htm (дата обращения: 15.04.2012).

² АКАК. Тифлис, 1885. Т. X. С. 846.

³ Там же. С. 852.

Кавказская администрация с самого начала своего формирования постоянно испытывала недостаток квалифицированных кадров. Чиновники, обладающие достаточными знаниями и опытом, не горели желанием отправляться в «теплую Сибирь». А искатели вожденных чинов¹ и материальной наживы были малопригодны для эффективной службы на Кавказе. Выходом из этой ситуации могло быть привлечение к работе в имперских административных учреждениях местных уроженцев. Но несмотря на то что некоторые из них в первой половине XIX столетия сделали успешную карьеру на российской службе, их доля в российском административном аппарате оставалась незначительной.

Состояние дел начало меняться с назначением М.С. Воронцова на должность Кавказского наместника. С.С. Эсадзе, автор знаменитой «Исторической записки об управлении Кавказом», отмечал: «...общей системой князя Воронцова было проводить во все управления по возможности туземных чиновников и привлекать местный элемент к разработке и подготовке законодательных и административных вопросов»². В то же время «местный элемент», привлекаемый к административной работе, должен был обладать соответствующей квалификацией. Для решения этой задачи Кавказский наместник приступил к широкому реформированию образовательной сферы (на языке документов того времени – «учебной части») края.

На тот момент (1844–1845 гг.) на Кавказе существовало всего два крупных учебных заведения, а именно Тифлисская и Ставропольская гимназии. Ввиду неразвитости сети учебных заведений имеющиеся училища входили в состав Казанского и Харьковского учебных округов, попечители которых нередко с подозрением относились к автономному существованию «кавказских» учебных заведений, что становилось дополнительным препятствием для регулярного и достаточного финансирования гимназий, качественного пополнения их преподавательского состава³.

В этих условиях единственным возможным средством поставить развитие сферы образования в крае на прочную основу было создание отдельного учебного округа. На принятие необходимого решения ушло более трех лет, и в 1848 г. указом Государственного совета был учрежден Кавказский учебный округ. Таким образом, кавказская администрация освободилась от докучливой, а порой откровенно мелочной опеки попечителей соседних учебных округов и получила возможность самостоятельно определять направления развития образования в крае, контролировать и стимулировать работу в этой сфере.

В годы наместничества М.С. Воронцова вдвое увеличилось число «казенно-коштных» (обучавшихся за счет государства) воспитанников Ставропольской

¹ Хрестоматийным примером здесь служит коллежский ассессор Ковалев из повести Н.В. Гоголя «Нос».

² Эсадзе С.С. Историческая записка об управлении Кавказом. Тифлис, 1907. Т. I. С. 89.

³ АКАК. Тифлис, 1874. Т. VI. Ч. I. С. 135–136.

гимназии¹. Была реорганизована учебная деятельность Тифлисской гимназии. По инициативе Кавказского наместника в крае были открыты учебные заведения для мусульман. Первым учебным заведением для мусульман стало открытое в 1847 г. Тифлисское мусульманское училище для шиитов². В 1848 г. там же было открыто училище для суннитов. Тифлис был избран местом основания первых мусульманских училищ как центр империи на Кавказе, где наместник мог внимательно следить «за ходом и успехом этого заведения»³. В течении 1849 г. были открыты еще семь подобных училищ⁴, а общее число воспитанников мусульманских училищ составило 586 человек⁵. Кроме того, Кавказский наместник обратил внимание и на необходимость открытия в крае учебных заведений для обучения женщин. В Закавказском девичьем институте число казенно-коштных воспитанниц было увеличено на треть (с 40 до 60 девушек). Не менее важным начинанием М.С. Воронцова было учреждение благотворительного общества Св. Нино. Целью общества было учреждение первоначально в Тифлисе, а затем и в других городах «заведений для воспитания недостаточных девиц и детского приюта»⁶. Символичным представляется выбор названия общества. Равноапостольная Св. Нино – первая просветительница Грузии. История, традиции края использовались и закреплялись в номинациях наместничества.

Как видно, в «воронцовский» период на Кавказе была создана полноценная сеть средних образовательных учреждений. Но в Кавказском учебном округе не предусматривалось открытие высших учебных заведений. Таким образом, для получения квалификации, достаточной для занятия высоких административных должностей, кавказским уроженцам необходимо было пройти курс обучения в высших учебных заведениях внутренних губерний Российской империи.

Чиновники администрации наместника при его непосредственном участии составляют проект «Положения о воспитании Кавказских и Закавказских уроженцев, на счет казны, в высших и специальных учебных заведениях империи»⁷. После обсуждения в Кавказском комитете положение было доработано и введено в действие 21 июля 1849 г. Основными принципами, которые легли в основу системы распределения кавказской молодежи в российские университеты, были, во-первых, последующая применимость знаний на практике, во-вторых, эффективность государственных расходов. После окончания курса обучения выпускники обязаны были не менее шести лет прослужить на территории наместничества.

¹ РГИА. Ф. 1268. Оп. 26. Д. 9. Л. 620–621.

² В архивных документах оно именуется «Мусульманским училищем Алиева учения».

³ РГИА. Ф. 1268. Оп. 26. Д. 10. Л. 127.

⁴ В Дербенте два училища, в Баку – одно, Шемахе – два, в Шуше и Елизаветополе по одному.

⁵ АКАК. Тифлис, 1885. Т. X. С. 897.

⁶ РГИА. Ф. 1268. Оп. 26. Д. 9. Л. 624.

⁷ РГИА. Ф. 1268. Оп. 3. Д. 17. Л. 28.

Кавказский наместник лично занимался трудоустройством «кавказских воспитанников», которые получали ряд материальных и служебных льгот. Благодаря усилиям М.С. Воронцова, в Кавказском наместничестве был сформирован самобытный корпус чиновников местного происхождения, занимавших административные должности всех уровней. Кроме «кавказских воспитанников» важное место в крае занимали русские чиновники, носители специфического социального габитуса, который можно отождествить с «настоящим кавказцем» М.Ю. Лермонтова.

Если «национальные кадры» имперской администрации на Кавказе были следствием прямого конструирования, удачным примером социальной инженерии, то формирование самобытных черт российских вооруженных сил, находящихся в крае, проходило органически в течении продолжительного периода. Как отмечает В.В. Лапин, «небывалая длительность конфликта (Кавказской войны. – *Авт.*), его разнообразие, цикличность ... при отсутствии видимых целей войны и понятной для европейцев логики военных акций способствовали созданию условий, при которых войска подолгу жили в атмосфере боевых действий, что, в свою очередь, способствовало превращению их в некий *субэтнос* (курсив наш. – *Авт.*)»¹. Офицеры-кавказцы ощущали себя и Отдельный Кавказский корпус в целом «особым воинственным народом, который Россия противопоставила воинственным народам Кавказа»². Кавказский корпус, а затем и Кавказская армия отличались не только особым «кавказским» духом, но и самим своим внешним видом. Многие офицеры и вовсе облачались в традиционный горский костюм. У солдат и офицеров Кавказского корпуса сложилась особая идентичность. Ветераны корпуса, воевавшие в крае с «ермоловских» времен, именовали себя «кавказцами», а вновь прибывшие для пополнения части презрительно назывались «российскими»³.

Одним из направлений многосторонней деятельности М.С. Воронцова стала реорганизация меновой торговли на Северном Кавказе. К 1845 г. меновая торговля в регионе не только не получила должного развития, но, напротив, находилась в упадке⁴. Наместник поручил подготовить «соображения» по активизации меновой торговли статскому советнику В.В. Швецову. Он уже долгое время служил на Кавказе и был хорошо знаком с краем⁵. В 1826–1827 гг. В.В. Швецов являлся начальником Кабарды. Кроме административного опыта В.В. Швецов выделялся среди других чиновников основательными историко-этнографическими знаниями о Кавказе. Неслучайно в 1855 г. в журнале «Москвитянин» им была опубликована статья «Очерк о кавказских горских племенах, с их обрядами и обычаями

¹ Лапин В.В. Армия России в Кавказской войне XVIII–XIX вв. СПб., 2008. С. 284.

² Письмо кавказского офицера к Н.Н. Муравьеву // Русская старина. 1872. Т. VI. С. 545.

³ Подробнее о формировании особой общности кавказских частей российской армии на Кавказе см.: Лапин В.В. Указ. соч. С. 279–309.

⁴ РГИА. Ф. 1268. Оп. 26. Д. 8. Л. 192.

⁵ Там же.

в гражданском, воинственном и домашнем духе»¹. Рассчитывая на опыт и познания своего подчиненного, М.С. Воронцов надеялся на «прочное основание к развитию нашей торговли с горцами»².

В.В. Швецов подготовил проект, который рассматривался на заседании Кавказского комитета – высшего центрального органа в управлении Кавказом – 22 июня 1845 г. В данном проекте отразилось очень многое из того, что писал о роли, месте и последствиях развития торговли Г.Г. Гагарин. «Торговая промышленность» должна была «заставить» горцев сблизиться с российскими обычаями и правовыми нормами. С развитием торговли народы Кавказа «ознакомятся с новыми нуждами», удовлетворение которых позволит преодолеть их «наклонность к грабежу», а также оценят новые пути к жизни в достатке и благоустройстве. Итогом реорганизации торговли на подобных началах В.В. Швецову виделась существенная общая польза, взаимное доверие, миролюбивая жизнь горцев³.

Конкретные меры, которые предлагались для реформирования меновой торговли на Северном Кавказе, состояли в следующем:

1. Торговля строилась на свободных отношениях между горцами и русскими купцами, промышленниками, которые не подвергались административному регулированию.

2. Пункты меновой торговли располагались в непосредственной близости от городов и укреплений Кавказской линии, т. е. непосредственно в приграничных (фронтирных) территориях, легкодоступных для кавказских жителей.

Несмотря на опасения развития контрабанды, которые на заседании Кавказского комитета озвучили министры финансов и внутренних дел⁴, проект В.В. Швецова был одобрен. Меновые дворы были учреждены в Кизляре, станциях Червленной и Наурской, Моздоке, станице Прохладенской, Пятигорске, станице Баталпашинской, Прочном окопе, Усть-Лабинске и Екатеринодаре. Горцы привозили на меновые дворы: лес, медь, воск, бурки, войлок, самодельное сукно, конские уборы, масло, сало, лошадей, мелкий скот. Продуктами обмена русских купцов и промышленников являлись: сафьян, холст, платки, низкой цены шелковая и бумажная материя, ножницы, зеркала.

В 1847 г. действие «Положения о меновой торговле с горцами» было распространено и на земли Черноморского казачьего войска. При этом пункты меновой торговли были учреждены непосредственно на кордонной линии, но купечеству было позволено торговать и за пределами Черноморской кордонной линии, на землях черкесских племен⁵. Русские купцы охотно пользовались этой возможностью.

¹ См.: *Швецов В.В.* Очерк о кавказских горских племенах, с их обрядами и обычаями в гражданском, воинственном и домашнем духе. Нальчик, 2010.

² РГИА. Ф. 1268. Оп. 26. Д. 8. Л. 193.

³ Там же.

⁴ Там же. Л. 197.

⁵ Там же. Д. 11. Л. 411.

Так, например, ставропольские купцы Цырульников и Бабаев оставили свой торг на Прочноокопском меновом дворе и стали вести торговлю за Кубанью. Среди русских купцов, торговавших с горскими народами, широкой известностью пользовался купец 3-й гильдии Иван Лебедев, который за 24-летний период вошел в «совершенную доверенность» к местным жителям и «вел обширный круг торговли, преимущественно с горцами», имел лучшую гостиницу, первые лавки во Владикавказе, Назрани и на Сунже. Кроме того, торговлю вели моздокский купец Антон Никитин, балашовский купец Иван Никонов и др.¹

В ходе торговых операций русские и горцы вступали в отношения, которые были много содержательнее обычного товарообмена. Жизнь и быт местных жителей, вступавших в мирные контакты с переселенцами, претерпевали изменения. Этим горцам, как писал в октябре 1850 г. начальник Черноморской кордонной линии генерал Г.А. Рашпиль, «...трудно теперь стать в уровень с теми горцами, которые незнакомы ни с какими удобствами жизни»².

Кавказское наместничество являлось уникальным административно-территориальным образованием Российской империи, во главе которого стоял наместник с широчайшими полномочиями, а административный аппарат комплектовался из местных уроженцев. К этому необходимо добавить, что Кавказский корпус (с 1857 г. – Кавказская армия) к середине XIX в. был самобытен в такой степени, что представлял собой уже не столько армейское подразделение империи, сколько вооруженные силы наместничества. После учреждения на Кавказе наместничества и в ходе реформ М.С. Воронцова край, а вместе с ним и имперские институты становились все более «кавказскими». Значение деятельности М.С. Воронцова для Кавказа трудно переоценить. Наместник не только «преобразил» край, но определил вектор дальнейшей политики для своих последователей. Автор «Исторической записки об управлении Кавказом» Семен Эсадзе не зря подчеркивал, что «как князь Барятинский, так и Великий князь Михаил Николаевич стремились осуществить программу, намеченную князем Воронцовым»³. Кроме того, известно свидетельство, согласно которому сам князь А.И. Барятинский однажды якобы сказал: «Мне досталась жатва Воронцовского посева!»⁴

Для имперского центра главным содержанием административных преобразований в крае было их функциональное, утилитарное значение, в то время как для местной многонациональной элиты немаловажным являлся и их символический характер. Кавказское наместничество оказалось наиболее подходящей административно-политической формой организации края в структуре

¹ Дон и степное Предкавказье. XVIII – первая половина XIX в. (заселение и хозяйство). С. 197.

² Цит. по: *Покровский М.В.* Социальная борьба внутри адыгейских племен в конце XVIII – первой половине XIX вв. и ее отражение в общем ходе Кавказской войны. М., 1956. С. 26.

³ *Эсадзе С.* Историческая записка об управлении Кавказом. Тифлис, 1907. Т. I. С. 90.

⁴ Русская старина. М., 1881. Т. XXX. С. 909.

Российской империи. Другими словами, России удалось присоединить Кавказ, только заменив его Кавказским наместничеством, бегство которого от империи было одновременно и бегством для империи.

Убийство Александра II стало поворотным моментом в истории России. Начавшаяся эпоха контрреформ привнесла значительные перемены и в кавказскую политику. В 1881 г. упраздняются должности Кавказского наместника и его помощника, начальника Главного управления и его департамент. Функции наместника передавались главноначальствующему гражданской частью с ограниченной самостоятельностью¹. В 1882 г. ликвидировались наместничество, что объяснялось включением Кавказа в единую административную систему России, и Кавказский комитет как утративший свои функции. Создавались Совет главноначальствующего и управление отдельными частями различных ведомств.

Взятый в пореформенную эпоху курс на форсированную интеграцию кавказского края с внутренними губерниями империи в рамках единого, унифицированного административно-правового поля, предполагавший, кроме того, ограничение особых полномочий, предоставленных в свое время местным властным структурам в пользу общеимперских государственных институтов, не только себя не оправдал, но оказался дополнительным катализатором развития общественно-политических процессов, приведших к нарастанию системного кризиса в регионе.

Модернизация региона, проведенная империей в XIX столетии, привела к формированию и развитию на Кавказе ряда национальных движений. Историк З.Д. Авалов писал о грузинском национальном возрождении: «Для правильной оценки этих явлений необходимо помнить, что Грузия в начале XIX века переменила азиатское средневековое на российский казарменно-канцелярски-патриархальный строй; что две почти трети этого века заполнены были на Кавказе военной эпопеей, в которой грузины принимали живое участие; что духовное и политическое возрождение народов-неудачников есть продукт европейского свободолюбия...»² Эти слова справедливы не только для Грузии, но в большей или меньшей степени применимы и для других кавказских территорий. Общеимперский политический контекст революции 1905–1907 гг. способствовал запоздалой «весне народов» на Кавказе³. Среди местных факторов, приведших к массовым национальным выступлениям в крае и давших «противоположные их цели результаты», можно выделить «особые приемы» по «русифицированию края», широко практиковавшиеся Г.С. Голицыным, управлявшим краем в 1896–1905 гг.

Наряду с обострением «национального вопроса» признаком системного кризиса в начале XX столетия на Кавказе стал и растущий социальный протест.

¹ Северный Кавказ в составе Российской империи. М., 2007. С. 202.

² Формы национального движения в современных государствах. СПб., 1910. С. 477–478.

³ *Капеллер А.* Образование наций и национальные движения в Российской империи // Российская империя в зарубежной историографии. М., 2005. С. 401.

Неслучайно главными очагами революционного движения стали крупные городские промышленные центры: Тифлис, Кутаиси, Батуми, Потти, Баку.

На Северном Кавказе сопротивление властям приобретало особые формы. Так, ввиду общего ослабления власти в горных и предгорных районах Терской, Кубанской и Дагестанской областей, а также в Северном Азербайджане появились банды разбойников-абреков. Главари банд были способны контролировать целые районы, где в условиях дефицита официальной власти устанавливали новый «справедливый» порядок. На примере стихийной канонизации погибших в это время абреков, объявлявшихся святыми (шейхами)¹, можно видеть и то, как империя проигрывала борьбу в идеологической сфере, где универсалистские имперские принципы и идентичность уступали свои позиции радикальным этно-религиозным убеждениям.

Системный кризис на Кавказе в начале XX в. был обусловлен как местными условиями и особенностями протекания общественно-политических процессов, так и общеимперским контекстом первой русской революции 1905–1907 гг. Основными признаками системного кризиса в этот период стали, во-первых, бессилие властей перед лицом развития национальных движений народов Кавказа и их радикальной политизации, во-вторых, упущенное время для сглаживания социальных противоречий и полной или частичной реализации требований трудящихся масс, в-третьих, кризис имперской идеологии.

В этой связи на повестку дня встал вопрос как о внесении корректив в правительственную политику на Кавказе, так и о создании там такого административного механизма, который мог бы не только применять силовые методы в борьбе с революционным движением, но и согласовывать «начала общегосударственного порядка с местными потребностями» и «удовлетворять последние быстро, по возможности в момент их возникновения»².

26 февраля 1905 г. Николай II подписал указ «О восстановлении должности наместника на Кавказе»³. Наместником был назначен крупный государственный деятель, бывший министр императорского двора и уделов, входивший в ближайшее окружение Александра III, граф И.И. Воронцов-Дашков. Как и его наиболее известные предшественники на этом посту М.С. Воронцов и А.И. Барятинский, И.И. Воронцов-Дашков начинал карьеру именно на Кавказе, где принимал участие в боевых действиях на завершающем этапе Кавказской войны. Наместник наделялся особыми полномочиями в гражданской и военно-полицейской областях управления; являлся членом Государственного совета, Совета и Комитета

¹ *Бобровников В.О.* Мусульмане Северного Кавказа: обычай, право, насилие. М., 2002. С. 82.

² Цит. по: *Флоринский М.Ф.* Центральная власть и кавказская администрация в системе управления Российской империей в 1905–1914 гг. // Центр и регионы в истории России. СПб., 2010. С. 381.

³ Законодательные акты переходного времени. 1904–1908 гг. М., 2010. С. 28–29.

министров, главнокомандующим войсками наместничества, войсковым атаманом кавказских казачьих войск. Как и ранее, он непосредственно подчинялся лично императору.

Кризисные явления на Кавказе, во многом заставившие официальный Петербург вернуться к проблемам полувековой давности, реанимировали и один из наиболее успешных имперских институтов управления краем. Само по себе воссоздание кавказского наместничества означало «обособленность края» и признание его специфики центральным правительством.

Наместничество являлось победоносным институтом, с именами кавказских наместников связывалось окончание казавшейся бесконечной Кавказской войны. Кроме того, данный институт пользовался авторитетом среди местного населения, которое с восстановлением наместничества связывало надежды «на гражданское и культурное обновление во многом обветшавших условий кавказской жизни»¹.

О пореформенной стагнации социально-экономического и культурного развития Северного Кавказа свидетельствуют материалы «Политического обзора Терской области и Ставропольской губернии за 1899 г.»: «Туземное население Терской области при полном вооружении и при своей обособленности все также остается фанатиками своей веры, отсюда и отношение их к другому населению иного вероисповедания, в особенности к христианам, полно ненависти и презрения. Такое отношение помимо религиозного фанатизма еще усугубляется дикостью нравов и обычаев и на этой почве естественно возникает масса убийств, разбоев и грабежей»².

Причиной такого положения дел была растущая неэффективность имперских институтов управления; как отмечается в обзоре, «... учреждения администрации, которые ближе стоят к народу, исполняют лишь чисто полицейские обязанности и в деле своевременной помощи нуждам населения, по незнанию туземных языков, находится в зависимости от переводчиков-туземцев же»³.

Об остроте положения на Кавказе в начале XX в. ярко свидетельствуют строки из письма начальника Терского областного жандармского управления от 29 апреля 1905 г.: «... столь трудно доставшийся нам Кавказ – бочка с порохом, которую следует оберечь от искры, хотя бы самого слабого напряжения, достаточной чтобы весь его взорвать»⁴.

«Успокоение края» было главной задачей нового наместника, для реализации которой И.И. Воронцов-Дашков планировал использовать различные меры, проводя политику комплексного характера. Однако в первые годы своего наместничества И.И. Воронцову-Дашкову не удалось добиться ощутимых

¹ Цит. по: *Флоринский М. Ф.* Центральная власть и кавказская администрация... С. 389–390.

² Архив КБИГИ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 1. Л. 2–3.

³ Там же. Л. 3.

⁴ Там же. Л. 13.

положительных результатов. В столице империи активно обсуждался вопрос о смене наместника, а также об упразднении самого института. В отношении этого вопроса Николай II проявил не свойственную ему решительность и отверг инициативы, исходящие от С.Ю. Витте, сохранив институт наместничества и И.И. Воронцова-Дашкова на посту его главы.

Личное доверие императора позволило И.И. Воронцову-Дашкову с большей уверенностью претворять в жизнь намеченную программу. Являясь приверженцем принципов регионализма, он исходил из необходимости учета специфики традиций местного населения, сложившихся норм и практик «обычного» управления. Наместник отменил указ о секуляризации имущества Армяно-григорианской церкви. Ввел в состав Совета наместника наблюдателей от общественных организаций для участия в обсуждении спорных вопросов. Военно-народное управление, все еще действовавшее на территории Дагестана, постепенно трансформировалось в гражданское. В 1906 г. было созвано совещание представителей мусульманского населения Кубанской и Терской областей, выработавшее положение об учреждении самостоятельного духовного управления для мусульман Северного Кавказа. В 1913 г. в Дагестане был создан институт мировых посредников, назначаемых местным военным губернатором из российских чиновников и «коренных» владельцев¹.

Время наместничества И.И. Воронцова-Дашкова стало значимым для развития кавказской учебной части. К 1913 г. начальных училищ на Кавказе насчитывалось уже 3 037, а число учащихся в них составляло 302 664 чел. Количество общеобразовательных низших училищ достигло 107 и охватывало 20 тыс. учеников; соответственно средних учебных заведений имелось 263 (25 тыс. учащихся); специальных учебных заведений для подготовки учителей – 24 (1 100 обучающихся); промышленных училищ – 29 (3 тыс. учеников)².

Оценивая значение образовательной сферы для развития края, предпоследний кавказский наместник И.И. Воронцов-Дашков отмечал: «Несомненно, что правильно поставленная русская народная школа, с началами грамотности на материнском языке, является первейшим средством для воздействия на мусульман русским мировоззрением. Она спасает их от вредной, с государственной точки зрения, пропаганды панисламизма и пантюркизма в школах с турецкими преподавателями и учебниками, проникнутыми нерусскими идеями, и на языке преподавания, чуждом населению, вроде арабского или адзербайджанского (так в тексте. – *Авт.*) (чуждый для всех горцев), – в тех частных мусульманских школах, куда население посылает своих детей за неимением достаточного количества русских школ»³.

¹ Всеподданнейший отчет за восемь лет управления Кавказом графа И.И. Воронцова-Дашкова. СПб., 1913. С. 17–18.

² Там же. С. 30–31.

³ Там же. С. 10.

Повторное учреждение кавказского наместничества способствовало стабилизации положения на Кавказе. Наместничество, являясь зримым выражением «обособленности» края, смогло на время стать приемлемой административно-политической формой организации для местной интеллектуальной элиты, стоявшей во главе национального движения на Кавказе. Наместнику удалось отчасти гармонизировать социальные отношения в регионе. Новый этап в развитии школьного образования позволил империи вернуть многие утраченные позиции в идеологической борьбе с радикализмом. В то же время в Петербурге считали наместничество институтом «переходного времени». Правительство постоянно колебалось в вопросе о необходимости для Кавказа этой формы управления.

ГЛАВА II. СОВЕТСКИЙ ПРОЕКТ ФОРМИРОВАНИЯ СЕВЕРО-КАВКАЗСКОГО РЕГИОНА

Новый этап в развитии административно-территориального управления Северным Кавказом оказался тесно связанным с революционными потрясениями начала прошлого века. Кризис общероссийской власти в феврале 1917 г. и ее неспособность обеспечить элементарный порядок упразднили старую структуру управления краем и вызвали к жизни различные формы политической активности его народов. Такими формами на Северном Кавказе стали Союз горцев Кавказа, Юго-Восточный союз казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов степей, «белая» Горская республика. На протяжении многих десятилетий советские историки видели в них лишь орудие «классовой консолидации буржуазно-националистических сил», направленных на борьбу с революцией. Между тем образование того же Союза горцев Кавказа подчеркивало лишь стремление народов к самосохранению в условиях революционной смуты. Анализ его политической программы и конституции свидетельствует о том, что Союз выступал за федеративный принцип государственного устройства демократической России¹. Реализация этого принципа нашла отражение в образовании исполнительных окружных комитетов, которые и стали первой формой политического самоопределения народов региона. Однако непродолжительность их существования не привела к сколько-нибудь значительным переменам в сложившейся системе управления и границ региона, которые оказались связанными с возникновением новых административно-территориальных образований – советских республик.

§ 2.1. Советские республики: от «союза народов и племен» до областных автономий

В 1917–1920 гг. на территории Северного Кавказа возникли Кубано-Черноморская, Терская, Ставропольская и Северо-Кавказская советские республики. Они образовывались в старых административных границах областей и губерний. Одной из дискуссионных проблем в осмыслении государственного строительства на Северном Кавказе по-прежнему остается вопрос о той роли, которую они сыграли в процессе его развертывания и осуществления. Созданные в ходе ожесточенного военного противостояния Кубано-Черноморская, Терская и Северо-Кавказская республики явились по существу первым опытом взаимодействия населявших их народов в послереволюционной России. Несмотря на кратковременность своего существования и достаточно прагматичные цели

¹ *Музаев Т.М.* Союз горцев. Русская революция и народы Северного Кавказа, 1917 – март 1918 года. 2-е изд., исп. и доп. Нальчик, 2012.

образования, они тем не менее свидетельствовали о начавшемся советском строительстве в регионе. Оно потребовало учета и тех специфических особенностей, которые отличали его многонациональное население. Как свидетельствуют многочисленные документы, административные автономии того времени возникали по инициативе правительства и в основном явочным порядком. Причинами их появления чаще всего оказывались экономические, бытовые, культурные, религиозные, языковые особенности региона, отдаленность от столицы и вызванная этим сложность связи с центром страны¹.

Эволюция государственного единства России в 1917 г. имела тенденцию к ослаблению централизации страны. Местные советские республики как раз и олицетворяли собою начавшийся процесс укрепления государственной власти, положив начало принципиально новому этапу обретения народами собственных административно-территориальных образований². Историки по-разному оценивали и сами факты их возникновения, и то воздействие, которое республики оказали на обретение нерусскими народами собственных национальных автономий. В данной связи О.И. Чистяков отмечал: «Развитие советской национальной государственности в годы гражданской войны идет в двух основных направлениях: создание в западных и южных районах страны независимых советских социалистических республик и строительство автономных образований внутри РСФСР»³. Именно с первыми автономными образованиями отечественная историография и стала связывать истоки развернувшегося впоследствии национально-государственного строительства на Северном Кавказе. Однако при общей схожести позиций исследователей, разделявших эту точку зрения, среди них существовали и определенные отличия, вызванные тем, какие конкретно областные автономии считать исходными и более значимыми для становления национальных образований.

В свое время А.М. Бугаев, анализирувавший историографию национально-государственного строительства народов Северного Кавказа, отметил присущие ей две основные точки зрения на начало развития советской национальной государственности в регионе. Одна из них, названная историком традиционной, связывала его с Терской автономной республикой, вторая относила его к появлению национальных округов, входивших в состав Горской АССР⁴. Вместе с тем

¹ Сенцов А.А. Развитие Российского государства после Февральской революции 1917 г. Краснодар, 1994. С. 200.

² Сенцов А.А. Создание советской государственности на Кубани в 1917–1918 гг.: автореф. дис. ... канд. юр. наук. М., 1968. С. 8–9.

³ Чистяков О.И. Национально-государственное строительство в РСФСР в годы гражданской войны (1918–1920 гг.). М., 1964. С. 5.

⁴ Бугаев А.М. Основные этапы становления и развития национальной государственности народов Северного Кавказа. 1917–1936 гг. Историографический обзор // Из истории социалистического и коммунистического строительства в СССР. Сб. статей. М., 1978. С. 129, 134.

в оценках деятельности руководства Кубано-Черноморской и Северо-Кавказской республик историками нередко подчеркивалась и та роль, которую они сыграли в национальном самоопределении горских народов Кубани и Черноморья.

Источниковая база проблемы складывалась в основном из исторических свидетельств двух видов – официальных постановлений партии и правительства, а также различного рода архивных документов, повествующих о состоянии дел в регионе, и мемуарной литературы. Следует отметить, что в течение длительного времени они не отличались содержательным разнообразием, что отразилось и на однотипности многих исследований. В последние годы историки значительно расширили географию и тематику используемых источников. В научный оборот вводятся документы региональных архивохранилищ, материалы, содержащиеся в первых послереволюционных работах, которые стали в настоящее время библиографической редкостью. Постепенно происходит обновление фактологической основы исследований в данной области, что находит отражение и в переосмыслении природы и причин образования первых советских республик в регионе.

Советское строительство на Северном Кавказе в годы революции и Гражданской войны стало предметом профессионального осмысления уже в первое послеоктябрьское десятилетие. Н.Л. Янчевский, автор одной из немногих работ по истории гражданской борьбы в крае того времени, обратил внимание на природу и характер самой советской власти и порожденных ею впоследствии республик: «В понятие “власти СНК” вначале не везде вкладывалась диктатура пролетариата. В некоторых станицах на Дону, на Кубани, на Тереке советская власть сводилась к тому, что атаманов переименовывали в комиссаров»¹. По его мнению, провозглашение советской власти на Кубани явилось результатом ожесточенной гражданской борьбы, что не могло не отразиться на структуре самой власти большевиков в области. Факт появления Кубанской республики историк связывал прежде всего с решением стоявших перед нею классовых и военных задач.

Достаточно показательна и оценка Н.Л. Янчевским природы Терской Народной республики, которая «была попыткой превращения буржуазной автономии в социалистическую в условиях многонационального и пестрого по своему экономическому укладу края. Она была противопоставлена не только автономии феодалов и крупной буржуазии – Горской республике, но и мелкобуржуазной автономии меньшевистской Грузии, пытавшейся распространить свое влияние на Северном Кавказе»². По мнению автора, именно национальный вопрос в его конкретной постановке определил и политику терских большевиков, и структуру власти советского типа – Терский Народный совет³. В свою очередь, невнимание кубанских властей к национальным особенностям населения республики привело

¹ Янчевский Н.Л. Гражданская борьба на Северном Кавказе. Ростов н/Д, 1927. Т. 2. С. 3.

² Там же. С. 32.

³ Там же. Т. 1. С. 70.

к провалу советской работы среди черкесского крестьянства¹. Обращает на себя внимание и используемая автором терминология. Понятие автономии, причем автономии с отчетливо выраженным национальным характером, связывается им только с Терской республикой, появление которой во многом обуславливалось военными и идеологическими обстоятельствами времени. В отношении Кубанской и Северо-Кавказской республик употребляется исключительно понятие советской республики, вызванной к политической жизни ожесточенным гражданским противоборством в регионе.

Советские республики на Северном Кавказе стали и предметом самостоятельного изучения. Истории их возникновения и существования была посвящена обширная работа председателя Кубано-Черноморского ВЦИКа И.П. Борисенко. По оценке Северо-Кавказского истпарт, она являлась «первой попыткой, эскизом работы, специально освещающей историю 1918 года в развитии гражданской борьбы на Северном Кавказе»². Автор отметил чрезвычайно сложную обстановку, в которой развернулось советское строительство в крае. Так, необходимость образования Кубано-Черноморской республики диктовалась военными соображениями, экономической взаимозависимостью соседних областей, оказавшихся отрезанными от центральной власти. В качестве основной цели ее практической деятельности называлась «организация централизованного, единого руководства для успешного преодоления всех препятствий, стоящих на пути выполнения очередных задач советской власти». В качестве таковых намечались слияние Кубано-Черноморской республики с соседними республиками с целью образования единой Южно-Русской республики, снабжение хлебом пролетарских столиц, центрального промышленного района и Красной армии³.

Однако наибольшие трудности советское строительство встретило на Тереке: «Терская область к войне и революции представляла из себя экономически самый маломощный, с чрезвычайно запутанными социальными отношениями и с крайне резким проявлением межнациональных антагонизмов район во всем юго-восточном крае»⁴. Революционное и национально-освободительное движение здесь основывалось на необычайной остроте и запутанности аграрных отношений. Именно с разрешением аграрного вопроса связывалась судьба революции на Тереке и прочность позиций советской власти. Автор указывал, что и «национальные антагонизмы своим экономическим стержнем имели прежде всего земельные отношения как в первую очередь основных трех социальных групп деревенского населения области, казаков, иногородних и горцев,

¹ Янчевский Н.Л. Гражданская борьба на Северном Кавказе. Т. 1. С. 71.

² Борисенко И. Советские республики на Северном Кавказе в 1918 году. Ростов н/Д, 1930. Т. 1. С. 13.

³ Там же. С. 183.

⁴ Там же. Т. 2. С. 12.

между собой, так и отдельных горских народов, находившихся по отношению друг к другу в разнообразных условиях»¹.

И.П. Борисенко определил и политическую географию Терской революции в 1917–1918 гг., исходя из размещения и численности в земельном отношении малообеспеченных и обездоленных групп населения и народов. К горячим сторонникам революции он отнес иногородних Кизлярского и Пятигорского отделов, чеченцев и ингушей, небезосновательно полагая, что «именно национальный вопрос дал основную окраску всему процессу развертывания революции на Тереке ... Если на Дону и Кубани основное русло борьбы на этой стадии завершения буржуазно-демократической революции определялось борьбой между казачеством и иногородними, то на Тереке эта борьба в основном вылилась в столкновение между казачеством и горцами»². Необходимость ликвидации межнациональной розни в области определила собою и создание особого органа власти – Терского Народного совета, который рассматривался большевиками в качестве временной альтернативы власти Совета Народных Комиссаров. Народный совет оценивался как орган, «способный объединить демократию Терской области и явиться авторитетным в низах масс населения без различия сословий и национальностей»³. Именно такой подход к решению национального вопроса позволил большевикам добиться признания Терской области составной частью Российской Федерации, стать «союзом народов и племен», чье политическое участие в ее управлении выражалось в пропорциональном представительстве в составе единого органа областной власти. Вместе с тем преобразование области в советскую республику диктовалось соображениями внешнего порядка: появлением Терско-Дагестанского правительства и обострением военных действий на Северном Кавказе. В ее деятельности национальный момент должен был уступить моменту политическому, который в перспективе предусматривал включение Терской республики в более широкое объединение – Южно-Русскую республику⁴.

Такое видение и оценка событий, принадлежавших непосредственному их участнику, позволили последующим поколениям исследователей связывать начальный этап национально-государственного строительства на Северном Кавказе именно с Терской республикой. Более того, сама работа И.П. Борисенко стала своеобразным источником по изучению революции в области, а частое обращение к ней историков превратило ее в значительное событие отечественной историографии. Дальнейшая разработка проблемы становления и развития национальных образований народов Северного Кавказа повлекла за собою появление конкретных исследований, где сформулированные в 1920–1930-е гг. положения нашли свое органичное продолжение. Интерес исследователей к начальному

¹ *Борисенко И.* Советские республики на Северном Кавказе в 1918 году. Т. 2. С. 16.

² Там же. С. 47.

³ Там же. С. 55.

⁴ Там же. С. 131.

этапу национально-государственного строительства на Северном Кавказе возобновился в конце 1950–1960-х гг. Именно в эти годы в связи с непосредственной разработкой проблем становления национальных автономий отдельных народов выявилась настоятельная потребность в более аргументированном обосновании их административно-территориальных истоков¹.

Уже в изучении истории советской автономии Северной Осетии в 1950-е гг. обозначились две исследовательские позиции. Одна из них была изложена в диссертационном исследовании А.А. Аствацатурова, проанализировавшего значение образования Северо-Осетинского национального округа в составе Горской АССР для социалистического строительства в Северной Осетии и процесса национальной консолидации осетинского народа. По его мнению, «образование национального округа осетинского народа закономерно закрепило за осетинским народом его национальную территорию, способствовало быстрому развитию и укреплению социалистической экономики Северной Осетии, развитию национальной по форме и социалистической по содержанию культуры осетинского народа»². Другая точка зрения нашла отражение в исследованиях Р.С. Мулукаева, связавшего становление автономии осетинского народа с коллективной автономией Терской Народной республики. По его представлениям, она являлась наиболее целесообразной формой национально-государственного устройства горских народов в тех конкретно-исторических условиях и была способна помочь им преодолеть социально-экономическую и культурную отсталость, отстоять свою независимость от империалистических государств³. Исследователь отметил и тот факт, что непродолжительность существования Терской республики не позволила ей в полной мере создать и развить национальную государственность народов региона.

В данной связи достаточно показательна и его оценка самой правовой природы и социально-политической сущности Терской автономной советской республики. Отметив, что мероприятия советской власти по освобождению народов России от национального и социального гнета встретили на своем пути большие препятствия, Р.С. Мулукаев указал на необходимость их преодоления в форме такой организации власти, которая была бы понятна и близка народам окраин.

¹ *Стороженко С.* Черкесия. Историко-экономический очерк. Ставрополь, 1951; Черкесская автономная область. Посвящается 25-летию автономии советской Черкесии. 1928–1953. Черкесск, 1954; *Аствацатуров А.А.* Руководящая роль Коммунистической партии Советского Союза в формировании и развитии осетинской социалистической нации: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ереван, 1957; *Мулукаев Р.С.* Из истории Терской Автономной советской республики (март 1918 – февраль 1919 г.) // Известия Северо-Осетинского НИИ. 1958. Т. XXI. Вып. 1; *Его же.* Образование Северо-Осетинской АССР: автореф. дис. ... канд. юр. наук. М., 1958; *Его же.* Развитие советской государственности в Северной Осетии. Краткий историко-юридический очерк. Орджоникидзе, 1958.

² *Аствацатуров А.А.* Указ. соч. С. 8.

³ *Мулукаев Р.С.* Развитие советской государственности в Северной Осетии. С. 32.

Такой политической организацией могла бы и действительно стала советская автономия, явившаяся «важнейшим средством разрешения национального вопроса» и «орудием борьбы против буржуазно-сепаратистских стремлений оторвать национальные окраины от Советского государства»¹. Терская автономия стала конкретной формой установления советской власти в регионе, создавала возможность установления прочного союза между русским рабочим классом и крестьянскими массами Северного Кавказа, объединила «весьма скудные экономические ресурсы для борьбы с внутренними и внешними врагами».

Исследователь обратил внимание и на особенности возникновения Терской автономной республики. Она была образована без непосредственного участия государственных органов РСФСР и не получила законодательного закрепления с их стороны. Однако «вся история ее создания говорит о том, что Терская автономия возникла в результате мероприятий Коммунистической партии и Советского государства по национальному вопросу, который являлся политической и правовой основой образования Терской автономной республики»². Оценивая с государственно-правовой точки зрения ее значение, он особо подчеркнул, что «она явилась началом развития советской государственности горских народов Северного Кавказа, единой и общей для всех них, получившей свое более четкое и определенное выражение впоследствии, в период существования Горской АССР»³. Вместе с тем уже сами непосредственные участники и очевидцы событий того времени были не столь единодушны в своих оценках политической и правовой природы Терской республики. Многие из них, в частности Д.З. Корнев, указывали на ее демократический характер, имевший мало общего с программными установками большевиков⁴. В данной связи представляется корректнее говорить о том, что причиной ее возникновения явились не усилия большевиков и советского правительства, а сам ход развития событий на Тереке. Тактика большевиков просто оказалась более гибкой, а их идеи – наиболее созвучными настроениям подавляющего большинства населения области.

Наиболее развернутое изложение данная позиция в рассматриваемый период получила в работах О.И. Чистякова⁵. Исследователь, проанализировав развитие советской национальной государственности в условиях гражданского сопротивления, указал на ее тесную связь с первыми автономными республиками в составе РСФСР – Терской, Кубано-Черноморской, Донской и Таврической, – которые образовались еще в ходе проведения Октябрьской революции. Однако они не выдержали испытания временем, так как «не вполне соответствовали

¹ Мулукаев Р.С. Из истории Терской Автономной советской республики. С. 6–7.

² Там же. С. 9.

³ Там же. С. 23.

⁴ Корнев Д.З. Революция на Тереке. 1917–1919 гг. Орджоникидзе, 1967. С. 69.

⁵ Чистяков О.И. Национально-государственное строительство в РСФСР в годы гражданской войны; *Его же*. Становление Российской Федерации. М., 1966.

национально-территориальному принципу, лежащему в основе построения советского государства»¹. Республики были провозглашены в рамках прежних до-революционных административных единиц, чьи границы не соответствовали реальному расселению народов, а их существование оказалось недостаточно оформленным в правовом отношении. По мере усиления централизованного руководства национально-государственным строительством появилась еще одна особенность советской автономии – она начала строиться «по последовательно проведенному национальному принципу» и провозглашалась сверху актами центральной власти².

Строительство автономий развернулось с особой силой в конце Гражданской войны. В тот период автономии возникали тройким способом. Некоторые народы впервые создавали свои национально-государственные образования, другие восстанавливали их на новом уровне, а третья группа автономий создавалась путем реорганизации уже существовавших образований. Так, Горская АССР явилась прямой наследницей своей исторической предшественницы – Терской советской республики: «При освобождении Терека было как будто забыто о существовании Терской республики. Однако в ходе боевых действий и в связи с ними возникла идея создания новой – Горской республики»³. Статус окружных ревкомов, входивших в состав Терской автономии, как раз и подготовил народы к национально-территориальному устройству. Становление советской государственности адыгейского народа оказалось тесно связанным с Кубано-Черноморской республикой: «Наследство Кубано-Черноморской республики досталось Черкесской (Адыгейской) автономной области, которая заняла лишь небольшую территорию Кубано-Черноморья»⁴.

Роль Терской автономной республики в развитии национальной государственности народов Северного Кавказа стала в те годы и предметом историографического обобщения. Ее значение в этом процессе в национальной исторической мысли сводилось, как правило, к осмыслению природы и сущности народных советов на Тереке: «Народные Советы возникли на том этапе развития социалистической революции в крае, когда еще не было достаточно ясного размежевания многочисленных сил горских народов и терского казачества, пробужденных к политической борьбе и объединенных стремлением разрешить в первую очередь вопросы аграрных и национальных отношений»⁵. Народные советы оценивались исключительно как органы советской власти и диктатуры пролетариата, проводившие

¹ *Чистяков О.И.* Национально-государственное строительство в РСФСР в годы гражданской войны. С. 5.

² Там же. С. 61, 72.

³ *Чистяков О.И.* Становление Российской Федерации. С. 192.

⁴ Там же. С. 202.

⁵ *Берикетов Х.Г.* Историческая наука на Северном Кавказе (1959–1963 гг.). Нальчик, 1964. С. 29.

в жизнь декреты советской власти и провозгласившие межнациональный мир на Тереке. Именно они явились той первоначальной формой, в которой зарождалась советская государственность горских народов и накапливался опыт их политической организации¹.

Вместе с тем в своих оценках связи других советских республик, в частности Кубано-Черноморской и Северо-Кавказской, с последующим процессом национально-государственного строительства на Северном Кавказе исследователи оказались более осторожными. Так, А.А. Сенцов, исследовавший создание советской государственности на Кубани, пришел к выводу, что «организация советской власти в освобожденных районах области велась параллельно с организацией вооруженных сил для освобождения центра края»². Данная причина и повлекла за собою образование сначала Кубанской, а затем и Кубано-Черноморской и Северо-Кавказской республик. Исследователь особо отметил тот факт, что Кубанская республика не являлась национальной автономией и ее возникновение было обусловлено исключительно изолированностью от центра страны. Появление Кубано-Черноморской и Северо-Кавказской республик в свою очередь объяснялось им «фактором внешней опасности со стороны усиливавшейся контрреволюции на границах этих советских республик»³. К сожалению, автор не разъясняет, в силу каких причин ряд советских республик на Северном Кавказе не относился им к разновидности национальных автономий. Можно лишь предположить, что таковыми критериями выступали численность нерусских народов, которые на Кубани составляли не более 5 % населения области, а также отсутствие среди них зрелого сепаратизма.

В своих последующих работах автор акцентировал внимание на политической основе первых советских (губернских) республик. К началу 1918 г. национально-освободительное движение на Северном Кавказе еще не могло привести к созданию определенных форм советской национальной государственности: «Многонациональные Кубанская и Терская республики не являлись национальными автономиями в современном смысле этого понятия. При создании Кубанской республики национальный вопрос совсем не поднимался, она сложилась как не национальная автономия. Терская республика была создана с целью прекращения межнациональной войны в восточной части Северного Кавказа»⁴. Одной из основных причин усиления автономистских движений после Октября стала слабость и малочисленность центрального государственного аппарата; децентрализация управления «ярче всего проявилась на южных окраинах, поскольку

¹ Берикетов Х.Г. Историческая наука на Северном Кавказе. С. 30.

² Сенцов А.А. Создание советской государственности на Кубани в 1917–1918 гг.: автореф. дис. ... канд. юр. наук. М., 1968. С. 8.

³ Там же. С. 9.

⁴ Сенцов А.А. Государственно-правовые аспекты возникновения губернских республик в 1918 г. // Правоведение. 1974. № 5. С. 56.

в центре не было националистического и сепаратистского движения и не так ощущалась отдаленность от столицы»¹.

Тем не менее в качестве основы для возникновения Кубанской республики назвалась особенность состава населения, а для Кубано-Черноморской и Северо-Кавказской республик – военно-политические и военно-экономические соображения. Значение первых советских республик заключалось и в том, что они обеспечивали учет местных особенностей в расстановке классовых сил, помогали создавать органы новой власти и явились проводниками их распоряжений и постановлений². Кратковременность первого периода существования советской власти в крае не позволила ей непосредственно заняться разрешением национального вопроса. Деятельность Комиссариата по горским делам в составе Кубано-Черноморской республики и Коллегии по национальным делам ЦИК Северо-Кавказской республики скорее свидетельствовала о решении насущных вопросов общего характера, нежели специфических проблем горских народов³.

Роль советских республик в процессе национально-территориального размежевания на Северном Кавказе привлекала внимание исследователей и в последующие годы. Значительную роль в осмыслении данной проблемы сыграла публикация воспоминаний участников революционных событий на Терек⁴. Благодаря содержащимся в них сведениям и оценкам, в отечественной историографии получила аргументированное подтверждение та точка зрения на природу Терской республики, которая связывала причины ее возникновения с необходимостью разрешения аграрного и национального вопросов⁵. Более того, один из авторов особо подчеркнул, что вплоть до образования республики «размежевание политических классовых сил отчетливо наблюдалось только в Осетии, <...> где почти в каждом селении открыто шла политическая борьба». В Кабарде и Балкарии национальные советы не были созданы, а в Чечне и Ингушетии на протяжении 1917 г. и значительной части 1918 г. не наблюдалось не только никаких организаций социалистических партий, но и других объединений трудящихся⁶. Организация Терской советской республики, объединившей в своем составе народы разных национальностей, как раз и способствовала пробуждению их к политической активности и самостоятельной деятельности.

Для литературы рассматриваемого времени весьма характерно использование понятий, содержание которых было предельно идеологизировано. В частности,

¹ Сенцов А.А. Государственно-правовые аспекты возникновения губернских республик в 1918 г. С. 62.

² Там же.

³ Сенцов А.А. Рождение Кубано-Черноморской республики. 1917–1918 гг. Краснодар, 1987. С. 36.

⁴ Носов А.Ф. Октябрьская революция в Грозном и горах Чечено-Ингушетии. Грозный, 1961; Корнев Д.З. Революция на Терек. 1917–1918 гг. Орджоникидзе, 1967.

⁵ Корнев Д.З. Указ. соч. С. 66.

⁶ Там же. С. 59, 66.

постоянно встречающееся словосочетание «трудящиеся массы» применительно к горскому аулу того времени едва ли целесообразно. Оно не только не проясняет самой сути происходивших изменений, но и не соответствует социальной структуре горского населения. Скорее речь должна вестись о представителях определенных родов и их занятиях, нежели об отношениях трудовой зависимости между ними. Анализ развития горского аула в категориях классовой борьбы и экономической эксплуатации абсолютно бесплоден и приводит к достаточно искаженным представлениям.

Предметом самостоятельного изучения в конце 1960–1970-х гг. становятся и вопросы национально-государственного строительства на Тереке¹. В данной связи обращают на себя внимание исследования Ю.И. Кониева. Историк неоднократно отмечал, что «Терская республика являлась началом строительства национальной государственности народов Терека. Округа не были обычными административными единицами. Они организовались в результате волеизъявления соответствующих народностей, строились по национально-территориальному признаку и решали национальные задачи. Их компетенция не уступала национальным округам Севера»². Вместе с тем национальная государственность народов Терека в тот период не сводилась исключительно к округам и нашла свое продолжение в другой, более высокой форме политического устройства национальностей – коллективной автономии Горской АССР.

Анализ политической природы Терского Народного совета привел исследователя к выводу, что его организационная структура отражала национальные начала в государственно-правовой сущности автономии. В состав республики входили территории казачьих отделов и горских округов, что свидетельствовало о преобладании в ее административном устройстве экономического и национального процессов: «Следует признать, что Терская республика являлась началом развития национальной государственности народов Северного Кавказа. Однако в результате внешней и внутренней обстановки этого периода эти моменты не получили значительного развития, национальные формы государственности не раскрылись полностью. В условиях ожесточенной гражданской войны Терская республика не могла являться орудием разрешения национального вопроса. Перед ней стояли

¹ *Кониев Ю.И.* Национально-государственное строительство на Тереке. Орджоникидзе, 1969; *Его же.* Автономия народов Северного Кавказа: о зарождении, становлении и развитии форм советской национальной государственности на Северном Кавказе. Орджоникидзе, 1973; *Его же.* Советская национальная государственность горских народов // Ленинизм и малые нации. Орджоникидзе, 1973; *Абулова Е.А.* Великий Октябрь и национально-государственное строительство на Северном Кавказе // Создание и развитие национальной государственности народов Северного Кавказа. Ставрополь, 1977; *Бугаев А.М.* Основные этапы становления и развития национальной государственности народов Северного Кавказа. 1917–1936 гг. Историкографический обзор // Из истории социалистического и коммунистического строительства в СССР. М., 1978 и др.

² *Кониев Ю.И.* Указ. соч. С. 47.

другие, в тот момент более важные задачи: борьба с внешней и внутренней контрреволюцией и установление диктатуры пролетариата»¹. Терская республика с входившими в ее состав округами составляла первый этап в зарождении и развитии национальной государственности горских народов. Однако в силу сложившихся обстоятельств «национальное начало не получило в республике должного развития, а национальные формы государственности не раскрылись полностью». Тем не менее ее историческое значение заключалось прежде всего в том, что она явилась первой формой коллективной межнациональной автономии².

Исследователи национально-государственного строительства на Северном Кавказе выделяют в нем ряд этапов, каждый из которых имел свои специфические особенности. В качестве его начального периода чаще всего называется 1917–1921 гг. – время создания и деятельности Кубано-Черноморской, Терской и Северо-Кавказской советских республик³. Особенностью этого периода стало становление национальной государственности в условиях военного времени, что определило ее незавершенность и кратковременность.

Вместе с тем в литературе присутствует и представление о том, что первый период национально-государственного строительства у горских народов Северного Кавказа был не столь продолжителен и охватывал собою несколько месяцев с марта по ноябрь 1920 г.⁴ Именно в это время «округа народов входили в состав Терской области, которые по своей конструкции соответствовали национально-территориальному принципу, являвшемуся одним из важнейших принципов советской национальной автономии. Только с провозглашением советской власти на Тереке следует говорить о планомерном развертывании на Северном Кавказе национально-государственного строительства как в форме многонациональной автономии (Терская республика), так и национальных округов. Этот процесс имел одно важное отличие – «был непосредственно обусловлен инициативой снизу, т. е. она исходила от самих трудовых народов»⁵. Оценивая природу Терской республики, исследователь указал, что она являлась унитарным многонациональным

¹ Кониев Ю.И. Советская национальная государственность горских народов. С. 56–57.

² Его же. Автономия народов Северного Кавказа: о зарождении, становлении и развитии форм советской национальной государственности. С. 49–50.

³ Абулова Е.А. Великий Октябрь и национально-государственное строительство на Северном Кавказе. С. 64–65; Нечипурнова Н.С. К вопросу об основных этапах развития советской национальной государственности на Тереке // Образование СССР – торжество ленинской национальной политики: материалы межвузовской научной конференции. Пятигорск, 1972; Юсупов П.И. О некоторых специфических особенностях национально-государственного строительства народов Северного Кавказа (1920–1937 гг.) // Там же; Эбзеева С.Э. Становление Советской национальной государственности народов Северного Кавказа. М., 1976. С. 54, 60.

⁴ Бугаев А.М. Основные этапы становления и развития национальной государственности народов Северного Кавказа. С. 133.

⁵ Там же. С. 134.

государством с автономией всех ее внутригосударственных административно-территориальных подразделений – национальных округов и казачьих отделов. «Терская автономная республика характеризовалась как союз народов и племен, живущих в ее пределах, политическое участие которых в управлении областью выражалось в пропорциональном представительстве в составе единого объединенного органа областной власти»¹.

В последующее десятилетие существенных изменений в осмыслении поставленной проблемы не произошло. Исследователи, как правило, сосредоточивали свои усилия на разработке конкретных проблем национально-государственного строительства у отдельных народов Северного Кавказа. В тех же случаях, когда происходило обобщение всего процесса в целом, воспроизводились бытующие в литературе оценки и суждения относительно начального этапа становления национальной государственности в регионе². Вместе с тем усилился интерес специалистов «к некоторым менее изученным, а то и вовсе не затронутым в литературе аспектам проблемы»³. В частности, отмечалось, что советские республики образовались в регионе, где в конце 1917 г. контрреволюция пыталась создать всероссийский плацдарм для борьбы против социалистической революции. Создание автономных образований в областях, отличавшихся особым бытом и национальным составом населения, опиралось на принципы советской федерации. Образование советских республик на юго-восточной территории РСФСР вызывалось в немалой степени военно-политическими и дипломатическими соображениями: «Амбициям интервентов и сепаратистов противостояло создание советских республик на Дону, Кубани и Тереке, явившееся воплощением подлинного самоопределения населения этих областей»⁴. Особо отмечалось и то обстоятельство, что образовавшиеся республики должны были стать составными частями единого советского фронта против германской экспансии от «Крыма до Великороссии»⁵. Подчеркивалась широкая степень самостоятельности республик в решении хозяйственных, финансовых и политических вопросов, что свидетельствовало о вполне сложившихся формах советской государственности.

¹ Бугаев А.М. Основные этапы становления и развития национальной государственности народов Северного Кавказа. С. 129.

² Абулова Е.А. Партия во главе национально-государственного строительства народов Северного Кавказа. 1917–1937 гг. Ростов н/Д, 1984; Аутлев М.Г. Исторический опыт КПСС по осуществлению ленинской национальной политики на Северном Кавказе в 1920–1929 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. Ростов н/Д, 1987; Бугаев А.М. История национально-государственного строительства в Чечено-Ингушетии. 1917–1936 гг. (Некоторые вопросы исследований) // Великий Октябрь и национальные преобразования в Чечено-Ингушетии. Сб. статей. Грозный, 1987 и др.

³ Хмелевский К.А. Из истории советских республик на Дону и Северном Кавказе в 1918 г. // Советские национальные районы России. 1917–1922. Сб. статей. Рига, 1985. С. 103.

⁴ Там же. С. 105.

⁵ Этенко Л.А. В.И. Ленин и становление советской государственности горских народов Северного Кавказа // Советские национальные районы России. 1917–1922. С. 97.

Обращает на себя внимание и появление в литературе того времени специального термина, характеризовавшего политическую самостоятельность советских республик, – советская национально-областная автономия народов Северного Кавказа. Однако его применение явилось достаточно ограниченным и относилось только к Терской советской республике¹. Многонациональный состав ее населения, преобладание национального момента в организации власти позволили специалистам рассматривать ее как «отправной пункт в развитии национальной государственности народов Терека и всего Северного Кавказа». Она просуществовала всего около года, сыграв тем не менее значительную роль в судьбах революции на Кавказе. Ее опыт был использован на последующих этапах национально-государственного строительства². Опираясь на труды В.И. Ленина, историки в своих работах отмечали тесную взаимосвязь национальной государственности в форме советской политической и административной автономии с классовыми интересами диктатуры пролетариата. Развитие национальных автономий подчинялось развитию советского государства, и советские республики в этом отношении сыграли весьма важную роль: «...они продемонстрировали диалектическое единство общих задач строительства нового общества и учета местных, в том числе и национальных особенностей»³.

Последнее десятилетие ознаменовалось пристальным вниманием исследователей к проблемам национально-территориального развития страны и к их историографическому осмыслению. Появилось немало интересных работ, в которых прилагаются усилия по-новому взглянуть на, казалось бы, уже решенные вопросы⁴. В этом отношении не является исключением и история возникновения и развития советских республик на Северном Кавказе.

В изучении причин возникновения и природы первых советских республик на Юго-Востоке России исследователи сосредоточились на разработке проблемы национально-территориального принципа создания автономий. В данной связи многие из них пришли к выводу, что в ситуации того времени его последовательное

¹ *Хмелевский К.А.* Из истории советских республик на Дону и Северном Кавказе в 1918 г. С. 113.

² *Этенко Л.А.* В.И. Ленин и становление советской государственности горских народов Северного Кавказа. С. 97.

³ Там же. С. 99–100.

⁴ *Дзидзоев В.Д.* Национальная политика СССР, межнациональные отношения и национальные движения на Северном Кавказе: дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 1992; *Его же.* Национальная политика: уроки опыта. Владикавказ, 1994; *Бугай Н.Ф., Мекулов Д.Х.* Народы и власть: «социалистический эксперимент» (20-е гг.). Майкоп, 1994; *Национально-государственное строительство в Российской Федерации: Северный Кавказ (1917–1941 гг.).* Майкоп, 1995; *Мекулов Д.Х.* Проблемы власти и демократии на Северном Кавказе: история, динамика, особенности. 1917–1941 гг.: дис. ... в виде научного доклада д-ра ист. наук. Махачкала, 1996; *Дзидзоев В.Д.* Национальные отношения на Кавказе. 3-е изд. Владикавказ, 2000; *Сергеев В.Н.* Донская республика (1917 – 1918). Ростов н/Д, 2005.

осуществление оказалось невыполнимым. С одной стороны, наблюдался разрыв экономических связей между отдельными территориями, а с другой – отмечалась несостоятельность малых народов образовывать экономически сильные государственные единицы. Поэтому первые автономные республики являлись и откликом народов «на призыв III Всероссийского съезда Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов решать свою судьбу, определяя форму отношений с центром, устанавливая статус самих национально-государственных образований». К таким автономиям, в частности, О.И. Чистяков отнес Донскую, Кубано-Черноморскую, Терскую и Туркестанскую республики: «Все они носили своеобразный характер, включали в себя нерусские народы, но ни одна из них не была однопациональной»¹.

Исследователи обратили внимание на трудности соблюдения в республиках одновременно и экономических, и национальных принципов. По заключению А.А. Сенцова, именно невозможность решения сугубо национальных задач свидетельствовала о том, что советские или «уездные и военные» республики 1918 г. являлись не национальными субъектами федерации. Так, построенная не по национальному принципу Северо-Кавказская республика исчерпала себя как государственная форма утверждения пролетарской власти. При образовании этих республик «экономическое и этническое районирование почти не учитывалось при определении административных границ, так как натуральное хозяйство занимало еще важное место в экономике страны, а народам предстояло стать нациями и осознать свою национальную самостоятельность»².

В оценках политической природы советских республик все чаще стали подчеркиваться вынужденный и чрезвычайный характер обстоятельств, вызвавших их к жизни: «Таким образом, автономия северокавказских республик была вынужденной автономией, временной по своему характеру, призванной решать сиюминутные задачи. По нашему мнению, в их число не входила задача предоставления каждому народу Северного Кавказа права на создание своей государственности – все народы обязаны были принять советскую форму государственного управления»³. Проанализировав процесс утверждения советской власти в крае, современные исследователи пришли к выводу, что оценивать советские республики как первый этап национально-государственного строительства на Северном Кавказе едва ли представляется возможным: «Необходимо констатировать, что в 1918 г. вопрос о предоставлении каждому народу Северного

¹ Чистяков О.И. О национально-государственном размежевании в период становления Российской Федерации // Советское государство и право. 1991. № 11. С. 144.

² Сенцов А.А. Развитие Российского государства после Февральской революции 1917 г. Краснодар, 1994. С. 201.

³ Озова Ф.А. Северо-Кавказская республика: причины возникновения и ликвидации // Национально-государственное строительство в Российской Федерации: Северный Кавказ. С. 47.

Кавказа национально-государственной независимости не ставился ни советами народных депутатов, ни Народными советами (Терская область) как губернско-го, так и областного уровня. В общественном сознании господствовала идея необходимости общеобластных, общегубернских органов государственной власти, которые обеспечили бы порядок и спокойствие в крае¹.

Достаточно плодотворной для осмысления рассматриваемой проблемы представляется и сравнительно новая оценка воздействия Кубано-Черноморской республики на политическую активность черкесского населения области. Ф.А. Озова, исследовавшая практику советизации начального периода утверждения большевистской власти на Кубани, отметила исключительную роль, которую сыграла армия в ее становлении. Исследовательница особо подчеркнула, что «горские народы Кубани в силу своей малочисленности по сравнению с численностью русского населения области не могли занять достойное место в той политической борьбе, которая развернулась здесь. Скорее их можно назвать ее жертвой»². Тем не менее черкесский народ, в основной своей массе чуждый политической борьбе, также оказался ею охваченным. Образование республики и ее последующая деятельность спровоцировали не только политическую активность горского населения области, но и его последующую борьбу за предоставление ему собственного национально-государственного образования – автономной области³.

Вместе с тем в новейшей отечественной историографии находят продолжение и те положения, которые были высказаны исследователями в предыдущие годы. Многие историки на основе достаточно показательного архивного материала, отмечая зависимость национальной политики советского государства от решаемых им конкретных задач, указывают и на его бесспорные достижения в этой области. В частности, по-прежнему высоко оценивается опыт первых советских республик: «Национально-государственное устройство народов России началось сразу же после свершения социалистической революции. На ее территории возникли одна за другой автономные советские республики, строившиеся главным образом на административно-территориальной основе, имевшие характер областного значения. Так было на юге России, где начали действовать Терская, Кубано-Черноморская, Ставропольская, Северо-Кавказская и др. республики». В этих изначальных акциях по национально-государственному устройству народов преобладал

¹ Озова Ф.А. Северо-Кавказская республика... С. 57.

² *Ее же*. Кубано-Черноморье в условиях кризиса Российской государственности // Вестник Карачаево-Черкесского института гуманитарных исследований. Черкесск; Ставрополь, 1999. Вып. 1. С. 38.

³ См.: Хлынина Т.П. Адыгя в системе межнациональных отношений на Северном Кавказе. 1920–1924 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 1993; *Ее же*. Адыгя в 1920-е годы: проблемы становления и развития автономии. Краснодар, 1997.

политический расчет – привлечь на сторону советской власти как можно в более короткие сроки местное население¹.

Начальный этап национально-государственного строительства у народов Северного Кавказа также связывается с фактом провозглашения Терской области автономной советской республикой: «Сегодня ... решения СНК Терской республики (как и все решения СНК РСФСР) расцениваются многими как уродливые, антинародные и даже преступные. Однако объективный и всесторонний анализ острейших проблем в Терской области, а затем Терской и Горской республик ... позволяет сделать вывод о том, что декрет СНК Терской республики (об отмене частной собственности на землю, воды и леса) имел большое значение в решении земельного и национального вопросов»².

Таким образом, интерес исследователей к осмыслению той роли, которую сыграли первые советские республики в обретении народами Северного Кавказа собственных национальных образований, имел определенную логику своего развития. Она не всегда обуславливалась сугубо научными потребностями, но тем не менее отражала общую ситуацию в понимании специалистами самого процесса национально-государственного строительства на Северном Кавказе. Его начальным рубежом многими из них видится коллективная автономия народов Терской республики, а роль Кубано-Черноморской и Северо-Кавказской республик расценивается в качестве приобретения нерусскими народами первого опыта советского строительства. К сожалению, исторический опыт решения первыми советскими республиками национальных проблем в регионе так и не был востребован последующим ходом развития страны. Практически все они оказались многонациональными по составу населения и находили в себе возможности удовлетворения его разнообразных потребностей. При высших органах власти республик были организованы комиссариаты и коллегии по национальным делам. Однако краткий период их существования не позволил осуществить им сколько-нибудь последовательных мероприятий в этой области. Советские республики, будучи таковыми по существу, вместе с тем являлись и своеобразными формами коллективных автономий народов. Представляется, что именно многонациональная автономия позволяла находить механизмы разрешения тем многочисленным территориальным конфликтам, которые сопровождали в дальнейшем становление национальных автономий на Северном Кавказе. Более того, само наименование подобного рода образований советскими республиками исключало и рост межнациональной напряженности между народами, и неверное понимание ими самой сути и предназначения советских национальных автономий.

¹ Бугай Н.Ф., Меулов Д.Х. Народы и власть: «социалистический эксперимент» (20-е гг.). С. 87.

² Дзидзоев В.Д. Национальные отношения на Кавказе. С. 125–126.

§ 2.2. Горская АССР: «форпост советской власти на Тереке»

20 января 1921 г. Постановлением ВЦИК РСФСР была образована Горская автономная советская социалистическая республика как «часть Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, в состав коей включались территории, занимаемые ныне чеченцами, осетинами, ингушами, кабардинцами, балкарцами и карачаевцами и живущими между ними казаками и иногородними, а именно:

а) Чеченский округ (бывшие Веденский и Грозненский округа, правотеречная часть Кизлярского отдела и восточная часть бывшего Сунженского отдела);

б) Назранский округ (Ингушетия);

в) Владикавказский округ (Осетия и западная часть бывшего Сунженского отдела);

г) Кабардинский округ (северная часть бывшего Нальчиковского округа);

д) Балкарский округ (южная часть бывшего Нальчиковского округа);

е) Карачаевский округ (западная часть бывшего Нальчиковского, южная часть Пятигорского отдела и южная часть Баталпашинского отдела Кубанской области)...

Автономная Горская Социалистическая Советская Республика делится на 6 административных округов, каждый со своим окружным исполкомом: 1) Чеченский, 2) Ингушский, 3) Осетинский, 4) Кабардинский, 5) Балкарский и 6) Карачаевский.

Примечание. Города Владикавказ и Грозный с нефтяными промыслами выделяются в самостоятельные административные единицы, подчиняющиеся непосредственно Центральному исполнительному комитету и Совнаркому Горской Социалистической Советской Республики»¹.

История образования и развития Горской автономной республики привлекает внимание исследователей вот уже на протяжении нескольких десятилетий. Вместе с тем сам факт ее существования, причины возникновения и ликвидации не получили в отечественной историографии однозначной оценки. События того времени и связанные с ними процессы национально-территориального размежевания народов Северного Кавказа позволили не одному поколению исследователей видеть в ней первый опыт многонациональной автономии, позволившей горским народам разрешить острейшие социально-экономические и национальные противоречия своего развития: «Многонациональная Горская АССР возникла как результат поиска наиболее целесообразной формы национально-государственного устройства горских масс»². Более того, именно с ее возникновением связывается и начальный

¹ Постановление Всероссийского центрального исполнительного комитета об автономной горской социалистической советской республике // Собрание Узаконений. 1921. № 6. Ст. 41.

² Даудов А.Х. Образование и развитие Горской АССР. 1920–1924 гг. Проблемы национально-государственного строительства: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1984. С. 13.

период развертывания в регионе самого процесса национально-государственного строительства¹. Изучение национальной политики советской власти и сопряженных с нею форм и методов разрешения национального вопроса придавало опыту Горской автономии непреходящее значение. По свидетельству современного исследователя, именно «она явилась первым неформальным объединением многочисленных народов края, состоявшимся уже в совершенно новых условиях, когда завершилась Гражданская война и на передний план выдвигались меры мирного характера, хотя и оставалась еще нерешенной задача по окончательному разгрому остатков контрреволюции»².

Создававшаяся как многонациональная автономия Горская республика продемонстрировала и возможности успешного преодоления сугубо хозяйственных проблем, и практическую безуспешность безболезненного разрешения вопросов территориального характера. Между тем «в силу своего специфического положения Горская республика строилась на территориальной, а не национальной основе. Она не носила название, соответствующее преобладающей по численности нации, как другие республики»³. Данное обстоятельство как раз и послужило поводом к весьма противоречивой оценке самой автономии и причин ее образования.

Не меньшую противоречивость в осмысление проблемы вызывала и ее источниковая база. Начавшаяся формироваться уже в период существования самой республики, она с течением времени включала в себя как официальные документы, так и источники личного происхождения – воспоминания непосредственных участников событий того времени, руководителей республики, их доклады и выступления. Содержавшиеся в них факты и оценки давали повод к весьма неоднозначным суждениям. Проблема заключалась в том, что практически во всех исторических свидетельствах упоминалось как о социально-экономических достижениях народов, так и о трудностях, сопряженных с разрешением земельного вопроса и территориальных неурядиц. Наиболее показательным в этом отношении является недавно изданный сборник документов, подборка которых свидетельствует о непростом развитии республики на всем протяжении ее существования⁴.

Интерес исследователей к созданию и деятельности Горской республики проявился уже в 1920-е гг. В тот период были изданы и первые документальные материалы, в которых содержались сведения о причинах ее образования

¹ Бугаев А.М. Основные этапы становления и развития национальной государственности народов Северного Кавказа. 1917–1937. С. 134.

² Бугай Н.Ф. Горская АССР: правомерность создания, особенности, причины и ход ликвидации // Национально-государственное строительство в Российской Федерации: Северный Кавказ (1917–1941 гг.). Майкоп, 1995. С. 61.

³ Там же. С. 62.

⁴ Русские на Северном Кавказе. 20–30-е годы. Документы, факты, комментарии. Нальчик, 1995.

и проводившихся ею конкретных мероприятиях¹. В данной связи следует отметить работу У. Алиева, который обратил внимание на основную причину, побудившую советское правительство в столь спешном порядке даровать северокавказским народам коллективную форму автономии. С одной стороны, автор отмечал необходимость преодоления горцами хозяйственной разрухи, порожденной тяжелыми годами Гражданской войны, а с другой – подчеркивал обстоятельства сугубо политического порядка. Они сводились к противопоставлению Горской советской автономной республики контрреволюционному образованию с тем же названием². Такая оценка не содержала в себе ничего оригинального и являлась дословным воспроизведением широко известного в то время высказывания Г.К. Орджоникидзе. Тем не менее в последующие годы она практически исчезла со страниц профессиональных исследований и уступила место осмыслению фактической деятельности республики по выравниванию экономического и социального развития народов Северного Кавказа.

Необходимо отметить, что несмотря на частое обращение историков к различным аспектам существования самой Горской республики, в отечественной историографии, за редким исключением, она так и не стала предметом самостоятельного изучения. Целенаправленный интерес к ней специалистов отмечается лишь с конца 1950-х гг., когда он совпал с начавшейся детальной разработкой национально-государственного строительства у отдельных народов Северного Кавказа. Одним из первых таких опытов можно считать исследование Р.С. Мулукаева³. Исследователь отметил, что создание республики происходило в обстановке, когда изменилось и само понимание национального вопроса и конкретных методов его разрешения: «Если до Октябрьской революции значение национального вопроса заключалось в том, чтобы установить в стране равноправие народов, приобщить их к Советской власти ... то после революции его содержание свелось к ликвидации фактического неравенства народов». Особенно остро данная задача стояла среди народов Востока и Северного Кавказа. Они не успели пройти стадии капиталистического развития, не имели или почти не имели промышленного пролетариата и сохранили сильные пережитки патриархально-родового быта⁴.

¹ Краевое совещание коммунистических организаций Дона и Северного Кавказа. Ростов н/Д, 1921; *Бутаев К.* Политическое и экономическое положение Горской республики. Доклад на 2 Горской областной партийной конференции. Владикавказ, 1921; Горская АССР. Центральный исполнительный комитет. Декреты Горского исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов. Владикавказ, 1921; Горская АССР. Центральный исполнительный комитет. Сборник постановлений и распоряжений ГорЦИК. Владикавказ, 1922.

² *Алиев У.* Карачай (Карачаевская автономная область). Историко-этнологический и культурно-экономический очерк. Ростов н/Д, 1927. С. 26.

³ *Мулукаев Р.С.* К истории Горской Советской Социалистической республики // Известия Северо-Осетинского НИИ. Владикавказ, 1957. Т. XX (оттиск).

⁴ Там же. С. 4.

В данной связи в специальной литературе отмечалось, что в 1920–1921 гг. в соответствии с «добровольно высказанным желанием народов» в широких масштабах началось осуществление строительства советских автономий в Туркестане, Поволжье и на Северном Кавказе. Едва ли подобное заключение соответствовало реальному положению дел в национальных регионах страны. В частности, на Северном Кавказе национально-территориальное размежевание народов преследовало вполне конкретные хозяйственные и административные задачи. Они не всегда соответствовали представлениям самих народов о должном экономическом и культурном развитии и приводили к межнациональным столкновениям и земельным конфликтам. На протяжении долгого времени такого рода факты не получали научно обоснованных оценок историков, которые связывали их преодоление именно с созданием советских национальных автономий. Так, Р.С. Мулукаев подчеркнул преимущество Горской республики по отношению к Терской автономии, которая «в форме близкой и понятной трудовым массам приобщила их к советской власти». Однако в новых условиях для укрепления дружбы и сотрудничества горских народов необходимо было создание политической формы, «которая обеспечивала бы для этого самые благоприятные условия». Такой политической формой, по мнению автора, и являлась многонациональная республика всех трудящихся горцев – Горская АССР¹.

Целесообразность ее образования Р.С. Мулукаев связал с «лучшим прошлым горских народов», выражением их воли. Отметил он и достаточно показательное обстоятельство ее создания. Провозглашение республики состоялось на съезде вооруженных ингушей в с. Базаркино, в самый разгар деникинского наступления. Позже, в 1920 г. на съезде народов Терека, в официальных выступлениях представителей центральной власти неоднократно отмечалось, что «горцы не должны считать создание Горской автономной республики каким-то подарком со стороны Советской России. Рождение Горской автономии – это акт справедливости, неотъемлемое право горских народов на самоопределение»².

Исследователь указал и на факторы образования такой формы многонациональной автономии. Среди них – волеизъявление горских народов, укрепление дружбы и сотрудничества между ними, близость быта, обычаев, традиций и культуры, возможность концентрации хозяйственных ресурсов и отсутствие достаточного количества местных советских и партийных кадров. Горская автономия открывала широкие возможности в рамках своих административных округов «выращивать и воспитывать национальные кадры, которые смогли бы впоследствии управлять автономными государственными образованиями». В территориальном отношении большинство населения округов составляли горцы, временно сохранялись и некоторые органы, связанные с особенностями обычаев и нравов горских народов, – шариатские суды.

¹ Мулукаев Р.С. К истории Горской Советской Социалистической республики... С. 9.

² Там же. С. 11.

Оценивая правовую природу и политическое значение Горской республики в самом процессе национально-государственного строительства на Северном Кавказе, Р.С. Мулукаев указал: «ГАССР являлась субъектом Российской Федерации на правах политической автономии, т. е. такой автономии, которая основана на диктатуре пролетариата в форме советской власти и автономные права которой распространены как на законодательство, так и на управление¹.

Схожих позиций придерживался и О.И. Чистяков, которого в большей степени интересовала проблема возникновения автономных образований на завершающем этапе Гражданской войны. Как отмечалось выше, исследователь указывал, что одним из путей возникновения новых автономных единиц стало «восстановление народами на новом уровне своей советской государственности, фактически ликвидированной белогвардейцами и интервентами». Горская республика была также образована путем восстановления ее исторической предшественницы – Терской республики. Ее провозглашение рассматривалось как средство привлечения на сторону советской власти широких масс горских трудящихся, желавших иметь свою национальную государственность².

В середине 1960-х гг., подводя итоги развития исторической науки на Северном Кавказе за предыдущее десятилетие, Х.Г. Берикетов отметил пристальное внимание региональных исследователей к истории организации и расформирования Горской АССР³. К сожалению, в центре внимания автора оказалось лишь исследование Ш.Х. Масаева, где в качестве одной из причин создания республики отмечался такой внешнеполитический фактор, как возможность нашествия из Закавказья грузинских меньшевиков и интервентов⁴. Оспаривая отмеченную точку зрения, Х.Г. Берикетов отмечал: «На самом деле такой причиной была необходимость разрешить накопившиеся веками споры между горскими народами по землевладению, развить дружбу между ними, укрепить партийное руководство, обучить навыкам партийной и государственной работы руководящий актив горских округов». Основанием для расформирования республики, по его мнению, явилась потребность в решении новых задач политического, культурного и хозяйственного строительства горских народов. Историческая роль Горской республики заключалась в том, что она обеспечила централизованную и всестороннюю помощь в поднятии горских народов до уровня сравнительно развитых районов страны и создала условия для их перехода к социализму⁵.

¹ *Мулукаев Р.С.* К истории Горской Советской Социалистической республики... С. 16.

² *Чистяков О.И.* Становление Российской Федерации. С. 190–193.

³ *Берикетов Х.Г.* Историческая наука на Северном Кавказе. С. 38.

⁴ *Масаев Ш.Х.* Ленинская национальная политика и создание автономии Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1961. С. 64.

⁵ *Берикетов Х.Г.* Указ. соч. С. 35.

Подобные оценки Горской автономии были характерны и для других исследований того времени¹. В частности, Ю.И. Кониев, анализируя ее значение в национально-государственном строительстве на Тереке, писал: «Создание ГАССР вызывалось необходимостью решения важных задач, ближайшими из которых являлись укрепление советской власти в борьбе с контрреволюционными элементами на Тереке, вовлечение горцев в управление государством, приближение к ним государственного аппарата, разрешение земельного вопроса на принципах уравнительного землепользования, ускоренное развитие экономики». Именно такое крупное многонациональное государство, как Горская республика, было дополнительным фактором успешного решения этих жизненно важных для горских народов задач². Исследователи отмечали, что Горская республика представляла собою такую государственную структуру, где органически переплетались политические и административные формы национальной государственности. Обе эти формы, представленные самой республикой и входившими в нее округами, дополняли друг друга и составляли межнациональную форму советской государственности³.

Обращает на себя внимание, что во многих работах того времени Горская автономия зачастую характеризовалась специалистами не только как государственное образование, но и как полноправное государство. Отсутствие каких-либо пояснений самих авторов на этот счет заставляет предположить, что используемые ими понятия взаимозаменяемы и не свидетельствуют об особом понимании природы и правового статуса Горской АССР.

Горская АССР стала и предметом самостоятельного изучения в связи с осуществлявшейся в ней национальной политикой⁴. В диссертационном исследовании И.И. Рехвиашвили факт ее возникновения объяснялся результатом практического осуществления национальной политики партии. В нем подчеркивалось, что необходимость правильного подхода к решению земельного вопроса на Северном Кавказе способствовала бы изживанию национальной розни, укреплению дружбы и сотрудничества между горскими народами, упрочению основ советской власти

¹ *Чибиров Х.Т.* Северная Осетия в братской семье народов СССР. Орджоникидзе, 1960; *Бербеков Х.М.* К вопросу об образовании национальной государственности Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1961; *Его же.* Советская автономия Кабарды и Балкарии. Нальчик, 1961; *Джанибеков Г.* Образование Карачаево-Черкесской автономной области // 40 лет автономии Карачаево-Черкесии. Сб. статей. Черкесск, 1962; *Врублевский Ф.И.* Создание советской национальной государственности чечено-ингушского народа – торжество ленинской национальной политики. Грозный, 1964; *Дудаев А.Х.* Создание и развитие Чечено-Ингушской национальной государственности // Советское государство и право. 1964. № 6; *Юсупов П.И.* Борьба за ленинские принципы национальной политики в Чечено-Ингушетии. 1920–1925 гг. Грозный, 1968.

² *Кониев Ю.И.* Национально-государственное строительство на Тереке. С. 45.

³ Там же. С. 47.

⁴ *Рехвиашвили И.И.* Осуществление ленинской национальной политики в Горской республике (1920–1924 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Орджоникидзе, 1967.

на Тереке. Поэтому одним из первых условий ликвидации здесь фактического неравенства являлось строительство национальной государственности нерусских народов. Однако разрешение этой задачи в условиях Северного Кавказа затруднялось наличием сложной политической обстановки, национальной пестротой и отсталостью горских народов. В подобной ситуации смысл и назначение Горской советской автономии как раз и сводились к ликвидации указанных противоречий и к вовлечению горских народов в государственное управление¹.

Подобная оценка получила отражение и в обобщающих трудах по истории национальных автономий горских народов. Так, в «Истории Кабардино-Балкарской АССР» указывалось: «В национально-государственном строительстве Коммунистическая партия поддержала стремление горских народов к самоопределению на началах советской автономии ... Предоставленная автономия (Горская АССР) еще теснее связала горцев с Советской Россией. Советская автономия, сочетая специфические интересы окраин с общими интересами всех трудящихся в их борьбе за социализм, приобщила народы национальных районов к строительству новой жизни, втягивала их в управление страной².

Следует отметить, что в ряде исследований, посвященных конкретным национально-государственным образованиям на Северном Кавказе, именно с Горской АССР начинает связываться первый этап национально-государственного строительства в крае³. Историки подчеркивали, что на тот момент национальные округа, входившие в состав республики, олицетворяли собою национальную форму советской государственности горских народов. Обозначились и расхождения в понимании причин образования самой многонациональной автономии. Одни исследователи сводили их главным образом к необходимости ликвидации угрозы контрреволюции в крае и указывали скорее на «пропагандистский» характер вновь образованной республики⁴. Однако подавляющее большинство специалистов связывали причины образования автономии с потребностями концентрации хозяйственных ресурсов народов Северного Кавказа, что способствовало ликвидации их экономической, политической и культурной отсталости.

Спустя десятилетие А.М. Бугаев, подводя итоги историографического освещения проблемы, в качестве основной причины образования Горской республики назвал «сложность политической обстановки в крае, в силу которой

¹ *Рехвиашвили И.И.* Осуществление ленинской национальной политики в Горской республике... С. 8–10.

² История Кабардино-Балкарской АССР: в 2 т. М., 1967. Т. 2. С. 99–100.

³ *Бербеков Х.М.* Советская автономия Кабарды и Балкарии. Нальчик, 1961; *Врублевский Ф.И.* Создание советской национальной государственности чечено-ингушского народа – торжество ленинской национальной политики. Грозный, 1964.

⁴ *Масаев Ш.Х.* Ленинская национальная политика и создание автономии Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1961.

сотрудничество народов приняло форму военного сотрудничества». По заключению исследователя, ГАСССР не представляла собою союза национальных республик, но была союзом национальных интересов и форпостом советской власти на Тереке. Она являлась политически необходимым шагом, оправданным в условиях борьбы за советскую власть¹.

В период 1970–1980-х гг. интерес исследователей к природе и деятельности многонациональной автономии определялся как теми историографическими работками, которые сложились в предыдущие годы, так и необходимостью изучения ее конкретного воздействия на практику национально-государственного строительства народов Северного Кавказа². Достаточно показательной в этом отношении является историографическая оценка значения Горской автономии для развития Чечено-Ингушской республики. В обобщающем труде, посвященном истории республики, подчеркивалась невозможность создания для ее народов национальной государственности в виде отдельной автономии: «В таких трудных условиях партия сумела найти нужную форму национально-государственной автономии для горцев, в рамках которой они получили возможность для дальнейшего политического, экономического и культурного развития. Образование Горской республики было одним из первых шагов на пути формирования государственности народов Терека, в том числе и Чечено-Ингушетии³.

В исследованиях того времени отмечалось, что целью советского национально-государственного строительства на Северном Кавказе по окончании Гражданской войны стало раскрепощение угнетенных ранее народов. Поэтому создание Горской республики, укрепление союза горских трудящихся с народами всей страны имело большое значение. Оно определялось и тем обстоятельством, что «меньшевики и националисты Грузии совместно с другими врагами развернули энергичную антисоветскую пропаганду, чтобы оторвать горские народы от русского пролетариата»⁴. Округа, вошедшие в состав республики, строились по национально-территориальному принципу и пользовались внутри нее широкой

¹ Бугаев А.М. Основные этапы становления и развития национальной государственности народов Северного Кавказа. 1917–1936 гг. С. 138.

² Кабалоев Б.Е., Этенко Л.А. В.И. Ленин и становление национально-территориальных автономий горских народов Северного Кавказа // Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. 1973. № 1; Ансоков М.Г. Образование и развитие национальной государственности народов Кабарды и Балкарии. Нальчик, 1974; Вопросы истории Чечено-Ингушетии: советский период. Грозный, 1978; Вопросы партийного руководства по ликвидации национального неравенства народов Карачаево-Черкесии (1917–1941 гг.). Сб. статей. Черкесск, 1984; В семье единой: к 60-летию образования Северо-Осетинской АССР. Орджоникидзе, 1985; Северная Осетия: история и современность. Орджоникидзе, 1989.

³ Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. 1917–1970 годы. Грозный, 1972. С. 85–86.

⁴ Абулова Е.А. Великий Октябрь и национально-государственное строительство на Северном Кавказе. С. 8.

автономией. Позже они стали формой советского национально-государственного строительства у народов Севера.

Историки неоднократно подчеркивали тесную связь многонациональной автономии с основным вопросом всей политики советской власти на Северном Кавказе – земельным вопросом. Его разрешение партийным руководством страны нередко увязывалось с возвращением горцам их исконной территории, что не могло способствовать административной стабильности самой Горской республики¹. Для оказания всесторонней помощи отсталым народам партия признала необходимым временно включить национальные районы в крупные хозяйственные объединения. С этой целью население республики вошло в состав Юго-Восточной области, позволившей ему более быстрыми темпами восстановить и развить народное хозяйство и познакомиться горцев с передовым опытом работы на крупных промышленных предприятиях.

Вместе с тем, отмечая безусловные преимущества нахождения горских народов в составе автономии, историки не достигли единства в оценке той роли, которую Горская республика сыграла в истории народов Северного Кавказа. Так, Ю.И. Кониев и О.И. Чистяков видели ее основное значение в разрешении земельного вопроса в крае. По их мнению, она имела характер искусственного образования и не выдержала испытание временем. А расчленение республики по национальному признаку, принятое под давлением центральной власти, рассматривалось ими как серьезная ошибка². В свою очередь, Х.М. Бербеков, Ф.И. Врублевский, Р.С. Мулукаев полагали, что Горская автономия сыграла основную роль в подъеме производительных сил и устранении национальных трений. Горская республика как коллективная форма автономии горских народов в тот период соответствовала основным задачам диктатуры пролетариата и строительства социализма³.

Своеобразным подведением историографических итогов в осмыслении данного вопроса стала работа Е.А. Абуловой. Исследовательница обратила внимание на существующие в исторической науке разногласия в оценке природы и роли Горской многонациональной автономии и высказала собственную точку зрения. Согласно ей, характерной особенностью национально-государственного строительства на Северном Кавказе являлось то, что инициатива создания автономных областей принадлежала широким массам трудящихся и была активно поддержана

¹ Кабалоев Б.Е., Этенко Л.А. В.И. Ленин и становление национально-территориальных автономий... С. 34.

² Чистяков О.И. Становление Российской Федерации. М., 1966; Кониев Ю.И. Национально-государственное строительство на Тереке. Орджоникидзе, 1969; *Его же*. Автономия народов Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1973; *Его же*. Советская национальная государственность народов Северного Кавказа // Ленинизм и малые нации. Сб. статей. Орджоникидзе, 1973.

³ Бербеков Х.М. Советская автономия Кабарды и Балкарии. Нальчик, 1961; Врублевский Ф.И. Создание советской национальной государственности чечено-ингушского народа – торжество ленинской национальной политики. Грозный, 1964; Мулукаев Р.С. Развитие советской государственности Северной Осетии. Краткий очерк. Орджоникидзе, 1968.

центральными органами власти. А.Е. Абулова указала и на объективные факторы, обеспечившие возможность совершенствования национальной государственности народов в пределах Горской республики. К ним относились экономические преобразования, укрепившие как силы социализма, так и диктатуры пролетариата; превращение рабочего класса национальных окраин в основного организатора переустройства жизни; укрепление союза промышленного центра с крестьянством национальных районов; появление национальной интеллигенции¹.

По утверждениям А.Е. Абуловой, переход к отдельным автономиям народов Северного Кавказа являлся необходимым актом в последовательной реализации их права на самоопределение, которое получило достаточно разнообразные формы. Национальные районы, округа и сельские советы как специфические формы самоуправления народов края помогли в решении национального вопроса. Разные формы национально-государственного и национально-административного строительства позволили охватить все разнообразие быта кавказских народностей, их культурное, экономическое состояние и «дали возможность на основе Советов организовать их братское содружество»².

В 1980-х гг. появилось и специальное диссертационное исследование,ывавшее предметом изучения образование и развитие Горской АССР³. Его автор, А.Х. Даудов, указал на существование объективных предпосылок создания единой советской национальной государственности горских народов. Необходимость ее создания была признана коммунистической партией и советским государством с учетом конкретных исторических условий. К ним исследователь отнес сложную политическую и экономическую обстановку в стране, целесообразность объединения экономических, трудовых и иных ресурсов горских народов для защиты революционных завоеваний, историческое прошлое родственных горских народов, добрососедские отношения между ними, сложившиеся в годы Гражданской войны и иностранной интервенции⁴.

В исследовании А.Х. Даудова отмечалось, что Горская республика возникла как результат поиска наиболее целесообразной формы национально-государственного устройства горских масс. Причем эта форма имела достаточно подвижный характер, в совершенствовании которой учитывались конкретная обстановка и очередные задачи советского строительства. В качестве основной причины национально-государственного размежевания республики указывалось на невозможность «создать одинаково благоприятные условия для развития хозяйственной и культурной жизни каждого горского народа»⁵.

¹ Абулова Е.А. Великий Октябрь и национально-государственное строительство на Северном Кавказе (1920–1937 гг.). С. 35.

² Там же. С. 60–62.

³ Даудов А.Х. Образование и развитие Горской АССР. 1920–1924 гг. (Проблемы национально-государственного строительства): дис. ... канд. ист. наук. Л., 1984.

⁴ Там же. С. 10.

⁵ Там же. С. 13.

В последнее десятилетие изучение опыта Горской республики приобрело, как это ни парадоксально, достаточно взвешенный и ровный характер. Так, в объемном труде Н.Ф. Бугая и Д.Х. Мекулова, анализирующем сложный и противоречивый процесс взаимоотношений народов и власти на Северном Кавказе в 1920-е гг., история образования и деятельности республики заняла значительное место¹. Авторы подошли к оценке ее правовой природы и политической сущности не столько с позиций конкретных обстоятельств времени, сколько с точки зрения советского руководства на предназначение такого рода автономии. Сам факт провозглашения Горской республики связывался ими с деятельностью И.В. Сталина и его пониманием происходивших в регионе событий: «Выступая на съезде, Сталин пояснил, что “автономия означает не отделение, а союз самоуправляющихся горских народов с народами России. Этот союз – есть основа горской советской автономии”»². Вместе с тем исследователи обратили внимание и на такое достаточно очевидное, но не особо артикулируемое в историографии обстоятельство, как эмоциональное воздействие создания республики на сознание масс: «Провозглашение автономии горских народов наряду с политическим значением имело и огромное эмоциональное значение на сознание масс, способствовало росту авторитета советской власти, прочному переходу их значительной части на ее сторону, всемерной поддержке ее начинаний»³.

По заключению исследователей, Горская АССР являлась первым объединением многонациональных народов края, образцом национального мира. Она обеспечила дальнейшее развитие народов, была «удачным, хотя и временным путем концентрации усилий ранее разрозненных народов Северного Кавказа в единое многонациональное государственное образование, строившееся на административно-территориальной основе»⁴. Положение Горской республики в регионе определялось изменением политической обстановки в Закавказье и пробуждением национального сознания горских масс: «Уже на начальном этапе развития Горской автономии четко проявились политические группировки, среди них были ... те, кто выступал за независимость от России; за полное объединение; 3-я группировка состояла в основном из контрреволюционеров»⁵.

В работе Н.Ф. Бугая и Д.Х. Мекулова детально проанализирована позиция руководства Кабардинского округа, с которой и начался фактический распад еще не успевшей окрепнуть и набрать силы республики. Причину своего выхода из состава автономии руководители Кабардинского округа объясняли отсутствием

¹ Бугай Н.Ф., Мекулов Д.Х. Народы и власть: «социалистический эксперимент». 20-е годы. Майкоп, 1994.

² Там же. С. 89.

³ Там же. С. 89–90.

⁴ Там же. С. 94.

⁵ Там же.

определенной экономической связи с остальной частью населения ГАССР. Последующие события все отчетливее свидетельствовали о процессе распада республики, приостановить который становилось все труднее. Главной причиной, предопределившей краткосрочность существования республики, стали взаимные территориальные претензии народов: «Претензии одних народов по отношению к другим разрастались как снежный ком. В качестве одной из них выступало и то, что якобы состав СНК ГАССР и ЦИКа не сможет удовлетворить взаимные притязания в принадлежности земельных угодий из-за грабежей и т. д.»¹ В целом положительно оценивая опыт многонациональной автономии края, исследователи отметили: «Народы прошли путь в организации своей государственности, то объединяясь в одну республику, то создавая свои собственные “национальные кварталы”. Наверное, для каждого определенного этапа истории было правомерным существование как одного, так и другого образования. Несомненно одно, что в основе этих мер присутствовало единство цели – создание нормальных условий для жизни народов»².

Сходные оценки образования и практической деятельности республики сохранились и в вышедшем год спустя коллективном исследовании национально-государственного строительства на Северном Кавказе³. В нем особо подчеркивалась негативная роль И.В. Сталина в процессе строительства самой республики: «Очевидно, что позиция Сталина по отношению к Горской республике в данном случае сыграла заметную отрицательную роль и не была направлена на ее укрепление. Она оказалась в основе сразу же начавшихся бурных процессов по “развалу” Горской республики, хотя партийные и советские работники, занятые в республике, прикладывали немало усилий к консолидации народов именно вокруг Горской республики»⁴. Наряду с ней отмечалась и вся сложность обстановки, в которой приходилось проводить меры как по национально-государственному, так и по административно-территориальному устройству. В республике не затихал бандитизм, наблюдался отход от демократических форм решения аграрного вопроса. Нередко применялись шаблонные подходы, списанные с действий центральных властей. Становление и развитие Горской республики проходило в крайне сложной и противоречивой обстановке. Тем не менее, несмотря на то, что «самостоятельный этап национально-государственного строительства у народов Северного Кавказа закончился полным крахом Горской республики», она строилась как объединение народов, которые связывала общая цель – «экономическое

¹ Бугай Н.Ф., Мекулов Д.Х. Народы и власть... С. 97.

² Там же. С. 115.

³ Бугай Н.Ф. Горская АССР: правомерность создания, особенности, причины и ход ликвидации // Национально-государственное строительство в Российской Федерации: Северный Кавказ. (1917–1941 гг.). Майкоп, 1995.

⁴ Там же. С. 67.

и культурное возрождение, укрепление позиций советской власти, разгром остатков контрреволюции»¹.

Одним из последних по времени появления исследований, посвященных непосредственно Горской автономии, стала работа А.Х. Даудова². Предпосылками создания единой советской национальной государственности на Северном Кавказе в ней названы сложная политическая и экономическая обстановка в стране, целесообразность в связи с этим объединения всех имеющихся ресурсов горских народов для защиты революционных завоеваний. По заключению исследователя, советское строительство в крае, несмотря на региональную специфику, определялось в решающей степени общероссийскими тенденциями и являлось их составной частью. Вопрос о национально-государственном устройстве малых народов приобрел особую остроту по мере их освобождения и перехода к советскому строительству: «Для решения задач социалистического строительства, вставших перед горскими народами, с победой Советской власти, необходимо было тесное сотрудничество этих народов, объединение их экономического потенциала и культурных сил. Ни один из горских народов в отдельности не был в состоянии своими силами решить задачи ликвидации политической, экономической и культурной отсталости, искоренения всех контрреволюционных элементов и банд, строительства социалистического общества»³.

Исследователь связал упразднение Горской республики с задачами совершенствования системы государственного управления в регионе и социалистическими преобразованиями на Кавказе. Образование Северо-Кавказского края, которое завершило курс на создание единого административного региона, делало ненужным существование и сохранение Горской АССР⁴. Примечательно, что в работе практически не упоминается о сложностях территориальных взаимоотношений народов, входивших в состав республики.

Напротив, в новейших исследованиях, относящихся к становлению автономии Кабардино-Балкарии, они называются определяющими для распада многонациональной автономии. Подчеркивая воздействие территориального фактора на характер поведения политической элиты Кабардинского округа, специалисты отмечают, что «процесс институционализации ГАССР проходил на фоне увеличения конфликтности этнотерриториальных отношений»⁵. А территориальные притязания руководителей Горской республики лишали смысла пребывание Кабарды в ее

¹ Бугай Н.Ф. Горская АССР... С. 87.

² Даудов А.Х. Горская АССР. 1921–1924 гг. Очерки социально-экономической истории. СПб., 1997.

³ Там же. С. 37.

⁴ Там же. С. 206–207.

⁵ Кажаров А.Г. Кабарда и Балкария в процессе административно-территориального переустройства Северного Кавказа. (1918 – первая половина 1920-х гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Нальчик, 2001. С. 15.

составе: «Совершенно очевидно, что участие кабардинцев в коллективной форме государственности обернулось для них национальной катастрофой. Но аппетиты руководителей Горской АССР только возрастали ... Можно теперь представить себе те чувства, которые кабардинцы испытывали по отношению к Горской АССР ... Кабарда превращалась в один из захолустных округов искусственного государственного образования, хищнически распоряжавшегося остатками ее благосостояния»¹. Сама же форма многонациональной автономии представляется ряду современных исследователей наиболее удобной формой решения земельного вопроса и оптимальным способом управления этим краем, вызванным к жизни исключительно соображениями военно-политического характера².

Осмысление опыта процессов национально-государственного строительства на Северном Кавказе и истории создания коллективной автономии его народов свидетельствует о постоянном поиске исследователями более аргументированных объяснений тем событиям, которые происходили в крае в 1920-е гг. Историки по-разному понимали причины образования и природу самой Горской республики, а также факторы, определившие ее распад. Вместе с тем практически все они определяли ее как форму советской автономии, которая в своей деятельности подчинялась общим задачам и интересам советского государства.

¹ *Боров А.Х., Думанов Х.М., Кажаров В.Х.* Современная государственность Кабардино-Балкарии: истоки, пути становления, проблемы. Нальчик, 1999. С. 50–51.

² Там же. С. 50.

ГЛАВА III. НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ: ТРУДНОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ АВТОНОМИЙ

Процесс становления советской национальной государственности, получивший в специальной литературе название национально-государственного строительства, принадлежит к тем сюжетам отечественной историографии, интерес к которым не ослабевает вот уже на протяжении более полувека. Разнообразные аспекты обретения народами России собственных государственных образований находят отражение и в не менее разнообразных (в жанровом и содержательном отношениях) исследованиях. Тем не менее проблемы «освещения и оценки национальной политики большевиков и проведенного ими национально-государственного строительства в первые годы советской власти» по-прежнему остаются одними из ключевых и наиболее спорных проблем новейшей истории нашей страны¹. Фактически начавшийся в октябре 1917 г., данный процесс постоянно находился в сфере пристального внимания советского и партийного руководства. Необходимость его скорейшего осуществления в условиях развернувшегося ожесточенного гражданского противоборства потребовала от большевиков более гибкого подхода к разрешению национальных проблем. Его результатом стало то реальное многообразие форм национального самоопределения, которое позволяло на практике охватить советским строительством все без исключения народы страны.

Содержание и идеологическая направленность такого рода автономных образований, как правило, были подчинены задаче восстановления и упрочения новой власти. Однако под воздействием целого ряда обстоятельств – хозяйственной разрухи, резкого падения жизненного уровня населения, несформированности классового сознания у подавляющего большинства народов и этнических групп страны – конкретные мероприятия в области национально-государственного строительства нуждались в целенаправленном и адресном руководстве. Завершение Гражданской войны и политическая победа партии большевиков явились теми знаковыми событиями, которые свидетельствовали о начавшемся процессе централизации во всех областях жизни советского общества. Не стало исключением в этом отношении и национально-государственное обустройство народов Северного Кавказа.

¹ Козлов В.П. Предисловие // Архив новейшей истории России. Серия «Каталоги». Т. VII: Протоколы руководящих органов Народного комиссариата по делам национальностей РСФСР. 1918–1924 гг.: Каталог документов. М., 2001. С. 5.

§ 3.1. Роль центральных органов власти в становлении и развитии советской национальной государственности в регионе

Отсутствие опыта национально-государственного строительства как в центре страны, так и на местах вызвали к жизни целый ряд ведомств и учреждений, призванных осуществлять строительство новой жизни на территории бывших национальных окраин. Ведущее положение среди них по праву принадлежало Народному комиссариату по делам национальностей РСФСР, созданному в соответствии с декретом II Всероссийского съезда Советов от 26 декабря 1917 г.

Наркомнац, призванный обеспечивать мирное сосуществование народов, оказывать всемерное содействие их культурному и хозяйственному развитию, наблюдать за правильным проведением в жизнь национальной политики советской власти, являлся единственным учреждением, в основу структурного деления которого был положен именно национальный принцип. В его состав входили национальные комиссариаты и отделы, в том числе и отдел горцев Кавказа. Именно Наркомнацу принадлежала решающая роль в активизации национально-государственного строительства в Российской Федерации, оказании содействия автономиям в решении их материально-технических и организационных проблем.

Деятельность Народного комиссариата становится предметом исследовательского интереса уже в первое пореволюционное десятилетие. Однако в те годы процесс осмысления национальной политики носил в основном практический характер. Сюжеты, связанные с работой Наркомнаца и его учреждений, призваны были прежде всего иллюстрировать достижения советской власти в области хозяйственного и культурного развития нерусских народов¹. В частности, У. Алиев, оценивая успехи советской власти на Северном Кавказе в области национальной политики, указывал на постоянную организационную и материальную помощь, оказываемую горцам со стороны высшего органа государственной власти. Ее конкретные результаты свидетельствовали о постоянном внимании руководства страны к нуждам горского населения². Отсутствие в рассматриваемый предвоенный период времени аналитических исследований, в той или иной степени проясняющих социальную природу и направленность деятельности первого национального учреждения, во многом объяснялось несформированностью источниковой базы самой проблемы, а также ее пониманием как сугубо практической задачи³.

¹ Национальный вопрос и Советская Россия. М., 1921; Советская политика по национальному вопросу в РСФСР // Систематический сборник действующих актов правительства Союза ССР и РСФСР по делам национальностей РСФСР. Октябрь 1917 – ноябрь 1927. М.; Л., 1928.

² Алиев У. Достижения Советской власти на Северном Кавказе в области национальной политики. К 10-летию Октября. Ростов н/Д, 1927.

³ Малютина А.В. Историография проблем Народного комиссариата по делам национальностей // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 1979. № 1. С. 60.

Заложенные в те годы традиции изучения деятельности высших органов советской власти в создании и дальнейшем укреплении основ национальной государственности различных народов получили свое логическое разрешение в послевоенный период. Следует отметить, что, несмотря на постоянно подчеркивавшуюся в литературе значимость Наркомнаца в процессе национально-государственного строительства, его роль в налаживании и обеспечении связи центра с регионами, специальных исследований, посвященных ему, не так много¹.

Тем не менее на основе введенных в научный оборот документальных источников, и прежде всего фонда самого Наркомнаца, многочисленных постановлений партии и правительства по решению в стране национального вопроса в историографии сложились достаточно внятные представления о предназначении и деятельности комиссариата, их тесной связи с вопросами советского строительства среди нерусских народов страны. Большинству исследователей Наркомнац виделся органом диктатуры пролетариата, проводником «ленинско-сталинской национальной политики»: «Для решения задач правильного установления взаимоотношений между русским пролетариатом и инонациональным крестьянством ... необходимо было иметь в системе социалистического государства специальный орган, через который бы партия и советское правительство могли проводить в жизнь свою национальную политику и все мероприятия, направленные на установление сотрудничества и дружбы между народами в едином многонациональном государстве»². В литературе определены задачи Наркомата, прослежена их взаимосвязь с различными периодами развития советского социалистического государства. Так, если для начального периода его деятельности были характерны борьба за освобождение народов от национального гнета и выработка программных документов, то в последующий период преобладающим направлением стали «государственное устройство национальностей, административный передел России по национальному признаку

¹ *Либман Х.Ю.* Совет национальностей. М., 1940; *Бардин А.* Борьба с интервентами в 1918 г. и Наркомнац // Исторический журнал. 1942. № 10; *Мансветов Н.В.* Великая Октябрьская социалистическая революция и создание Народного комиссариата по делам национальностей // Вопросы истории. 1949. № 8; *Волжина Т.А.* Наркомнац и национально-государственное строительство в 1920 году: дис. ... канд. ист. наук. М., 1949; *Песикина Е.И.* Народный комиссариат по делам национальностей и его деятельность в 1917–1918 гг. М., 1950; *Мазур Г.А.* Народный комиссариат по делам национальностей и его роль в создании СССР: дис. ... канд. юр. наук. М., 1952; *Малютина А.В.* Строительство Народного комиссариата по делам национальностей // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 1979. № 3; *Ее же.* Историография проблем Народного комиссариата по делам национальностей // Там же. № 1; *Макарова Г.П.* Народный комиссариат по делам национальностей РСФСР. Исторический очерк. М., 1987.

² *Песикина Е.И.* Указ. соч. С. 48–49.

в интересах сближения трудящихся масс угнетенных народов с пролетариатом России»¹.

Вместе с тем в осмыслении проблемы продолжает сохраняться немало спорных вопросов, связанных прежде всего с оценкой результатов этой деятельности, их соответствия потребностям и возможностям самих нерусских народов. Хорошим подспорьем для исследователей в этом отношении призван стать и недавно изданный аннотированный каталог протоколов заседаний Коллегии Наркомнаца, Совета Национальностей, Малой коллегии и прилагаемых к ним материалов за весь период деятельности Наркомата². В предисловии ответственного составителя особо отмечается, что, несмотря на введение в научный оборот значительного круга источников, «материалы Наркомнаца, принявшего непосредственное участие в проведении в жизнь национальной политики государства, не были использованы в полной мере»³.

Расширение источниковой базы проблемы, возможно, внесет недостающую ясность и в понимание деятельности отдельных комиссариатов и отделов самого Наркомнаца. Так, до сих пор отсутствуют исследования по истории возникновения и деятельности отдела горцев Кавказа, непосредственно занимавшегося осуществлением национально-государственного строительства на Северном Кавказе. Созданный в июле 1918 г., отдел являлся представительным органом горских народов «в составе центрального органа РСФСР. Его непосредственными задачами являлись: информирование центральных органов власти о нуждах горского населения и их удовлетворение, широкая агитация идей советской власти среди горцев и выработка на началах советской Конституции оснований и положений административно-территориальной и национальной автономии на Северном Кавказе и в Дагестане»⁴.

Из имеющихся в литературе отрывочных сведений, характеризующих работу отдела, и знания реального положения дел в регионе можно предположить, что наиболее действенным институтом национально-государственного строительства для народов Северного Кавказа оказались национальные представительства. Дело в том, что непосредственно сам процесс становления государственности в национальных районах и областях региона развернулся по окончании Гражданской войны и потребовал новых форм взаимодействия с центром. «В период после Гражданской войны, когда в стране основные усилия направлялись на решение задач по развитию народного хозяйства, культурного строительства, было очевидным, что вырабатываемые в 1918–1920 гг.

¹ Макарова Г.П. Народный комиссариат по делам национальностей РСФСР... С. 67.

² Архив новейшей истории России. Серия «Каталоги». Т. VII: Протоколы руководящих органов Народного Комиссариата по делам национальностей РСФСР. 1918–1924 гг.: Каталог документов. М., 2001.

³ Козлов В.П. Предисловие... С. 6.

⁴ Мулукаев Р.С. Из истории Терской советской республики. С. 17.

в результате творчества народных масс формы связи между различными регионами устарели»¹.

19 мая 1920 г. ВЦИК принял декрет «О реорганизации Народного комиссариата по делам национальностей». В соответствии с ним автономии выделяли в состав Наркомнаца национальные представительства, которые и должны были возглавить соответствующие национальные подразделения комиссариата. Их деятельность, положение в общей системе государственного руководства национально-государственным строительством, а также вопросы взаимодействия с центральными и местными органами власти получили отражение как в работах общего характера, так и в специальных исследованиях.

Из специальных исследований, посвященных истории становления и организации национальных представительств, выделяется работа И.Т. Грищука². В ней на основе привлечения архивных и опубликованных источников содержится развернутое изложение основных этапов и направлений деятельности представительств, анализируются их достижения. Автор выделяет три периода в истории развития самого института национального представительства и дает исчерпывающий перечень их основных задач.

Зарождение института национального представительства относится к 1918 г. Начало ему положили национальные комитеты и национальные отделы – местные органы Народного комиссариата по делам национальностей³. В первый период своей деятельности с 1918 по 1920 гг. национальные отделы и комитеты представляли компактные народы и выполняли агитационно-пропагандистские задачи, «мобилизовали широкие массы национальностей» на борьбу с интервентами и белогвардейцами. Весной 1920 г. начался новый этап в его работе, связанный с созданием национальной государственности. При Наркомнаце утверждаются отделы автономных республик и областей как коллегиальные, представительные органы национально-государственных образований. В их задачи входила защита интересов своих автономий и осуществление политических, экономических и культурных связей их учреждений с всероссийскими органами власти и управления. Третий период охватывал собою время с 1924 г. «до победы социализма в нашей стране», когда работа представительств носила самый разнообразный характер. Именно это десятилетие в деятельности национальных представительств, по заключению исследователя, не подвергалось изучению⁴.

¹ Бугай Н.Ф. Представительства – конститутивные органы межнациональных связей. 20-е годы // Северный Кавказ: национальные отношения (историография, проблемы). Майкоп, 1992. С. 91.

² Грищук И.Т. Проводники интернациональной дружбы (из истории деятельности института национального представительства). Деп. ИНИОН РАН № 28414 от 23.07.87. Воронеж, 1986.

³ Там же. С. 2.

⁴ Там же.

Институт национального представительства изучал опыт советского, хозяйственного и культурного строительства в национальных районах страны, разрабатывал и вносил на рассмотрение высших органов государственной власти и управления законопроекты, направленные на повышение экономического, социально-культурного и политического уровня национального населения автономных республик и областей. Его работа применительно к национальным образованиям Северного Кавказа получила свое наиболее полное освещение в трудах Н.Ф. Бугая¹. Интерес исследователей к различным сторонам деятельности национальных представительств, как правило, не выходил за рамки констатации такого достаточно убедительного факта, как оказание ими материально-технической и организационной помощи своим автономиям. Н.Ф. Бугай одним из первых в отечественной историографии предложил несколько иное понимание и освещение данной проблемы: «Представительства были призваны решать вопросы упрочения межнациональных отношений на социалистических основах в период их становления и развития, когда приходилось вести ожесточенную борьбу с остатками эксплуататорских классов»².

Исследователь на основе огромного источникового материала, представленного фондами как центральных, так и северокавказских архивов, показал порядок возникновения разнообразных по характеру своей деятельности представительств горских народов края, объем и содержание выполняемых ими работ, а также процесс их взаимодействия с центральными органами власти. Он особо подчеркивал, что «в сложной социальной обстановке послевоенного периода без налаженной деятельности института представительств власти в центре невозможно было планомерно проводить политику по укреплению межнациональных связей»³. На примере деятельности представительства Горской АССР показана вся сложность разрешения проблемы административно-территориального размежевания входивших в состав республики национальных округов⁴. Исследователем были детально проанализированы основные направления работы и их конкретные результаты в отношении всех без исключения национальных представительств Северного Кавказа. Выявлен и опубликован персональный состав каждого из них⁵. Более того, практически впервые в литературе акцентировалось внимание не только на финансовых и организационных трудностях в работе представительств, но и на

¹ Бугай Н.Ф. Советы в определении форм межнациональных отношений в РСФСР // Национальные отношения и национальные процессы в СССР: вопросы истории. Сб. научных трудов. М., 1990. С. 18–33; *Его же*. Представительства – конститутивные органы межнациональных связей. 20-е годы // Северный Кавказ: национальные отношения (историография, проблемы). Майкоп, 1992. С. 91–141; Бугай Н.Ф., Мекулов Д.Х. Народы и власть: «социалистический эксперимент». Майкоп, 1994. С. 167–202.

² Бугай Н.Ф. Советы в определении форм межнациональных отношений в РСФСР. С. 18.

³ Бугай Н.Ф., Мекулов Д.Х. Указ. соч. С. 178–179.

⁴ Там же. С. 179–181.

⁵ Там же. С. 199–202.

определенном сепаратизме в их деятельности, нежелании считаться с директивами и постановлениями высших органов государственного управления страны¹.

В целом, подводя итоги своим исследованиям, Н. Ф. Бугай склонен полагать, что «представительства сыграли заметную роль не в плане поиска необходимых материальных ресурсов для своих национальных государственных образований ... а в выработке совершенно новых подходов в установлении связей между народами, в развитии экономики и культуры в национальных регионах страны»². К сожалению, приводимые исследователем фактические сведения не всегда согласовываются с предлагаемыми им выводами. Так, анализ деятельности представительства Адыгейской автономной области в 1922–1924 гг., напротив, свидетельствует о том, что его функционирование «сводилось главным образом к изысканию в Наркоматах средств для областных отделов как для организационных нужд, так и для выполнения их непосредственных задач»³.

Вместе с тем в литературе обращается внимание и на то обстоятельство, что зачастую конкретные мероприятия власти «способствовали на практике формированию искаженных представлений как о национальной политике Советской республики в целом, так и о стремлении уйти из-под влияния Центра. Это подтверждает и деятельность функционировавших институтов представительств автономных государственных образований как в центре, так и на местах». Подобного рода противоречия возникали вследствие отсутствия четко выработанных принципов взаимоотношений, функциональных обязанностей уполномоченных представителей⁴.

Не менее масштабную помощь в становлении национальных образований на Северном Кавказе оказывали и другие учреждения и ведомства страны. Особое внимание в этом отношении в историографии проблемы уделяется деятельности Кавказского бюро РКП(б) и Северо-Кавказского революционного комитета. Предметный интерес к данным сюжетам в изучении национально-государственного строительства обозначился в начале 1960–1970-х гг. Именно к этому времени в основном закончилась публикация тематических сборников по истории деятельности революционных комитетов и советов в национальных автономиях региона⁵.

¹ Бугай Н.Ф., Мекулов Д.Х. Народы и власть... С. 185.

² Там же. С. 198.

³ Хлынина Т.П. Адыгея в 1920-е годы: проблемы становления и развития автономии. Краснодар, 1997. С. 71.

⁴ Бугай Н.Ф., Мекулов Д.Х. Указ. соч. С. 23.

⁵ Борьба за Советскую власть на Кубани в 1917–1920 гг. Краснодар, 1957; За власть Советов в Кабарде и Балкарии. Документы и материалы по истории борьбы за Советскую власть и образование Кабардино-Балкарской автономной области (1917–1922 гг.). Нальчик, 1957; За власть Советов в Чечено-Ингушетии. Сборник документов и материалов. Грозный, 1958; Революционные комитеты Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1968; Революционные комитеты Терской области в борьбе за восстановление и упрочение Советской власти (октябрь 1919 – август 1920 гг.). Сухуми, 1971; Борьба за советскую власть в Северной Осетии. Сборник документов и материалов. Орджоникидзе, 1972 и др.

В научный оборот вводились источники личного происхождения – разнообразные воспоминания участников и непосредственных очевидцев событий того времени¹. В рассматриваемый период возобновился интерес исследователей и к ранее опубликованным работам, авторы которых принимали активное участие в борьбе за восстановление советской власти и ее последующем развитии. Вместе с тем анализ используемых историками источников свидетельствует о достаточно ограниченном подходе к отбору и интерпретации содержащихся в них фактических данных. Немалую долю ответственности в складывающейся ситуации в работе с историческими источниками несли и те архивные ведомства, которые были ответственны или участвовали в публикации соответственных документов.

Весьма показательной в этом отношении является судьба воспоминаний участников Октябрьской революции и Гражданской войны в Адыгее. Значительная их часть, находящаяся в настоящее время в фондах хранилища документов новейшей истории Национального архива Республики Адыгея, существенным образом отличается от своей изданной версии. Многие места воспоминаний выправлены, а некоторые сюжеты и вовсе опущены. Такой подход к публикации архивных документов, особенно их тематической разновидности, создавал несколько упрощенный и обедненный образ воссоздаваемой реальности, преувеличивая масштабность деятельности одних персонажей и организаций и преуменьшая значимость других.

В данной связи достаточно неоднозначной представляется и деятельность центральных партийных и советских органов власти, а также их руководителей в процессе осуществления национально-государственного строительства на Северном Кавказе. Его начальный период оказался связанным с восстановлением советской власти в регионе. В силу ряда причин – близости линии фронта, наличия значительной части контрреволюции и местной националистически настроенной буржуазии, отсутствия национальных отрядов рабочего класса и дееспособных коммунистических ячеек – этот процесс потребовал жесткого руководства со стороны советского государства². Поэтому одним из первых таких органов стало Кавказское бюро РКП (б).

Практически все исследования, в той или иной степени отражавшие деятельность Кавказского бюро, делали акцент на его работе по вовлечению горского

¹ Корнев Д.З. Революция на Тереке. 1917–1919 гг. Орджоникидзе, 1967; Под знаменем Октября. Воспоминания. Майкоп, 1971.

² Бугай Н.Ф. Ревкомы в национальных округах Северного Кавказа. 1919–1920. Нальчик, 1977. С. 20–21.

населения в русло советского строительства¹. Так, краснодарский исследователь А.Т. Апанасенко именно с работой северокавказской партийной организации и руководимым ею революционным комитетом связывал осуществление «правильной национальной политики» среди горского населения Кубано-Черноморской области: «Кубано-Черноморская область являлась многонациональной. На ее территории, наряду с представителями других национальностей, проживало более ста тысяч горцев, которые в период царизма и господства белогвардейцев были лишены всяких политических прав. С восстановлением советской власти в области возникла настойчивая необходимость проведения правильной национальной политики среди горцев с целью приобщения их к советскому строительству на основе предоставления им широкой национальной независимости». Для решения этой важной политической задачи и был создан областной ревком, руководство которого полностью в своей практической деятельности подчинялось Кавказскому бюро².

М.Н. Гиоев в изучении организационной и политической работы бюро обратил внимание на его борьбу за предотвращение межнациональной войны и создание предпосылок для установления советской власти на Северном Кавказе. Несмотря на то что материалы данного исследования не охватывают интересующий нас период, они весьма важны для понимания самого механизма осуществления партийного руководства процессом национально-государственного строительства в регионе. Заслуживает внимания и предложенное автором осмысление того, каким образом большевики подготавливали в национальных районах Северного Кавказа почву для утверждения в них советской власти. По убеждению исследователя, именно создание местных большевистских организаций стало надежным залогом и проводником идей советского и национально-государственного строительства среди горских народов³.

Достаточно показательной для осмысления поставленной проблемы является постепенная переоценка роли и деятельности отдельных представителей партии и правительства, работавших на Северном Кавказе и непосредственно руководивших становлением национально-государственных образований

¹ Среди специальных работ, посвященных этой проблеме, следует отметить следующие исследования: *Калмыкова И.К.* Руководство Кавбюро ЦК РКП (б) партийным строительством в национальных районах Северного Кавказа (апрель – декабрь 1920 г.) // Вестник Московского университета. Серия 9: История. 1964. № 4; *Исмаилов И.* К истории создания и организационной деятельности Кавказского бюро ЦК РКП (б) // Ученые записки Азербайджанского государственного университета. Серия история и философия. Баку, 1968; *Аликберов Г.А.* Политика Коммунистической партии по вовлечению горцев в русло советского строительства и роль Кавбюро ЦК РКП (б) // Ученые записки института истории, языка и литературы им. Г. Цагасы. Махачкала, 1959. Т. VI. С. 41–69; *Апанасенко А.Т.* Деятельность Кавбюро ЦК РКП (б) по руководству ревкомками Северного Кавказа в 1920 – 1921 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 1973; *Гиоев М.Н.* Кавказский крайком РКП(б) и Октябрь на Северном Кавказе. Орджоникидзе, 1978.

² *Апанасенко А.Т.* Указ. соч. С. 86.

³ *Гиоев М.Н.* Указ. соч. С. 51.

в регионе. Начавшееся в конце 1980-х гг. переосмысление теоретического наследия советской национальной политики повлекло за собою и необходимость нового обращения к деятельности ее непосредственных разработчиков – В.И. Ленина и И.В. Сталина. Наиболее резкой критике была подвергнута позиция Сталина, имя которого связывалось с идеей автономизации. Практически все ошибки, допущенные в национально-государственном строительстве в стране, ассоциируются в настоящее время с его деятельностью и породившими ее негативными личными и административными качествами первого Наркома по делам национальностей. Гораздо реже исследователями обращается внимание на непосредственных исполнителей сталинских идей, которые на практике оказывались порою радикальнее и последовательнее самого И.В. Сталина. В данной связи следует отметить, что «всей работой в Наркомате по делам национальностей руководил Бройдо, Сталин крайне редко бывал в Наркомнаце и не посещал его заседаний»¹. Многие сотрудники и ответственные работники комиссариата не только разделяли взгляды его руководителя, но считали их недостаточно жесткими.

Неоднозначное восприятие получила деятельность чрезвычайного комиссара на юге России² Г.К. Орджоникидзе. Занимая различные посты и исполняя огромный круг обязанностей, Г.К. Орджоникидзе принимал непосредственное участие в подготовке и провозглашении Горской автономной республики, руководил работой Бюро по восстановлению советской власти на Северном Кавказе, а затем и Северокавказским революционным комитетом. С его именем связаны практически все сколько-нибудь значимые административно-территориальные преобразования в Горской республике и процесс образования на ее основе самостоятельных автономий.

Вплоть до начала 1990-х гг. его деятельность характеризовалась исключительно позитивно и оценивалась неизменно как «проявление высшего интернационального долга». Однако по мере рассекречивания архивных фондов, введения в широкий научный оборот ранее не известных документов по истории образования СССР, национальной политики советского государства стали появляться более взвешенные суждения³. По мнению современных исследователей, Г.К. Орджоникидзе сыграл довольно неприглядную роль в процессе хозяйственного объединения закавказских республик. В его ходе проявились далеко не лучшие личные и административные качества представителя ЦК партии

¹ Бугай Н.Ф. Представительства – конститутивные органы межнациональных связей. 20-е годы. С. 95.

² РКП(б)–ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1: 1918–1933. М., 2005; ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2: 1933–1945. М., 2009.

³ См. например: В.И. Ленин: «Вместе и наравне» // Урок дает история. М., 1989. С. 37–137; На пути к социалистическому унитаризму. Из новых документов по истории образования СССР // Отечественная история. 1992. № 4. С. 89–116; Тайны национальной политики ЦК РКП(б). Четвертое совещание ЦК РКП (б) с ответственными работниками автономных республик и областей в г. Москве. 9–12 июня 1923 г. Стенографический отчет. М., 1992.

в Закавказье. Будучи человеком крайне вспыльчивым и эмоционально несдержанным, Г.К. Орджоникидзе в пылу партийной полемики ударил одного из членов ЦК компартии Грузии А. Кабахидзе¹.

Начинает пересматриваться и такое достаточно расхожее для историографии проблемы суждение, как компетентность и знание Г.К. Орджоникидзе особенностей психологии и бытового уклада горского населения Северного Кавказа. В частности, в ряде диссертационных исследований последнего времени неоднократно отмечаются присущие ему «грубость, граничащая с прямым невежеством, незнание и нежелание знать обычаи горских народов»². Более того, не столь однозначно в настоящее время воспринимаются исследователями и принятые по его настоянию решения о выселении ряда казачьих станиц Терской области, Сунженского округа Горской республики в целях ликвидации малоземелья горцев. В литературе обращается внимание на экономическую неэффективность данных мероприятий, а также их дестабилизирующее воздействие на межнациональные отношения на Северном Кавказе в целом: «В процессе административно-территориального строительства, развернувшегося на территории Чеченского национального округа в 1920–1921 гг., после переселения казачьего населения из ряда станиц они долгое время оставались незаселенными. Данный вопрос неоднократно рассматривался на заседаниях Кавказского бюро ЦК РКП (б) и Горского ЦИКа. В принятом решении отмечалось, что «в случае незаселения в трехмесячный срок чеченцами оставленных станиц они будут переданы Грозному для образования рабочего поселка ... Отменять данное решение не следует, т. к. это вызовет нежелательное толкование. Выселение уже вселившихся в станицу может быть истолковано как сигнал выселения чеченцев из других станиц»³.

Традиционно устойчивым является и интерес исследователей к организации и деятельности Северо-Кавказского революционного комитета⁴. Он стал высшим

¹ Журавлев В.В., Ненароков А.П. Новые факты и документы из истории образования СССР // Историки спорят: тринадцать бесед. М., 1988. С. 218.

² Дзидзоев В.Д. Национальная политика СССР, межнациональные отношения и национальные движения на Северном Кавказе: дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 1992. С. 134–136; Атаева Ф.А. Роль политических партий и общественных движений в межнациональных отношениях на Северном Кавказе: дис. ... канд. ист. наук. Нальчик, 1997. С. 43–44.

³ Бугай Н.Ф., Мекулов Д.Х. Народы и власть... С. 138.

⁴ Бугай Н.Ф. Революционные комитеты Северного Кавказа в борьбе за восстановление и упрочение Советской власти в 1920–1921 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 1971; Мелия Г.Т. Северо-Кавказский революционный комитет в борьбе за восстановление и упрочение Советской власти (март–июль 1920 г.): дис. ... канд. ист. наук. Тбилиси, 1974; Исраилов А.К.-М. Революционные комитеты в борьбе за установление и упрочение Советской власти в национальных районах Северного Кавказа. Махачкала, 1976; Бугай Н.Ф. Ревкомы в национальных округах Северного Кавказа. Нальчик, 1977; Его же. В.И. Ленин и Северо-Кавказский ревком (1920 г.) // Великий Октябрь и передовая Россия в исторических судьбах народов Северного Кавказа (XVI–70-е годы XX века): мат-лы Всеросс. науч. конф. (2–3 октября 1979 г., г. Грозный). Грозный, 1979. С. 126–133; Его же. Революционные комитеты Дона и Северного Кавказа. 1919–1921 гг. М., 1979.

органом советской власти в регионе в 1920–1921 гг. и призван был подготовить условия для перехода его народов к новому этапу социалистического строительства. Его основными задачами являлись «упрочение автономизации и руководство народным хозяйством в новых автономных образованиях на начальном этапе социалистического строительства»¹. Вызванный к жизни конкретно-историческими обстоятельствами, ревком «при широкой помощи революционных сил русского народа, Красной Армии провел большую работу по защите завоеваний Великого Октября, упрочению Советской власти, решению национального вопроса, осуществлению первых мероприятий по налаживанию хозяйственной жизни на Северном Кавказе»².

Основными причинами, породившими военно-революционную форму восстановления советской власти в регионе, являлись и особенности государственного строительства в его национальных районах. В частности, А.К.-М. Исрапилов обратил внимание на необходимость приспособления государственного аппарата к докапиталистическим отношениям, господствовавшим в северокавказском горском ауле, отмечал особое значение в нем национальных и религиозных моментов, а также организационной и материально-технической помощи советской России³. Такого рода особенности требовали предельно централизованной формы руководства, которая обеспечивала бы координацию усилий различных учреждений и ведомств как военного, так и гражданского подчинения.

Следует отметить, что революционные комитеты на Северном Кавказе стали создаваться по мере освобождения территории края уже в 1919 г. Первым краевым органом стал Кавказский революционный комитет, образованный 31 декабря 1919 г. В сферу его деятельности включались территории Северного Кавказа и Закавказья. Однако последующее развитие событий, усложнение текущей работы потребовали создания специального органа для руководства советским и партийным строительством на Северном Кавказе. Таким органом и стало Бюро по восстановлению советской власти на Северном Кавказе, переименованное 31 марта 1920 г. в Северо-Кавказский ревком. В его состав сразу же вошли наиболее опытные партийные и советские работники – Г.К. Орджоникидзе, С.М. Киров, Я.В. Полуян, П.Г. Мдивани, А.М. Стопани, Н.Н. Нариманов и С. Габиев. В подчинении ревкома оказались Кубанская и Терская области, Черноморская и Ставропольская губернии, а также Дагестан.

Деятельность ревкома была многогранной и носила контрольно-консультативный и практический характер. Находясь в непосредственном подчинении Реввоенсовета Кавказского фронта, ревком содействовал военным органам в проведении оборонительных работ, мобилизации гражданского населения,

¹ Бугай Н.Ф. Ревкомы в национальных округах Северного Кавказа. С. 20–21.

² Бугай Н.Ф. В. И. Ленин и Северо-Кавказский ревком (1920 г.). С. 133.

³ Исрапилов А.К.-М. Революционные комитеты в борьбе за установление и упрочение Советской власти в национальных районах Северного Кавказа. С. 58–59.

проведении мероприятий по обеспечению армии продовольствием, «вел работу среди трудящихся по разъяснению принципов и декретов Советской власти, по вовлечению их в советское строительство»¹.

Огромная работа была проделана Северо-Кавказским ревкомом в области образования и организационного укрепления ревкомов на местах, по восстановлению промышленности и организации социалистического производства, учреждений и системы народного здравоохранения и образования, в разрешении земельного вопроса. Так, Г.Т. Мелия в своем диссертационном исследовании детально проанализировал указанные направления и результаты деятельности ревкома. Исследователь отметил огромные организационные и материальные трудности, которые препятствовали успешному осуществлению целей и задач ревкома. Среди них в качестве наиболее значимых он отметил слабость местных партийных и ревкомовских организаций, их засоренность «классово чуждыми элементами», нехватку опытных партийцев и материальные трудности советской власти².

Северо-Кавказский революционный комитет, как и созданная им система ревкомовских организаций на местах, рассматривается и как одна из форм работы органов власти по осуществлению связей между народами: «С первого года функционирования советской системы к реализации мер национальной политики были призваны государственные органы власти – советы, ревкомы. Их деятельность совершенствовалась, в том числе и в возникавших автономных областях, что находило отражение в юридических актах Советского государства, детализировавших формы взаимоотношений автономных и федеральных органов»³.

В современной историографии особо отмечается, что в 1919–1921 гг. не было ни одного автономного образования, где «конститутивные формы управления обществом не начинались бы с чрезвычайных органов власти». В качестве основных причин их возникновения называются неподготовленность общества к восприятию идей социализма, бандитизм, реакционность Церкви, первые шаги народов в обретении собственной государственности. Более того, отмечается «и то, что применение провозглашенных принципов национальной политики оказалось не таким простым, как это казалось в ходе их разработки. Их, принципы, попросту говоря, приходилось насаждать извне, в том числе и через такой метод, как создание национальных органов в структуре поглощающей территории»⁴. Анализ официальных документов и неопубликованных архивных источников позволил исследователям прийти к заключению, что национальный аспект оставался преобладающим в направлениях деятельности

¹ Бугай Н.Ф. Ревкомы в национальных округах Северного Кавказа. С. 27.

² Мелия Г.Т. Северо-Кавказский революционный комитет в борьбе за восстановление и упрочение Советской власти. С. 118–120.

³ Бугай Н.Ф., Мекулов Д.Х. Народы и власть: «социалистический эксперимент». С. 17.

⁴ Там же. С. 21.

чрезвычайных органов власти. В сферу их деятельности входило возрождение экономического потенциала национальных районов, совершенствование советского и национально-государственного строительства среди нерусских народов страны.

Детальное изучение деятельности органов государственной власти свидетельствует о той огромной организационной, материально-технической и финансовой помощи, которая была ими оказана в начальный период становления советских национальных образований на Северном Кавказе. Вместе с тем начинает пересматриваться роль отдельных советских и партийных руководителей в процессе осуществления национально-государственного строительства, соответствие его основных задач возможностям самих народов региона. Расширяется источниковая база осмысления национальной политики советского государства и ее отдельных направлений. К сожалению, до сих пор в литературе отсутствуют работы, посвященные организации и деятельности отдела по делам горцев Кавказа, представительств Наркомнаца в автономных республиках и областях края. Многие историографические положения несут на себе печать революционной риторики первых лет советской власти и нуждаются в дальнейшем научном переосмыслении.

§ 3.2. Национально-государственное строительство на Северном Кавказе: особенности и итоги

Интерес к начальному этапу обретения народами Северного Кавказа собственных национально-государственных образований и сопровождавших его мероприятий организационного и административно-территориального характера обозначился уже в первые пореволюционные десятилетия. Издания того времени, посвященные различным вопросам истории и развития северокавказских автономий, как правило, носили популяризаторский характер и сосредотачивались на тех огромных политических и хозяйственно-культурных изменениях, которые произошли в жизни горских народов с обретением ими национально-государственных образований¹. Обращает на себя внимание наличие практически

¹ Алиев У. Достижения Советской власти на Северном Кавказе в области национальной политики. Ростов н/Д, 1927; *Его же*. Карачай (Карачаевская автономная область). Историко-этнологический и культурно-экономический очерк. Ростов н/Д, 1927; *Его же*. Адыгея (Адыгейская автономная область). Историко-этнологический и культурно-экономический очерк. Ростов н/Д, 1927; *Раенко-Туранский Я.Н.* Адыги до и после Октября. Ростов н/Д, 1927; Северная Осетия к 10-летию Октябрьской революции. Материалы для докладчиков. Владикавказ, 1927; *Стонов Д.* По Карачаю. Путевые заметки. М.; Л., 1930; *Мартirosиан Г.К.* История Ингушетии. Материалы. Орджоникидзе, 1933; *Омаров М.* Чечня на социалистическом пути. Ростов н/Д, 1933; X лет Советской Чечни. Ростов н/Д, 1933 и др.

в каждой из такого рода работ внушительного раздела, отражавшего историческое прошлое народов региона и призванного, по мысли его авторов, являть собою «необходимую и обязательную предпосылку для понимания и полного осознания наших достижений»¹.

Однако по мере выхода в свет многочисленных статистических и различного рода юбилейных изданий, наглядно иллюстрировавших успехи северокавказских автономий, постепенно стал оформляться и профессиональный интерес историков к самому процессу становления и обретения народами региона национальных автономий. Его появление следует отнести к началу 1950-х – началу 1960-х гг. Именно в те годы выходят первые работы с характерными названиями, а их содержание свидетельствует об устойчивом внимании исследователей к вопросам образования и политико-правового статуса национальных автономий².

Наличие достаточно объемного историографического материала по данной проблеме, а также содержательная схожесть многих исследований определяет целесообразность его анализа прежде всего по проблемному принципу. Более того, некое концептуальное единство, прослеживающееся в понимании самого процесса и характера национально-государственного строительства на Северном Кавказе вплоть до начала 1990-х гг., диктует необходимость выделения основных направлений в его осмыслении. К ним следует отнести такие сюжеты, как организационные формы национально-государственного строительства, причины их подвижности и изменчивости, характер и конкретный комплекс задач, которые призваны были решать определенные виды автономий в тот или иной период времени развития советского государства.

По признанию большинства исследователей, национально-государственное строительство народов СССР прошло несколько этапов. Первый из них, охвативший по времени период с 1917 по 1920 гг., ознаменовался возникновением и существованием автономных республик. В качестве основной причины их появления называются отсутствие конкретного опыта национально-государственного строительства, сложность международной обстановки, острота классово-борьбы внутри страны и иностранная интервенция, а также «потребность в объединении революционных усилий трудящихся в целях защиты завоеваний Октября». Второй этап, продолжавшийся с 1920 по 1925 гг., характеризовался образованием автономных областей как специфической формы советской национальной государственности. Для третьего этапа, завершившегося в 1936 г., отличительным признаком становится создание автономных округов, преобразование многих областей в автономные республики, значительный рост количества союзных

¹ Северная Осетия. Политико-административный очерк Северо-Осетинской АССР. Орджоникидзе, 1939. С. V.

² Лебедев А.А. Образование Кабардинской автономной области // Ученые записки пединститута. Нальчик, 1951. Вып. III; Крикунов В.П. Товарищ И.В. Сталин – организатор советской автономии Кабарды // Сборник статей по истории Кабарды. Нальчик, 1951. Вып. II.

республик. И, наконец, заключительный этап, верхняя граница которого так и осталась неопределенной, призван был совершенствовать сложившиеся национальные отношения в стране¹. Конкретизация предложенных этапов национально-государственного строительства в стране свидетельствует о наличии некоторых характерных особенностей данного процесса в каждом отдельном регионе.

Свои специфические особенности имелись и на Северном Кавказе. Так, если первый период здесь по существу совпадал с общероссийской направленностью, то в последующие годы выявились некоторые особенности. Для 1921–1924 гг. ими стало создание многонациональных автономий – Горской и Дагестанской республик, а для периода 1924–1937 гг. – вхождение автономных образований в состав Северо-Кавказского края. Наблюдаются и расхождения в определении временных границ отдельных этапов: завершающей датой второго из них называется 1924-й год, время прекращения существования Горской автономии; для третьего этапа таким завершением является 1937-й год, в течение которого происходило дальнейшее административно-территориальное дробление Северо-Кавказского края².

Для народов Северного Кавказа процесс национально-государственного строительства в форме непосредственного предоставления им отдельных автономий начался в 1921 г. и совпал с распадом Горской автономной республики по национальному признаку. Начало этому процессу положил выход Кабарды из ее состава, который и повлек за собою пересмотр остальными национальными округами своего положения в многонациональной автономии. В литературе существуют различные точки зрения, обосновывающие причины необходимости создания самостоятельных автономий народов, составлявших Горскую республику. Среди наиболее значимых причин исследователями называются следующие факторы: Горская республика так и не смогла полностью преодолеть имевшееся между народами национальное отчуждение; мероприятия общегосударственного характера нередко воспринимались отдельными народами как ущемление их национальных интересов; при почти одинаковом уровне развития народов степень их классового расслоения, экономического, политического и культурного состояния была несколько разной³.

Несколько отличной от общепризнанной точки зрения придерживается С.Э. Эбзеева. По ее мнению, основная причина ликвидации Горской республики заключалась в том, что она совпала с завершением образования Северо-Кавказского края. «Процесс создания общих для всего Северного Кавказа краевых

¹ *Нансо Д.А.* Под знаменем интернационализма (Деятельность партийных организаций Северного Кавказа по интернациональному воспитанию трудящихся в годы социалистического строительства). Минеральные Воды, 1967. С. 104.

² *Абулова Е.А.* Партийное руководство созданием и развитием национальной государственности народов Северного Кавказа (1917–1937 гг.): дис. ... д-ра ист. наук. Пятигорск, 1986. С. 189.

³ Там же. С. 120–121.

партийных и государственных органов завершил образование Северо-Кавказского края в июне 1924 года. Поэтому правительство Горской республики стало излишним, ненужным, промежуточным звеном в общей системе партийных и советских государственных органов». Горская республика выполнила свою задачу по организации советской власти в национальных районах края и закономерно уступила занимаемое место самостоятельным автономным образованиям, руководство и координация действий которых перешло к Северо-Кавказскому исполнительному комитету¹.

Расхождения среди исследователей наблюдаются и в определении конкретных причин, повлекших за собою образование самостоятельных автономий народов Северного Кавказа. Особенно отчетливо они проявляются в осмыслении данных процессов в Кабарде и Чечне. Среди основных причин, побудивших руководство Кабардинского национального округа выйти из состава Горской республики, чаще всего называется его неудовлетворенность разрешением территориальных, и прежде всего земельных проблем². Отмечается и относительно высокий уровень хозяйственного развития округа, потребовавший расширения его самостоятельности и укрепления непосредственных связей с центральной Россией. «Экономическое состояние и возможности Кабарды требовали расширения самостоятельности ее действий. Национальные округа к тому времени не удовлетворяли требований народа, в его недрах вызрели все условия для перехода к более высокой форме советской автономии»³. Более того, по заключению специалистов, выделение в административную область открывало большие возможности «дальнейшего укрепления братского сотрудничества кабардинцев и балкарцев с русским народом, со всеми народами нашей страны для осуществления совместной исторической цели – строительства социализма»⁴.

Вопрос об образовании Чеченской автономной области в 1922 г. напрямую связывается рядом исследователей со сложностью политической обстановки, наблюдавшейся в округе по окончании Гражданской войны. «Необходимость дальнейшего развития классового самосознания бедноты и освобождение ее от влияния клерикальных верхов, развертывание ее революционной инициативы, создание демократических органов власти и обуздание кулачества и клерикальных элементов обусловили выделение Чечни в самостоятельную автономную область.

¹ *Эбзеева С.Э.* Становление советской национальной государственности народов Северного Кавказа. М., 1976. С. 135.

² См., например: *Кажаров А.Г.* Кабарда и Балкария в процессе административно-территориального переустройства Северного Кавказа (1918 – первая половина 1920-х гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Нальчик, 2001. С. 5.

³ *Бербеков Х.М.* К вопросу об образовании национальной государственности Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1961. С. 12.

⁴ *Ансоков Т.М.* Образование и развитие национальной советской государственности народов Кабарды и Балкарии (1917–1936 гг.). Нальчик, 1974. С. 91.

При таком положении реакционные силы не смогли бы использовать автономию в своих эгоистических целях. Наоборот, автономия делала Советскую власть, родившуюся в центральной России, наиболее понятной, родной и близкой»¹.

Исходя из указанных причин создание самостоятельных автономий традиционно рассматривается исследователями как форма, способная обеспечить наиболее благоприятные условия для учета специфических особенностей каждого народа, а также переход ранее отсталых национальностей к социализму, минуя капитализм². Вместе с тем подчеркивается, что именно отдельные автономии являлись средством, которое наилучшим образом отвечало задачам укрепления дружбы и братского сотрудничества народов³. В данной связи обращает на себя внимание одно примечательное обстоятельство. Несмотря на наличие определенных расхождений во взглядах исследователей на причины и сам процесс создания автономных образований в регионе, практически все они единодушны в признании некой закономерной логики, отличавшей национально-государственное строительство в целом. Она, как правило, сводится ими к констатации того факта, что «советская автономия не есть нечто застывшее и раз навсегда данное; она допускает самые разнообразные формы и степени своего развития». Инициатива создания самостоятельных автономий в ней отводится «широким массам трудящихся при поддержке центральных органов власти»⁴. Однако, как свидетельствует и историографический, и исторический опыт, данное положение едва ли способно выдержать проверку на теоретическую прочность при столкновении с реальной действительностью того времени.

С определенной долей условности оно еще способно прояснить ситуацию при образовании первой многонациональной автономии на Северном Кавказе – Горской республики. И то только с той разницей, что процесс ее создания инициировался в большей степени не народами, а конкретной обстановкой военного противоборства в регионе и принадлежал партии большевиков. Более того, преобразование национальных округов в самостоятельные автономии в большинстве случаев осуществлялось не по воле «широких народных масс», а по инициативе той же партии. Кстати, практически во всех исследованиях по истории национально-государственного строительства на Северном Кавказе подчеркивается роль партийных организаций по созданию самостоятельных автономий народов. Партия являлась не только организатором, но и разработчиком конкретных форм самостоятельности тех или иных народов и руковалась при этом

¹ Юсуфов П.И. Борьба за ленинские принципы национальной политики в Чечено-Ингушетии (1920–1925 годы). Грозный, 1968. С. 14.

² Нечипурнова Н.С. Партийное руководство опытным хозяйственно-административным районированием Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1968. С. 98, 104.

³ Нансо Д.А. Под знаменем интернационализма... С. 121.

⁴ Абулова Е.А. Партийное руководство созданием и развитием национальной государственности народов Северного Кавказа. С. 145.

собственными теоретическими представлениями и конкретными задачами построения советского государства. При этом нередко ее усилия объективно совпадали с устремлениями управленческой элиты этих народов, отражавшей тем самым «их волю и вековые чаяния».

Вместе с тем имеются факты непонимания многими коммунистами, в том числе и Горской партийной организации, сути и природы национально-государственного строительства в регионе. «При рассмотрении конкретных форм самоопределения горских народов и казачьего населения проявились как колонизаторский, так и местный националистический уклон»¹. Подобные настроения не могли не сказаться и на самом процессе становления национальных автономий.

Образование Кабардинской автономной области является наглядным примером того, что зачастую подобная инициатива принадлежит непосредственно самому руководству будущей области. В литературе подробно описан и проанализирован конфликт между представителями Горского ЦИКа и Кабардинского национального округа, результатом которого и стало решение о его выделении в самостоятельную область². Основная роль в этом процессе принадлежала председателю Кабардинского окружного исполкома Б.Э. Калмыкову. Именно ему надлежало найти приемлемую как для общероссийского, так и для краевого руководства причину, обусловившую необходимость выхода Кабарды из состава Горской АССР. Такой причиной на тот момент была признана изначальная искусственность и непрочность Горской автономии как государственного образования, а также экономическое и культурное тяготение кабардинцев «в сторону областей РСФСР»³.

В последние годы деятельность самого Б.Э. Калмыкова, как, впрочем, и иных советских работников того времени, подвергается переосмыслению.

¹ *Коротков М.Л.* Борьба Коммунистической партии за осуществление ленинской национальной политики на Северном Кавказе (1921–1925 гг.): дис. ... канд. ист. наук. М., 1967. С. 179 – 180.

² *Бербеков Х.М.* К вопросу об образовании национальной государственности Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1961; *Его же.* Советская автономия Кабарды и Балкарии. Нальчик, 1961; *Масаев Х.Ш.* Ленинская национальная политика и создание автономии Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1961; *Тазиев Х.Ф.* К вопросу образования автономии Кабардино-Балкарии // Вестник Кабардино-Балкарского НИИ. Нальчик, 1968. Вып. I; *Ансоков М.Г.* Образование и развитие национальной советской государственности народов Кабарды и Балкарии (1917–1936 гг.). Нальчик, 1974; *Бугай Н.Ф., Мекулов Д.Х.* Народы и власть: «социалистический эксперимент» (20-е годы). Майкоп, 1994; *Улигов У.И.* Формирование национальной государственности у народов Кабарды и Балкарии: трудности становления, развитие // Национально-государственное строительство Российской Федерации: Северный Кавказ (1917–1941 гг.). Майкоп, 1995; *Боров А.Х., Думанов Х.М., Кажаров В.Х.* Современная государственность Кабардино-Балкарии: истоки, пути становления, проблемы. Нальчик, 1999.

³ *Улигов У.И.* Формирование национальной государственности у народов Кабарды и Балкарии: трудности становления, развитие. С. 105–106.

В специальной литературе все чаще указывается на «необоснованное преувеличение марксистской подготовки революционеров Кабарды и Балкарии, которые в основном были безграмотными и малограмотными людьми»¹. Обращается внимание и на пагубную роль отдельных из них в процессе развития народов области. Так, имя Б.Э. Калмыкова напрямую связывается с массовыми репрессиями и уничтожением кабардинской интеллигенции. Подчеркивается, что «палач масштаба Б.Э. Калмыкова немыслим где-то в Рязанской или Тульской области. Он стал возможен только в национально-территориальном образовании, относительная автономность которого обернулась в данном случае абсолютным злом»².

Ряд современных авторов на основе анализа земельных преобразований в Горской республике склонны полагать, что она стала узаконенной формой ограбления кабардинского народа. «Вспомним в связи с этим, что “Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана” и пришедшая ему на смену независимая Горская республика отказались от решения аграрного вопроса за счет внутреннего перекраивания границ между горскими народами. Но Горская АССР, как и Терская республика, встала на этот порочный путь, выбрав в качестве жертвы опять-таки Кабарду. К весне 1921 г. она лишилась 30 % своих земель (по сравнению с 1918 г.)»³. Исследователи особо отмечают, что участие «кабардинцев в коллективной форме государственности обернулось для них национальной катастрофой... Кабарда превращалась в один из захолустных округов искусственного государственного образования, хищнически распоряжавшегося остатками ее благосостояния»⁴. В данной связи образование автономной области оценивается как «закрепление суверенной воли кабардинского народа к обретению национальной государственности». Таким образом, автономная область фактически и явилась тем компромиссом между центром и кабардинским народом, который на тот период времени позволял решать обеим сторонам свои конкретные задачи.

Выделение кабардинцев из состава Горской республики повлекло за собой и необходимость решения вопроса о самостоятельности Балкарского округа. Показательно, что в существующей литературе практически не упоминается о каких-либо самостоятельных шагах в этом направлении со стороны балкарского руководства. На страницах специальных исследований отмечается, а в трудах кабардинских авторов усиленно подчеркивается, что балкарцы были одним из самых малоземельных народов на Северном Кавказе с так и не сложившейся государственно-политической традицией. В этом отношении достаточно

¹ *Атаева Ф.А.* Роль политических партий и общественных движений в межнациональных отношениях на Северном Кавказе (1917–1997 гг.). С. 44.

² *Боров А.Х., Думанов Х.М., Кажаров В.Х.* Современная государственность Кабардино-Балкарии: истоки, пути становления, проблемы. С. 54.

³ Там же. С. 50.

⁴ Там же. С. 50–51.

показательным является и отсутствие упоминания о балкарцах в одном из разделов обобщающего труда, посвященного истокам и становлению современной государственности Кабардино-Балкарии. В предисловии к нему авторский коллектив признает существенную неполноту анализа ее истоков и «ни в коем случае не отождествляет их с политической традицией только одного из ее народов»¹. Однако само наименование и содержание соответствующего раздела «Государственно-политическая традиция в истории кабардинцев», где первое упоминание о балкарцах встречается только на 51-й странице, не оставляет сомнения в предпочтениях и выборе авторов.

Процесс обретения балкарцами собственной административной автономии в составе Горской АССР, как правило, носит характер простого упоминания, а дальнейшее расширение самостоятельности округа сводится к образованию Кабардино-Балкарской автономной области: «После выделения Кабарды из Горской АССР в автономную область предпринимались шаги и по решению вопроса о самостоятельности Балкарского округа. Остаться в дальнейшем в составе Горской республики Балкария не могла, потому что она еще больше, чем Кабарда, была оторвана от Горской АССР. 16 января 1922 г. ВЦИК постановил образовать объединенную Кабардино-Балкарскую автономную область, непосредственно связанную с РСФСР, выделив для сего из состава Горской автономной республики территорию, занимаемую ныне балкарцами, объединив Балкарию с Кабардой»².

В качестве причин такого объединения называются «отсутствие у маленькой Балкарии аппаратов здравоохранения, отдела юстиции, финотдела, ревтрибунала, военкомата. Их создание потребовало бы колоссальных затрат государственных средств». Более того, подчеркивается наличие тесной экономической связи с Кабардинским округом и отсутствие с ним политических разногласий³. В ряде работ встречаются указания и на трудности как объективного, так и субъективного порядка, обусловившие «затягивание проведения в жизнь постановления ВЦИК» об объединении соседних народов⁴. Но они, как правило, не конкретизируются.

Неизменно высокую оценку в историографии получает и сам факт образования объединенной области. «Образование Кабардино-Балкарской области имело огромное значение. С созданием единой автономии объединились экономические ресурсы Кабарды и Балкарии, что способствовало лучшему использованию

¹ Боров А.Х., Думанов Х.М., Кажаров В.Х. Современная государственность Кабардино-Балкарии... С. 5.

² Улигов У.И. Формирование национальной государственности у народов Кабарды и Балкарии: трудности становления, развитие. С. 106.

³ Бербеков Х.М. К вопросу об образовании национальной государственности Кабардино-Балкарии. С. 19.

⁴ Улигов У.И. Указ. соч. С. 106.

природных богатств для быстрого восстановления экономики, являлось ярким примером торжества ленинской национальной политики»¹. Предоставление народам автономии связывалось исследователями и с обретением ими большей самостоятельности в решении хозяйственно-политических и культурно-бытовых вопросов, «с быстрым социальным прогрессом трудящихся области»². Вместе с тем в работах последнего времени отмечается и факт разрушительного воздействия национальной государственности на развитие отдельных народов. Так, в частности, констатируется, что национальная государственность в виде автономной области и республики «не только не способствовала развитию этнической культуры кабардинцев, но и стала орудием ее разрушения» в 1920–1930-е гг. К ее разрушительным последствиям относят массовые репрессии, уничтожившие носителей духовных традиций народа – священнослужителей и старую интеллигенцию, подавление этнической идентичности³.

Схожая ситуация наблюдается и в освещении процесса образования Чечено-Ингушской автономной области. Процесс выделения из состава Горской республики Чеченского округа и преобразование его в самостоятельную область отмечен устойчивым исследовательским интересом⁴. В значительной степени он вызван и сохранением на территории области вплоть до 1926 г. чрезвычайной

¹ *Тазиев Х.Ф.* К вопросу образования Кабардино-Балкарии. С. 21.

² *Ансоков М.Г.* Образование и развитие национальной советской государственности народов Кабарды и Балкарии. С. 177.

³ *Боров А.Х., Думанов Х.М., Кажаров В.А.* Современная государственность Кабардино-Балкарии: истоки, пути становления, проблемы. С. 54–59.

⁴ *Врублевский Ф.И.* Руководящая роль КПСС в создании советской национальной государственности народов Северного Кавказа (1921–1925 гг.) // Тезисы докладов на научной сессии Северо-Кавказского Совета по гуманитарным наукам. Ростов н/Д, 1962; *Его же.* Создание советской национальной государственности чечено-ингушского народа – торжество ленинской национальной политики. Грозный, 1964; *Дудаев А.Х.* Возникновение и основные этапы становления Чечено-Ингушской национальной советской государственности: дис. ... канд. ист. наук. М., 1964; *Его же.* Создание и развитие Чечено-Ингушской национальной государственности // Советское государство и право. М., 1964. № 6; *Тавалакян Н.А.* Торжество ленинской национальной политики в Чечено-Ингушетии. Грозный, 1965; *Юсупов П.И.* Борьба за ленинские принципы национальной политики в Чечено-Ингушетии (1920–1925 годы). Грозный, 1968; *Жупикова Е.Ф.* Упрочение Советской власти в Чечено-Ингушетии в период деятельности ревкомов: дис. ... канд. ист. наук. М., 1972; *Дидигова И.Б.* 20–30-е годы: проблемы административно-территориального устройства чеченского и ингушского народов // Северный Кавказ: выбор пути национального развития. Майкоп, 1994; *Ерещенко Г.А.* Чечено-Ингушская АССР: начальный этап, развитие, совершенствование // Национально-государственное строительство в Российской Федерации: Северный Кавказ (1917–1941 гг.). Майкоп, 1995; *Дидигова И.Б.* Административно-территориальное устройство Чечни и Ингушетии. 1920–1930-е годы: дис. ... канд. ист. наук. М., 1997; *Сигаури И.М.* Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времен. М., 1997.

формы управления – революционных комитетов. По заключению исследователей, «восстановление советской власти в Чечне и Ингушетии, как и на всем Северном Кавказе, происходило в форме революционных комитетов, что диктовалось крайне тяжелыми условиями, созданными интервенцией и гражданской войной, являлось следствием чрезвычайно сложной ситуации в этих национальных районах»¹. Ситуация, как свидетельствуют специальные исследования, принципиально не изменилась и к моменту образования самостоятельной области, во главе которой был поставлен ревком под руководством Т. Эльдерханова.

Многие сложности начального периода становления автономии чеченского народа связываются в историографии не столько с причинами объективного свойства, но и с деятельностью ее первых руководителей. Так, достаточно противоречиво оценивается, пожалуй, одна из самых ярких фигур в Чечне того времени – Т.Э. Эльдерханов. Согласно заключениям специалистов, «Т.Э. Эльдерханов занимает особое место в истории Чечни: учитель по образованию, член I Государственной думы, председатель Гойтинского народного Совета, с 1920 г. член РКП(б)»². Отрицательно относился к панисламизму и пантюркизму, но в то же время «не понимал, что путь к упрочению Советской власти в условиях Чечни лежит через обострение борьбы между революционными силами и силами реакции, заключается в опоре на бедноту». Отечественная историография нередко упрекала Т.Э. Эльдерханова в ориентации на буржуазные элементы, духовенство, в том, что он проводил политику примирения революционных и реакционных сил. Вменялось в вину «видному революционеру» и слабое знание марксизма. Тем не менее и политическая практика советского государства, и сама историография признавали «бессознательный характер его крупных ошибок». Подтверждением чему являлась длительная деятельность Т.Э. Эльдерханова на государственной и советской работе³.

В данной связи в современной историографии начался и процесс переосмысления роли отдельных исторических персонажей в истории советской Чечни, их значения в процессе активизации революционного сознания чеченцев. В частности, по мнению отдельных исследователей, усилению влияния прокоммунистической группы А. Шерипова «во многом способствовала гибель шейха Дени Арсанова в 1918 г. и ослабление влияния Горского правительства. Что касается самого А. Шерипова, который традиционно считается первым коммунистом Чечни, вряд ли он являлся таковым на самом деле. Скорее националист либерального толка, поверивший, что большевики действительно готовы признать национальные права чеченцев»⁴.

¹ Жуикова Е.Ф. Упрочение Советской власти в Чечне и Ингушетии в период деятельности ревкомов. С. 78.

² Там же. С. 133.

³ Там же. С. 134–137.

⁴ Сигаури И.М. Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейшего времени. С. 350.

Более сдержанную оценку получают и такие «яркие» противники советской власти, как шейх Али Митаев и руководитель Северо-Кавказского эмирата Узун-Хаджи. Их сотрудничество с большевиками рассматривается не столько в качестве тактического успеха советской власти, но и как признание их авторитета и прочности позиций среди самих чеченцев. «Северо-Кавказский эмират Узун-Хаджи в советской историографии традиционно рассматривался как реакционное образование, существование в котором правительства, министерств и других органов власти носило чисто формальный характер. Но если бы эмират не представлял собою серьезной силы в горах Чечни, большевики не пошли бы с ним на союз, даже временный»¹.

Наиболее последовательным в своем стремлении переосмыслить роль и значение «антибольшевистского элемента» в создании советской автономии Чечни является отечественное интернет-сообщество, в пространстве которого проговариваются многие идеи, так или иначе связанные с проблемами взаимодействия народов и советской власти. В одной из электронных публикаций популярного цикла передач «Радио свободы», посвященного Чечне и чеченцам, читателей познакомили с документами планировавшегося к изданию тома «Конфликтный этнос и имперская власть»². Подчеркивался сохраняющийся интерес современников к «чеченской теме», которая на момент выхода передачи в мае 2005 г. все еще продолжала оставаться *terra incognita*. В качестве фигуры, чья жизнь и деятельность по-прежнему интриговала воображение исследователей, был назван шейх Али Митаев. Метаморфозы его политического перевоплощения – от вооруженного сопротивления советской власти до членства в областном революционном комитете – стали предметом серьезного размышления специалистов. Пытаясь объяснить столь причудливые перемены в его судьбе, Л.С. Гагагова отмечала: «По всей видимости, у него была двойственная позиция. С одной стороны, он выказывал стремление служить большевикам. С другой стороны, я думаю, он лелеял далеко идущие планы. И агентура ОГПУ доносила, что он ведет негласную деятельность по сколачиванию всех религиозных сект в нечто единое. То есть под его знаменами собиралось все больше и больше людей. И это начало настораживать большевиков, которые понимали, что рано или поздно Митаев может встать против советской власти. Он превращался в весьма опасную и нежелательную фигуру»³.

Многочисленные документы и свидетельства современников того времени отмечали высокий авторитет шейха, активность его общественной позиции, «непоседливый нрав и неиссякаемую энергию, зачастую не находившую своего

¹ Сигаури И.М. Очерки истории и государственного устройства чеченцев... С. 352.

² В несколько расширенном и видоизмененном виде он вышел в 2011 г. в издательстве «РОССПЭН» под названием «Вайнахи и имперская власть: проблема Чечни и Ингушетии во внутренней политике России и СССР (начало XIX – середина XX вв.)».

³ Шейх в роли комиссара: «дело Али Митаева». URL: www.svobodanews.ru/content/article/126880.html (дата обращения 06.07.2012).

выхода». Разъясняя необходимость его привлечения к активному сотрудничеству с новой властью, секретарь Оргбюро РКП(б) Чеченской автономной области Азнарашвили писал в октябре 1923 г.: «Принимая все это во внимание, у меня создалось твердое мнение использовать его как авторитет для Чечни, во-вторых, придать его деятельности, которую никакими силами не остановишь до его смерти, официальный вид, в-третьих, испытать его посредством поручения определенных работ, связанных с нажимом на население, имея в виду продналог, борьбу с бандитизмом и прочее. С моим мнением т. Эльдарханов согласился и мы решили с ведома Югостройбюро ЦК, которое дало свое согласие, ввести его в состав ревкома. До этого Али Митаевым был сделан первый шаг, показывающий его положительное отношение: он предложил чеченскому ревкому выставить сотню своих мюридов для охраны железной дороги. Сотня была выставлена, и налеты на железную дорогу быстро ликвидировались. Согласие на ввод в ревком им было дано, и сейчас он официально числится членом революционного комитета. Здесь его фигура начинает выявляться рельефной. Становится ясным, его цель – использовать свое новое положение в личных целях укрепления своего авторитета в массах <...> Начинает лавировать между своей официальной ролью и своим настоящим положением шейха. Чувствует цели его ввода в ревком и, может быть, даже и знает. Не видно его отрицательной деятельности, но и положительной немного, в лучшем случае – дружественный нейтралитет»¹. Однако столь хорошо начинавшееся сотрудничество шейха и советской власти было прервано его арестом в 1924 г. Усиление позиций Али Митаева не только среди населения области, но и членов ревкома, противоречивость и непоследовательность его взглядов стали веской причиной для обвинения его в антисоветской деятельности. Последовавший вскоре за арестом расстрел свидетельствовал об укреплении позиций власти, более не нуждавшейся в «традиционном» обрамлении своего присутствия в Чечне.

Не менее скоротечным оказалось и сотрудничество с еще одним идейным противником советской власти – главой Северо-Кавказского эмирата Узуном-Хаджи. В советской историографии эмират традиционно рассматривался в качестве реакционного образования, атрибуты государственной власти которого носили «сугубо номинальный характер». Стойкий противник советской власти и сторонник сильного теократического государства, Узун-Хаджи весной 1918 г. поднимает знамя борьбы с деникинской оккупацией Северного Кавказа. Разочаровавшись в деятельности долгое время горячо им поддерживаемого Н. Гоцинского, он создает эмират – государство, не имевшее четких границ и с легкой руки историков получившее название «летучего голландца». В его состав входили горные районы Дагестана, горная Чечня и часть Ингушетии. Эмират был признан правительствами Азербайджана, Грузии и Турции.

¹ Шейх в роли комиссара: «дело Али Митаева». URL: www.svobodanews.ru/content/article/126880.html (дата обращения 6.07.2012).

В период антиденикинского восстания Узун-Хаджи являлся членом Совета обороны Северного Кавказа и Дагестана вместе с представителями большевиков. В состав правительства Северо-Кавказского эмирства, где он являлся главой, также входили большевики, в подчинении Узун Хаджи находились русские красноармейские части Н. Гикало, чеченские краснопартизанские отряды Исаева и Арцханова. Один из руководителей партии большевиков С.М. Киров в телеграмме В.И. Ленину сообщал о необходимости личного письма вождя мирового пролетариата к верховному вождю горских революционных войск Узун-Хаджи. Узун-Хаджи, в свою очередь, вел переговоры с С.М. Кировым по определению статуса созданного им эмирата на будущее. Однако в марте 1920 г. под давлением большевиков Северо-Кавказский эмират был ликвидирован, Узун-Хаджи получил пост муфтия Кавказа, а летом неожиданно умер.

По признанию большинства специалистов, именно сильное влияние духовенства и кулачества на чечено-ингушскую бедноту, тайповые отношения, сказывавшиеся в период выборов в местные органы власти, исключали возможность предоставления этим народам самостоятельной формы государственности сразу же по окончании Гражданской войны¹. «Необходимо было создать крепкие партийные организации, поднять трудящиеся массы до уровня понимания ими задач Советской власти, развить их инициативу, подготовить из их среды последовательных и стойких борцов за интересы трудового народа. Без этого предоставление автономии Чечне и Ингушетии осложнило бы дело упрочения Советской власти и укрепление диктатуры пролетариата в этих районах страны»². Данные задачи и призвана была разрешить Горская республика, в состав которой включались Чечня и Ингушетия. В ряде исследований особо подчеркивается, что Чеченский административный округ не являлся автономным образованием, а представлял собою национальное административное объединение чеченского народа³. Неоднозначно оцениваются и итоги пребывания Чечни в составе многонациональной автономии. Помимо констатации несомненно положительных успехов, указывается и на то обстоятельство, что хозяйственный и культурный уровень Чечни в годы выделения ее из состава ГАССР был еще ниже довоенного. «Отсутствие сколько-нибудь налаженного хозяйства и необходимость создания развитого хозяйства, отсутствие сколько-нибудь удовлетворительных культурных условий жизни и необходимость скорейшего создания таковых, весьма и весьма низкий политический уровень населения и самая неотложная необходимость поднятия у широких масс политического сознания и их приобщение к активной

¹ Юсуфов П.И. Борьба за ленинские принципы национальной политики в Чечено-Ингушетии. С. 7.

² Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 1972. Т. II. С. 85–86.

³ Дудаев А.Х. Возникновение и основные этапы становления Чечено-Ингушской национальной советской государственности. С. 29–30.

общественно-политической жизни требовали выделения Чечни из состава Горской АССР и провозглашение ее автономией». По убеждению исследователей, советская автономия должна была послужить для чеченского народа той правовой формой его политической организации, которая наилучшим образом обеспечивала бы решение стоявших перед ним задач¹.

Следующим этапом национально-государственного строительства чеченского и ингушского народов как раз и стало предоставление им самостоятельных автономий. В литературе утвердилось представление о том, что «экономическое и политическое состояние и возможности Чечни требовали расширения национальной самостоятельности. Объективная необходимость выделения Чеченской области и других округов из состава Горской республики и образование автономной области диктовались потребностями дальнейшего экономического, политического и культурного развития чеченского народа, которые в тот период не мог уже удовлетворять административный округ»². Создание Чеченской автономной области рассматривается прежде всего как важное средство оздоровления политической атмосферы в Терской области, укрепления местных органов власти, борьбы с «великорусским шовинизмом и местным национализмом», установления «более тесных федеративных отношений местных народов с великим русским народом».

Вместе с тем ряд современных исследователей указывает на необходимость более осторожного подхода к анализу восприятия различными слоями общества самой идеи автономии. В частности, ими указывается, что в отличие от руководства области «не все в Чечне приняли автономию сочувственно». Необходимость ее введения приходилось не только разъяснять, но и отстаивать. Более того, само выделение Чечни из состава Горской республики достаточно настороженно встретили и соседние области, считавшие данную меру нецелесообразной и наносящей вред межнациональным отношениям в регионе. Показательным отношением определенной части населения области к ее новому правовому статусу стало и шариятское движение, в качестве одного из требований выдвигавшее создание религиозных форм управления³.

Обращает на себя внимание и тот факт, что если процесс образования Чеченской автономной области достаточно подробно освещен в литературе, то получение самостоятельности ингушским народом выглядит как следствие упразднения Горской республики и необходимости решения задач нового административно-хозяйственного районирования. «В этих условиях к началу 1924 г. появилась идея окончательного упразднения Горской республики и образования на ее тер-

¹ Дудаев А.Х. Возникновение и основные этапы становления... С. 35.

² Врублевский Ф.И. Создание советской национальной государственности чечено-ингушского народа – торжество ленинской национальной политики. С. 15.

³ Бугай Н.Ф., Мекулов Д.Х. Народы и власть: «социалистический эксперимент» (20-е годы). С. 106.

ритории национальных автономий оставшихся еще в ней народов»¹. Образование самостоятельной автономии ингушского народа оценивалось и продолжает оцениваться с точки зрения создания более благоприятных условий для его быстрого развития и широкого вовлечения в советское строительство. Правда, в последние годы отмечается, что «в условиях всеобщей эйфории, охватившей народы края по созданию самостоятельной государственности», преодолеть ее не смогла и ингушская партийная организация, «хотя она и отличалась необыкновенно трезвым и взвешенным подходом». По свидетельству архивных источников, коммунисты Ингушетии отвергли начальный, появившийся еще в 1922 г., проект объединения с Чечней как грозящий обострению межнациональных отношений в крае. Однако уже в 1924 г. они оказались перед свершившимся фактом – распадом Горской республики и необходимостью создания собственной автономии².

В отношении двух других участников Горской автономии – Владикавказского и Карачаевского округов – в историографии сохраняются аналогичные суждения и оценки.

Образование Северо-Осетинской автономной области относится к 1924 г. и связано с упразднением Горской автономной республики. Ее нахождение в составе коллективной автономии народов Северного Кавказа отражало на тот момент времени особенности хозяйственного и политического развития Владикавказского округа и исключало возможность немедленного предоставления осетинскому народу более широкой формы автономии³. Обращает на себя внимание и относительно длительное по сравнению с другими округами его пребывание в составе Горской республики. К сожалению, в литературе отсутствует какое-либо объяснение данному факту. Вместе с тем в последние годы в региональной историографии все чаще начинают пересматриваться достижения национальной политики на Северном Кавказе в период восстановления советской власти и ее попыток упрочить здесь собственное положение. В частности, отмечается неудовлетворительное разрешение аграрного вопроса и проведение землеустроительных работ в Осетии. Указывается на ряд трудностей в развитии местной промышленности, что нередко связывается с несогласованностью

¹ *Ереценко Г.А.* Чечено-Ингушская АССР: начальный этап, развитие, совершенствование. С. 118.

² *Бугай Н.Ф., Мекулов Д.Х.* Народы и власть: «социалистический эксперимент» (20-е годы). С. 107–108.

³ *Мулукаев Р.С.* Образование Северо-Осетинской АССР (1917–1939 гг.): дис. ... канд. юр. наук. М., 1956. С. 120; *Его же.* К истории Горской автономной социалистической республики // *Известия Северо-Осетинского НИИ. Орджоникидзе, 1957. Т. XX.* [Отгиск] С. 15; *Его же.* Развитие советской государственности Северной Осетии. Краткий историко-юридический очерк. Орджоникидзе, 1968. С. 48–49; *Чибиров Х.Т.* Торжество ленинской национальной политики в Северной Осетии. Орджоникидзе, 1969. С. 18; *Кучиев А.Г.* В единой семье братских народов. Орджоникидзе, 1971. С. 23, 56.

установок и указаний центральных и государственных органов, «даваемых без учета местной специфики»¹.

Немало нареканий со стороны специалистов получила и государственная политика уравнительного землепользования, практиковавшаяся в Горской республике: «Обеспеченность землей народов, входивших в состав Горской АССР, была далеко не одинаковой. Так, душевой земельный надел (пашня, усадьба, сенокос, выгоны и пастбища) в Кабарде составлял 3,74 дес., Ингушетии – 1,67, в Северной Осетии – 0,77 десятины, т. е. Кабарда имела душевой земельный надел, превосходивший душевой земельный надел Северной Осетии почти в пять раз. Ингушетия – более чем в два раза». Именно обострение земельного вопроса и неспособность правительства разрешить его в соответствии с требованиями народов стало причиной выделения Кабарды из состава Горской республики. С ее выходом исследователи связывают потерю Северной Осетией «около 40 тыс. дес. земли, находившихся многие десятилетия в фактическом пользовании ее граждан на правах систематической аренды в пределах Кабардинской автономной области»².

Следует отметить, что историографии национально-государственного строительства многих северокавказских автономий присущи «антикабардинские» настроения. Они выражаются не всегда явственно, но прослеживаются по детальным подсчетам земельных приобретений и потерь отдельными народами в сравнении с «благополучными» в этом отношении кабардинцами. К сожалению, практически не учитывается то обстоятельство, что подобное благополучие в большей степени являлось следствием самой национальной политики в регионе, ориентировавшейся на максимальное приближение территориальных границ к практике этнического расселения народов. Многовековые традиции аренды земельных и пастбищных угодий, существовавшие в регионе, как раз и выступали в качестве того действенного механизма, который на протяжении долгого времени регулировал проблему острой нехватки земли в ряде национальных районов. С началом революционного разрешения аграрного вопроса на Северном Кавказе данный механизм оказался фактически разрушенным, а новые автономные образования народов не могли в силу естественных причин снять их претензии друг к другу.

В осмыслении истории существования Горской автономии прослеживаются и тенденции противопоставления экономического потенциала Северной Осетии хозяйственным достижениям остальных народов. Подчеркивается, что из ее состава «один за другим выделялись в самостоятельные автономные области не самые развитые в экономическом, культурном и политическом отношении народы.

¹ *Сланов И.А.* Национально-государственное строительство в Северной Осетии // Национально-государственное строительство в Российской Федерации: Северный Кавказ (1917–1941 гг.). Майкоп, 1995. С. 147.

² Там же. С. 149.

Известно, что Северная Осетия, которая последней вышла из состава Горской АССР, к тому времени располагала значительным промышленным потенциалом, рабочим классом, имела давние традиции отходничества, являвшегося одним из источников пополнения рядов рабочего класса квалифицированными кадрами». На основании данного заключения и делается вывод о том, что нахождение Северной Осетии в многонациональной автономной республике горских народов если и не являлось прямой ошибкой, то во всяком случае отражало пренебрежение центрального руководства страны к «бурному росту национального самосознания горцев, естественному стремлению их к самостоятельности», которая способна была обеспечить народам большую свободу для успешного всестороннего развития¹.

К 1924 г. Горская автономия постепенно утрачивает свои консолидирующие возможности и для народа Северной Осетии. Следующим этапом в его развитии становится автономная область, которая как «первая форма осетинской национальной государственности полностью соответствовала уровню исторического развития осетинского народа в тот период и наилучшим образом способствовала дальнейшему росту его материальных и духовных сил»². Подобного рода объяснения хотя довольно широко и используются в литературе, мало что проясняют в реальном положении дел. Так, практически не исследованным остается вопрос о том, кому действительно принадлежала инициатива в процессе преобразовании округа в автономную область – местному руководству или специальной комиссии по обследованию состояния советской и партийной работы в республике. В большинстве исследований указывается на обоюдное желание сторон, подкреплявшееся «мнением народа» о необходимости создания на базе Горской АССР двух автономных республик.

В данной связи Н.Ф. Бугай и Д.Х. Мекулов приводят достаточно убедительные факты, свидетельствующие об усилиях партийных и советских работников Горской АССР, направленных на сохранение республики. Одновременно отмечается, что приостановить процесс ее распада становилось все труднее. «Не утихало и движение за создание государственности осетинского народа. Обострялись отношения отдельных округов на этой почве с руководством республики, между русским и осетинским населением... Особую активность в этом направлении проявляла дигорская группа советских и партийных работников в Осетии. В числе причин этого движения, кроме соображений национально-культурного характера, указывалось на громоздкость и ненужность республиканского (Горского) аппарата, поглощающего большую часть средств из местных бюджетов, отрыв власти республики от народа, слабое вовлечение представителей местных национальностей в работу советских органов»³.

¹ Сланов И.А. Национально-государственное строительство в Северной Осетии... С. 150.

² Мулукаев Р.С. Образование Северо-Осетинской АССР (1917–1939 гг.). С. 161.

³ Бугай Н.Ф., Мекулов Д.Х. Народы и власть: «социалистический эксперимент» (20-е годы). С. 109.

Исследователи склонны полагать, что в образовании Северо-Осетинской автономии сыграли свою роль самые разнообразные факторы, основным среди которых явилось стремление партийного руководства не допустить национальной вражды между соседними народами. Дело в том, что Юго-Восточное бюро ЦК РКП(б) небезосновательно опасалось, что «при упразднении ГАССР может опять возникнуть рознь между ингушами и осетинами. И все же отступления по созданию автономии осетинского народа носили временный характер. Велось активное обсуждение вопроса на местах. В центр и крайисполком направлялись просьбы предоставить осетинам автономию»¹.

Не менее сложная ситуация сохраняется и в отношении образования Карачаево-Черкесской автономной области. В специальной литературе до сих пор нет даже определенной ясности относительно нахождения черкесского населения в составе Горской АССР. Достаточно часто встречаются утверждения о том, что «из нее вышли также карачаевцы и черкесы»². Подобное положение, скорее всего, является следствием смешения вопросов территориальной принадлежности и административного подчинения. Южная часть Баталпашинского отдела Кубанской области, которая традиционно соотносится с местонахождением черкесского населения, действительно входила в состав Горской республики. Однако в то время она являлась частью Карачаевского округа. Сама же Черкесия вплоть до объединения с Карачаем в административном отношении подчинялась Кубано-Черноморской области.

Вопрос о создании самостоятельной автономии карачаевского народа – «наподобие Кабарды на Тереке» – обозначился сразу же после выхода Кабардинского округа из состава Горской республики. В литературе отмечается, что данный шаг был продиктован «самой логикой развития карачаевского народа и достигнутых им успехов»³. Вместе с тем указывается и на обстоятельства хозяйственного порядка. «С выходом Кабарды из ГАССР встал вопрос и о выходе Карачая. Карачаевцы по своей экономической жизни и быту тяготели больше к Кубани, нежели к Терской области»⁴. Современные исследователи в качестве основной причины выделения Карачая из состава Горской автономии называют общее состояние политического

¹ Бугай Н.Ф., Мекулов Д.Х. Народы и власть... С. 110.

² См., например: Маргиев В.И. История государства и права Осетии. Майкоп, 1997. С. 158.

³ Советский Карачай. 1920–1940. Сб. статей. Микоян-Шахар, 1940; Карданов З.К. Карачаево-Черкесия за 40 лет. Черкесск, 1957; Лайпанов К.Т. Борьба большевиков за победу Советской власти в Карачае и Черкесии // По ленинскому пути. Партийная организация Карачаево-Черкесии в борьбе за коммунизм. Черкесск, 1963; Нансо Д.А. Под знаменем интернационализма. Деятельность партийных организаций Северного Кавказа по интернациональному воспитанию трудящихся в годы социалистического строительства. Минеральные Воды, 1967; Карданова А.Х. Создание национальной государственности Карачая и Черкесии // Национально-государственное строительство в Российской Федерации: Северный Кавказ (1917–1941 гг.). Майкоп, 1995.

⁴ Нансо Д.А. Под знаменем интернационализма. С. 123.

развития в регионе. «Таким образом, события разворачивались по линии представления автономии каждому народу в отдельности. Не был исключением в этой связи и многонациональный Карачаевский округ»¹.

Однако процесс образования автономии карачаевского народа, мыслившейся изначально в качестве многонациональной области, столкнулся с рядом трудностей. Прежде всего, его инициаторы – работники ревкома и представители Наркомнаца – указали на невозможность выделения Карачая в область без присоединения к нему ряда дополнительных территорий, что создавало немалые проблемы в отношениях с другими народами. Более того, положение осложнилось и самим многонациональным составом населения будущей автономии, которое требовало определенных гарантий своих прав. В работах исследователей приводятся архивные факты, свидетельствующие о том, что стремление к обретению автономной области находило отражение на съездах всех народов, проживавших на ее территории. Но в них, к сожалению, не приводится данных о том, когда и в связи с чем появилась сама идея создания объединенной автономии карачаевского, черкесского, абазинского, русского и караногайского народов. Встречаются лишь упоминания об их давних и прочных хозяйственных взаимоотношениях².

Причины образования Карачаево-Черкесской автономной области в историографии, как правило, связываются с решением заседания коллегии Наркомнаца от 9 января 1922 г. с участием представителей Карачая и Черкесии. В соответствии с ним из состава Горской АССР выделялся Карачаевский округ, а из Баталпашинского отдела Кубано-Черноморской области – Черкесия и 6 казачьих станиц. Эти территории и составили Карачаево-Черкесскую автономную область³. Насколько не продуманным оказалось данное решение, показали последующие события. Уже в 1926 г. область была разделена на Карачаевскую автономную область и Черкесский национальный округ. Историки, пытаясь объяснить данную меру со стороны центральных властей, обычно увязывают ее с включением области в состав Северо-Кавказского края: «Эта акция повлекла за собою определенное ущемление прав автономии, возможности связей с центром, теперь они проводились не напрямую, а через посредство краевых органов»⁴. Едва ли подобную точку зрения следует признать исчерпывающей. Представляется, что одной из причин непрочности объединенной автономии оказалась давняя национальная

¹ Бугай Н.Ф., Мекулов Д.Х. Народы и власть: «социалистический эксперимент» (20-е годы). С. 102.

² Стороженко С. Черкесия. Историко-экономический очерк. Ставрополь, 1951; Черкесская автономная область. Посвящается 25-летию автономии советской Черкесии. 1928–1953. Черкесск, 1954; Джанибеков Г. Образование Карачаево-Черкесской автономной области // 40 лет автономии Карачаево-Черкесии. 1922–1962 гг. Черкесск, 1962.

³ Карданова А.Х. Создание национальной государственности народов Карачая и Черкесии. С. 180.

⁴ Там же.

неприязнь между карачаевцами и черкесами, о чем свидетельствуют многочисленные архивные документы¹.

Несколько иначе сложилась судьба адыгейского народа, проживавшего в отделах Кубано-Черноморской области. В отличие от других северокавказских народов, получивших свой первый опыт национального самоопределения в составе Горской АССР, адыгейцы в нее не входили. Однако история национально-государственного строительства в Кубано-Черноморской области отражала в себе его общие черты и направленность. Как и в остальных национальных районах края, первый этап восстановления советской власти и вовлечения в ее работу национальных меньшинств начался с организации революционных комитетов². В их непосредственную обязанность входило и осуществление мероприятий по национально-государственному обустройству народов области. С целью координации их совместной деятельности при областном Кубано-Черноморском ревкоме создавалась специальная секция по национальным делам. История создания и деятельности подобных организаций, призванных непосредственно руководить адыгейским населением области, достаточно детально описана в специальной литературе³. Рассмотрим процесс обретения автономии Адыгейской автономной областью более подробно как наиболее показательный в этом отношении.

¹ См., например: *Хлынина Т.П.* Советы и традиционное общество Юго-Востока Европейской России // 1917 год в судьбах народов и мира. Октябрьская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1998. С. 278–279.

² *Берия М.В.* Кубано-Черноморский областной ревком в борьбе за восстановление и упрочение советской власти (январь 1920 – январь 1921 г.): дис. ... канд. ист. наук. Тбилиси, 1969; *Бугай Н.Ф.* Революционные комитеты Адыгеи (1920–1921 гг.) // Сборник статей по истории Адыгеи. Майкоп, 1977. Вып. I; Очерки по истории Адыгеи. Майкоп, 1981. Т. 2; *Бугай Н.Ф., Джимов Б.М.* От ревкомов к Советам на Кубани. Майкоп, 1989.

³ *Раенко-Туранский Я.Н.* Адыги до и после Октября. Ростов н/Д, 1927; *Кубов Ч.Ч.* Деятельность КПСС по созданию и укреплению советской национальной государственности адыгейского народа // Сборник статей по истории Адыгеи: советский период. Майкоп, 1967; *Его же.* Деятельность КПСС по решению национального вопроса в Адыгее в период социалистического строительства. 1920–1937 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1968; *Таов М.А.* Адыгейская автономная область – советское социалистическое национально-государственное образование // Ученые записки АНИИ. Майкоп, 1969. Т. 9. История; *Мекулов Д.Х.* Национально-государственное и советское строительство в Адыгее: начальный этап, тенденции // Северный Кавказ: национальные отношения (историография, проблемы). Майкоп, 1992; *Хлынина Т.П.* Горские народы Кубанской области: «большевистская модель» решения национального вопроса // Там же; *Хутыз К.К.* Национальные отношения в условиях тоталитаризма: опыт и уроки. 1917–1940 гг. Ростов н/Д, 1993; *Мекулов Д.Х.* Национально-государственное строительство Адыгейской автономной области // Национально-государственное строительство в Российской Федерации: Северный Кавказ (1917–1941 гг.). Майкоп, 1995; *Хлынина Т.П.* Адыгее в 1920-е годы: проблемы становления и развития автономии. Краснодар, 1997; *Чирг А.Ю., Денисова Н.Н., Хлынина Т.П.* Государственность Адыгеи: этапы становления и развития. Майкоп, 2002.

К моменту начала советского строительства на Северном Кавказе (1920 г.) в сознании горского населения Кубано-Черноморской области, проживавшего в Екатеринодарском (31 аул), Майкопском (13 аулов) отделах и Туапсинском округе (9 аулов), весьма противоречиво запечатлелись разные события. Накладывали отпечаток, с одной стороны, факты свершившейся революции и Гражданской войны, активизировавшей сопротивление национальных верхов, с другой – остатки наследия царских времен, связанного с господством «просвещенных завоевателей», в результате которого «горцы совершенно забыли о своей былой национальной вольности и самобытности». Правда, идеи «великой революции» пока еще слабо проникли в духовное сознание горских масс ввиду их малопонятности¹.

Первым органом советского строительства Кубано-Черноморской области стала Мусульманская секция при Кубано-Черноморском революционном комитете. Обращение представителей мусульманского населения Екатеринодара в отдел управления Кубано-Черноморского ревкома указывало на желательность создания общемусульманского органа ввиду «сплоченности мусульманских масс в области и совершенного отсутствия понятия о сущности и задачах советской власти, а также в целях принятия неотложных мер в культурно-просветительной области»². Идя навстречу удовлетворению требований местного населения, ревком 8 апреля 1920 г. учредил при подотделе по национальным делам областного отдела управления Мусульманскую секцию, в своей деятельности «руководствовавшуюся общими положениями Советской республики»³. Несовпадение начальных целей, призванных стать основополагающими принципами существования секции, и ее практической деятельности стало причиной непродолжительности функционирования первого органа национального самоуправления (8 апреля – 16 июня 1920 г.). Вызванная к жизни, по мнению ревкома, необходимостью развертывания широкого строительства советского аппарата и параллельного осведомления населения о задачах власти и коммунистической партии, секция в лице подавляющего большинства ее членов приступала к обслуживанию нужд мусульман области.

В отечественной историографии факты создания и роспуска секции, обвиненной во враждебном отношении к советской власти, нашли лишь фрагментарное отражение. Как правило, в работах советских исследователей внимание акцентировалось на буржуазно-националистическом составе секции, игнорировавшем постановления о немедленном проведении в жизнь декретов и распоряжений советской власти, проповедовавшем идеи панисламизма и возрождав-

¹ Государственное учреждение «Национальный архив Республики Адыгея» (далее – ГУ НАРА). Ф. Р-467. Оп. 1. Д. 14. Л. 34.

² Там же. Ф. 467. Оп. 1. Д. 14. Л. 34.

³ Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф. Р-158. Оп. 1. Л. 53. Л. 20.

шем религиозные учреждения¹. Единственной работой, в которой относительно объективно рассматривалась деятельность Мусульманской секции, остается изданная еще в 1920-е гг. работа Я.Н. Раенко-Туранского «Адыги до и после Октября». Ее автор выделил следующие причины затянутости процесса формирования секции: «приспособление через секцию к аппарату управления некоторых недобросовестных лиц», отсутствие на Кубани члена партии К. Мишуриева, призванного оградить деятельность секции от вредных уклонов, неопытность работников, впервые столкнувшихся с советским строительством, неразработанность самих принципов деятельности организации, призванной обслуживать интересы мусульманского населения. Более того, секция обвинялась в попытке создания культурной автономии на религиозных началах и распространении панисламистской идеологии². Это требование культурно-автономного образования можно рассматривать как буквальное понимание провозглашенных принципов (права наций на самоопределение), воспринимавшихся рядом видных горских оппозиционеров в качестве затянувшейся игры в суверенитет. В частности, адыгский князь Юсуф Паша Нагуч заявил: «Нужно требовать от советской власти все то, что принадлежит горцам в момент, когда РСФСР не признана иностранными государствами, мы только можем получить это сейчас, когда она бессильна»³. Однако сопротивление вышестоящему органу власти, возрасставшая самостоятельность мусульманской секции, основанная на собственном понимании действительности, привели к ее роспуску Кубано-Черноморским ревкомом и незамедлительному созыву съезда горцев Екатеринодарского отдела 16 июня 1920 г. в ауле Лакшукай для «ознакомления трудящихся с политикой советской власти по национальному вопросу»⁴.

Неудачный опыт функционирования «национальной ячейки содействия областному отделу управления», локальные рамки ее деятельности, ограниченные мусульманами Екатеринодарского отдела, аморфное наименование, в котором совершенно растворилось горское население, были учтены при последующей выработке форм управления адыгскими народами области. В сохранившемся докладе заведующего областным отделом управления Кубчерревкома от 30 июня 1920 г. есть указание на ходатайство об учреждении особого отдела по горским делам делегатами от горцев Кубанской области и Черноморья. Организация подобного отдела, по мнению делегатов, была связана с проживанием в Кубано-Черноморье не менее 200 тыс. горцев. Подавляющая масса этого населения была безграмотна,

¹ *Кубов Ч.Ч.* Создание и укрепление советской государственности адыгейского народа – воплощение в жизнь ленинской национальной политики // Ученые записки Адыгейского НИИ ЯЛИ. Т. XV. История. Майкоп, 1972; *Мекулов Д.Х.* Советы Адыгеи в социалистическом строительстве. 1922–1937. Майкоп, 1989.

² *Раенко-Туранский Я.Н.* Адыги до и после Октября. Краснодар, 1927. С. 103.

³ Там же. С. 140.

⁴ *Кубов Ч.Ч.* Указ соч. С. 65.

политически невежественна и требовала «во всех сферах общественной жизни исключительно интенсивной работы»¹.

Проходивший 11–15 августа 1920 г. съезд горцев Кубани и Черноморья, 84 делегата которого представляли Екатеринодарский, Майкопский, Баталпашинский, Лабинский отделы и Туапсинский округ, вновь поставил вопрос о самостоятельной организационной форме управления². Витавшая в воздухе идея независимой Горской республики, число сторонников которой постепенно росло, предопределила решение Кубчерревкома о «желательности, ввиду особенностей горского племени, выделения последнего в самостоятельную административную единицу на правах отдела, с подчинением во всех отношениях Кубчерревкому»³. 29 июля 1920 г. приступила к работе Горская секция, основной задачей которой являлось обнародование всех декретов, законов и распоряжений центральной власти, постановлений областного и отдельского советов, печатное распространение изданий, разъяснявших действия центральной и местной власти, а также подготовка для этих целей инструкторов-горцев⁴.

Практическая деятельность секции почти не освещалась в советской литературе, за исключением ее отдельных сторон. Изучение отчетных докладов свидетельствует о ее слабой работе из-за отсутствия опыта и плохой связи с другими органами управления. За период функционирования секции с 29 июля по 6 ноября 1920 г., несмотря на постановления областных съездов трудовых горцев Кубано-Черноморья от 11 августа и 25 сентября, подотделы народного образования, здравоохранения, шариатского народного суда и типография так и не были организованы. Работа проводилась в основном общим отделом. Было проведено два горских съезда, исполнены 257 поступивших распоряжений, задания по проведению продразверстки, сформирован конный Горский добровольческий полк. Связь секции с областью поддерживалась через аульские ревкомы. Их представители периодически посещали секцию, получая необходимые указания. Деятельность секции не удовлетворяла потребностей населения и не соответствовала представлениям о советской работе. Поэтому было принято решение об организации «твердого, работоспособного органа управления горским народом в центре области и в отделах», который должен был обеспечить освещение национальной жизни, удовлетворение нужд угнетенного народа, проведение среди горцев идей и постановлений советской власти⁵. Им стал Горский отдельский комитет с непосредственным подчинением Кубано-Черноморскому областному

¹ ГАКК. Ф. Р-158. Оп. 1. Л. 83. Л. 2.

² Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-5677. Оп. 1. Д. 173. Л. 2.

³ Адыгейская (Черкесская) автономная область. Историко-экономический обзор. (Взамен отчета Совету Труда и Оборона) Краснодар, 1923. С. 25.

⁴ ГУ НАРА. Ф. Р-328. Оп. 1. Д. 1. Л. 23.

⁵ Там же.

ревкому. Призванный учитывать бытовые особенности и условия жизни горского населения области, Горский ревком в силу некомпактного расположения аулов ограничился в своей деятельности выборами горского населения в состав районных ревкомов с периодической явкой их представителей в отдельский комитет за получением соответствующих указаний¹.

Однако нараставшие трения по вопросам адаптации советских учреждений к специфике местных условий предопределили судьбу секции. Ходатайство и решение Горской секции о сохранении Горского народного суда с применением шариатских норм вызвало к жизни постановление Кубчерревкома от 11 декабря 1920 г. Здесь указывалось на недопустимость подобного решения как противоречившего политике советской власти². Протест Горской секции и вновь прозвучавшая идея создания независимой Северо-Кавказской республики дали возможность Кубчерревкому обвинить секцию в национализме и приступить к формированию нового органа национального представительства. Короткий период деятельности отдельского Горского революционного комитета (декабрь 1920 г. – март 1921 г.) как формы, «учитывавшей бытовые особенности и условия жизни горского населения, обеспечивавшей трудовому элементу возможность устройства жизни на национальных началах, усиление политической работы и советского строительства в горских районах»³, вновь обозначил проблему взаимоотношений национальных и областных органов власти.

Непосредственная подчиненность Кубчерревкому, отсутствие четкого разграничения сфер компетенции, нарастающая административная опека со стороны областного руководства, превалирование задач советского строительства над национальными интересами, усиливавшиеся неразработанностью подобных вопросов в общероссийском законодательстве, порождали местнический сепаратизм и недолговечность созданных властных структур. Резолюция II областного съезда трудящихся горцев, состоявшегося 2–8 марта 1921 г., после всестороннего обсуждения доклада областного исполкома об организации органов самоуправления горского населения Кубано-Черноморья, учитывая заявление делегатов Баталпашинского отдела о вхождении в состав Горской республики, указала на «облегченность вопроса» о выделении остальных горцев в самостоятельную административную единицу. На съезде обозначилось три позиции. Первая заключалась в требовании создания независимой Северо-Кавказской Горской республики в пределах, занимаемых горцами до 1800 г. Вторая настаивала на немедленном создании автономной области в целях интенсивного развития хозяйства и просвещения черкесского народа. Третья признавала необходимость и целесообразность выделения черкесов в автономную область, но возражала против немедленного его осуществления из-за отсутствия опыта советского строительства, недостатка

¹ ГУ НАРА. Ф. Р-328. Оп. 1. Д. 1. Л. 23.

² Там же. Л. 14.

³ Там же.

работников-«националов». Возобладал последний подход. Съезд остановился на организации Горского исполкома, приравненного к статусу губернского, с подчинением областному исполкому по горизонтали и Народному комиссариату по делам национальностей по вертикали. В целях установления более тесной связи с центром исполком намеревался иметь своего представителя в Москве¹.

9 марта 1921 г. Президиум Кубано-Черноморского областного исполнительного комитета признал необходимым реорганизацию Горской секции: «Утвердить, испросив согласие центра, Горский исполком Кубани и Черноморья с местом пребывания в г. Краснодаре и непосредственным подчинением областному исполкому. Приступить к учреждению отделов – здравоохранения, земельного, труда, народного образования, управления и социального обеспечения; наметить совместно с областным отделом управления схему взаимоотношений с отдельскими исполкомами»². В реальности повышение статуса органа национального управления диктовалось стремлением нейтрализовать проявлявшиеся тенденции антисоветизма путем обыкновенной ротации кадров со стороны областного исполкома и получить самостоятельность в горских вопросах со стороны Горской секции. В результате компромисса и возник Горский исполнительный комитет.

Сбои в работе только оформившейся организации были фактически предопределены неразработанностью сферы ее деятельности. Характерно, что при обсуждении делегатами съезда политики советской власти выявилась «оторванность горского населения от революционных масс русского народа». В ряде выступлений содержалась неудовлетворенность советской властью в хозяйственных вопросах, прозвучала идея сохранения самобытности адыгского народа. «Советская власть ни в чем не виновата. А виноваты те органы, которые работают на местах. Ввиду неправильной постановки на местах власти, горцам приходится искать спасение от подобных действий на основе самоопределения путем создания Северо-Кавказской республики, автономии»³. Причем по поводу необходимости налаживания советской низовой работы выражались сомнения и неуверенность.

Самостоятельный период существования нового органа выдвинул необходимость рационализации его работы. Предлагалось либо создание группы представителей Горского исполкома для участия в работе соответствующих отделов Кубчероблисполкома и при их посредничестве проведение в жизнь общих мероприятий, либо образование при Горском исполкоме главных отделов и установление контактов с соответствующими отделами Кубчерисполкома при самостоятельном регулировании и направлении работы местных органов и учреждений. Трехмесячная деятельность Горского исполкома свидетельствовала об отсутствии возможностей для работы в полном объеме вследствие неточного регламента

¹ ГУ НАРА. Ф. Р-467. Оп. 1. Д. 5. Л. 63.

² ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 28. Д. 325. Л. 135.

³ ГУ НАРА. Ф. Р-327. Оп. 1. Д. 5. Л. 8.

функционирования, отсутствия помещений, денежных средств и затягивания областным руководством решения вопроса о его деятельности. Лишь 4 мая 1921 г. Президиум Кубано-Черноморского областного исполнительного комитета на своем заседании впервые, по истечении двух месяцев с момента учреждения, поставил вопрос об организации отделов и детальной разработке взаимоотношений с Горским исполкомом¹.

25 мая, заслушав информацию о проделанном, Президиум в специальном постановлении отметил: «Горский исполком не оправдывает своих задач, так как до сих пор не развернулся. Существующие отделы народного образования и здравоохранения работают слабо. Отсутствуют необходимые технические средства, партийных товарищей только два. Работа трудная, горцы темны, победить их психологию трудно»². Тем не менее указывалось на необходимость сохранения Горского исполкома, который должен был втянуть в работу горскую интеллигенцию и создать возможности для роста партийной организации. Прозвучала мысль о юридическом обособлении исполкома. Однако исполком остался пока на правах отдельского.

С 1 июня все аульские исполкомы Краснодарского, Майкопского отделов и Туапсинского округа передавались под юрисдикцию Горского исполкома³. Но уже 13 сентября пленум Горского исполкома вынес на обсуждение вопрос о безотлагательном созыве съезда трудящихся горцев: «Горский исполком, хотя и утвержден на правах отдельского, тем не менее большинство отделов, помимо своей воли, лишены возможности фактически осуществлять присущие им функции (в продовольственном отношении, земельных вопросах, вопросах административного управления), что особенно дает себя чувствовать в Майкопском отделе. Горский исполком лишен возможности иметь свою милицию, в экономическом отношении совершенно бесправен. Идея самоуправления для горского населения является существующей только на бумаге. Исполком не имеет того жизненно активного значения, которое должен иметь»⁴.

Ситуация существенно не изменилась и к июню 1922 г. Стараясь укрепить связь со всеми исполкомами, подведомственными в территориальных границах Горскому округу, Горский исполком вынужден был констатировать, что это практически неосуществимо вследствие запущенности административной работы и отдаленности представлений местных органов власти от «правильного» понимания сущности советского строительства⁵. Деятельность Горского окружного исполнительного комитета и характер его взаимоотношений с областными структурами получили впоследствии неоднозначные и противоречивые оценки.

¹ ГАКК. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 162. Л. 103.

² ГАРФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 847. Л. 11.

³ ГУ НАРА. Ф. Р-466. Оп. 1. Д. 15. Л. 31.

⁴ Там же. Ф. Р-328. Оп. 1. Д. 4. Л. 74.

⁵ Там же. Ф. Р-467. Оп. 1. Д. 58. Л. 1, 3.

Непосредственные участники событий акцентировали внимание на тяжелых условиях работы, отсутствии необходимых материальных средств, опытных квалифицированных советских работников и должного содействия со стороны Кубано-Черноморского областного исполнительного комитета. Отмечались успешная борьба с бандитизмом, проведение удовлетворительных посевных кампаний, организация помощи голодающим, а также торможение работы со стороны руководства области, формальное, чисто декларативное отношение русских управленческих кадров к горским вопросам. Со своей стороны, областные руководители указывали на параллелизм, вносимый в советскую работу Горским исполкомом, малое содействие с его стороны сближению горцев с другими национальностями, культивирование национальной обособленности. На этом основании высказывалось предложение о ликвидации исполкома и учреждении вместо него областного отдела по делам национальностей¹.

В отечественной историографии 1930-х – 1970-х гг. деятельность областных органов власти оценивалась как «большое практическое содействие Горскому окружному исполкому в организации соответствующих отделов, в улучшении работы аппаратов, подборе и расстановке кадров». В настоящее время, в связи с выходом Адыгейской автономной области из состава Краснодарского края, доминирующий характер в литературе приобретает идея «о создании государственности в борьбе с кубанскими уклонистами в национальном вопросе». Думается, взаимные претензии и обвинения сторон не лишены оснований. Тяжелая экономическая ситуация, отсутствие четкого законодательного разграничения сфер компетенции, директивно-инструктивный распорядительский шквал, различное понимание сторонами происходивших событий вносили в деятельность властных структур не всегда позитивные изменения. Если Кубано-Черноморский областной исполком рассматривал Горский исполком в основном как форму осуществления посредничества между властью и населением, а также советского строительства, то последний полагал себя в качестве организации по удовлетворению нужд и потребностей горского населения, что зачастую не соответствовало принципам советской политики.

Длительное и безуспешное противостояние в конечном итоге все-таки привело стороны к взаимному осознанию необходимости выделения горского населения в автономную административно-территориальную единицу. Еще в декабре 1921 г. на III областном съезде советов горских депутатов разразилась оживленная дискуссия по вопросу о форме и типе административного управления. Некоторые группы делегатов говорили о необходимости немедленного создания Окружного исполнительного комитета и отправке делегации в Москву для подготовки данного решения: «Пусть акт дарования нам автономии докажет нашим братьям, когда-то бежавшим отсюда под натиском русского империализма,

¹ ГАРФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 847. Л. 41.

и Турции, как советская власть на деле осуществляет лозунг о самоопределении мелких народностей»¹. Представитель областного руководства Аболин предложил разработать в срочном порядке Горскому исполкому вопрос о выделении горцев в автономную область, после чего принять меры к возбуждению соответствующего ходатайства перед Центром².

В январе 1922 г. Горский исполком поставил перед Наркомнацем вопрос о выделении адыгов в автономную область. Коллегия Наркомнаца, признав желательным выделение 33 аулов Краснодарского и 11 аулов Майкопского отделов Кубано-Черноморской области с чересполосным русским населением, запросила мнение Юго-восточного бюро ЦК РКП(б) и Кубчерисполкома³. Полученный отрицательный ответ исполкома имел веский мотив – негативное отношение русской чересполосицы к вхождению в новую автономию.

18 марта 1922 г. пленум Кубано-Черноморского горского окружного комитета вынес решение о создании из представителей Горского исполкома и областного отдела управления комиссии по опросу русских населенных пунктов: Ивановской, Николо-Абатовской, Еленовской, Архиповской, Ново-Габичевской и Натырбовской волостей, села Штурбино и спорных территорий – сёл Преображенского, Новосеменовского, Белого, имения Курго в Архиповской волости, хуторов Чехракского, Безладного, Звезда, Игнатьева, Пастернака⁴. 31 марта Кубчерисполком утвердил данную комиссию. 4 мая, приняв к сведению положительные итоги проведенного опроса, облисполком признал целесообразным выделение черкесского населения в самостоятельную область, о чем и представил мотивированное объяснение в НКВД⁵. Тем не менее коллегия Наркомнаца 22 мая, заслушав «горский вопрос», сообщала лишь о наличии отрицательного (первоначального) ответа Кубани. Учитывая принципиальную предрешенность вопроса коллегией и наличие достаточно полных материалов от горской делегации, проект о Черкесской (Адыгейской) автономной области был принят за основу и передан для редактирования комиссии в составе Клиндера, Хакурате, Ибрагимова⁶.

7 и 11 июля 1922 г. президиум Кубано-Черноморского облисполкома еще раз заслушал доклад об образовании Горской области. Принятые резолюции подчеркивали: в связи с создавшейся обстановкой не возражать против выделения «аборигенного» населения области⁷. 27 июля 1922 г. Президиум ВЦИК принял постановление об образовании Черкесской (Адыгейской) автономной области,

¹ ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 28. Д. 325. Л. 68.

² Там же. Л. 6.

³ *Кубов Ч.Ч.* Создание и укрепление советской государственности адыгейского народа... С. 72.

⁴ ГУ НАРА. Ф. Р-328. Оп. 1. Д. 1. Л. 56.

⁵ ГАРФ. Ф. Р-130. Оп. 6. Д. 171. Л. 71 (об.), 102.

⁶ Там же. Ф. Р-5677. Оп. 3. Д. 306. Л. 1.

⁷ ГУ НАРА. Ф. Р-467. Оп. 1. Д. 52. Л. 52.

поручив НКВД совместно с Наркомфином установить размеры ее административного аппарата и выделить на организационные нужды определенные суммы¹. Юридическое оформление, однако, не завершало процесса фактического обретения народом административно-территориальной автономии. Неопределенность границы, основанной на принципах экономического и административного тяготения к Адыгее тех или иных населенных пунктов, отсутствие законодательно регламентированного положения об автономной области открывали новую страницу очередных перипетий на пути установления стабильности местной власти.

Устоявшееся в литературе положение о планомерном расширении функций административного аппарата, имевшем целью вовлечение в его работу все большего числа граждан из местного населения и создавшем возможности для образования автономной области, едва ли можно считать научно обоснованным. Вызванное к жизни течением обстоятельств повышение статуса национальных органов самоуправления, зачастую сугубо номинального, происходило явно стихийно и не позволяет обнаружить в данном процессе логической запрограммированности. Предоставленная автономия, как и предшествующие ей формы государственности, являла собой вынужденное компромиссное образование в системе «национализм – советская власть» и отражала реакцию центра на усиление сепаратистских тенденций. Последние проявлялись в идеях территориальной консолидации адыгских народов под лозунгами независимой Северо-Кавказской республики. Кроме того, существование самостоятельных национально-территориальных образований остальных горских народов (Горская республика, Дагестан) постоянно усиливало недовольство адыгов, осложнявшееся взаимоотношениями Горского исполкома с областным руководством. Автономии предстояло, с одной стороны, более прочными узами связать население с центром, советской властью, с другой – временно приостановить нараставший сепаратизм. Будучи территориальным анклавом, черкесская автономия едва ли могла способствовать в дальнейшем установлению прочного национального мира в регионе, отличавшемся этнической пестротой и наличием многочисленных, не наделенных государственностью абхазской, греческой и армянской диаспор.

Одной из основных задач, решавшихся в ходе создания автономий, стала советизация – повсеместное учреждение и укрепление советской власти. Ее основными направлениями являлись: активизация деятельности местных советов, их «очистка от классово чуждых элементов», выдвижение на руководящие посты представителей национальных меньшинств, борьба с бандитизмом и завершение аграрных преобразований. Начальный, восстановительный период советской власти в регионе ознаменовался созданием назначавшихся революционных комитетов и других невыборных органов. Данные чрезвычайные органы власти, создававшиеся как вынужденные и краткосрочные, обеспечили последовательное и твердое проведение в период Гражданской войны идей диктатуры

¹ ГАРФ. Ф. Р-5677. Оп. 3. Д. 306. Л. 3.

пролетариата. Но в условиях политически нестабильного Северного Кавказа их деятельность приобрела постоянный характер. Мобильность, гибкость, централизм как основные принципы организации позволили революционным комитетам играть роль координирующих центров советской власти по вопросам социально-экономического, политического, военного и национального характера.

Постановление Кубано-Черноморского областного революционного комитета о порядке проведения выборов в советы от 18 ноября 1920 г. объявило о завершении Гражданской войны на Кубани и призвало трудовое население принять непосредственное участие в организации советской власти. Выборы в Майкопском, Екатеринодарском и Туапсинском отделах назначались на 14 декабря. Однако сохранявшееся неблагоприятное экономическое и политическое положение накладывало на любые организационные формы власти характер «чрезвычайщины», что не могло не отразиться на деятельности и авторитете советского аппарата. Провозгласив полномочия советов, Конституция РСФСР определила предметом их деятельности проведение в жизнь постановлений высших органов власти, «принятие всех мер к поднятию данной территории в культурном и хозяйственном отношении, разрешению всех вопросов, имевших чисто местное значение, объединение всей советской деятельности в пределах данной территории»¹.

В компетенцию областных, губернских исполнительных комитетов и советов входило право отмены решений нижестоящих советских органов. Постановления VII и VIII Всероссийских съездов о советском строительстве внесли существенные поправки в деятельность таких «агентов государственной власти», как исполнительные комитеты. Впервые местные органы получали право, хотя и в строго определенных случаях, приостанавливать действие распоряжений Наркоматов, явно нарушавших соответствующие постановления верховных органов власти. Резолюция IX Всероссийского съезда советов вносила некоторую стабильность в деятельность городских, поселковых и сельских советов, перевыборы которых проводились теперь один раз в год². Одновременно проводилась линия на централизованное закрепление положения мест в общей структуре государственного управления. Состав отделов исполнительных комитетов не мог быть подвергнут реорганизации без предварительного мотивированного ходатайства перед отдельным исполкомом. Исполком в станице или ауле избирался сроком на 6 месяцев, в течение которых ни один член не имел права выйти из его состава без согласия вышестоящей инстанции. Досрочные перевыборы (по собственной инициативе) проводились в той же последовательности.

Однако в логически выверенные схемы практика вносила свои непредвиденные коррективы. В кратком обзоре деятельности Кубано-Черноморской областной партийной организации за январь – май 1921 г. как на особое затруднение в деле советского строительства указывалось на инертное, а порой и обостренное

¹ Конституция РСФСР 1918 года // Декреты Советской власти. М., 1959. Т. 9. С. 560.

² Съезды Советов в документах. 1917–1936. Т. 1. М., 1959. С. 180.

отношение населения к представителям областной власти в Краснодарском и Майкопском отделах¹. Областной отдел управления неоднократно летом 1921 г. обращал внимание Горского областного исполнительного комитета на «крайне неудовлетворительную, в большинстве случаев, постановку дела во всех подотделах аульских исполкомов». Анализ деятельности исполкомов аулов Хачемзиевского, Бжедуховского, Шапсугского аульского общества, аула Егерухаевского свидетельствует о сосредоточенности всей их деятельности в декабре 1921 – июне 1922 гг. на борьбе с бело-зелеными бандами, конокрадством и выполнении продналоговой политики.

Отношение населения к указанным исполкомам характеризовалось как недоверчивое из-за отсутствия «ощутимых результатов для блага народа» и неопределенности их прав. Данное положение создавало условия для произвола по отношению к исполкомам. Факты столкновения с представителями военных властей стали в это время обычной нормой. «Такое отношение к исполкомам как учреждениям государственным удручающе действует на советских работников и невольно возникает вопрос: какие же права исполкомов? Такое положение заставляет лучших работников всеми силами стараться избавиться от службы государству ... убивает охоту к ней»². Повсеместно представители аульских комитетов не желали, а порой и не могли разобраться с «духом советского строительства», не справлялись с культурными задачами, намеченными Горским исполкомом, не оказывали должного содействия командированным на места работникам.

Комиссия Горского исполкома, ознакомившись с работой аульских комитетов Краснодарского и Майкопского отделов, пришла к выводу о несоответствии их своему назначению. Отмечались полная бездеятельность, отсутствие инициативы, осложнявшиеся незаконностью действий отрядов особого назначения, продолжавшимся вмешательством отдельных исполкомов в управление аулами, самочинным захватом горских земель иногородним населением³. Как правило, восстановление полновластия осуществлялось путем перевыборов. Так, 22 июля 1921 г. ввиду того, что некоторые аульные советы и исполкомы не проявили достаточно энергии в борьбе с бело-зелеными бандами и представляли собой «элемент, не соответствовавший духу советского строительства», Горский исполком вынес постановление о перевыборах аульских советов в Краснодарском и Туапсинском отделах. Тем не менее областной отдел управления счел возможным отложить перевыборы до окончания сбора продналога. Очередными задачами стали укрепление власти на местах, частичные перевыборы и довыборы советов с целью замены белогвардейского элемента на представителей беднейших слоев населения, в частности демобилизованных красноармейцев.

¹ Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. Р-65. Оп. 1. Д. 93. Л. 18.

² ГУ НАРА. Ф. Р-467. Оп. 1. Д. 13. Л. 25.

³ Там же. Ф. Р-328. Оп. 1. Д. 4. Л. 67.

Проведение второй волны советизации в Кубано-Черноморской области с 15 ноября по 15 декабря 1921 г. при всех ее отмеченных недостатках оценивалось как безболезненная, а в некоторых районах и отделах даже как удовлетворительная мера¹. На местах наблюдалось уже меньше неуверенности в проведении нужных кандидатов в советы, втягивании населения в общесоветское строительство. Отношение всех слоев населения к перевыборам характеризовалось «целым рядом фактов лояльности», относительным затишьем казачьего сепаратизма, сравнительно удовлетворительным голосованием за коммунистов, что объяснялось главным образом результатами постоянных «чисток».

В тезисах к I пленуму Адыгейского областного комитета секретарь оргбюро РКП(б) К.И. Голодович при характеристике положения, сложившегося к началу 1922 г., отметил, что, несмотря на оказанную материальную поддержку Москвой, Ростовом, Кубанью, так и не удалось преодолеть культурную отсталость, создать на местах работоспособные окружные и волостные исполкомы, проверить и направить работу сельских Советов². Он указал, что волостные и сельские советы, за исключением русских волостей, не работали, были засорены «неблагонадежным элементом», не располагали материальными средствами на содержание технического аппарата. Их деятельность парализовалась наличием уголовного бандизма и отсутствием твердого руководства со стороны Адыгоблисполкома.

Организационные формы и направления деятельности низового аппарата власти жестко детерминировались изменениями социально-экономического и политического характера. Так, в соответствии с новой экономической ситуацией усиливалось руководство местами, координировавшееся административными совещаниями на основе «строгой революционной законности»; разграничивались сферы деятельности отделов управления и президиумов облисполкомов. Непосредственное руководство и управление нижестоящими исполкомами относилось к ведению отделов управления, а отделами исполкомов – их президиумов³.

Политическая активизация кулачества, несмотря на отсутствие у него избирательных прав, бегство со своих постов волостных работников (постоянная работа в советах несла риск потери своего хозяйства), тяжесть работы, материальная необеспеченность, сокращение государственных ассигнований на местное строительство ставили местные органы в трудные условия. Ведущими принципами в их деятельности по-прежнему оставались укрепление аппарата и поднятие его авторитета, подготовка и обучение работников, прохождение ими курсов советского строительства. Деятельность низового аппарата управления области оценивалась «как мертвящий всякое дело канцеляризм»: исполнение распоряжений сводилось к рассылке циркуляров без заботы об их проведении на местах,

¹ ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 28. Д. 325. Л. 343.

² Голодович К.И. Укрепление соворганов и районирование Адыгейской (Черкесской) автономной области. Краснодар, 1923. С. 3–4.

³ ГАРА. Ф. Р-467. Оп. 1. Д. 53. Л. 13.

последствиях и реакции населения. В работе исполкомов среди национальных меньшинств наряду с положительными моментами (поднятие экономического, политического и культурного уровней) отмечались и негативные: вмешательство вышестоящих органов власти во внутренние дела, не всегда должный учет интересов и нужд национального населения. Формы организации власти порой зависели от конкретных социально-экономических задач. Так, в разгар проведения продналоговой кампании в Закубанском районе в результате полной пассивности продработы и наличия бандитизма отдельской продкомиссии предлагалось срочно произвести «чистку» в исполкомах аулов Шенджий, Лакшукай, Гатлукай, Шабанохабль, Джиджихабль, Вочепший, Понежукай, Ассоколай, Габукай с одновременным роспуском советов и назначением ревкомов¹.

Итоги советского строительства рассматриваемого периода подвел I областной съезд советов, состоявшийся 7–11 декабря 1922 г. в ауле Хакуринохабль. В докладе уполномоченного Адыгейского (Черкесского) политотдела ГПУ особенно подчеркивалась социально-возрастная специфика делегатов съезда: из 99 делегатов-черкесов почти все оказались стариками, эфенди, бывшими офицерами или представителями зажиточных слоев. Здесь же говорилось, что «русские относились к черкесам с недоверием, те платили им ненавистью». Отношение населения к съезду как к новой власти было весьма недоверчивым. В советы под влиянием мусульманского духовенства также избирались люди богатые. В целом из 100 % избирателей области в выборах участвовало не более 25 %, так как они проводились во время продкампании на фоне «слишком слабой» советизации.

В ряде выступлений на съезде «проскальзывали» антисоветские высказывания. Председатель Ульского исполкома Екизов призвал серьезно отнестись к съезду, отстаиванию национальных интересов, а главное – не выбирать в исполком русских и коммунистов, отрицательно относившихся к черкесской автономии. Те же настроения прослеживались и в выступлении секретаря Ульского исполкома Бжессо, Кobleва, эфенди Набокова, Хачемизова, Шалис. В обращении к съезду заместитель Адыгейского (Черкесского) областного исполнительного комитета С. Сиюхов подчеркнул, что самые работоспособные товарищи, которые могли принести огромную пользу автономии, находились за границей, в Турции. Высказывалось пожелание новому составу областного исполнительного комитета наладить связи с эмигрантами, содействовать их беспрепятственному возвращению на родину. Говорилось о задачах «преодоления темноты» и создания промышленности с ориентацией на Турцию².

Учитывая религиозность большей части черкесского населения, авторитет духовенства, зажиточного элемента и отчасти учительства, областной исполком решил воспользоваться этим в деле культурного строительства. Для решения организационных вопросов созыва II областного съезда советов был создан

¹ ГУ НАРА. Ф. Р-467. Оп. 1. Д. 53. Л. 64.

² РГАСПИ. Ф. Р-17. Оп. 84. Д. 517. Л. 6.

консультативный комитет из наиболее влиятельных и прогрессивных эфенди. В ауле Хатукай 27–29 сентября 1923 г. начал работу съезд, «который, не имея идейного руководства со стороны коммунистической партии, из исключительно культурно-просветительского превратился в политический». Принятые на нем резолюции не соответствовали «текущему моменту советского строительства». Поэтому результаты состоявшегося съезда Адыгоблисполком аннулировал.

II областной съезд советов трудящихся был созван вновь 12–19 декабря 1923 г. Одобрив проделанную в истекшем году работу, председатель Адыгейского областного исполнительного комитета Ш.-Г. Хакурате наметил следующие направления деятельности: улучшение и сохранение волостных комитетов, ускорение темпов и углубление «очеркешивания» советского аппарата, энергичную работу по созданию местного бюджета. В деятельности советских органов на местах отмечались существенные недостатки: засилье неработоспособных элементов в волостных, сельских, аульских советах, отсутствие опытных работников – черкесов, чрезвычайно бедственное материальное положение низового аппарата, недостаточное руководство областными органами. Общая хаотичность в деятельности советского аппарата, чрезмерное укрупнение избирательных участков, не всегда удачные сроки проведения выборов (обычно в разгар посевных кампаний) привели к снижению избирательной активности населения. При проведении перевыборной кампании 1924 г. более существенное внимание уделялось национальному моменту. В результате из 32 председателей сельсоветов черкесы составили 27 чел., из 5 председателей райсоветов – 4, из 33 членов областного исполнительного комитета – 22 чел. Однако отношение населения к предлагавшимся спискам, и особенно к кандидатам из пришлых, оказалось резко отрицательным, бедняцкая часть избирателей традиционно отдавала предпочтение состоятельным середнякам и кулакам. Избирательная активность населения в среднем составила 32,3 %. Среди причин ее падения указывались отсутствие женщин, приход на избирательные участки по одному представителю от двора, недостатки предвыборной агитации, разбросанность населенных пунктов и невозможность полной явки на собрания. Выборы в аульские советы и на съезды несли отпечаток нарушений инструкций, выразившихся в необоснованном лишении избирательных прав многих середняков¹.

Из-за финансовых неурядиц, отсутствия определенной линии руководства, случайного и часто ошибочного подхода к различным сторонам советского строительства намечался курс на реорганизацию административного аппарата. За исходный пункт при учете национально-бытовых, экономических и политических условий принималась гибкость управленческого аппарата и его широкая самостоятельность. Каждая административная единица должна была наделяться максимумом власти в отведенной ей области. II сессия ВЦИК, поставившая

¹ Мекулов Д.Х. Национально-государственное и советское строительство в Адыгее... С. 28. Общее количество лишенных избирательных прав в 1924 г. в РСФСР составило 1,5 % – 700 тыс.чел., при повторных – 1,1 %.

вопрос о расширении прав сельских и волостных советов, указала на поразительную пестроту и отсутствие руководящих принципов в деле организации власти. Соседние области демонстрировали различные подходы к созданию одних и тех же учреждений: в Чечне 7–8 отделов сливались в один, а в Адыгее сохраняли самостоятельность все 11. Дагестан с миллионным населением имел меньший аппарат, чем Карелия. Предлагалось покончить с «партизанщиной», выработать общие принципы построения государственного аппарата, установить определенный тип административной единицы. Зимой 1924 г. на заседании административной комиссии ВЦИК несколько раз поднимался вопрос о «правильном» понимании значения административно-территориального термина «область». Наименование «автономная область» сохранялось как имевшее специфические отличия и обладавшее определенной совокупностью прав¹.

Проведенный анализ позволяет подвергнуть сомнению выводы историографии о «твердом» руководстве советов в приобретении черкесским народом автономии, внести новые акценты в понимание процесса приобретения полновластия местным административным аппаратом, роста его авторитета среди населения, отказаться от мертвяще одномерной схемы «безусловного блага», принесенного «национальным окраинам» советской формой организации власти. Отмеченные в литературе тенденции к отступлению от «ленинской концепции национального развития», проявившиеся в первой половине 1920 гг. и сводившиеся к отходу от курса на гармонизацию интересов государства и этносов, в принципе не вызывают возражения. Соглашаясь в основном с выводом о начавшемся процессе подчинения всей политики в национальной сфере укреплению государственной власти, все же необходимо подчеркнуть, что он являлся всего лишь более четко выраженным продолжением государственной практики по советизации «национальных окраин», проводившейся с 1917 г.

Национально-государственное размежевание народов Северного Кавказа завершилось в 1924 г. Все горские народы региона были включены в соответствующие национально-государственные образования, основной задачей которых становилась «ликвидация фактического неравенства и обеспечение народам более широких возможностей собственного развития». В историографии до сих пор преобладает убеждение, что «образование национальных автономных областей на Северном Кавказе было продиктовано объективными потребностями самой жизни горских народов»². Однако, как свидетельствует исторический опыт развития самого национально-государственного строительства в регионе, основную роль в нем сыграли потребности иного рода, связанные прежде всего

¹ ГАРФ. Ф. Р-5677. Оп. 4. Д. 17. Л. 1, 4.

² Филькин В.И. Северо-Кавказская партийная организация в борьбе за осуществление ленинской национальной политики (1917–1936 годы). Грозный, 1969. С. 19; Потоков Н.Н. Национально-государственное строительство на Северном Кавказе в 20–30-е годы XX века: дис. ... канд. ист. наук. Майкоп, 2000. С. 149.

с необходимостью упрочения позиций советской власти на Северном Кавказе. Именно решение данной задачи и вызывало к жизни формы национальной государственности, которые различались временем их существования и обстоятельствами возникновения. Вместе с тем, как справедливо замечает современный исследователь, «институционализация национальной государственности предполагает необходимость формирования достаточно четкой и устойчивой этнополитической и административно-территориальной конструкции. В условиях послеоктябрьской северокавказской действительности этот вопрос представлял наибольшую трудность при решении проблем развития этнонациональной государственности»¹.

¹ *Кажаров А.Г.* Кабарда и Балкария в процессе административно-территориального переустройства Северного Кавказа (1918 – первая половина 1920-х гг.). С. 3.

ГЛАВА IV. РЕФОРМА РАЙОНИРОВАНИЯ И ПРОБЛЕМЫ ГРАНИЦ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Поиски опосредованных путей движения к социализму на фоне обозначившегося на рубеже 1920–1921 гг. экономического и политического кризиса вылились в своеобразный системный симбиоз административно-рыночного хозяйства с жестким однопартийным режимом. Волнообразные вехи новой экономической политики, призванной выработать механизм самоорганизации различных революционных потоков и найти равнодействующий фактор между крестьянским менталитетом страны и индустриальным вызовом мира, неизбежно вносили коррективы и в составляющие общественной системы. Инверсионный порядок создания материальных предпосылок социализма, легализация «контролируемых» капиталистических отношений в экономике оставили открытым вопрос о формах советского строительства. Обозначенная X съездом РКП(б) жесткая тенденция к централизации (как в области партийной работы, после года «роскошных дискуссий и споров» переходившей к более сплоченной, дружной деятельности без малейших следов фракционности¹, так и в экономической сфере – с созданием единого народнохозяйственного комплекса) затрагивала и вопросы национально-государственной политики.

§ 4.1. Административно-хозяйственное районирование и образование Северо-Кавказского края

Советизация окраинных земель, внедрившая элементы современной классово-вой борьбы в народное сознание и традиционный образ жизни масс, завершила декларативный период существования суверенных национально-территориальных образований. Доктринальное стремление советского режима к абсолютному единству и централизации вступало в непримиримое противоречие с признанием факта жизненности национального самосознания, стремившегося к определению и легитимности в рамках самостоятельных административно-территориальных единиц. Превалирование классовых и экономических подходов над национальными потребностями, а также отождествление национальных проблем с ликвидацией «экономической и культурной отсталости» нашли отражение в резолюции X съезда РКП(б) – съезда «новой эпохи в сознании и экономике».

Выделив победу советов и установление диктатуры пролетариата «основным условием уничтожения национального гнета, установления национального равенства и обеспечения прав национальных меньшинств», съезд подчеркнул смертельную угрозу империализма самостоятельным советским республикам.

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1983. Т. 2. С. 322.

Ни одна из них не могла считать себя в обстановке капиталистического окружения «обеспеченной от экономического истощения и военного разгрома». Общие интересы обороны, задача восстановления разрушенных производительных сил и необходимость продовольственной помощи «повелительно диктовали государственный союз отдельных республик как единственный путь спасения от империалистической кабалы и национального гнета»¹ в форме федерации, основанной на общности военного и хозяйственного дела. Партия рассматривала советский строй в качестве постепенного и безболезненного перехода к коммунизму ранее угнетенных национальностей. Этот переход позволил бы развить и укрепить советскую государственность в формах, соответствовавших национально-бытовым особенностям, сохранив действовавшие на родном языке суд, администрацию, органы хозяйства, власти, культурно-просветительские учреждения.

Особо выделялся комплекс мероприятий по отношению к той части бывшей империи, которая не успела пройти путь капиталистического развития, не имела или почти не имела промышленного пролетариата и не вполне еще ушла от патриархально-полуфеодального быта, но уже была вовлечена в русло советского строительства. Отметив длительность процесса «упорной и настойчивой борьбы со всеми пережитками национализма и колониального рабства», в качестве первой задачи съезд выдвинул «планомерное насаждение промышленности на окраинах страны путем переноса фабрик к источникам сырья, отстранение всех туземных эксплуататорских элементов от влияния на трудовые массы, экономическую организацию бедноты с объединением усилий с трудовыми массами местного русского населения в борьбе за освобождение от кулачества, организацию и развитие крепких коммунистических организаций»².

Таким образом, в условиях новой экономической политики национальному фактору отводилась роль одного из ферментов интернационализации способов производства, с перспективой хозяйственного сближения народов и постепенного объединения «громadных территорий в одно связанное целое»³. Решая попутно задачи поднятия культурного уровня народов, коренизации местных структур власти, советский режим обеспечивал социальную базу и жесткую привязку номинально сохранявших автономность национально-государственных образований к единому российскому революционному центру и стандартизацию протекавших в них политических процессов.

XII съезд РКП(б) и Четвертое совещание ЦК РКП(б) с ответственными работниками национальных республик и областей окончательно устранили разночтения в понимании различных аспектов национально-государственного строительства. Развернувшаяся на съезде ожесточенная дискуссия вокруг

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов... Т. 2. С. 364.

² Там же. С. 367–369.

³ Там же. Т. 3. С. 79.

национального вопроса была умело сфокусирована И.В. Сталиным на грузинских разногласиях внутреннего характера. Тревожные выступления украинских делегатов и Н.И. Бухарина, отмечавших недопустимость подмены национального вопроса соображениями хозяйственной целесообразности и экономической эффективности, не получили никакого отклика. Под сталинским напором, обличавшим одновременно и «великодержавный шовинизм» и «оборонительный национализм» грузин, обвинявшихся в сопротивлении плану создания федерации, юридические контуры обрамления Союза приобретали чисто «схоластическую направленность»¹. Тем не менее принятая резолюция отличалась уравновешенностью, хоть и не учитывала требований грузинско-украинской оппозиции, признававшей необходимость объединения хозяйственных усилий, но с сохранением всех атрибутов независимости.

Подчеркнув, что объединение национальных республик в Союз Советских Социалистических Республик являлось заключительным этапом развития форм сотрудничества, принявшим на этот раз характер военно-хозяйственного и политического объединения народов, съезд наметил конкретные практические шаги по его осуществлению. Предлагалось немедленно преодолеть препятствия, оставленные периодом национального гнета: пережитки великодержавного шовинизма, былого привилегированного положения великороссов, хозяйственное и культурное неравенство, а также национализм ряда народов, не успевших освободиться от чувства старых национальных обид, – путем действительной и длительной поддержки русского пролетариата. Повсеместно указывалось на соблюдение принципа равенства и добровольности при создании Союза, чьи высшие органы должны были полностью отражать не только общие нужды и потребности всех национальностей, но и отдельных народов (учреждение палаты ЦИК из представителей автономных республик и областей)².

Месяцем позже, 9–12 июня 1923 г., состоялось Совещание ЦК РКП(б) с ответственными работниками национальных республик и областей, рассмотревшее дело одного из руководителей татарских большевиков Султан-Галиева. Совещание еще раз заклеимило «националистический уклон среди части местных работников» и наметило практические мероприятия по проведению в жизнь резолюции XII съезда РКП(б).

Укрепление советской власти ставилось в прямую зависимость от упрочения коммунистических организаций. Поэтому коммунистам предписывалось «в работе среди остальных национальностей строго выдерживать тон содействия и помощи национальным передовым элементам в их коммунистической и советской работе, не допуская ни в действиях, ни в речах ничего, что походило бы на

¹ Такер Р. Сталин. Путь к власти. 1879–1929. История и личность. М., 1991. С. 243–244; Ненароков А.П. Крах попыток прогностического анализа межнациональных отношений // Отечественная история. 1992. №3.

² КПСС в резолюциях и решениях съездов... Т. 2. С. 83–85.

присвоение права навязывать и решать», формально опираясь на авторитет центра. В целях привлечения «трудовых элементов» к партийному, профессиональному и советскому строительству предлагались чистка государственных и партийных аппаратов от националистических элементов, систематическая и неуклонная работа по национализации учреждений республик и областей, подбор и привлечение более или менее лояльных элементов местной интеллигенции в советские учреждения при одновременной работе представителей центра¹.

Отголоски «националистических» дебатов вокруг проекта конституционно-го оформления федеративных отношений все-таки нашли отражение в принятых решениях и их практической реализации. Однако предсказание Н.И. Бухарина сбылось: советский режим, используя центробежные национальные тенденции в борьбе за собственную победу и позволив из чисто прагматических соображений некоторый период существования автономности национально-территориальных образований, начал «поглощение собственных детей». Вторичность национального фактора стала характерным признаком нэпа. Организационное завершение противостояния власти и национальных стремлений народов выразилось в образовании СССР. Являвшийся компромиссом между доктриной и реальностью, Союз призван был олицетворять собою наднациональное государство. Тем не менее национально-территориальный принцип его организации с явно обозначившимися тенденциями к централизации всех сторон жизни отразил лишь временное торжество интернационалистической концепции большевизма, обозначив непрочность существования новой формы сотрудничества народов.

Вопросы интеграционного объединения и укрепления хозяйственных связей, создания единого экономического пространства нашли практическое воплощение в разработке нового административно-территориального деления страны. В соответствии с задачами развития народного хозяйства вопросы районирования приобрели вполне конкретную постановку: формирование и укрепление областных, окружных и районных административных единиц, непосредственно связанных с мероприятиями экономического порядка по усилению материальной базы советских органов, развертывание их деятельности в сфере хозяйственного и культурного строительства².

Рабоче-крестьянская власть, имевшая «социальной функцией управление не людьми в полицейских целях», а народным хозяйством и организацию последнего на рациональных плановых началах, в качестве основы наиболее целесообразной структуры отдельных частей страны провозглашала экономический фактор – «комплекс экономических возможностей данной территории в ее природных условиях»³. При этом факторам пространства и численности

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов... Т. 2. С. 135.

² Районирование СССР. Сборник материалов по районированию с 1917 по 1925 год. М.; Л., 1926. С. 8.

³ Северный Кавказ после районирования. Итоги и выводы. Ростов н/Д, 1925. Т. 1. С. 43–44.

населения придавалось не главенствующее, а лишь подчиненное, второстепенное значение.

Задачи районирования сводились к выделению в виде района (области) некоторой своеобразной, экономически законченной, но не замкнутой территории с определенной комбинацией природных особенностей, капитальных ценностей и производственного потенциала для выполнения той или иной функции в общем хозяйственном развитии страны. На повестку дня выдвигались вопросы поиска организационной формы, призванной скрепить отдельные части государства в единое целое и разрешить проблему общественного сотрудничества, разделения труда между населением отдельных районов, центром и местами.

Практически вопрос о районировании в РСФСР был поставлен в 1919 г. VII Всероссийским съездом советов, поручившим ВЦИК разработать меры по новому административно-хозяйственному устройству. Признав анахронизм сложившегося четырехступенчатого деления – губерния, уезд, волость, сельское общество, – и отметив его совершенную неприемлемость для выполнения задач, выдвинутых советской властью, 2-я сессия ВЦИК восьмого созыва в основе нового хозяйственно-территориального устройства провозгласила принцип «экономического тяготения». Она же предложила перейти к трехступенчатой конструкции административных единиц – губерния, уезд, сельское общество, в перспективе – область, округ, район. Основной организационно-территориальной проблемой стало оформление целостных, связанных культурными, экономическими и бытовыми условиями единиц.

Разработка нового административно-хозяйственного районирования стала тем более неотложной в силу несоответствия существовавшего административного деления политическим и экономическим потребностям страны. Новое районирование следовало «приспособить» к условиям переходного периода в соответствии с наметившимися, но еще не получившими полного оформления хозяйственными районами. Административное устройство надлежало производить с учетом сосредоточения промышленности, технических культур, направлений и характера путей сообщения, численности и национального состава населения, его тяготения к промышленно-распределительным пунктам¹. Реализация постановления СТО от 4 ноября 1921 г. «О выработке проекта районирования РСФСР»² возлагалась на созданные в структуре Президиума ВЦИК комиссии по районированию с участием ответственных работников центральных и местных органов под председательством М.И. Калинина, административную комиссию при НКВД, возглавленную заместителем наркома М.Ф. Владимирским, и комиссию по районированию при Госплане во главе с профессором И.Г. Александровым.

Первоначальный проект, представленный осенью 1921 г. Госпланом, предусматривал деление федерации на 21 область, каждая из которых мыслилась как

¹ Районирование СССР. Сборник материалов по районированию с 1917 по 1925 год. С. 15.

² ГАРФ. Ф. Р-130. Оп. 5. Д. 451. Л. 5.

целостный экономический район, переход от уездов и волостей к округам и районам. Однако проект обладал существенным недостатком, делавшим его в принципе не приемлемым. Районирование предполагалось проводить чисто «статистическими методами»: в один район объединялись местности, однородные по какому-либо одному признаку. Фактически не учитывались интересы различных наций, игнорировались особенности государственно-национальных образований. Так, в единую Кавказскую область включались и Северный Кавказ, и Закавказье¹.

Состоявшаяся 24–28 ноября 1922 г. конференция работников по районированию отметила, что при оформлении нового деления необходимо учитывать будущие интересы страны. Плановое развитие производительных сил района являлось основой для определения его задач и территории. Районы должны были представлять собой комбинированные хозяйства с определенной специализацией, связанной с естественными ресурсами и навыками населения. В деле создания крупных областных районов инициатива оставалась за центром, внутреннее районирование должно было исходить от мест. Устанавливая теснейшую связь между природными ресурсами, навыками населения, накопленным производственным потенциалом, экономический принцип районирования призван был содействовать материальному и духовному развитию всех наций, племен РСФСР применительно к особенностям их быта, культуры и экономическому состоянию². Одновременно во внутреннем административно-хозяйственном строении республик и областей происходили весьма значительные территориальные преобразования в направлении укрупнения административных единиц. Сохранившееся после революции прежнее деление России на губернии постепенно дополнилось новыми видами властно-экономических структур: появились укрупненные волости, районные волости, районы с широкими финансовыми, административными и законодательными правами. Последовавший в первые революционные годы мощный поток создания самостоятельных административных образований вынудил верховные власти принять ряд ограничений по дроблению волостей (предельная норма образования – 10 тыс. жителей), воспрепятствованию изменению административно-территориальных границ автономных республик, областей, губерний, уездов, по образованию новых единиц и их переименованию.

С введением новой экономической политики возникли вопросы сокращения и упрощения весьма разросшихся низовых структур: уменьшение числа волостей, удешевление аппарата, улучшение качества административных работников. Вплоть до середины 1923 г. укрупнение волостей происходило путем их механического слияния, при котором избегалась ломка прежних границ. Затем внутригубернское деление приняло характер общего экономического районирования.

¹ *Летифов А.К.* Исторический опыт национально-государственного строительства на Северном Кавказе (в переходный период к социализму). Махачкала, 1972. С. 90.

² Районирование СССР. Сборник материалов по районированию с 1917 по 1925 год. С. 40–47.

К моменту проведения нового административно-хозяйственного районирования на территории РСФСР насчитывалось несколько видов местного деления:

- уездно-волостное деление, сохранявшееся с дореволюционных времен;
- уездно-волостное деление с укрупненными волостями;
- районно-окружная система;
- районное деление, без уездов;
- деление на укрупненные волости (области)¹.

Весь этот административный конгломерат, порой с резко отличавшимися общественно-экономическими укладами, предстояло подвести к общему экономическому и административному знаменателю. При построении административной сетки решающая роль отводилась экономическим факторам. Так, необходимостью при образовании районов Юго-Восточной области признавались площадь территории, численность населения, торговое тяготение сельских поселений к городам; при образовании области – экономические моменты; округа – специализация преимущественно в сельскохозяйственном производстве. При образовании сельсовета экономические соображения зачастую уступали таким географическим параметрам, как расстояние от центра к обслуживаемой территории, количество населения. Наряду с этим намечалось расширение объема прав областных органов за счет передачи им некоторых прав и функций центральных правительственных учреждений, в частности в области бюджета и налогов.

XII съезд РКП(б), признав прежнее административно-хозяйственное деление республики не соответствующим текущему моменту, акцентировал внимание на осторожности и постепенности введения новой системы устройства страны. Выделив 2 района – промышленный (Урал) и сельскохозяйственный (юго-восток России) – в качестве территорий опытного испытания нового плана, съезд по отношению к остальным областям, национальным республикам и губерниям поручил Центральному комитету партии ограничиться продолжением разработки вариантов районирования. Основной задачей районирования (административно-хозяйственной реформы) признавался такой принцип организации первичной власти, который с удешевлением всего аппарата привел бы к укреплению и развитию ближайших к массам органов власти².

Любая общественная система представляет собой соотношение между структурами власти, экономикой и жизненными перспективами людей. Новое административно-территориальное деление было направлено прежде всего на ликвидацию цементирующего фактора любого гражданского общества. Происходило постепенное поглощение общества структурами власти. Административно-территориальное устройство не разворачивало в трехмерном

¹ Сулькевич С.И. Изменения в территориальном делении СССР за 7 лет. М., 1925. С. 8.

² КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1983. С. 87–89.

(исполнительном, законодательном, судебном) пространстве власти общество, а сводилось либо к нарезке территории, либо к созданию системы районов с функционированием одной исполнительной власти.

Наиболее сложным оказался процесс выработки принципов районирования юго-востока России, чьи составлявшие резко различались между собой в экономическом, политическом и культурном отношении. Весь смысл проведения административно-хозяйственного реформирования в данном регионе, включавшем национальные образования и «русские» области, сводился к развязыванию и ликвидации сложного клубка противоречий и объединению всего населения под властью советов.

И краевое совещание губернских и областных ЭКОСО юго-востока России признало, что в 1922 г. методы советского строительства народного хозяйства оказались совершенно не совместимы с существовавшими формами административно-территориального деления края, а также со структурой и правовым положением местных органов власти¹. Ситуация усугублялась слишком ревностным отношением к национальным особенностям автономных образований, рассматривавших любое включение в промежуточные объединения как прямое ущемление своих прав.

В противовес первоначальному варианту районирования, предложенному Госпланом осенью 1921 г. и предусматривавшему создание экономической федерации кавказских республик с включением всех национальных образований Северного Кавказа и Закавказья, Дагестаном выдвигалась идея преобладания национальных интересов в создании крупных экономических областей². Планировалось образование экономического объединения горцев Северного Кавказа с центром в Грозном «в целях согласования общей экономической политики РСФСР с особенностями быта и нуждами горского населения, более полного использования местных средств и природных богатств края» для повышения экономического благосостояния населения и одновременно гарантии автономий государственных образований этого района³.

Весьма интересна реакция русских областей в отношении госплановского проекта. Ознакомившись с ним и выразив полное согласие с подходами к вопросу о районировании, Кубано-Черноморский областной исполнительный комитет счел необходимым выдвинуть ряд соображений, которые не допускали немедленного его осуществления и требовали весьма осторожных действий, позволявших целесообразно обеспечить переход Кавказа на областное управление. Общие трудности, по мнению комитета, заключались в проживании на территории региона 80 различных народностей, часть из которых получила от советской власти

¹ Весь Северный Кавказ (Справочник по вопросам административно-экономического и культурного строительства края). Ростов н/Д, 1931. С. 19.

² *Летифов А.К.* Исторический опыт национально-государственного строительства... С. 96.

³ Там же. С. 96–97.

ту или иную форму автономии в управлении и хозяйственном самоопределении. Вполне естественно, что объединение на началах областного управления взамен непосредственного подчинения центру не могло быть воспринято ими безболезненно. Кроме того, во многих районах так и не были еще выработаны формы хозяйствования, не изучены экономические возможности, отсутствовал культурно-экономический центр, который мог бы удовлетворительно выполнять задачи областного¹.

В силу национально-бытовых особенностей, условий современного политического состояния, отсутствия необходимого хозяйственного взаимодействия между Северным Кавказом и Закавказьем немедленное районирование на Кавказе признавалось невозможным. Предлагалось создание в границах Кавказа трех областей: Закавказской (Армения, Абхазия, Грузия, Нахичеванская республика и Азербайджан), Горской (Дагестан, Горская республика, Кабардинская, Балкарская и Карачаево-Черкесская автономные области) и Северо-Кавказской (Кубано-Черноморская область, Ставропольская и Терская губернии) с перспективой их сближения².

Отрицательная реакция Юго-восточного бюро РКП(б) на подобные варианты национальной интеграции основывалась на «бедности» местных культурных сил, слабости партийных, советских организаций, негативном отношении русских кругов, возможности последующих неурядиц и сдвиг между национальностями³. В дальнейшем Юго-Востокплан выдвигал идею организации Среднекавказского экономического района в составе Дагестанской, Горской АССР, Кабардино-Балкарской, Карачаево-Черкесской автономных областей, Терской и Ставропольской губерний с центром в г. Владикавказе. Во внимание принимались экономическая целостность района, достаточность природных богатств, источников энергии, однообразный характер сельскохозяйственного производства. По мнению А.К. Летинова, данный проект повторял старый, дагестанский вариант. Судя по всему, права Н.С. Нечипурнова, отметившая, что этот проект отвечал принципам экономического районирования⁴.

Комиссия по районированию юго-востока России при Ревтрударме, рассмотрев возможность проведения районирования по национальному признаку, указала, что последний более или менее близко укладывается к обозначенным хозяйственным районам: скотоводческому как преобладающе «туземному» и земледельческому – русскому. Национальное единообразие должно было достигаться в каждом районе включением в одну административную единицу по возможности трех основных национальностей: великорусской, малорусской, «туземной», – так

¹ Материалы к вопросу о районировании Кавказа. Краснодар, 1923. Вып. I. С. 5.

² Там же. С. 8–11.

³ РГАСПИ. Ф. Р-65. Оп. 1. Д. 5. Д. 166.

⁴ *Нечипурнова Н.С.* Партийное руководство опытным административно-хозяйственным районированием Северного Кавказа. С. 45.

как преобладание той или иной из них накладывало резкий отпечаток на весь хозяйственный строй района¹.

Предлагавшиеся проекты встретили протест со стороны представителей горских автономий и Кубано-Черноморской области. Наиболее отчетливо наметившиеся разногласия обозначились на августовском совещании 1923 г. крайэкономсовета и президиума Юго-восточного бюро РКП(б). Кубано-Черноморская область настаивала на образовании Северо-Кавказского края без Донской области и национальных автономий, с центром в Краснодаре или Армавире. Представители Дона, Терека и Ставрополя поддерживали проект Юго-Востокплана об образовании Средне-Кавказского экономического района с центром в Ростове, автономные образования предлагали либо создание Юго-Восточной области без них, либо включение их в сферу деятельности области на общих основаниях с другими².

Итоговое «Положение о Юго-востоке России» было принято ВЦИК 13 февраля 1924 г. и включало 10 административно-территориальных единиц губернского масштаба с центром в Ростове-на-Дону: 2 области – Донскую и Кубано-Черноморскую, 2 губернии – Ставропольскую и Терскую, 4 автономные области – Карачаево-Черкесскую, Адыгейскую, Чеченскую, Кабардино-Балкарскую, автономный город Грозный и Горскую АССР (Дагестан вышел из состава области и непосредственно подчинялся РСФСР); 30 округов – 7 русских и 23 национальных, 12 отделов, 8 уездов, 1 национальный район – Туркменский в Терской губернии, 358 волисполкомов и 1570 сельских советов³. Предусматривалось проведение реорганизации области в течение 1924 г. Процесс районирования разбивался на два этапа. В первую очередь планировалось завершение административно-хозяйственного реформирования Донской, Кубанской областей, Терской и Ставропольской губерний, а затем на основе полученного опыта – автономных областей.

10 июня 1924 г. Госплан подтвердил данное положение, подчеркнув допустимость изменения внешних границ областей лишь после образования смежных. 12 июня положение поступило в административную комиссию, которая единогласно признала необходимым в первую очередь произвести районирование юго-востока как области сельскохозяйственного характера, но, приняв во внимание своеобразие национальных особенностей, постановила просить президиум ВЦИК обсудить и урегулировать положение национальных объединений в составе области⁴. Задержка в проведении общего районирования области вызывалась, помимо необходимости его согласования с автономиями, начавшимся стихийным районированием на местах.

¹ ГАРФ. Ф. Р-5677. Оп. 2. Д. 172. Л. 9, 13.

² *Летифов А.К.* Исторический опыт национально-государственного строительства... С. 102–103.

³ *Весь Северный Кавказ...* С. 17.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-5677. Оп. 4. Д. 304. Л. 1.

Расширенный пленум крайэкономсовета указал, что за основу административного устройства брались принципы приближения советского аппарата к населению, создания условий, обеспечивавших преобладающее влияние рабочего класса на управление краем. В отношении национального подхода к районированию отмечалось, что последний совершенно оторван от экономики. В связи с возникшими территориальными претензиями карачаевцев, кабардинцев и чеченцев общая задача заключалась в образовании такого краевого объединения, которое в состоянии было легко и безболезненно разрешить эти требования. В интересах успешного проведения районирования пленум призвал отказаться от его увязки с территориальными притязаниями национальных автономий, ограничиться проведением районирования в существовавших административных границах¹.

Положение автономных единиц в составе Юго-Восточной области определялось «Договором о взаимоотношениях областного исполкома и областей Юго-востока». Декларировавшаяся самостоятельность в составе краевого объединения, неизменность прав, предоставленных при образовании и гарантированных последующими законоположениями, а также неприкосновенность границ создавали, казалось бы, прочные условия существования национальных автономий. Однако появившееся промежуточное звено – краевой исполнительный комитет – создавало ситуацию ущемленности прав автономий, лишив их непосредственного, прямого контакта с центром. Данное обстоятельство учитывалось «Положением о Северо-Кавказском крае» от 26 января 1925 г., по которому автономные области получили расширенные права и в особо важных политико-экономических вопросах подчинялись непосредственно центру².

Разработка основополагающих принципов и проведение экономического районирования, пожалуй, являлись одной из немногих попыток правящего режима отказаться от увязки решения национального вопроса с территориальным. Однако поиск эффективных форм экономической интеграции и административного объединения помимо правового аспекта урегулирования взаимоотношений составляющих его частей неизбежно ставил территориальные проблемы. Учет экономического тяготения населенных пунктов к тому или иному центру, не всегда находившемуся в пределах данной административно-хозяйственной единицы, объединение в единое целое, с одной стороны, неудовлетворенных решением земельного вопроса, с другой – имевших претензии к пограничным областям национальных образований привносили элементы нестабильности в развитие Северо-Кавказского края. Найденный механизм временного сдерживания национализма нуждался в постоянном совершенствовании.

¹ ГАРФ. Ф. Р-6984. Оп. 1. Д. 52. Л. 2, 4.

² Систематическое собрание законов РСФСР, действующих на 1 января 1928 года (7 ноября – 31 декабря 1927 г). М., 1929. Т. 1. С. 201.

§ 4.2. Районирование и административно-территориальное размежевание народов края

Проблема административно-территориального размежевания народов Северного Кавказа как самостоятельное исследовательское направление разрабатывалась на протяжении не одного десятилетия. Практически все работы по истории национально-государственного строительства в регионе затрагивают и вопросы административно-территориального обустройства народов. Такой тесной исследовательской взаимосвязи способствовала и сама практика решения национального вопроса советским государством, сводившаяся к приближению административных границ к территории расселения народов.

Показательно, что в течение достаточно долгого времени в специальной литературе подобная практика не только не подвергалась сомнению, но и находила солидное теоретическое оправдание. Исследователи, опираясь на анализ многочисленных ленинских работ и решений всевозможных партийных и советских съездов, с удовлетворением констатировали «справедливое разрешение многих территориальных проблем, доставшихся народам от царистского прошлого». Следует отметить, что различные споры и конфликты, возникавшие между соседними народами по поводу принадлежности тех или иных населенных пунктов, никак не сопрягались с национальной политикой советской власти и относились на счет «колониальной завоевательной политики Российской империи».

При этом обращает на себя внимание и тот факт, что «подход, учитывающий территориальный фактор, был своего рода отклонением и не вписывался в общую официальную историографическую концепцию национально-государственного строительства на Северном Кавказе»¹. Об этом, в частности, свидетельствует и отсутствие в литературе внятного объяснения тем изменениям, которым неоднократно подвергались различные населенные пункты, земельные и пастбищные угодья в процессе уточнения их административной принадлежности. Вероятно, что при должном учете данного фактора получили бы свое прояснение многие вопросы, связанные с образованием объединенных автономий, и те внутренние административно-территориальные изменения, которые непрерывно шли в автономиях края.

Следует отметить, что все административно-территориальные преобразования, проводившиеся в 1920-х – середине 1930-х гг. в регионе, рассматривались и продолжают рассматриваться исследователями в качестве мероприятий хозяйственного назначения. Внутреннее районирование, начавшееся в автономных областях после уточнения их внешних границ, выявило и достаточно болезненную проблему острой нехватки земли в самих автономиях. В условиях Северного Кавказа она начинает звучать «как проблема спорных территорий

¹ *Кажаров А.Г.* Кабарда и Балкария в процессе административно-территориального переустройства Северного Кавказа. С. 5.

и межэтнических противоречий»¹. Практически все автономные образования оказались многонациональными по составу представленного в них населения. Поэтому их административно-территориальное устройство потребовало приближения к этническим границам так называемых внутренних меньшинств.

Установление точных административных границ проживания народов разрушало сложившиеся в регионе традиции аренды земельных и пастбищных угодий, обостряя и без того непростые отношения между различными народами и группами населения. Более того, такая практика полностью противоречила предшествовавшему административному устройству региона, которое ориентировалось на отсутствие внутренних границ между ними.

Обозначившиеся в данной связи проблемы по-разному решались руководством различных автономий. Так, в Северной Осетии, Кабардино-Балкарии и Чечено-Ингушетии были выделены в самостоятельные административные районы казачьи округа. Сложность и противоречивость этого процесса уже нашли свое отражение в современной историографии². В Карачаево-Черкесии «деление области по округам происходило по национально-территориальному признаку, что значительно облегчало преодоление имевшихся разногласий среди части населения и этнических групп. Позднее по просьбе казачества был создан Зеленчукский округ»³. В Адыгее, где русские составляли половину населения области, вопрос о выделении для них отдельных округов не возбуждался⁴.

Вопросы внутреннего районирования автономных областей решались не только за счет уточнения границ землепользования и уплотнения земельных угодий. Значительное распространение получила практика переселения и расселения одних групп населения за счет других. Так, при образовании Чеченской автономной области выселялись целые казачьи станицы Сунженского округа, освобождались равнинные территории, чтобы предоставить их впоследствии в хозяйственное пользование чеченским аулам. Данные факты, отмечаемые во многих исследованиях, вплоть до последнего времени объяснялись «справедливым решением национального вопроса на Северном Кавказе»⁵. Исследователи подчеркивали, что «частичное переселение казачьего населения было вынужденной мерой,

¹ *Кажаров А.Г.* Этнотерриториальный аспект становления Кабардино-Балкарской автономии // *Res publica*. Альманах социально-политических и правовых исследований. Нальчик, 2000. Вып. I. С. 7.

² *Бугай Н.Ф., Мекулов Д.Х.* Народы и власть: «социалистический эксперимент»... С. 114–167; *Тютюнина Е.С.* Административно-территориальное строительство на Северном Кавказе // *Национально-государственное строительство в Российской Федерации: Северный Кавказ. 1917–1941 гг.* Майкоп, 1995; *Бугай Н.Ф.* Казачество России: отторжение, признание, возрождение (1917 – 90-е годы). М., 2001.

³ *Карданова А.Х.* Национально-территориальное строительство народов Карачая и Черкесии. С. 180.

⁴ *Хлынина Т.П.* Адыгее в 1920-е годы: проблемы становления и развития автономии. С. 118.

⁵ См., например: *Летифов А.Л.* Исторический опыт национально-государственного строительства на Северном Кавказе. Махачкала, 1972. С. 128.

преследовавшей цель разрешения земельного вопроса в крае». Так, на основании советских законов земельные органы власти Горской АССР в течение 1921 г. провели отчуждение излишков в фонд малоземельных и безземельных горцев¹.

В настоящее время, когда в научный оборот введены новые пласты документов, получают новое осмысление и методы административно-территориального становления национальных автономий². Исследователи все чаще указывают на пагубность подобных мероприятий, обосновывая свои суждения ссылками и на их хозяйственную неэффективность. В частности, Н.Ф. Бугай приводит многочисленные документальные подтверждения тому, что освобожденные «казачьи» территории в течение длительного времени не заселялись чеченцами и ингушами³.

Объяснение подобным фактам в литературе обычно сводится к застарелой земельной вражде между казаками и горцами. «Для Терского края исключительно трудную задачу составляла не только конфискация помещичьих и других частновладельческих земель, но и урегулирование земельных отношений между народами. Особую трудность представляли взаимоотношения между казаками и горцами. Именно эти отношения, сознательно запутанные колониальными властями, были источником постоянной межнациональной войны, которая широко использовалась контрреволюцией для осложнения положения в области»⁴.

Правда, еще в первое пореволюционное десятилетие, представленное в изучении данной проблемы практиками советского строительства, состояние землепользования в различных районах края рассматривалось и с точки зрения сложившихся в них национальных особенностей⁵. Так, характеризуя состояние землепользования в Нагорной Ингушетии, один из советских работников того времени отмечал: «В настоящее время состояние землепользования в нагорной Ингушетии носит неопределенный характер. Есть местности, в которых у части жителей наряду со сторонами родового быта, такими как кровная месть, культ предков, сохранялось, несмотря на уничтожение частной собственности на

¹ Коротков М.Л. Борьба Коммунистической партии за осуществление ленинской национальной политики на Северном Кавказе (1921–1925 гг.): дис. ... канд. ист. наук. М., 1967. С. 68.

² Территория и расселение кабардинцев и балкарцев в XVIII – начале XX веков. Сб. документов. Нальчик, 1992; Русские на Северном Кавказе. 20–30-е годы. Документы, факты, комментарии. Нальчик, 1995; Цуцьев А., Дзугаев Л. Северный Кавказ: история и границы. 1780–1995. Владикавказ, 1997; Бугай Н.Ф., Гонов А.М. Северный Кавказ: границы, конфликты, беженцы. Документы, факты, комментарии. Ростов н/Д, 1997; Административно-территориальные преобразования в Кабардино-Балкарии. История и современность. Сб. документов. Нальчик, 2000.

³ Бугай Н.Ф. Казачество России: отторжение, признание, возрождение. С. 34.

⁴ Коротков М.Л. Указ. соч. С. 59.

⁵ Мартынов М. Производительные силы Карачаево-Черкесской автономной области. Кисловодск, 1926; Мартиросиан Г.К. Нагорная Ингушетия. Владикавказ, 1928; Месяц С.И. Население и землепользование Кабарды. Воронеж, 1928; Стонов Д.М. По Карачаю. Путьевые заметки. М.; Л., 1930.

землю, прежнее дореволюционное отношение к последней. У многих плоскостных ингушей родовые претензии на те или иные участки в горах продолжают существовать. В итоге, они пользуются землей на плоскости и в горах»¹. Во многих работах того времени отмечаются факты аренды земельных угодий у соседних народов. Однако уже в послевоенный период и они получили «классово выдержанное объяснение».

В обобщающих и специальных исследованиях по истории отдельных автономий достаточно подробно освещены процесс и особенности их внутреннего районирования. Отмечается, что «в силу ряда причин – отсутствия необходимых статистических данных, землеустроенности территории, наличия спорных участков, сложных географических условий, национальной пестроты и чересполосицы – оно заняло многие годы»². В качестве особенностей районирования указывается на его тесную взаимосвязь с решением задач хозяйственного развития как всей автономии в целом, так и ее отдельных районов. Необходимость придерживаться на практике принципа «экономического тяготения» того или иного населенного пункта при определении его административной принадлежности привела к немалым проблемам.

За пределами автономий оказывались их административные центры: Краснодар, который до 1936 г. являлся центром Адыгеи; Грозный, бывший центром Чеченской автономной области и не входивший до 1928 г. в ее состав; Владикавказ, длительное время служивший центром Северной Осетии и Ингушетии. Подобная ситуация складывалась и в самих автономиях. Так, отмечая особенности районирования Кабардино-Балкарии, А.Л. Летифов указывал, что они заключались в нахождении «административных центров двух округов (Прикумского и Нагорного) вне пределов области – в станице Прохладной и Пятигорске, которые входили в состав соседнего Терского округа»³.

Процесс районирования в национальных автономиях, который не прекращался на протяжении 1920–1930-х гг., вплоть до недавнего времени оценивался исследователями в общем-то положительно. В качестве его безусловных достижений отмечались решение земельной проблемы, прежде всего межселенного и межрайонного землепользования, удешевление советского аппарата и его приближение к населению. Однако начиная с 1990-х гг., когда проблема административно-территориального строительства в регионе получает статус самостоятельного исследовательского направления, его результаты постепенно пересматриваются.

Так, по мнению И.Б. Дидиговой, детально проанализировавшей соответствующие изменения на материалах Чечено-Ингушетии, новое административно-территориальное устройство не только не решало стоявшие перед автономиями задачи, но и порождало новые трудности. Многие из них не в последнюю очередь

¹ *Мартirosian Г.К.* Нагорная Ингушетия. С. 71.

² *Летифов А.Л.* Исторический опыт национально-государственного строительства... С. 128.

³ Там же. С. 128.

были вызваны непривычностью новых управленческих форм для местного населения, разрушением сложившихся представлений о собственности и власти¹. В свою очередь районирование Адыгейской автономной области вызвало целый ряд ее претензий к Кубанской области, которые решались при активном участии и вмешательстве центральных органов власти. Многие из них были удовлетворены, что достаточно напряженно сказалось на последующих отношениях двух областей².

В ряде обобщающих исследований, вышедших в 1990-е гг. и посвященных проблемам национально-государственного строительства на Северном Кавказе, особое внимание уделено процессу административно-территориального размежевания народов региона³. Историки не только показали всю трудность определения административных границ национальных автономий, но и сопряженные с ним территориальные конфликты. Особо подчеркивается и то обстоятельство, что принцип национального самоопределения, принявший на практике форму размежевания края на территории с более или менее однородным этническим составом населения, затруднял экономическое развитие самих автономий. Поэтому в различное время на территории края были образованы Горская республика и Северо-Кавказский край⁴.

Отмечается многоступенчатый и многовариантный характер административно-территориального устройства на юго-востоке страны, причиной чего называется «быстрая смена форм национально-государственного строительства». Подчеркивается, что история административно-территориального устройства автономных образований свидетельствует об огромном опыте, накопленном советской властью по разрешению и урегулированию территориальных споров и конфликтов. Как показывает приводимый исследователями фактический материал, разногласия эти «действительно обострились уже при установлении границ между государственными образованиями. Одни из них рассматривались в спокойной обстановке, другие – дошли до острых споров, заканчивавшихся в ряде случаев военными стычками»⁵.

В данной связи особо выделяются исследования кабардинского историка А.Г. Кажарова, предметом специального изучения которого стало формирование территории Кабардино-Балкарской автономной области⁶. Проанализировав

¹ Дидигова И.Б. Административно-территориальное устройство Чечни и Ингушетии. 1920–1930-е годы: дис. ... канд. ист. наук. М., 1997. С. 127–128.

² Хлынина Т.П. Адыгея в 1920-е годы: проблемы становления и развития автономии. С. 104–119.

³ Бугай Н.Ф., Мекулов Д.Х. Народы и власть: «социалистический эксперимент»... С. 115–167; Тютюнина Е.С. Административно-территориальное строительство на Северном Кавказе... С. 203–244.

⁴ Тютюнина Е.С. Указ. соч. С. 208.

⁵ Бугай Н.Ф., Мекулов Д.Х. Указ. соч. С. 117.

⁶ Кажаров А.Г. Кабарда и Балкария в процессе административно-территориального переустройства Северного Кавказа (1918 – первая половина 1920-х гг.); *Его же*. Этнотерриториальный аспект становления Кабардино-Балкарской автономии.

территориальный аспект взаимоотношений Кабарды и Горской республики, а также Кабарды и Балкарии, автор пришел к выводу, что именно он стал тем решающим фактором, который определял собою становление государственности кабардинского и балкарского народов. Основной причиной выхода Кабарды из состава Горской автономии, по заключению исследования, являлась угроза ее территориальной целостности. В свою очередь «демонтаж полиэтничной государственности... актуализировал и проблему определения административно-политического статуса Балкарии, потерявшей территориальную связь с ГАСССР». Попытки центрального руководства образовать отдельные автономные области для двух соседних народов выявили серьезные территориальные противоречия. Единственным мирным способом их устранения и явилось формирование объединенной автономной области. «Была найдена удачная, действительно компромиссная формула, суть которой состояла во взаимном признании земельных интересов Балкарии и исторических прав Кабарды на свою территорию. Глубинные предпосылки означенного компромисса лежат в области природно-географических факторов – объективно неустранимой территориальной связи кабардинского и балкарского народов. Создание Кабардино-Балкарской автономной области стало формой национально-государственной институционализации данной объективной реальности»¹.

Включение автономий в состав Северо-Кавказского края повлекло за собою новый пересмотр их внутреннего административного устройства. При этом их хозяйственные интересы нередко требовали расширения границ и присоединения территорий с иноэтничным населением. Результатом такого рода преобразований становилось достижение экономической целостности национальных образований и размывание национального состава их населения. Показательно, что наряду с обретением национальной целостности происходило и дробление автономий. Так, в июле 1926 г. по постановлению президиума Северо-Кавказского крайисполкома упраздняется Карачаево-Черкесская автономная область.

В современной историографии данный факт объясняется «автономистскими тенденциями среди различных группировок внутри единой автономной области». Область была разделена на Карачаевскую автономную область и Черкесский национальный округ с прямым подчинением Северо-Кавказскому крайисполкому. В 1928 г. округ преобразуется в автономную область и включается в состав края. Причины таких изменений в литературе не анализируются и сводятся к тому, что «это был шаг большой исторической важности. Народы обретали свою автономию и в числе равных входили в Российскую Федерацию»². Представляется, что такого рода преобразованиями советская власть удовлетворяла не столько

¹ *Кажаров А.Г.* Этнотерриториальный аспект становления Кабардино-Балкарской автономии. С. 33.

² *Карданова А.Х.* Создание национальной государственности народов Карачая и Черкесии. С. 181.

«автономистские» устремления народов, столько решала собственные проблемы по созданию управляемых и зависимых от нее автономий.

Исследователи отмечали, что не все принципы районирования удавалось осуществлять сразу. В частности, большие трудности встретило предложение административной комиссии ВЦИК о том, что в качестве «ядра новых районов должны быть пролетарские центры; окружающая их территория должна обеспечивать нормальное развитие главнейших отраслей промышленности данного района». «Между тем крупнейшие промышленные города Северного Кавказа – Владикавказ и Грозный не вошли в национально-территориальные образования. К этой ситуации привело, вероятно, стремление к моноэтничности административных единиц. В Северо-Кавказском крае вполне официально было принято деление на русские и национальные округа и области. По этой логике Грозный, например, причислялся к “русским округам”, поскольку здесь русские составляли 79,1 % населения»¹.

Однако такая практика вскоре привела к снижению доли городских жителей в автономиях. По данным, приводимым в специальной литературе, на 1924 г. в Адыгейской автономной области и Сунженском округе городского населения не было зарегистрировано вовсе. Его процентное содержание по другим автономиям составляло от 11 % в Карачаево-Черкессии до 0,5 % в Чеченской автономной области². Подобная ситуация затрудняла размещение административных учреждений, которые обычно располагались в городах. Данное обстоятельство, по заключению Е.С. Тютюниной, стало одной из причин искусственного поднятия статуса некоторых населенных пунктов до городов. «Не случайно в списке городов Северо-Кавказского края, утвержденном в марте 1925 г., оказался только 1 (Нальчик), расположенный внутри автономной области, да и тот “заслужил” звание города скорее по своей роли административного центра»³. К сожалению, возрастание их численности коренным образом не меняло сложившейся производственной инфраструктуры в национальных образованиях, хотя и привело к своеобразной этнизации отдельных ее отраслей. Неравномерное распределение национальностей в различных сферах производства и услуг привело со временем к существенной профессиональной поляризации между ними и русским населением.

Дальнейшее развитие автономных образований со всей очевидностью свидетельствовало о необходимости увеличения в них не только городов административного уровня, но и экономически мощных производственных центров. В данной связи достаточно показательным является процесс районирования Чеченской автономной области. В историографии детально изучены и описаны отношения «шефской» взаимопомощи между автономией и г. Грозным, который, хотя и не

¹ Тютюнина Е.С. Административно-территориальное строительство на Северном Кавказе... С. 217–218.

² Северный Кавказ после районирования: итоги и выводы. Ростов н/Д, 1925. Т. 1. С. 60.

³ Тютюнина Е.С. Указ. соч. С. 218.

входил в ее состав, но отчислял в бюджет области доходы от нефтедобычи¹. В 1928 г. по итогам проведенного обследования краевой исполком принял решение, согласно которому Грозненский и Сунженский округа ликвидировались, а их территория передавалась в состав автономной области. В качестве основного аргумента предпринимавшейся меры краевой исполком указывал на «необходимость обеспечить достаточные темпы подъема хозяйства и культуры Чеченской области». Грозный также включался в состав Чечни, что оценивалось как «событие, имеющее благоприятное культурно-экономическое значение»².

Подобного рода мероприятия являлись характерными для всех без исключения автономий Северо-Кавказского края и преследовали своей целью завершение процесса их территориально-хозяйственной целостности. Достижение такой целостности, по мысли специалистов, и явилось той основой, которая позволила завершить объединение одних областей и повысить правовой статус других национальных образований. Так, 15 января 1934 г. произошло объединение Чеченской и Ингушской областей. В соответствии с устоявшейся и общепринятой точкой зрения, оно было подготовлено «огромной разъяснительной работой, проводившейся партийными организациями Чечни и Ингушетии, поставившими задачу объединить их уже практически»³. Вместе с тем отмечалось, что она встретила горячее одобрение трудящихся. Однако новейшие исследования в этой области и архивные документы указывают, что фактически процесс объединения явился следствием присоединения г. Владикавказа к Северо-Осетинской автономной области.

Решение о передаче города Северной Осетии, который до этого момента оставался административным центром двух автономий, было принято крайисполкомом еще 13 октября 1928 г. Оно встретило резкое возражение со стороны секретаря Ингушского обкома партии И.Б. Зязикова, так как не учитывало интересов ингушского народа. По мнению руководителя области и большинства членов бюро обкома, Владикавказ являлся географическим центром Ингушетии, с ним была связана вся ее хозяйственная и культурная жизнь. В целях опротестования данного решения в Москву был командирован председатель облисполкома А.И. Горчханов. Показательно, что в телеграмме, присланной в обком партии, он сообщал, что «ЦК ВКП(б) не знал о планах крайкома о передаче Владикавказа Северо-Осетинской автономной области и встретил информацию об этом с неудовольствием». В данной связи современный исследователь отмечает: «Вероятно, в Москве А.И. Горчханова сознательно ввели в заблуждение. Вряд ли Сталин не знал о решении Северо-Кавказского крайкома. Скорее всего, он сам

¹ Гойгова З.А.-Г. Развитие нефтяной промышленности Чечено-Ингушетии в 1926–1928 г. // Известия Чечено-Ингушского НИИ. Грозный, 1969. Т. VIII. Вып. I. С. 42–64; Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 1972. Т. 2. С. 126.

² Тютюнина Е.С. Административно-территориальное строительство на Северном Кавказе... С. 232.

³ Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. С. 167.

и способствовал тому, чтобы его принять. Но резкое противодействие Ингушетии могло озадачить Центр и привело к временному сокрытию своей позиции по этому вопросу»¹.

В литературе последнего времени приводятся многочисленные факты, подтверждавшие в целом отрицательное отношение ингушского народа к решению краевого исполкома. Приводятся и сведения о противостоянии по данному вопросу партийного руководства области и крайисполкома. Именно активная позиция областного партийного комитета вынудила Оргбюро ЦК ВКП(б) включиться в разрешение столь острой и болезненной проблемы. Так, 13 декабря Оргбюро ЦК ВКП(б), рассмотрев вопрос о передаче Владикавказа Северо-Осетинской автономной области, постановило «снять его с повестки дня ввиду трудности его практического разрешения, а также нерешенности вопроса “о возможности объединения чеченцев и ингушей”». Центральный комитет поручил краевому исполкому и крайкому партии разработать вопрос об объединении Чеченской и Ингушской областей, тем самым предложив иной вариант решения вопроса о Владикавказе².

Г.А. Ерещенко, детально изучив данный вопрос, отметил, что процесс объединения двух соседних областей вызвал острую политическую борьбу среди партийного и советского руководства Ингушетии. Особую позицию занимал И.Б. Зязиков, отстаивавший идею сохранения самостоятельной Ингушетии. Сильную позицию занимали сторонники объединенной автономии. Партийное руководство страны, учитывая позицию Ингушетии и Чечни, признало вопрос их объединения несвоевременным.

Однако уже в начале 1930-х гг. в результате прошедших в Ингушетии политических процессов, осудивших деятельность И.Б. Зязикова и его сторонников, вопрос о передаче Владикавказа Северной Осетии вновь был поставлен на повестку дня. 4 июня 1933 г. город включался в состав Северо-Осетинской автономной области. Таким образом, практически был предreshен и вопрос об объединении Чеченской и Ингушской автономий. Показательно, что «во время реализации связанных с объединением мероприятий социально-политическая обстановка в обеих автономных областях обострилась»³. По заключению ряда специалистов, объединение двух областей произошло в нарушение воли чеченского и ингушского народов, административным путем. Более того, «необдуманные решения краевого партийного и советского аппарата по осуществлению нового административно-территориального обустройства народов привели к тому, что лишили Ингушетию административного центра – Владикавказа и были проведены в жизнь без волеизъявления ингушского народа»⁴. Исследователи полага-

¹ *Ерещенко Г.А.* Чечено-Ингушская АССР: начальный этап, развитие, совершенствование. С. 126–127.

² Там же. С. 129.

³ Там же. С. 133.

⁴ *Дидигова И.Б.* Административно-территориальное устройство Чечни и Ингушетии. С. 131.

ют, что реализация предпринятой меры (передача Владикавказа Северной Осетии и объединение двух областей) «в межнациональных отношениях обостряла связи между чеченцами, ингушами и осетинами. На практике состоялось искусственное разделение трех братских народов»¹. Хочется отметить, что отношения между ингушами, чеченцами и осетинами в прошлом были далеки от того братского единства, которое порой видится современным историкам. При всей «непродуманности» принятого решения, советская власть не только провоцировала будущие конфликты, но и находила временные, правда не совсем эффективные, способы их сдерживания.

Небольшое отступление. Адыгея как пример «правильного делового сотрудничества с краем в деле своего внутреннего районирования»

Изменения в развитии страны не могли не затронуть и такой специфический район Северного Кавказа, как Адыгейская автономная область. Территориальная анклавность расположения и относительно невысокий удельный вес коренной национальности в общей структуре Кубано-Черноморской области накладывали характерный отпечаток на выработку и осуществление принципов административно-территориального и хозяйственного устройства области. При выделении из состава Кубано-Черноморской области постановлением Президиума ВЦИК от 27 июля 1922 г. Черкесская (Адыгейская) автономная область, состоявшая из аулов Майкопского и Краснодарского отделов, подразделялась на 3 округа: Псекупский с центром в ауле Тахтамукай, Ширванский в ауле Адамий, Фарский в ауле Хакуринохабль – и 42 волости.

С самого начала перед областными органами власти встала трудноразрешимая задача создания почти на пустом месте такого административного деления и устройства, которое, будучи способным к проведению всех правительственных мероприятий, оказалось бы удобно и недорого для населения, позволило бы поддерживать тесную связь центра с местами. Ситуация усугублялась растянутостью области в длину, незначительностью ширины, отсутствием путей сообщения, необходимых помещений для учреждений, а также элементарных статистических данных о точном количестве ее населения и площади.

В тезисах к I пленуму областного исполнительного комитета секретарь оргбюро РКП(б) Адыгейской автономной области К.И. Голодович, коснувшись вопроса районирования в области, отметил его «скороспешность, неизученность, совершенную нецелесообразность и неправильность». В целях упрощения и удешевления аппарата власти, совершенствования структуры местных советов и планомерного втягивания широких трудящихся масс в советское строительство областной исполнительный комитет и административная комиссия приступили к выработке проектов административно-хозяйственного реформирования. На протяжении 1922 г. – первой половины 1923 г. шел процесс постепенного укрупнения волостей для «территориального удобства управления»

¹ Дидигова И.Б. Административно-территориальное устройство Чечни и Ингушетии... С. 133.

и в результате стихийной ликвидации сельских советов. В целях наиболее планомерной подготовки и проведения продналоговой кампании постановлением Президиума ВЦИК с 15 мая 1923 г. по 1 января 1924 г. прекращалась передача уездов и волостей из одной губернии в другую, волостей и селений – из одного уезда в другой, а также слияние и разделение волостей. Административным комиссиям воспрещалось рассмотрение вопросов, связанных с передачей отдельных административных единиц.

Приступив к разработке плана административно-хозяйственного переустройства Адыгеи, административная комиссия при облисполкоме подвергла обстоятельному разбору природно-климатические особенности местности и привлекла людей, хорошо их знавших. В результате было разработано три варианта районирования. Согласно первому, область предполагалось разделить на 2 округа, имевших самостоятельные центры, и 14 волостей. Второй проект, учитывавший отсутствие определенных центров и естественного тяготения к ним населения, предлагал систему 6 кантональных исполкомов на положении районных, временно, до ноябрьских выборов 1923 г., которые должны были действовать на правах ревкомов. Третий предусматривал существование 2 округов и 16 районов.

Любопытно, что до окончательного принятия решения областным исполнительным комитетом в целях «заблаговременного проведения продовольственной кампании» произошла ликвидация Ширванского округа. Но постановлением Президиума ВЦИК от 7 марта 1923 г. упразднялся Псекупский округ. В этой связи Наркомпрод издал приказ № 93 от 15 марта об упразднении соответствующего окружного отдела. Последовавший протест и разъяснения Адыгейского областного исполкома, что ликвидирован Ширванский, а не Псекупский округ, долгое время оставалось без внимания¹. Ознакомившись с представленными материалами и проектами, административная комиссия ВЦИК 6 июня 1923 г. на своем заседании рекомендовала разбить область на 2 округа – Фарский с центром в ауле Хакуринохабль и Псекупский – в ауле Лакишкай.

24 сентября административная комиссия области, заслушав информационный доклад о новом делении, для удешевления и упрощения аппарата, усиления связи центра с местами признала необходимым проведение нового административного деления, чтобы полученные средства пошли на культурно-просветительные и коммунальные нужды. Предлагалось оставить Фарский округ с центром в ауле Уляп в границах рек Белой и Ходзь включительно, разделив всю область на 17 районов – 8 районов в Фарском и 9 (из прежних Псекупского и Ширванского округов) – в Псекупском округе, с непосредственным подчинением областному исполкому². 6 октября 1923 г. бюро комиссии по районированию области, приняв во внимание деление области рекой Белой, предложило разбить ее территорию на 2 части по «естественно-историческим, экономическим и бытовым соображениям,

¹ ГАРФ. Ф. Р-5677. Оп. 4. Д. 316. Л. 1.

² Там же. Л. 17.

с учетом национальных особенностей в целом»¹. Признавалось целесообразным учреждение 2 подокругов без самостоятельного бюджета, с непосредственным подчинением областному исполкому: Псекупского с 10 и Фарского с 8 районами. За основу дальнейшего укрупнения признавались принципы упрощения, удешевления и укрепления аппаратов власти.

Данный проект уже 7 октября был утвержден краевым экономическим советом, отметившим его отличия от общих организационных принципов районирования юго-востока России в силу национальных особенностей Адыгеи и подчеркнувшим, что он являлся первым примером на пути правильного делового сотрудничества с краем в деле своего внутреннего районирования. В заключении по адыгейскому проекту Президиум ВЦИК, согласившись с необходимостью укрупнения волостей и округов, указал на отсутствие доказательств его выгоды. С одной стороны, достигалась экономия до 50 % за счет окружных учреждений. С другой стороны, население черкесской волости в 4 раза уступало населению волости центральной России, и реализация данного проекта увеличивала количество работников².

16 октября административная комиссия ВЦИК, рассмотрев проект укрупнения округов и волостей Адыгейской автономной области, признала необходимым упразднить 1 округ и 23 волости. Рекомендовалось оставить в составе Псекупского и Фарского округов по 10 волостей, а окружные исполкомы учредить на правах уездных. 31 октября 1923 г. Президиум ВЦИК принял постановление о новом административно-территориальном делении области, согласно которому окончательно упразднялся Ширванский округ, вследствие деления на две несходные экономические части. Его населенные пункты, лежавшие по правую сторону реки Белой и сходные в хозяйственном отношении с Фарским округом, отошли последнему, а лежавшие по левую сторону – Псекупскому. Окружные исполкомы оставались на прежних условиях, т.е. должны были действовать на положении уездных. Внешние границы области не изменились. Перегруппировка и слияние округов должны были завершиться к началу ноября³. Проводившееся районирование основывалось на указаниях Госплана «Об экономической эффективности намечаемого деления» и учитывало такие факторы, как удобные пути сообщения, изрезанность местности реками и плавнями, естественное тяготение населения к торговым и промышленным пунктам.

Область разделялась на округа, граница между которыми приобрела естественный характер. Благодаря укрупнению волостей и сельсоветов достигалось приближение власти к населению, улучшался личный состав низового советского аппарата. Однако вопросы административно-территориального деления области не были окончательно решены. В одну волостную единицу объединялись

¹ ГАРФ. Ф. Р-5677. Оп. 4. Д. 316. Л. 137.

² Там же. Л. 23.

³ Там же. Л. 27.

населенные пункты, расположенные на значительном расстоянии друг от друга, но находившиеся на одном берегу водораздела, в результате чего административное деление принимало весьма уродливые формы. К тому же неравномерность распределения населения (волости восточного Фарского округа оказались крупнее западных, относившихся к Псекупскому округу по причине удобных путей сообщений) и комплекса социально-культурных учреждений не могла не сказаться на деятельности советских органов.

В 1924 г. в связи с начавшимся районированием Юго-Восточного края, в состав которого Адыгея вошла в качестве самостоятельной административно-территориальной единицы на правах округа, в целях «достижения единообразия» советского аппарата в крае, приближения власти к местам и снижения дефицита бюджета¹ на повестку дня вновь встали вопросы совершенствования ее административной системы. 9 февраля 1924 г. исполком рассмотрел вопрос о частичном изменении районирования области, утвердив не предусмотренную постановлением Президиума ВЦИК от 31 октября 1923 г. Адамиевскую волость. Стала самостоятельной Курго-Терновская волость и упразднялась Кунчукохабльская волость. 3 марта облисполком разослал райисполкомам и сельским советам «соображения», согласно которым при районировании области следовало создавать районные исполкомы с более широкими правами, чем ранее, и сельские советы с правами, близкими к правам прежних волисполкомов². Целью являлось приближение местных органов власти к населению, упрощение процедуры решения насущных нужд и запросов сельского населения, предоставление ему возможности решать наиболее волновавшие вопросы на местах. На 112 тыс. чел., составляющих население области, предполагалось учредить 40 сельских советов и 5 районных исполкомов из расчета 2,5 тыс. жителей на одну административную единицу. 29 марта 1924 г. областной исполнительный комитет принял решение о дополнительном упразднении сельских советов для сокращения расходов на содержание советского аппарата. Ликвидировались «наиболее слабые советские органы, находившиеся в малых населенных пунктах», обслуживание которых возлагалось на более сильные сельсоветы или волисполкомы, в зависимости от расстояния.

19 апреля президиум областного исполкома заслушал доклад Калитаева «о необходимости регулирования вопроса о районировании области в связи с соответствующим постановлением крайэкономсовета о районировании Юго-востока России». Были отмечены географические черты области, представлявшей собой узкую полосу длиной в 300 верст, испещренную горными реками, разлив которых прекращал всякое сообщение населенных пунктов друг с другом; бытовые особенности черкесского населения, затруднявшие реализацию проекта

¹ Отчет о деятельности областного исполнительного комитета и его отделов с 1 октября 1923 г. по 1 октября 1924 г. Краснодар, 1924. С. 26.

² ГУ НАРА. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 31. Л. 40.

крайэкономсовета о разделении области на районы. Поэтому президиум облисполкома просил временно сохранить прежнее административно-хозяйственное деление области¹. 5 августа распорядительное заседание малого президиума краевого исполкома утвердило постановления расширенного пленума краевого исполкома от 2 августа и Адыгейского исполкома о внутреннем районировании области и упразднении существовавшего деления на 2 округа и 19 волостей. В данном случае проект не рассматривался и не утверждался административной комиссией и Президиумом ВЦИК. Область подразделялась на 5 районов: Тахтамукайский, Джиджихабльский, Преображенский, Хакуринохабльский, Натырбовский и 32 сельсовета. Штат райисполкома определялся в 18 чел., сельсовета – 2 чел. (выборный председатель и технический работник)². По заключению областного исполнительного комитета, рассматривавшего вопросы советского строительства с октября 1924 г. по октябрь 1925 г., вследствие проведенного районирования удалось добиться улучшения и удешевления государственного аппарата, упрощения его работы. В результате деятельности комиссии по чистке советских органов области были уволены неработоспособные, случайные служащие, слиты однородные должности и разукрупнены сельские советы.

Тем не менее не могла не насторожить обозначившаяся тенденция преобладания коренной национальности в созданных районах, подкреплявшаяся официально провозглашенным курсом на «национализацию» советского аппарата власти. Весьма симптоматично, что при численном преобладании черкесского населения выборы проводились под лозунгами «проведения своих», когда русские часто не допускались к участию в голосовании, порой получая далеко не безобидные предложения «убраться из аулов»³.

Одновременно с административным переустройством области предпринимались меры по достижению территориальной целостности и стабильности автономии. Положение существенно осложнялось длительным пограничным противостоянием Кубано-Черноморской и Адыгейской автономной областей вследствие неясности территориального статуса последней и наличия целого ряда спорных населенных пунктов и земельных участков. Руководствуясь принципами выделения территорий компактного проживания черкесского населения, областные и центральные органы власти, пренебрегая исторически сложившимися нормами землепользования и культурно-экономического тяготения населенных пунктов, закладывали основы земельной междоусобицы и национальной

¹ ГУ НАРА. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 31. Л. 110.

² Там же. Д. 101. Л. 1.

³ Бугай Н.Ф. 20–40-е годы: депортация населения с территории Европейской России // Отечественная история. М., 1992. С. 41. Речь идет о перевыборах 1925 г. в аулах Хакуринохабльского района, однако указанная тенденция обозначилась и в период проведения первой, а в особенности второй волны советизации области.

вражды. Практика передачи юртовых и надельных земель аулов соседним селам и станицам в периоды посевных кампаний 1921–1922 гг. «во временное пользование» и последовавшее за этим фактическое закрепление чужих участков открыли «тяжебный» период взаимоотношений областей.

Обретя территориальную автономию, областные органы власти Адыгеи возбудили дело о возвращении Кубанью «исконных» земель. 16 августа 1922 г. областной исполнительный комитет «поставил на вид» Кубано-Черноморскому отделу земельного управления издание срочного постановления о запрете передачи каких бы то ни было земель, вплоть до установления компетентной комиссией ВЦИК точных границ области. Высказывалась просьба вернуть захваченные станицей Гуагинской в 1921 г. 1500 дес. пахотных земель, принадлежавших аулу Блечепсинскому¹.

С момента образования Адыгеи начались и многочисленные ходатайства населенных пунктов о вхождении в ту или иную область. Адыгейский областной исполком по мере возможности пытался приостановить стихийный процесс самозачисления сел и хуторов, апеллируя к установленным административным границам. Так, было отказано жителям села Вечного Майкопского отдела в просьбе об их включении в состав Адыгейской области². Органы власти автономной области обратились к центру с просьбой о выезде на места специальной комиссии для определения принадлежности: 1500 дес., принадлежавших некогда аулу Блечепсинскому и захваченных станицей Гуагинской Майкопского отдела; села Султановского, оспаривавшегося Псекупским округом Адыгейской области и Краснодарским отделом Кубано-Черноморской области (по постановлению Кубано-Черноморского областного исполнительного комитета № 230 от 3 октября 1922 г. признавалось за Пашковской волостью Краснодарского отдела); около 20 тыс. дес., находившихся на территории автономии и до сих пор не переданных Кубани³.

30 марта 1923 г. комиссия ВЦИК рассмотрела заявление граждан хутора Султановского о «причислении» его в состав Кубано-Черноморской области с присоединением к волости станицы Пашковской. Несмотря на аргументированную формулировку об отсутствии связей с Адыгеей и поисков защиты «от всякого рода притеснений черкесов», в просьбе было отказано. В качестве главного аргумента указывалось на возможность возникновения привилегированного положения в землепользовании по сравнению с соседями черкесами⁴. В апреле 1923 г. поступило заявление граждан станицы Гуагинской о неправильном включении ряда бывших владельческих участков в состав автономной области, в частности 1250 дес. земли, поступивших в распоряжение аула Хатукай.

¹ ГАРФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 314. Л. 215.

² ГАРА. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 5. Л. 8.

³ ГАРФ. Ф. Р-5677. Оп. 4. Д. 314. Л. 2; Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 215. Л. 312.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-5677. Оп. 4. Д. 179. Л. 397.

Свои претензии высказали жители станицы Васюринской. Но комиссия ВЦИК им в просьбе отказала, и участок, обозначенный на земельных картах как М-5, остался в составе Адыгейской автономной области.

Иногда подобные требования-ходатайства удовлетворялись. Из-за малоземелья с. Архиповскому передали часть хутора Верхне-Назарова и бывших частновладельческих участков, находившихся в административном подчинении Адыгеи¹. В данном случае во внимание было принято то обстоятельство, что они фактически находились в пользовании с. Архиповского во время посевных кампаний. Постановление от 5 мая 1923 г. Президиума ВЦИК закрепило за Адыгейской автономной областью лесные угодья в количестве 232 дес., расположенные вблизи аула Ходзинского.

В начале декабря в областной исполнительный комитет поступило заявление 35 граждан Суворово-Черкесского аула о «причислении их в пределы автономии». Административная комиссия областного управления сочувственно отнеслась к просьбе граждан и просила Кубано-Черноморский исполком передать аульскому обществу «оставшиеся от переселения земли». 21 января 1924 г. Адыгейский исполком обратился повторно к Кубано-Черноморскому «о соответствующем распоряжении волисполкому» не чинить препятствия по переселению².

20 февраля 1924 г. Федеральный комитет по землеустройству в заключении по «адыгейскому делу» X Всероссийскому съезду советов констатировал, что «само дело очень старо и темно». С 1922 г. так и не были установлены границы между Адыгейской и Кубано-Черноморской областями, не решены земельные споры. Адыгейская делегация «хотела бы присоединения» Карамурзинского, Урупского, Каноковского аулов, Армавирского отдела, Кургановского, Суворово-Черкесского аулов, Таманского отдела и II аулов Туапсинского округа с городом Туапсе³. Еще 5 февраля 1923 г. оргбюро РКП(б) Адыгейской области на своем заседании обсудило вопросы выделения центра и присоединения армавирских и баталпашинских аулов к области. «Принимая во внимание историческое прошлое шапсугского племени как действительно революционно-демократического», оргбюро признало необходимым перенести центр Адыгеи в город Туапсе, а также полностью согласиться с присоединением армавирских и баталпашинских черкесов к области. В силу «раздробленности черкесского племени» на несколько автономных единиц считалось целесообразным установить кантональную форму управления для объединенных племен, которые составили бы единую Адыго-Черкесскую ССР. Рекомендовалось создать Шапсугский, Псекупский, Ширванский, Армавирский, Баталпашинский кантоны⁴.

¹ ГАРФ. Ф. Р-5677. Оп. 4. Д. 179. Л. 406.

² ГУ НАРА. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 64. Л. 5.

³ ГАРФ. Ф. Р-5677. Оп. 4. Д. 314. Л. 35

⁴ РГАСПИ. Ф. 65. Оп. 1. Д. 105. Л. 6.

В связи с вышеизложенным возникает закономерный вопрос о несостоявшейся этнической консолидации адыгских народов. Можно предложить следующие объяснения. Ни Туапсинско-Сочинский округ, место основного проживания приморских шапсугов, ни Армавирский и Баталпащинский отделы не имели общей границы с Адыгейской областью. Кроме того, аулы Армавирского отдела исторически тяготели к Кубани, а Баталпащинского имели самостоятельное административно-территориальное оформление в рамках Карачаево-Черкесской автономной области. Находившиеся в ведении и под юрисдикцией Горского исполнительного комитета аулы Туапсинского округа с момента провозглашения автономии перешли в непосредственное подчинение Кубано-Черноморского исполкома. 4 сентября 1922 г. 3 съезд приморских шапсугов объявил о создании из 12 черкесских аулов в Туапсинском районе самостоятельной Шапсугской ССР с центром в городе Туапсе. С присоединением Сочинского округа ее западная граница должна была пройти по р. Ашад. Исполком Адыгейской автономной области посчитал нецелесообразным образование данной республики в качестве самостоятельной единицы, так как подобный акт делил черкесскую нацию на несколько обособленных народов, что могло «пагубно сказаться на культурном и экономическом развитии черкесского народа в целом»¹.

23 мая 1923 г. Президиум ВЦИК отклонил ходатайство шапсугов. 3 августа 1924 г. бюро Юго-восточного краевого комитета РКП(б), рассмотрев положение шапсугов, приняло решение о выделении их территории в особый Шапсугский район с подчинением Черноморскому исполкому. 21 августа краевой партийный комитет издал повторную директиву по партийной и советской линиям о выполнении принятого 3 августа решения. Планировалось завершить создание района не позже октября 1924 г., при этом обеспечить планомерную работу ревкома, изыскать средства на организацию советского аппарата, землеустройства, содержание больниц и школ, приступить к осуществлению партийной работы.

23 сентября на распорядительном заседании малого президиума крайисполкома Юго-востока из 7 аулов Туапсинского района Черноморского округа (Кичмай, Божьи Воды, Красно-Александровский, Большой и Малый Псеушко, Наджиго, Псебе-Карповка) был создан Шапсугский район с непосредственным подчинением Черноморскому исполкому². Таким образом, существовавшее в начале 1920-х гг. среди некоторых руководителей Адыгеи мнение о необходимости присоединения черноморских шапсугов к автономии не нашло поддержки ни в крае, ни в областном центре.

После присоединения Северного Кавказа к России исторически сложилась единая территориальная и экономическая общность шапсугов и Кубано-Черноморской области, которую Северо-Кавказский крайком не счел нужным разрывать в интересах самих шапсугов. Следует принять во внимание, помимо

¹ РГАСПИ. Ф. 65. Оп. 1. Д. 105. Л. 6.

² ГУ НАРА. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 61. Л. 13–14.

экономических факторов, и географическое положение народа, проживавшего на Черноморском побережье и занимавшего, таким образом, важнейший политико-стратегический форпост. Подобная территориальная консолидация и выход к морю, с одной стороны, экономически и политически «чрезмерно» усилили бы национальное образование, грозившее выйти из-под контроля советской власти, с другой – являлись шагом на пути реализации идеи Северо-Кавказской республики в границах 1800 г. и могли способствовать включению адыгов в орбиту влияния Турции.

Постепенно стала оформляться административная принадлежность и других народностей области. Так, 27 сентября 1924 г. президиум областного исполнительного комитета принял постановление о выделении в самостоятельный хутор 38 татарских семей, проживавших в Псекупском округе, и переселении 12 семей из Фарского округа на земли участка Хаджимукова¹. В то же время на очередном заседании Адыгейского планового комитета было отказано в присоединении к области хуторов Лисецкого, Дукмасова, Бережного, Вечного, Великого Майкопского отдела².

В декабре 1924 г. административная комиссия ВЦИК сдала заключение по спорным вопросам развития области, неразрешенным Федеральным комитетом по землеустройству и X Всероссийским съездом советов. От некоторых требований область отказалась сама (расширение границ до Туапсе, присоединение аулов Армавирского и Таманского отделов). Некоторые вопросы решила комиссия Клигера, в частности о точном определении границ. Нерешенными оставались дела о хуторе Султановском, «не желавшем переходить в Адыгею, о чем даже телеграфировалось во ВЦИК», и группе хуторов возле аула Ульского, известных под названием «Красная башня»³. Так и оставшиеся нерешенными вплоть до 1930-х гг. вопросы территориальной принадлежности пограничных областей в дальнейшем не раз осложняли развитие взаимоотношений народов Кубани и Адыгеи. Урегулирование земельных отношений стало наиболее важной проблемой развития области в последующие годы. Таким образом, Адыгейская автономная область вступала в новый 1925 г. с целым рядом нерешенных вопросов административного и территориального характера, причем последний приобретал черты землеустройства русского населения. Постепенно усиливавшийся земельный кризис в области, по мнению партийной организации, мог быть разрешен лишь путем переселения части малоземельных и безземельных русских жителей за пределы области.

Признав обеспеченность земель черкесского населения ненормальной, а большинство земель, принадлежавших аульским обществам, неудобными, областной исполнительный комитет 9 ноября, 8–10 декабря 1925 г. принял решения

¹ ГУ НАРА. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 31. Л. 185.

² Там же. Л. 193.

³ ГАРФ. Ф. Р-5677. Оп. 4. Д. 314. Л. 35.

о переселении русского населения в пределы Северного Кавказа ввиду его малоземелья¹. В съезд советов области в подтверждение правомерности постановления и разрешения земельного вопроса обратился с «настойчивым ходатайством» к краевому исполнительному комитету о выделении переселенческого фонда в 12000 дес. земли в куго-ейских степях и финансовой помощи в проведении мелиоративных работ. Мотивированный отказ краевого земельного управления – отсутствие требовавшихся мощностей для переселенческих хозяйств – воспринимался как явно «нежелательное» отношение к насущным потребностям становившейся автономии.

Основной причиной «национальной розни», согласно сводкам ОГПУ и отчетной документации низовых партийных и советских ячеек в 1920-х гг., являлась неравномерность пользования землей. Вот наиболее типичная и распространенная характеристика политического состояния области в 1926 г.: «В остромадоземельных русских населенных пунктах, расположенных рядом с обеспеченными землей аулами (с. Штурбино, Натырбово, х. Руденков, с. Николаевское, х. Яблоновский) обычно открыто выражается недовольство национальной политикой советской власти, резко враждебное отношение к черкесскому населению. Среди черкесского населения в прошлые годы (1924, 1925) и особенно в настоящее время (июнь, июль) получило большое распространение настроение за выселение всех русских крестьян, живущих в Адыгее, за пределы области и переселение на их место черкесов из Турции»².

В сводках ОГПУ указывалось: «Сущность земельного вопроса в Адыгейской (Черкесской) автономной области заключается в том, что русское население в большей своей части является малообеспеченным землей, а черкесское население в большей своей части удовлетворительно или хорошо обеспечено землей... В связи с этим среди того и другого населения существует перманентная вражда, постоянные столкновения и споры. Вместе с тем в области получала распространение земельная аренда русских у черкесов на почве малоземелья, что создает зависимость русских от черкесов и подогревает национальную рознь, особенно там, где эта аренда начинает носить спекулятивный и кабальный характер».

В поиске эффективных форм управления советское руководство пыталось увязать интересы экономической интеграции страны, края, области с интересами населения различных административно-территориальных образований. Тем не менее попытки совмещения экономических интересов государства и национальных особенностей тех или иных территорий не всегда являлись успешными. Проведенное районирование области положило начало стихийному размежеванию населения по национальному признаку. Многочисленные ходатайства

¹ ГУ НАРА. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 91. Л. 156, 174.

² Хранилище документов новейшей истории ГУ НАРА (далее – ХДНИ ГУ НАРА). Ф. 1. Оп. 1. Д. 179. Л. 82, 82а.

и взаимные земельные претензии были направлены на закрепление русского населения за Кубано-Черноморской, черкесского – за Адыгейской автономной областями, что едва ли способствовало упрочению межнациональных связей. Призванный уступить место экономическим проблемам, национальный фактор стал ведущим в определении жизненных перспектив области.

С завершением процесса автономизации, совпавшего с окончанием районирования, в национальных образованиях Северного Кавказа встали проблемы обустройства этнических меньшинств, в частности русских. Применительно к ним эти проблемы рассматривались как вопросы установления правильных взаимоотношений между коренным населением и казачеством. Округа решали задачу закрепления за казачеством земель, ранее отторгнутых у горцев. В Адыгее, где русские составляли половину населения, вопрос о выделении для них отдельных округов не возбуждался. В отличие от других автономных областей Северного Кавказа, в Адыгее большинство населения относилось не к казачеству, а к иногороднему крестьянству. В складывавшейся обстановке непрочного территориального и межнационального развития региона автономной области предстояло обеспечить стабильность своего существования и решать вопросы национального взаимодействия проживавших на ее территории народов.

Дальнейшие административно-территориальные преобразования в национальных автономиях оказались связанными с решениями партийного руководства страны по совершенствованию и улучшению государственного аппарата. Е.С. Тютюнина полагает, что таким «поворотным моментом в принципиальном подходе к структуре административно-территориального деления страны стал 1930 год». 23 июля 1930 г. вышло постановление Президиума ВЦИК и СНК СССР о ликвидации округов, укреплении районов как основного звена социалистического строительства в деревне. В соответствии с ним на Северном Кавказе предусматривалась ликвидация 10 русских округов. «Эти командные, волевые методы, апробированные в крае при ликвидации в 1928 г. Грозненского и Сунженского округов, прочно заняли свое место в системе управления, отбросив даже формальную видимость демократии»¹.

Северо-Кавказский край оказался разделен на 87 районов, из которых 7 являлись национальными, 10 городов и 7 национальных автономных областей. Внутри автономий ликвидация округов свелась к их переименованию в районы. Так, «районы Чечни и Ингушетии, как и других автономных областей, управлялись из единого краевого центра. Как показала практика, эта система не всегда была удачной, указания отдавались сверху порой без должного учета местных специфических условий, волеизъявления трудящихся»². Исследователи отмечали, что укрепление районов нередко выливалось в бюрократизацию их аппарата, усложнение структуры, увеличение численности различных подразделений. Таким образом,

¹ Тютюнина Е.С. Административно-территориальное строительство на Северном Кавказе... С. 234.

² Дидигова И.Б. Административно-территориальное устройство Чечни и Ингушетии... С. 128.

в структуре административно-территориального устройства все большее предпочтение отдавалось удобствам прямого государственного управления, что нашло отражение и в установлении границ административных районов по радиусу деятельности совхозов¹. Проведение данных мероприятий, нацеленных прежде всего на поднятие сельскохозяйственного развития районов, на Северном Кавказе имело некоторые особенности.

Е.С. Тютюнина, проанализировав соответствующие постановления партии и правительства, а также краевого исполкома, пришла к выводу, что «форсирование темпов экономического развития вызвало к жизни ряд решений местных властей и в отношении национальных образований». Прежде всего, вхождение Дагестана в состав Северо-Кавказского края в 1931 г. потребовало внешнего районирования Дагестанской АССР. Оно проводилось с учетом принципа экономической целесообразности и достижения административно-хозяйственной целостности республики. По тем же причинам «значительные территориальные приращения получили автономные области края». В данной связи исследователь приводит конкретные примеры передачи отдельных населенных пунктов в состав Кабардино-Балкарской, Карачаевской и Черкесской автономных областей².

Неоднократные административно-территориальные изменения, проводившиеся в пределах края, имели определенную логику своего развития. В последние годы в литературе появились даже попытки выявления его этапов. Так, для первого этапа, охватывавшего 1917–1920 гг., проводившиеся в крае изменения не оказали разрушительного воздействия на сложившиеся до 1917 г. крупные административные образования. Второй этап, датируемый 1921–1928 гг., ознаменовался преобладанием в административно-территориальном переустройстве Северного Кавказа национального фактора. «В это время значительно перекроены границы всех административных единиц, некоторые народы Северного Кавказа получили возможность реализации государственных начал в форме национально-территориальных образований». В рассматриваемый период времени обозначились противоречия между экономическими интересами страны и ее национально-административным делением. В последующее десятилетие, составившее заключительный предвоенный этап развития административно-территориального устройства края, указанное противоречие «в какой-то мере было преодолено, хотя методы разрешения этой проблемы приобрели ярко выраженный командно-силовой стиль». Национальный момент отступает на второй план, что наиболее ярко проявилось в политике ликвидации национальных районов края³.

¹ Тютюнина Е.С. Административно-территориальное строительство на Северном Кавказе... С. 235.

² Там же. С. 236–237.

³ Там же. С. 239–240; Ржавин А.А. Национально-государственные образования в Краснодарском крае. 20–50-е годы: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2000.

В принципе соглашаясь с предложенной периодизацией административно-территориального переустройства Северного Кавказа, хотелось бы отметить, что уже на начальном этапе национально-государственного строительства территориальный принцип уравнивался хозяйственными потребностями автономий. Его приоритетность носила скорее идеологический характер, нежели являлась практическим руководством. Как показывает анализ архивных источников, в действительности намерение партийного руководства буквально следовать лозунгу «самоопределения наций» наталкивалось на ряд непреодолимых экономических трудностей и вынуждено было их учитывать.

Одним из итогов административно-хозяйственного переустройства края стало повышение политико-правового статуса его отдельных национальных образований. В обобщающих исследованиях по истории автономных республик, как правило, отмечалось, что «исторические перемены потребовали дальнейшей демократизации советского государственного строя, усиления роли местной власти в решении задач хозяйственного и коммунистического строительства, в развитии творческой активности масс»¹. Более того, изменения такого уровня, вытекавшие из новой Конституции 1936 г., и не могли, вероятно, восприниматься иначе. Законодательное повышение статуса касалось Северо-Осетинской, Кабардино-Балкарской и Чечено-Ингушской автономных областей.

К сожалению, конкретных причин, относившихся к повышению статуса той или иной области, в историографии не приводится. Даже в исследованиях «перестроечного времени» авторы ограничиваются рассуждениями общего характера. «В соответствии с новой Конституцией СССР, принятой в 1936 г., Кабардино-Балкарская автономная область была преобразована в республику. Переход от автономной области к автономной республике для Кабардино-Балкарии, как и для других национальных областей, означал переход к более высокой форме национальной государственности — от административно-политической к государственно-политической. Это был акт огромной политической, социально-экономической важности»². Иногда в качестве основных предпосылок данных преобразований называются и изменения этнического состава населения. Так, характеризуя процесс образования Чечено-Ингушской АССР, современный исследователь связывает его и с увеличением численности чеченского и ингушского народов. «В развитии этнической структуры образовались две тенденции: рост доли чеченцев и ингушей; сокращение доли русско-украинского и армянского населения при относительной стабилизации других национальностей»³.

Показательно, что в исторической литературе до сих пор сохраняется неясность относительно того, как долго автономные республики находились в составе

¹ Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 1972. Т. 2. С. 180.

² Улигов У.И. Формирование национальной государственности у народов Кабарды и Балкарии: трудности становления, развитие. С. 107.

³ Дидигова И.Б. Административно-территориальное устройство Чечни и Ингушетии. С. 137.

края. Исследователями обращается внимание, что нормативные акты, определяющие их отношения с краевыми властями, нам неизвестны. «В Конституции СССР 1936 г. и РСФСР 1937 г. возможность вхождения АССР в краевые объединения никак не определяется, а края, области, автономные республики и автономные области перечисляются в Конституции РСФСР, принятой Чрезвычайным XVII Всероссийским съездом Советов в январе 1937 г., одним рядом, не закрепляя вхождения ни одной из них в состав каких-либо территориальных объединений»¹.

Определенную ясность в данный вопрос внесли правоведы. Исследуя процесс становления федеративных отношений и территориального размежевания в регионе, Ж.И. Овсепян указала в качестве одного из его этапов период, охватывавший 1936–1940-е гг. Именно тогда, по ее мнению, произошло «преобразование части автономных областей, расположенных в Северо-Кавказском регионе России, в автономные республики и их выделение из состава края. Это произошло с принятием Конституции СССР 1936 г. и касалось целого ряда автономных областей России»². Кабардино-Балкарская, Северо-Осетинская, Чечено-Ингушская и Дагестанская автономные республики были выведены из состава Северо-Кавказского края. Адыгейская и Карачаево-Черкесская автономные области, которые сохраняли свой статус административно-территориальных автономий, вошли в состав новых краевых образований: Адыгея в состав Краснодарского края, а Карачаево-Черкесия – Орджоникидзевского края.

В целом, несмотря на множество трудностей и противоречий, сопровождавших административно-территориальное устройство народов края, специалисты оценивают его в качестве «одного из важных факторов упрочения советской власти», который способствовал «урегулированию межнациональных отношений как внутри одного национально-государственного образования, так и с соседствующими областями». Оно формировалось на различных основах, включая как территориальные, экономические, так и конфессиональные факторы. «Выбиралась, в конечном итоге, наиболее удобная форма административно-территориального устройства, при которой максимально учитывались интересы трудящихся различных национальностей, соблюдались их традиции, обычаи, тяготения к тем или иным экономическим промышленным центрам»³.

Анализ исторических источников и историографии проблемы свидетельствует о том, что в осмыслении самой проблемы административно-территориального переустройства народов Северного Кавказа произошли ощутимые перемены. Она все чаще начинает рассматриваться исследователями в качестве одного из приоритетных направлений национальной политики советской власти в регионе.

¹ Тотюнина Е.С. Административно-территориальное строительство на Северном Кавказе... С. 238.

² Овсепян Ж.И. Основные этапы становления федерализма и территориального размежевания в России на Северном Кавказе // Конституции, уставы и договоры субъектов Российской Федерации на Северном Кавказе. Ростов н/Д, 1998. С. 31.

³ Бугай Н.Ф., Мекулов Д.Х. Народы и власть: «социалистический эксперимент»... С. 166.

С разрешением этой проблемы большинство из них связывает успехи или неудачи национально-государственного строительства в целом.

Меняются и представления о причинах, вызывавших к жизни подобного рода изменения. Если ранее историки относили их преимущественно к необходимости осуществления социально-экономических преобразований в национальных районах края, то теперь они нередко указывают на хозяйственную неэффективность последних. Среди основных причин постоянных административно-территориальных изменений на Северном Кавказе в 1920–1930-е гг. называются, с одной стороны, стремление советской власти к созданию более однородных в этническом отношении автономий, а с другой – придание им атрибутов полноценной государственности.

Начиная с 1990-х гг. усиливается интерес исследователей к личностному фактору в данных процессах. Активно пересматривается роль в них руководителей национальных образований, анализируется степень осознанного участия народа в происходивших преобразованиях, созвучности данных изменений сложившимся в регионе образу и укладу жизни его многонационального населения. Однако, несмотря на расширение предметного поля исследований в этом направлении, введение в научный оборот новых источников, наблюдается некий консерватизм в переосмыслении многих сюжетов самой проблемы. Особенно он характерен для региональной историографии, что не в последнюю очередь обусловлено и теми реальными последствиями административно-территориальных преобразований, которые обеспечили саму возможность хозяйственного и культурного развития народов Северного Кавказа.

ГЛАВА V. АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ НА СЕВЕРНОМ КAVKAZE В УСЛОВИЯХ ВОЕННОГО И ПОСЛЕВОЕННОГО ВРЕМЕНИ

Новый виток решительных преобразований, приведших к серьезным изменениям в административно-территориальной системе Северного Кавказа, начался в годы Великой Отечественной войны. Они были вызваны депортациями – принудительными переселениями ряда народов Северного Кавказа и последовавшим за ними упразднением национальных автономий. В результате политико-административная карта региона подверглась очередной кардинальной перекройке: с нее исчезли появившиеся в 1920–1930-е гг. национально-государственные образования, статус которых официально закрепляли действовавшие законодательные акты «страны победившего социализма» – Конституция СССР 1936 г. и Конституция РСФСР 1937 г. Между тем сама ликвидация данных образований оформлялась указами Президиума Верховного Совета СССР, что придавало им изначально неконституционный характер.

Этнические депортации в СССР планировались на самой долгосрочной основе (выселение проводилось, как указывалось в документах, «навечно»). Но после смерти И.В. Сталина упраздненные национальные автономии были восстановлены. В то же время новые административные границы закрепили многочисленные этнополитические противоречия, ставшие «пороховыми бочками» будущих конфликтов. Сложившаяся на Северном Кавказе во второй половине 1950-х гг. административно-территориальная система сохранялась практически без значительных изменений почти до конца существования советского государства, подвергаясь корректировке лишь на муниципальном уровне. В условиях общего кризиса СССР конца 1980-х – начала 1990-х гг. все скрытые проблемы обострились и в немалой степени способствовали его распаду.

Рассматриваемые вопросы в последние годы вызывают повышенный научный и общественный интерес, во многом обоснованный не только современной историографической ситуацией, активным переосмыслением прежних положений, вводом в научный оборот новых источников, но и самими этнополитическими процессами 1990–2000-х гг., истоки которых нередко выводят из событий военного времени. Исследователи прямо связывают негативные явления в сфере межнациональных отношений и причины межнациональных конфликтов на территории Российской Федерации последних десятилетий с национальной политикой, осуществлявшейся в условиях «социалистического эксперимента»¹. Все это обуславливает необходимость обращения к уже накопленному историческому опыту,

¹ См.: *Бугай Н.Ф.* Государственная политика в сфере национальных отношений в условиях «социалистического эксперимента» // *Россия в XX веке. Проблема национальных отношений.* М., 1999. С. 311.

и прежде всего осмыслению в историографии причин, характера и итогов депортаций народов Северного Кавказа, а также их воздействия на административно-территориальную систему региона.

§ 5.1. Депортация и ее последствия в историографическом осмыслении

Первые официальные оценки причин депортаций содержались в советских официальных документах, определявших их проведение. Принудительное выселение советских народов в годы Великой Отечественной войны в данных документах объяснялось стремлением наказать их за измену Родине, пособничество противнику и массовые выступления против советской власти.

В то же время на советскую пропаганду в период Великой Отечественной войны возлагались задачи показать единство действий всех народов СССР в борьбе за Победу. Поскольку этому явно противоречили утверждения о массовом переходе отдельных социальных и этнических общностей на сторону противника, в публикациях военного времени депортации практически не упоминались. Зато в них уделялось значительное место пропаганде дружбы народов СССР как важному результату советской национальной политики, которая, как считалось, получила настоящую боевую проверку именно в годы Великой Отечественной войны¹.

Широко пропагандировались и «замечательные успехи ленинско-сталинской национальной политики» на Кавказе, отмечалось стремление кавказских народов отстаивать независимость в борьбе против захватчиков, подчеркивались их героические традиции². Но по мере выселения народов Северного Кавказа в Казахстан и Среднюю Азию любые упоминания об их вкладе в Победу исчезали со страниц средств массовой информации, а в конце войны стала все чаще подчеркиваться ведущая роль русского народа в борьбе с врагом.

В послевоенные годы, по словам современного исследователя, сюжеты о «совместной борьбе с врагом народов СССР стали в советской исторической литературе традиционными» и разрабатывались «во всех без исключения регионах Советского Союза»³. Данная тема рассматривалась в кандидатских диссертациях и статьях первых профессиональных исследователей, посвященных истории

¹ См.: В боях с врагом закаляется и крепнет дружба народов СССР. М., 1942; Калинин М.И. К двадцатилетию образования СССР (1922–1942 гг.). М., 1942; Корнеев М. Дружба народов СССР – залог нашей победы. М., 1942; Горкин А. Красная Армия – армия братства и боевого единства народов СССР. М., 1943 и др.

² Азизян А. Народы Кавказа никогда не будут рабами // Большевик. 1942. № 15. С. 28–37; Шмонин А. Непокоренный Кавказ. Махачкала, 1943; Эмиров Н. Кавказ в захватнических планах немецких империалистов. Махачкала, 1943 и др.

³ Кирсанов Н.А. Боевое содружество народов СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. // Великая Отечественная война (историография). М., 1995. С. 176.

отдельных автономий Северного Кавказа и их партийных организаций в годы Великой Отечественной войны. Обычно они начинались с описаний тяжелой жизни трудящихся разных национальностей региона до революции, затем отмечалась роль Октября 1917 г. в судьбе народов России. Яркими показателями «невиданного культурного подъема» северокавказских народов считался «расцвет национальной по форме и социалистической по содержанию культуры», развитие просвещения, здравоохранения, искусства и литературы, изменение положения женщины-горянки.

В частности, К.Я. Опишанская отмечала: «В годы войны еще более окрепла вся нерушимая дружба народов Советского Союза, созданная на прочной основе ленинско-сталинской национальной политики Коммунистической партии». В основе ее, по мнению историка, лежали общие жизненные интересы народов СССР – «горячее стремление защитить добытую в революционных боях Советскую власть, свободу и независимость и построить коммунистическое общество»¹.

При этом практически ничего не говорилось о депортациях чеченцев, ингушей, карачаевцев, балкарцев, как, впрочем, и других репрессированных народов. Более того, из открытых фондов библиотек вообще исчезли все работы о судьбе сосланных народов и их вкладе в победу в Великой Отечественной войне. В соответствии с требованиями цензуры в спецхран были переведены не только сами книги, но и каталоги, содержащие сведения о публикациях, посвященных чечено-ингушской, карачаевской, балкарской, а также крымской и калмыцкой автономиям². Лишь в отдельных исследованиях, вышедших уже после смерти И.В. Сталина, встречаются редкие упоминания о том, что и среди кавказских народностей нашлись люди, «которые в 1942 г. изменили союзу с великим русским народом»: чеченцы, ингуши, балкарцы, карачаевцы, калмыки и другие³.

Впервые негативная оценка депортаций прозвучала в докладе Н.С. Хрущева «О культуре личности и его последствиях» на XX съезде КПСС. Он охарактеризовал их как «грубое попрание основных ленинских принципов национальной политики Советского государства». Н.С. Хрущев осудил то, что ответственность «за враждебные действия отдельных лиц или групп» была возложена на целые народы, включая женщин, детей, стариков, коммунистов и комсомольцев, подвергнутых «массовым репрессиям, лишениям и страданиям». Автор доклада перечислил несколько депортированных народов – карачаевцев, калмыков, чеченцев, ингушей, балкарцев – и упразднение их автономий в 1943–1944 гг., отметив, что «такого рода выселение никак не диктовалось военными соображениями», поскольку в это

¹ *Опишанская К.Я.* Коммунистическая организация Ставропольского края в период Великой Отечественной войны 1941–1945: дис. ... канд. ист. наук. Баку, 1954. С. 292–293.

² История советской цензуры. Документы и материалы. М., 1997. С. 506.

³ *Мнацаканян А.Н.* Советская Армения в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ереван, 1954. С. 6.

время «определился прочный перелом в ходе войны в пользу СССР»¹. Приведенные в докладе сведения носили крайне фрагментарный характер, но общая переоценка принудительных переселений советских народов имела самые серьезные последствия как для дальнейших административно-территориальных преобразований в регионе, так и для их осмысления в историографии.

Под влиянием критики культа личности советские историки в период «оттепели» стали противопоставлять ленинский и сталинский подходы в национальной политике СССР². Принудительные переселения советских народов оценивались как нарушения «социалистической законности» и «ленинской национальной политики», а их причины связывались лично с И.В. Сталиным и особенно с Л.П. Берией. Данный подход получил отражение в 6-томном фундаментальном труде по истории Великой Отечественной войны. При этом в тексте оказалась допущена удивительная ошибка (опечатка?) на фоне общего, весьма солидного уровня данного издания: в списке репрессированных народов вместе карачаевцев были указаны... черкесы³.

В то же время депортации не была дана соответствующая политическая и правовая оценка, а реабилитация оказалась незавершенной. Изменения в осмыслении проблемы принудительного переселения народов Северного Кавказа также сказались не сразу. По-прежнему историки значительное внимание уделяли их дружбе и боевому сотрудничеству в годы войны. Д.А. Напсо, не упоминая о депортации карачаевцев, подчеркнул восстановление их национальной автономии: «Партия смело ликвидировала последствия культа личности Сталина и в 1957 г. восстановила национальную государственность карачаевского народа»⁴. Критике подверг методы действий советского руководства В.И. Филькин, прямо обвинивший Л.П. Берия в депортации чеченского и ингушского народов⁵.

Уже по завершении «оттепели» Х.И. Хутуев защитил кандидатскую диссертацию о депортации и реабилитации балкарцев, ставшую первым в советской историографии специальным исследованием на данную тему. Историк, в детстве лично переживший драматические события депортации, писал, что «по указанию Берии» репрессиям подвергся весь народ, включая активных участников

¹ «О культе личности и его последствиях». Доклад Первого секретаря ЦК КПСС тов. Хрущева Н.С. XX съезду Коммунистической партии Советского Союза // Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 128–170.

² Метелица Л.В. Торжество ленинской национальной политики в СССР. М., 1962 и др.

³ См.: История Великой Отечественной войны Советского Союза. М., 1965. Т. 6. С. 105.

⁴ Напсо Д.А. Партийные организации Карачая и Черкесии в годы Великой Отечественной войны // По ленинскому пути. Партийная организация Карачая и Черкесии в борьбе за коммунизм. Черкесск, 1963. С. 162.

⁵ Филькин В.И. Чечено-Ингушская партийная организация в годы Великой Отечественной войны Советского Союза. Грозный, 1960.

Гражданской и Великой Отечественной войн, инвалидов, жен и детей фронтовиков, коммунистов и комсомольцев, руководителей партийных и советских организаций, депутатов советов всех уровней. Х.И. Хутуев подчеркнул неправовой характер депортации, отметив, что «упразднение национальной автономии и выселение балкарского народа шло в разрез с основами Конституции СССР, приводило к прямому отступлению от ее норм и положений, к грубейшему нарушению социалистической законности»¹.

В кандидатской диссертации Ч.С. Кулаева впервые специально рассматривалась депортация карачаевцев. В соответствии со сложившимися к этому времени в советской историографии подходами он писал, что «в условиях культа личности к карачаевскому народу были допущены произвол и насилие. Берия и его сообщники сфабриковали ложный обвинительный материал по отношению к карачаевскому народу». Автор возложил персональную ответственность за депортацию на Л.П. Берия, обвинив его в сознательном стремлении «посеять национальную рознь и подорвать дружбу народов СССР», создании «обстановки недоверия и подозрительности к отдельным народам», противопоставлении друг другу народов Кавказа. Это стало «прямым нарушением основ ленинской национальной политики – политики равноправия и дружбы народов, суверенитета и свободного самоопределения всех наций нашей страны», «грубейшим нарушением социалистической законности».

В свою очередь, начало реабилитации карачаевцев Ч.С. Кулаев связал с «разоблачением» Л.П. Берии, после чего «раскрылись факты грубейших нарушений социалистической законности»². При этом исследователь не отрицал, что «среди карачаевцев, как и у других народов нашей страны, имели место случаи дезертирства, проявления трусости и другие нежелательные явления», но полагал, что не эти «единичные факты характеризуют карачаевский народ». По его словам, «наоборот, большой фактический материал говорит о бесстрашии и героизме карачаевцев, о патриотизме и самопожертвовании во имя победы над врагом»³.

В целом специальных исследований на данную тему в рассматриваемый период развития историографии вышло немного. Депортациям не было посвящено специальных разделов или статей в новых фундаментальных трудах и справочных изданиях по истории советского общества, Второй мировой и Великой Отечественной войн, а в обобщающих региональных работах, как правило, приводилась достаточно краткая информация.

¹ Хутуев Х.И. Балкарский народ в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период (восстановление автономии балкарского народа): дис. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д, 1965. С. 99–100.

² Кулаев Ч.С. Партийные организации Карачая и Черкесии в период Великой Отечественной войны Советского Союза (1941–1945 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 1968. С. 186.

³ Кулаев Ч.С. Указ. соч. С. 179–180.

Так, в обобщающем труде по истории Ставропольского края высказывалось сожаление о том, что «в условиях культа личности антисоветские действия националистического отребья были приписаны целым народностям Северного Кавказа, в том числе и карачаевцам, в результате чего в ноябре 1943 г. они были лишены национальной автономии и выселены из родных мест». При этом подчеркивалась роль партии в восстановлении справедливости в отношении карачаевцев, отмечалось, что «по инициативе ЦК КПСС ошибочное решение в отношении карачаевцев и некоторых других народностей Северного Кавказа было отменено, а их автономия восстановлена»¹. В других обобщающих трудах упоминалось лишь восстановление автономии репрессированных народов после реабилитации².

В обобщающей работе по истории Кабардино-Балкарской АССР указывалось на «несправедливость», допущенную в отношении балкарцев «в условиях культа личности» и выразившуюся в отмене их автономии и переселении в восточные районы страны. В то же время эта «несправедливость» не могла рассматриваться как основание для сомнений в правоте советского общественного строя. Поэтому несмотря ни на что «балкарцы показали высокое чувство патриотизма. Они активно включились в трудовую жизнь. Подавляющее большинство их работало честно и добросовестно»³.

В очерках истории Чечено-Ингушской АССР говорилось: «В 1944 г. в результате некоторых нарушений ленинских принципов национально-государственного строительства и социалистической законности Чечено-Ингушская АССР была ликвидирована. XX съезд КПСС устранил эти нарушения». В другой главе сообщалось о восстановлении Чечено-Ингушской АССР 9 января 1957 г., огромной работе по трудоустройству возвращавшегося населения, предоставлению ему жилья, оказанию помощи и т.п. Здесь же отмечалось, что трудящиеся республики «с большим политическим и трудовым подъемом включились во всенародное дело по созданию материально-технической базы коммунизма»⁴.

Наиболее полные сведения приводились в очерках по истории Карачаево-Черкесской автономной области, но материал в них также интерпретировался в соответствии с идеологическими требованиями эпохи. Ликвидация автономии Карачая в 1943 г. рассматривалась как «нарушение национальной политики», но при этом оговаривалось, что «никакие извращения не могли изменить природы социалистического строя, поколебать социально-экономическую основу нашей страны, разрушить дружбу народов». Приводились многочисленные примеры

¹ Очерки истории Ставропольской организации КПСС. Ставрополь, 1970. С. 382.

² Очерки истории Ставропольского края. В 2 т. Ставрополь, 1986. Т. 2. С 1917 г. до наших дней. С. 312.

³ История Кабардино-Балкарской АССР. М., 1967. Т. 2. С Великой Октябрьской социалистической революции до наших дней. С. 286–287.

⁴ Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. 1917–1970 годы. Грозный, 1972. Т. II. С. 260, 284.

трудового героизма карачаевцев в 1943–1945 гг., которые «на новых местах жительства» добились высоких урожаев в сельском хозяйстве, научившись выращивать новые для них сельскохозяйственные культуры (сахарную свеклу, хлопок и др.), упорно трудились в промышленности, на транспорте, строительстве¹. При характеристике реабилитационных процессов периода «оттепели» упоминалось восстановление автономии карачаевцев как результат выполнения решений XX съезда КПСС, отмечались проявления дружбы народов при их возвращении².

Вопросы депортации обсуждались и на областной научно-практической конференции в Карачаево-Черкесии в 1977 г. Ее участники отметили, что карачаевцы были необоснованно обвинены и несправедливо выселены в восточные районы страны, «ибо нельзя отождествлять народ с кучкой предателей, изменников, пособников гитлеровцев». После устранения извращений «ленинской национальной политики» карачаевцев реабилитировали и вернули, заслуга в этом приписывалась коммунистической партии³.

В отличие от советских историков зарубежные историки и эмигранты подчеркивали трагизм судеб народов Северного Кавказа вследствие осуществлявшейся сталинской национальной политики в годы Великой Отечественной войны. В 1950–1970-х гг. вышел целый ряд работ на данную тему, в которых депортации народов региона оценивались как геноцид («народоубийство»)⁴.

Одним из первых данный подход обосновал А.Г. Авторханов, охарактеризовавший СССР как своеобразную «империю зла»⁵. В качестве самого страшного государственного преступления рассматривались массовые депортации народов в СССР, которые автор назвал «практикой геноцида гитлеровского типа, когда целый народ, включая стариков, женщин, детей, только по одному расовому признаку объявлялся “вражеским народом”»⁶. При этом А.Г. Авторханов, сам перешедший на сторону вермахта в 1942 г. с предложением союза на условиях будущей независимости Чечни, в своих работах отвергал любые обвинения в сотрудничестве народов Северного Кавказа с оккупантами, как и «разговоры о создании банд» на территории региона. «Они “появились” в результате фальсификаций,

¹ Очерки истории Карачаево-Черкесии. В 2 т. Черкесск, 1972. Т. 2. Советский период. С. 282–283.

² Там же. С. 342–343.

³ *Боташев М.А.* Карачаево-Черкесия в годы Великой Отечественной войны // Карачаево-Черкесия в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Материалы обл. науч.-теорет. конф. 1977 года. Черкесск, 1982. С. 31, 34.

⁴ *Aslanbek M. (Дудов М.)* Karaca ve Malkar Türklerinin Faciasi. Ankara, 1952 [на турецком яз.]; *Бейтуган Б.* Первые вести о судьбе карачаевцев и балкарцев. Мюнхен, 1956; Некрич А. Наказанные народы. Нью-Йорк, 1978 и др.

⁵ *Авторханов А.* Народоубийство в СССР. Мюнхен, 1952 и др.

⁶ *Авторханов А.* Империя Кремля. Советский тип колониализма. Вильнюс, 1990. С. 187.

придуманных Берией, Сталиным и их местными прихлебателями». Причины депортаций он связал с сущностью и характером советского строя, цели которого могли быть реализованы только путем принесения в жертву собственных народов, а ключ к выселению увидел в национально-освободительной борьбе горцев, которые вели «перманентную партизанскую войну в горах Кавказа» против имперской политики России начиная с Кавказской войны¹. А.Г. Авторханов прямо писал: «Не за коллаборацию, не за “террористические банды”, а за продолжение вековой, исторически правомерной, политически целеустремленной национально-освободительной борьбы за свободу и независимость уничтожены физически чеченцы и ингуши, ликвидирована их республика. На маленьком кавказском участке в горах Чечни и Ингушетии столкнулись два мира: колосс полицейского произвола – советская Москва и островок свободы человеческого духа – Чечено-Ингушетия»².

В 1960 г. в США вышла книга английского исследователя Р. Конквеста, посвященная депортациям советских народов. Он также рассматривал их как продолжение колониальной политики царской России. Возможности автора, как и других зарубежных исследователей проблемы, крайне ограничивали имевшиеся в его распоряжении немногочисленные источники. Тем не менее он фактически первым предложил обобщающий очерк хода депортаций, оценил их численность, разработал карту этнических репрессий в СССР³.

Впрочем, эмигрантская и зарубежная историография развивалась обособленно от советской исторической науки и вплоть до недавнего времени практически не оказывала на нее серьезного влияния. Более того, по мнению С.У. Алиевой, эта историография сыграла негативную роль в положении самих репрессированных народов, «подтверждая и усиливая огульные сталинские обвинения этих этносов в антисоветских настроениях и действиях»⁴.

В 1990-е гг. в развитии отечественной историографии проблемы начался новый этап, связанный с общим изменением обстановки в стране, возобновлением реабилитации, появлением новых оценок советского прошлого. Однако публикации рубежа 1980–1990-х гг. в большинстве своем носили эмоциональный характер, нередко опирались на воспоминания самих участников событий и другие источники личного происхождения⁵. Пересмотр оценок в отношении депортаций, характерный для публицистики данного периода, как правило, сводился к повторению сформулированных западными и эмигрантскими авторами

¹ Авторханов А. Империя Кремля... С. 190–191, 194. *Его же*. Убийство Чечено-Ингушского народа (Народоубийство в СССР). М., 1991. С. 5–6.

² Там же. С. 64–65.

³ *Conquest R. Soviet Deportation of Nationalities*. L.; N.Y., 1960.

⁴ От составителя // Так это было. Национальные репрессии в СССР. 1918–1952 годы. М., 1993. Т. 1. С. 7.

⁵ Алиев К.М. Заведомая ложь // Молодой коммунист. 1990. № 5. С. 74–75 и др.

эпохи холодной войны обвинений коммунистического режима в совершении преступлений против собственного народа.

Это особенно характерно для материалов, издававшихся международными правозащитными организациями. Так, в 1991 г. был опубликован отчет по данной проблеме Хельсинкской группы по правам человека, подготовленный на основе исследований научного сотрудника Русского исследовательского центра Гарвардского университета Дж. Критчлоу¹. Поскольку автор, не имевший доступа к архивным документам, использовал только сведения, полученные во время встреч с жертвами депортаций, он содержал искаженные сведения о принудительном выселении народов, его масштабе и предпринимавшихся мерах по их реабилитации.

Дальнейшее развитие историографии было во многом обусловлено рассекретиванием архивов и введением в научный оборот новых документов. Особенно значительную роль во введении в научный оборот целого комплекса новых источников, включая документы высших органов государственной власти СССР, материалы «особых папок», имевших высшую степень секретности, сыграл Н.Ф. Бугай². Он не только плодотворно изучает рассматриваемую проблему на протяжении двух с лишним десятилетий, но и создал целую научную школу. Ее представители защитили под руководством Н.Ф. Бугая или при его непосредственном участии кандидатские и докторские диссертации, опубликовали широкий круг работ, книг и статей по различным вопросам истории депортации советских народов и их последствиям.

Первые документы, характеризующие депортацию и реабилитацию советских народов, появились в журналах и сборниках научно-популярного характера³. Затем были подготовлены и изданы специальные сборники документов, создающие возможности для изучения данной темы в целом⁴ и ее различных аспектов,

¹ Репрессированные народы Советского Союза. Наследие сталинских депортаций. Отчет Хельсинкской группы по правам человека. Сентябрь, 1991. М., 1991.

² Бугай Н.Ф. К вопросу о депортации народов СССР в 30–40-х годах // История СССР. 1989. № 6; *Его же*. Депортационные процессы на Кубани: их последствия // Северный Кавказ: национальные отношения (историография, проблемы). Майкоп, 1992; *Его же*. Л. Берия – И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...»; Бугай Н.Ф., Гонов А.М. В Казахстан и Киргизию из Приэльбрусья. Нальчик, 1997; *Их же*. Кавказ: народы в эшелонах (20–60-е годы). М., 1998 и др.

³ «Погружены в эшелоны и отправлены к местам поселений...» // История СССР. 1991. №1; 40–50-е годы: последствия депортации народов (свидетельствуют архивы НКВД – МВД) // Там же. 1992. № 1; Так это было: национальные репрессии в СССР. 1919–1952 годы. Худож.-докум. сб. М., 1993. Т. 1–3 и др.

⁴ Депортации народов СССР (1930–1950-е годы). М., 1992–1995. Ч. 1, 2; Иосиф Сталин – Лаврентию Берии: «их надо депортировать...». Документы, факты, комментарии. М., 1992; «По решению правительства Союза ССР...» (Депортация народов: документы и материалы). Нальчик, 2003 и др.

судеб карачаевцев¹ и балкарцев², чеченцев и ингушей³, а также процессов реабилитации⁴. Материалы, отражающие обстоятельства жизни и труда выселенных народов на спецпоселении, содержит многотомное издание по истории ГУЛАГа и другие документальные публикации⁵.

Одним из первых исследователей к теме депортаций в современной историографии обратился Х.-М. Ибрагимбейли, эмоционально призвавший других авторов «сказать правду о трагедии народов»⁶. Действительно, в период перестройки обращение к вопросам депортаций и их последствий осознавалось как восстановление «исторической справедливости» по отношению к репрессированным народам и получало широкую общественную поддержку, сохраняющуюся и в 1990-е гг.

Изменение самого статуса рассматриваемой проблемы, превратившейся из маргинального сюжета в одно из ведущих исследовательских направлений современной историографии, выразилось в проведении специальных научных форумов – международных, всероссийских и региональных конференций, посвященных репрессиям против советских народов. Они состоялись в Элисте (1992, 1993, 2003), Карачаевске (1993, 2003), Нальчике (1994), Грозном (2006), опубликованные материалы которых стали немаловажными историографическими фактами в разработке рассматриваемой проблемы⁷. Не раз проблемы депортаций

¹ Карачаевцы. Выселение и возвращение (1943–1957). Материалы и документы. Черкесск, 1993; Депортация карачаевцев: Документы рассказывают. Сб. документов. Черкесск, 1997 и др.

² Балкарцы: выселение, на спецпоселении, реабилитация. 1944–2001: Документы, материалы, комментарии. Нальчик, 2001; Час испытаний. Депортация, реабилитация и возрождение балкарского народа (документы и материалы). Нальчик, 2001.

³ Репрессированные народы России: чеченцы и ингуши. М., 1994; Ингуши: депортация, возвращение, реабилитация, 1944–2004: Документы, материалы, комментарии. Магас, 2004.

⁴ Реабилитация репрессированных народов и граждан. 1954–1994. М., 1994; Реабилитация народов России. Сб. документов. М., 2000; Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. В 3 т. М., 2000–2003 и др.

⁵ История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7 т. Т. 5. М., 2004 и др.

⁶ *Ибрагимбейли Х.-М.* Сказать правду о трагедии народов // Политическое образование. 1989. № 4.

⁷ Репрессированные народы: история и современность: Тезисы докладов и сообщений Всерос. науч.-практ. конф., 28–29 мая 1992 г. Элиста, 1992; Репрессированные народы: упразднение их государственности и проблемы реабилитации: Материалы Всерос. науч.-практ. конференции, 26–27 декабря 1993 г. Элиста, 1993; Репрессированные народы: история и современность. Материалы II Всерос. науч. конф., 1–2 ноября 1993 г. Карачаевск, 1994; Репрессированные народы: история и современность: Тезисы докладов и сообщений III Всерос. науч. конф., 6–7 марта 1994 г. Нальчик, 1994; Национальная политика Советского государства: репрессии против народов и проблемы их возрождения: Материалы Международ. науч. конф. 23–24 октября 2003 г. Элиста, 2003; Репрессированные народы: история и современность: Материалы респ. науч. конф., 30–31 октября 2003 г. Карачаевск, 2003 и др.

и реабилитации поднимались и на других научных форумах различного уровня, научных и научно-практических конференциях и круглых столах, даже если их тематика и не касалась прямо рассматриваемых событий. В данной связи необходимо отметить создание и деятельность Конфедерации репрессированных народов РСФСР, первый съезд которой состоялся в Москве 1–3 июля 1991 г. На нем и последующих съездах обсуждались проблемы народов, подвергшихся принудительному переселению, и пути их решения.

Рассматриваемые вопросы нашли отражение в новых обобщающих работах по истории отдельных республик Северного Кавказа¹, работах по истории региона в годы Великой Отечественной войны², в значительном количестве специальных исследований. Вопросы государственной национальной политики в регионе в годы Великой Отечественной войны, депортации северокавказских народов анализировали И.В. Алферова³, А.М. Гонов⁴, А.С. Хунагов⁵.

Выселению карачаевцев были посвящены труды А.-Х.У. и Р.М. Куцетеровых, К.И. Чомаева, коллективная работа И.М. Шаманова, Б.А. Тамбиевой и Л.О. Абрековой, работы З.М. Борлаковой и других исследователей⁶. Значительное место данной проблеме отводилось в монографии А.Д. Койчуева об истории Карачаевской автономной области в годы Великой Отечественной войны⁷. Принудительное выселение балкарцев стало предметом изучения

¹ История многовекового содружества. К 450-летию союза и единения народов Кабардино-Балкарии и России. Нальчик, 2007; История Чечни с древнейших времен до наших дней. В 2 т. Т. II. История Чечни XX и начала XXI веков. Грозный, 2008 и др.

² *Ибрагимов М.М.* Власть и общество в годы Великой Отечественной войны (На примере национальных республик Северного Кавказа); *Баликоев Т.М.* Народы Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Владикавказ, 2000; *Мальшева Е.М.* Испытание. Социум и власть: проблемы взаимодействия в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. Майкоп, 2000; *Безугольный А.Ю., Бугай Н.Ф., Кринко Е.Ф.* Горцы Северного Кавказа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: проблемы истории, историографии и источниковедения. М., 2012 и др.

³ *Алферова И.В.* Государственная политика в отношении депортированных народов (конец 30-х – 50-е гг.): дис. ... канд. ист. наук. М., 1997.

⁴ *Гонов А.М.* Проблемы депортации и реабилитации репрессированных народов Северного Кавказа: 20–90-е годы XX века: дис. ... д-ра ист. наук. Ростов н/Д, 1998.

⁵ *Хунагов А.С.* «Выселить без права возвращения...» Депортация народов Юга России. 20–50 годы (на материале Краснодарского и Ставропольского краев). Майкоп, 1999 и др.

⁶ *Куцетеров Р.М.* Насилие. Черкесск, 1993; *Куцетеров Р.М., Куцетеров А.-Х.У.* Депортация. Ставрополь, 1994; *Чомаев К.* Наказанный народ. Черкесск, 1993; *Шаманов И.М., Тамбиева Б.А., Абрекова Л.О.* Наказаны по национальному признаку. Черкесск, 1999; *Борлакова З.М.* Депортация и репатриация карачаевского народа. 1943–1959 гг. // Вестник Карачаево-Черкесского государственного педагогического университета. Карачаевск, 2001. С. 6–19 и др.

⁷ *Койчуев А.Д.* Карачаевская автономная область в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Ростов н/Д, 1998.

Д.В. Шабаета и Х.-М.А. Сабанчиева¹. В диссертации Э.А. Аджиевой и ряде других работ рассмотрены в комплексе вопросы депортации карачаевцев и балкарцев как родственных народов².

Начало изучению депортации чеченцев и ингушей в современной отечественной историографии положила статья Н.Ф. Бугая³. Затем разработка проблемы прервалась, в основном по политическим причинам, и продолжилась уже в 2000-е гг. в диссертациях Р.С. Агиева и Л.Я. Арапхановой⁴, совместной работе Мусы М. и Мовсура М. Ибрагимовых, обобщающих трудах⁵.

Рассекречивание архивов, публикация документов, выход значительного количества конкретно-исторических исследований позволил исследователям в 1990–2000-е гг. прийти к новым оценкам и выводам в отношении депортаций советских народов. Большинство современных исследователей расценивают депортации как антигуманные и незаконные акции. Отдельные авторы используют понятие «геноцид», говоря о принудительном выселении советских народов⁶. Так, Р.М. Куцетеров полагает, что «сталинская национальная политика дружбы и братства народов СССР» преследовала «одну цель – прекратить существование целых этносов. Это был настоящий геноцид»⁷. Пересмотрев свои прежние взгляды по данному вопросу, Ч.С. Кулаев также стал рассматривать депортации северокавказских народов во время войны – карачаевцев, балкарцев, чеченцев, ингушей, калмыков – как политику геноцида⁸.

¹ Шабаета Д.В. Правда о выселении балкарцев. 2-е изд., доп. Нальчик, 1994; Сабанчиев Х.-М.А. Были сосланы навечно: депортация и реабилитация балкарского народа. Нальчик, 2004; *Его же*. Депортация, жизнь в ссылке и реабилитация балкарского народа (1940-е – начало XXI в.): дис. ... д-ра ист. наук. Ростов н/Д, 2007 и др.

² Аджиева Э.А. Депортация народов Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны: причины и следствия (на примере карачаевского и балкарского народов): дис. ... канд. ист. наук. Карачаевск, 2001; Тебуев Р.С., Хатуев Р.Т. Очерки истории карачаево-балкарцев. М.; Ставрополь, 2002 и др.

³ Бугай Н.Ф. Правда о депортации чеченского и ингушского народов // Вопросы истории. 1990. № 7.

⁴ Агиев Р.С. Трагедия чеченского и ингушского народов в 30–50-х гг. XX в. (Депортация, спецпоселение, реабилитация): дис. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д, 2002; Арапханова Л.Я. Депортация народов как специфический аспект национальной политики Советского государства (на примере ингушского народа): дис. ... канд. полит. наук. М., 2002.

⁵ Чеченцы: история и современность. М., 1996; Ибрагимов Муса, Ибрагимов Мовсур. Чечня: через круги ада. Переселения и депортации чеченского народа. М.; Саратов, 2003 и др.

⁶ Так это было: национальные репрессии в СССР. 1919–1952 годы. Т. 1. С. 7–17 и др.

⁷ Куцетеров Р.М. Насилие. С. 169.

⁸ Кулаев Ч.С. Правовое положение репрессированных народов Северного Кавказа в условиях депортации // Репрессированные народы: история и современность. Материалы респ. науч. конф. Карачаевск, 2003. С. 58.

Напротив, В.Г. Шнайдер полагает, что действия советского государства в отношении депортированных народов «не содержали намерений их прямого геноцида». Вместе с тем, по его мнению, «государство вело направленную политику разрушения социо- и этнокультурных основ высланных народов, что наряду с нарушением родовых связей, дисперсным расселением по огромной территории и затрудненными связями должно было рано или поздно поставить их перед фактом ослабления этнического единства, связанного с опасностью последующего исчезновения». Поэтому он определил действия советского государства в отношении репрессированных народов как «дискриминацию по этническому принципу»¹.

Уральский исследователь А.В. Бакунин полагает, что депортация народов стала чудовищным преступлением сталинского тоталитаризма, поскольку без официального обвинения, суда и следствия, по одному лишь приказу диктатора миллионы людей были лишены своих родных мест и оказались в ссылке². В доказательство данного положения он выдвигает несколько аргументов: во-первых, это была «абсолютно незаконная акция, когда без официального обвинения, суда и следствия переселялись с родных мест в новые малообжитые районы целые народы». Во-вторых, они лишались национальной государственности, у них отняли родной язык, обычаи, культуру, образование. В-третьих, депортированные народы оказались в экстремальной обстановке, неблагоприятных климатических условиях, без жилья и нормального материального обеспечения, под надзором НКВД, без права выезда за пределы спецпоселений. В-четвертых, невзирая на возраст и ограниченные возможности, большинство спецпереселенцев было направлено на тяжелые физические работы: в шахты и рудники, на лесоповал, на строительство и освоение новых земель в сельском хозяйстве. В-пятых, они оказались «в условиях социально-психологической блокады со стороны партийных и советских органов, воспитывавших окружающее население в классовой ненависти к депортированным как “врагам народа”»³.

Немалый вклад в осмысление депортаций как научной проблемы внес географ и историк П.М. Полян, выделивший ряд специфических особенностей данной формы политических репрессий. «Во-первых, их административный, т.е. несудебный характер. Во-вторых, это их списочность, или точнее, контингентность: они направлены не на конкретное лицо, не на индивидуального гражданина, а на целую группу лиц, подчас весьма многочисленную и отвечающую заданным сверху критериям. Третьей особенностью является их достаточно явственная

¹ Шнайдер В.Г. Национальное строительство как фактор социокультурной интеграции народов Северного Кавказа в советское общество (1917 – конец 1950-х гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Армавир, 2008. С. 6.

² Бакунин А.В. История советского тоталитаризма. Екатеринбург, 1997. Кн. 2. Апогей. С. 13.

³ Там же. С. 126–137.

установка на вырывание масс из устоявшей и привычной среды обитания и помещение их в новую, непривычную и, как правило, рискованную для их выживания среду»¹. П.М. Полян отмечает, что во многих случаях депортации «являлись лишь прелюдией к физическому уничтожению депортируемых, нередко комбинировались с другими репрессиями (например, поражением в избирательных правах)». Кроме того, по его мнению, депортации стали своеобразной формой учета и обезвреживания государством его групповых политических противников (и не столь уж важно, подлинных или мнимых, важно, что государство решило их нейтрализовать)»².

Другие авторы предлагают вообще отказаться от использования понятия депортации применительно к принудительным выселениям народов в СССР, ссылаясь на его юридическую трактовку, согласно которой оно характеризуется как принудительное перемещение лица за пределы государства. Сторонники данного (историко-правового) подхода полагают, что депортации в СССР применялись только по отношению к иностранцам и лицам без гражданства, а также к некоторым другим категориям «нежелательных лиц»³.

Причины депортаций получают разное объяснение в современной историографии. Н.Ф. Бугай считает, что принудительное выселение советских народов определялось тремя основными факторами: 1) гипотетической возможностью предательства, которая вылилась в превентивное обвинение народов и групп населения, 2) изменой – выступлением на стороне противника, 3) принадлежностью к конфессии или нации, с которой велась война. Цель депортации Н.Ф. Бугай видит в стремлении советского правительства ослабить этническую напряженность, урегулировать в экстремальной обстановке конфликт, но не между народами, а между отдельными этносами и властью⁴.

Практически к тем же самым обстоятельствам сводит главные причины депортаций советских народов В.Н. Земсков, по сути соединяя при этом в одну группу первый и третий факторы. В результате он видит в депортациях, во-первых, «акт мести государства за предательство отдельных лиц и групп этих народов во время фашистской оккупации»; во-вторых, превентивную меру – «за возможное предательство, а по сути – за принадлежность к национальности, с зарубежными

¹ Полян П.М. Депортации и этничность // Сталинские депортации. 1928–1953. М., 2005. С. 5.

² Там же. С. 6.

³ Белковец Л.П. Административно-правовое положение российских немцев на спецпоселении 1941–1945 гг. Историко-правовое исследование. Новосибирск, 2003. С. 26–27; Баев Р.Р., Епифанов А.Е. Переселение и специальное поселение народов Калмыкии, Северного Кавказа и Крыма. 1943–1956 гг. (историко-юридический аспект). Волгоград, 2007. С. 38

⁴ Бугай Н.Ф. Депортация с юга России в 40-е гг. Причины, ход, последствия // Российские немцы на Дону, Кавказе и Волге. М., 1995. С. 44.

соплеменниками которой ведется или может вестись война». Исследователь считает, что массовые выселения стали одним из важных компонентов решения многих задач политического, экономического, социального и межнационального характера¹.

Значительная часть авторов обнаруживает корни депортации в самой природе советского тоталитарного режима. Э.В. Черняк считает, что целью массового террора против малочисленных народов являлось не столько их «наказание», сколько устрашение более многочисленных народов. Кроме того, он утверждает, что депортации были «средством продвижения к стиранию национальных различий», способом решения межнациональных противоречий². Схожие обстоятельства указывает Н.Ф. Бугай: «Усиление тоталитарного режима обуславливало использование в национальной политике таких жестких методов, как депортация целых народов и групп населения»³. Выделив целый комплекс факторов, обусловивших депортации, А.Д. Койчуев в качестве главной причины также называет утверждение тоталитаризма⁴.

По мнению В.А. Тишкова, цель этнических депортаций трудно объяснить какими-либо мотивами, «кроме как безумными геополитическими фантазиями “вождя народов” или его маниакальной подозрительностью». Действительно, депортации продолжались и после войны, когда даже формальная необходимость в них исчезла. В то же время В.А. Тишков указывает на «определенные соображения по использованию рабской силы для осуществления индустриальных проектов», а также предполагает стремление властей «упростить этническую мозаику населения страны, которая как бы не укладывалась в схему формирования “социалистических наций” на основе национальных государственных образований»⁵.

К.-М.И. Алиев объясняет причины депортаций попыткой решения «национального вопроса в СССР путем ассимиляционных процессов, “хирургическим” путем». Он убежден в том, что «постепенное и поэтапное распыление “малых” и “малочисленных” народов на восточных пространствах» И.В. Сталин рассматривал как «возможность создания новой “социалистической нации СССР” – советского народа»⁶. В.Н. Земсков отмечает: «По всем признакам, И.В. Сталина

¹ Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. М., 2005. С. 280.

² Черняк Э.В. Национальная политика в тоталитарном обществе. Казань, 1993. С. 6.

³ Бугай Н.Ф. Л. Берия – И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...» С. 5.

⁴ Койчуев А.Д. Тоталитаризм и фальсификация роли малочисленных народов Северного Кавказа в Великой Отечественной войне как причина депортации целых народов // Вестник Карачаево-Черкесского государственного университета. Карачаевск, 2001. № 5. С. 36–54.

⁵ Тишков В.А. Национальности и национализм в постсоветском пространстве (исторический аспект) // Этничность и власть в полиэтничных государствах: Материалы международ. конф. 1993 г. М., 1994. С. 24.

⁶ Алиев К.-М.И. В зоне «Эдельвейса». М.; Ставрополь, 2005. С. 59.

и его окружение раздражала национальная пестрота государства, которым они управляли. Депортация ряда малых народов явно служила цели ускорения ассимиляционных процессов в советском обществе. Это была целенаправленная политика ликвидации в перспективе малых народов за счет ассимиляции их в более крупных этнических массивах, а выселение их с исторической Родины должно было ускорить этот процесс»¹. По мнению Ю.И. Стецовского, массовые депортации в СССР были обусловлены тенденцией к русификации окраин, наметившейся еще с конца 1920-х гг.²

Отдельные авторы видят в репрессиях против народов Кавказа продолжение прежней «имперской политики России», стремившейся к жестокому подавлению и угнетению подвластных ей народов, подчеркиванию «справедливости» двух-, а то и трехвековой борьбы народов Кавказа за свою независимость. Например, Б.Б. Закриев утверждает, что депортации, как и репрессии советской власти 1930–1940-х гг. против народов Северного Кавказа, «не были порождением только сталинской эпохи. Это изуверское изобретение принадлежит Екатерине II и наместнику Кавказа в 1816–1826 гг. А.П. Ермолову»³. Подобный избирательный компаративизм служит обоснованием идеологизированной концепции о постоянном и неизбежном противостоянии России и народов Кавказа.

Непосредственные причины выселения народов Северного Кавказа значительная часть исследователей сводит к трем основным факторам: 1) необходимости расширения территории Грузии «за счет исконных земель северокавказских народов»; 2) стремлению ряда руководителей региона переложить ответственность за провал партизанского движения на отдельные народы; 3) потребности Сибири, Средней Азии и Казахстана в дешевой рабочей силе⁴.

Версию о том, что депортация северокавказских народов имела своей целью «очистить» один из лучших по природно-климатическим условиям регионов для Грузии, первым высказал Х.-М. Ибрагимбейли⁵. Впоследствии она нашла широкое отражение и в работах других авторов⁶. В качестве одного из аргументов сторонники данной точки зрения приводят почвенную карту Северного Кавказа, изданную в 1942 г. Академией наук СССР, где административный центр

¹ Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. С. 107.

² Стецовский Ю.И. История советских репрессий. М., 1997. Т. 1. С. 476.

³ Закриев Б.Б. Депортация чеченцев: от А.П. Ермолова до И.В. Сталина // Народы Чеченской республики в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов. Материалы Всерос. науч.-практ. конф., посв. 65-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., г. Грозный, 18–19 мая 2010 г. Грозный, 2010. С. 261.

⁴ Койчуев А.Д. Карачаевская автономная область в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Ростов н/Д, 1998. С. 449–453; Алиев К.-М.И. В зоне «Эдельвейса». С. 58 и др.

⁵ Ибрагимбейли Х.М. Плоды произвола // Литературная газета. 1989. 17 мая.

⁶ Алиев И. Шлейф бед и страданий // Так это было: национальные репрессии в СССР. 1919–1952 годы. Т. 2. С. 14–15; Карачаевцы. Выселение и возвращение (1943–1957). Черкесск, 1993. С. 43–44; Чомаев К. Наказанный народ. Черкесск, 1993. С. 27 и др.

Карачаевской автономной области город Микоян-Шахар уже получил грузинское название Клухори, которое он носил в 1943–1957 гг.¹ Авторы одной из обобщающих работ по истории карачаевцев и балкарцев, соединяя первые две версии, указывают на то, что в насильственном выселении были заинтересованы сразу несколько группировок – «грузинская» (во главе с «национал-державниками в Кремле»), «ставропольская» (Суслов и его «полководцы») и «кабардинская» («кабардинский национал-большевик Кумехов» – руководитель партийной организации Кабардино-Балкарии в годы войны)².

Возражая им, другие историки отмечают, что территории выселенных народов передавались не только Грузии, депортации подвергались и народы, вовсе не граничившие с Грузией. Кроме того, политику на Северном Кавказе «определял далеко не один М.А. Суслов»³. К.-М.И. Алиев указывает на то, что в случае использования первой версии, даже подкрепленной документальным материалом, причины подменяются следствиями, ибо вопрос об изменении административных границ решался уже после депортации народов, да и передана была Грузии только небольшая часть территории Карачая. Между тем «Сталину ничего не мешало отдать Грузии если не всю область, то хотя бы ее большую часть»⁴. Наконец, само перемещение огромного количества людей на восток страны также требовало немалых затрат, что снижало экономическую эффективность подобных мероприятий.

Отдельные авторы связывают депортацию тюрко-язычных мусульман с внешнеполитическим фактором – угрозой создания антисоветского исламского блока под эгидой Турции⁵. Наиболее полно версию об обусловленности депортации части северокавказских народов, прежде всего балкарцев, внешнеполитическими факторами – подготовкой театра военных действий на юге СССР – обосновал в своей докторской диссертации Х.М.-А. Сабанчиев⁶.

Исследователи приводят сведения, подтверждающие, что на Северном Кавказе в годы войны имели место массовые антисоветские выступления и широкое распространение бандитизма. А.М. Гонов связал депортацию части народов

¹ Алиева С. Красноречивая деталь // Так это было: национальные репрессии в СССР. 1919–1952 годы. Т. 1. С. 260.

² Тебуев Р.С., Хатуев Р.Т. Очерки истории карачаево-балкарцев. М.; Ставрополь, 2002.

³ Хунагов А.С. «Выселить без права возвращения...» Депортация народов Юга России. 20–50 годы (на материале Краснодарского и Ставропольского краев). Майкоп, 1999. С. 7–8; см. также: Бугай Н.Ф. Проблема депортации и реабилитации народов в трудах ученых Северокавказского региона (гуманитарный аспект) // Голос минувшего. Кубанский исторический журнал. 2000. № 3–4. С. 39.

⁴ Алиев К.-М.И. В зоне «Эдельвейса». С. 58–59.

⁵ Буров А.Н. К вопросу об основных причинах депортации «наказанных» народов // Репрессированные народы: история и современность. Элиста, 1992. С. 59–60 и др.

⁶ Сабанчиев Х.-М.А. Депортация, жизнь в ссылке и реабилитация балкарского народа (1940-е – начало XXI в.). Ростов н/Д, 2007.

Северного Кавказа с общей обстановкой в регионе, приведя факты дезертирства, действий немецких агентов и местных банд. Он назвал депортацию северокавказских народов «насильственным (вынужденным) переселением»¹. Данным вопросам посвящены специальные разделы в книге Ю.Ю. Клычникова и С.И. Линца, акцентировавших внимание на «криминогенном и политическом противостоянии части населения Северного Кавказа государственным властям и порядкам Российской империи, Советского Союза, Российской Федерации с XVIII до рубежа XXI вв.»²

Тема бандитизма на Северном Кавказе в годы войны получила развитие и в работах других авторов. Особенно активно данную позицию отстаивает в последние годы И.В. Пыхалов, прямо оправдывающий сталинские репрессии против народов СССР их массовым переходом на сторону противника, уклонением от воинской службы в РККА, дезертирством и бандитизмом. В частности, он полагает, что в рядах Красной армии погибло и пропало без вести 2,3 тыс. чел. из служивших в ней 10 тыс. чеченцев и ингушей, в то время как оба народа должны были выставить примерно 80 тыс. военнослужащих³. В результате он оценивает сталинские депортации как не только «справедливое», но и «гуманное» в условиях военного времени «возмездие». Однако эти выводы основываются на данных всего нескольких архивных фондов, используемых весьма избирательно, а сам поиск «народов-предателей» представляется некорректным. Во-первых, подобные оценки не уместны по отношению к целым этническим общностям. Во-вторых, среди всех народов были и те, кто участвовал в защите Родины, и те, кто пошел на сотрудничество с противником в столь непростой период истории страны.

Полемика по рассматриваемому вопросу вышла далеко за рамки научной дискуссии. Своих оппонентов И.В. Пыхалов называет «защитниками гитлеровских прислужников»⁴. В свою очередь, те обвиняют в его в разжигании межнациональной розни и продолжении кампании «травли» репрессированных народов. Одна из его статей решением Магасского районного суда Республики Ингушетия от 19 ноября 2009 г. была включена в Федеральный список экстремистских материалов⁵.

Другие авторы стремятся придерживаться более взвешенного подхода к проблеме. Так, по мнению П.М. Поляна, «несмотря на размах повстанческого

¹ Гонов А.М. Проблемы депортации и реабилитации репрессированных народов Северного Кавказа: 20–90-е годы XX в. С. 17.

² Клычников Ю.Ю., Линец С.И. Северокавказский узел: особенности конфликтного потенциала (исторические очерки). Пятигорск, 2006.

³ Пыхалов И.В. За что Сталин выселял народы? Сталинские депортации – преступный произвол или справедливое возмездие? М., 2008. С. 267–269.

⁴ Там же. С. 90.

⁵ Историк Игорь Пыхалов утверждает, что знает правду о депортации чеченцев и ингушей. URL. www.ingushetiya.ru (дата обращения: 14.11.2011).

движения, статистика ликвидации антисоветских банд на территории Чечено-Ингушетии в 1941–1943 гг. не дает оснований для утверждений о почти поголовном участии чеченцев и ингушей в подобных формированиях»¹.

В свою очередь, ряд северокавказских историков утверждает, что документы НКВД СССР, содержащие сведения о бандитизме на Северном Кавказе, были прямо фальсифицированы². Однако эти выводы также нуждаются в соответствующем источниковедческом анализе, а не простом отрицании указанных документов как вида исторических источников.

О необходимости строгой источниковедческой критики при использовании документов военного времени свидетельствует и дискуссия вокруг событий в высокогорном ауле Хайбах. По утверждению некоторых авторов, будучи не в состоянии обеспечить выселение его жителей в феврале 1944 г., отряд внутренних войск НКВД СССР под командованием комиссара госбезопасности 3-го ранга М.М. Гвишиани сжег от 200 до 700 чел. в колхозной конюшне. В подтверждение этого приводится без ссылок на источник «совершенно секретное письмо» М.М. Гвишиани Л.П. Берии: «Только для ваших глаз. Ввиду нетранспортабельности и в целях неукоснительного выполнения в срок операции “Горы” вынужден был ликвидировать более 700 жителей в местечке Хайбах. Полковник Гвишиани»³.

Другие исследователи обращают внимание на ряд несоответствий в данном документе. В частности, П.М. Полян в последней фундаментальной работе, изданной на основе документов Государственного архива Российской Федерации (далее – ГАРФ) в серии «История и сталинизм», утверждает, что «гриф “только для ваших глаз” никогда не использовался в советском секретном делопроизводстве, один из руководителей операции “Чечевица” почему-то называет ее операция “Горы” и не знает своего воинского звания, аттестуясь “полковником”»⁴. Следует согласиться с данным автором в том, что необходимо дополнительное изучение рассматриваемой проблемы. Более обоснованными представляются свидетельства об уничтожении мирного населения войсками НКВД в ряде

¹ Полян П.М. Операция «Чечевица»: немцы на Кавказе и депортация вайнахов в марте 1944 г. // Вайнахи и имперская власть: проблема Чечни и Ингушетии во внутренней политике России и СССР (начало XIX – середина XX в.). М., 2011. С. 643.

² Тебуев С. Предисловие // Депортация карачаевцев: Документы рассказывают. Сб. документов. Черкесск, 1997. С. 8–9; Алиева С.К. Материальная и финансовая помощь трудящихся Северного Кавказа Красной Армии в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (на материалах Адыгейской, Карачаевской, Черкесской автономных областей и Кабардино-Балкарской АССР). С. 14–15 и др.

³ Айдаев Ю. Хайбах – аул, которого нет // Чеченцы: история и современность. М., 1996. С. 275.

⁴ Полян П.М. Операция «Чечевица»: немцы на Кавказе и депортация вайнахов в марте 1944 г. С. 646.

высокогорных аулов, приведенные Н.Ф. Бугаев, А.М. Гоновым и другими исследователями¹.

Новую и менее политизированную оценку депортации вайнахов в контексте теории модернизации предложили В.А. и М.Е. Козловы. Ссылаясь на документы НКВД, они отмечают, что сами «чеченцы и ингуши воспринимали враждебную им политику советского государства прежде всего в категориях этнического конфликта», а сталинскую диктатуру отождествили с «русскими». Однако суть конфликта была гораздо глубже «сиюминутной политической целесообразности» и не может быть сведена к мотивам «справедливого наказания», «вражды-мести» или «ненависти русских к чеченцам». По словам данных авторов, «сплоченный, организованный, живущий по традиционному укладу и достаточно воинственный этнос плохо поддавался атомизации» и не вписывался в новую социальную структуру. Поэтому «коммунистическое руководство попыталось “переварить” неудобный этнос достаточно отработанным способом»: лишением его статуса, отрывом от корней и удалением от постоянных мест проживания².

Главными виновниками депортации многие региональные историки считают И.В. Сталина и особенно Л.П. Берия. В историографии отмечается и негативная роль в трагедии карачаевского народа М.А. Суслова, который, спасая себя, «оказывал посильную поддержку ведомству Берия в сборе фальшивых обвинений и свидетельств преступлений карачаевцев против Советской власти»³. В то же время С.И. Линец считает, что вплоть до самого выселения «в краевой печати карачаевцы характеризовались как активные и самоотверженные борцы с оккупационным гитлеровским режимом». Эти факты рассматриваются как свидетельства того, что «М. Суслов не являлся одним из инициаторов выселения. Но когда оно готовилось и осуществлялось, краевой партийный руководитель активно содействовал ей, в том числе и по причине собственного самосохранения»⁴.

Расходятся оценки и в отношении роли руководителей самих автономий в осуществлении депортаций. В частности, критике подвергается секретарь Карачаевского обкома ВКП(б) С.-У.Б. Токаев, «аморально предавший свой народ». По словам одного из современных авторов, «вместо того чтобы убедить руководство страны, что руководство Карачаевской автономии само сумеет решить проблему нескольких десятков предателей-бандитов, еще не сдавшихся

¹ Бугай Н.Ф., Гонов А.М. Кавказ: народы в эшелонах (20–60-е годы). М., 1998. С. 147.

² Козлов В.А., Козлова М.Е. Патерналистская утопия и этническая реальность // Вайнахи и имперская власть: проблема Чечни и Ингушетии во внутренней политике России и СССР (начало XIX – середина XX в.). С. 681–683.

³ Медведев Р., Ермаков Д. Серый кардинал. М., 1992. С. 70–71.

⁴ Линец С.И. История организации партизанского движения на Ставрополье в годы Великой Отечественной войны: состояние и перспективы исследования проблемы // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2000. № 2. С. 28.

Советской власти, Токаев С.-У.Б., Лайпанов Х.О. и другие, искусственно преувеличивая массовость сопротивления, требовали ввода значительного количества регулярных сил Красной Армии на территорию Карачая». Карачаевским руководителям противопоставляется первый секретарь Дагестанского обкома партии А.Д. Даниялов, который, «рискуя не только своей должностью, но и жизнью», сумел добиться приема у самого И.В. Сталина и «спас народ от насильственной депортации»¹.

В этих оценках содержится немало субъективизма, присущего в целом современной региональной историографии: И.В. Сталин вряд ли принял бы во внимание мнение местных руководителей при решении данного вопроса, даже если бы оно и прозвучало. Другое дело, что поведение указанных руководителей в этой сложной ситуации негативно характеризует их самих как политических личностей.

Немало внимания российские историки уделяют дальнейшей судьбе выселенных народов. Исследователи охарактеризовали трудовую деятельность спецпереселенцев в ссылке, которую они вели несмотря на тяжелые условия жизни, ограничения в правах, в возможности соблюдать обычаи, получать образование, возвращаться на прежнее место жительства. Принудительные переселения привели к резким изменениям в среде обитания и жизненном укладе, питании и материальном обеспечении репрессированных народов, значительно пострадала их культура². В историографии отмечается, что «насильственное вживание в чужеродную этническую среду и непривычные климатические условия ломали, уродовали генотип»³.

В данной связи вызывает интерес отражение темы депортации в фольклорных произведениях. Так, поэтесса и фольклорист Ф. Байрамукова собрала и опубликовала десятки песен и рассказов, созданных в период пребывания карачаевцев в Средней Азии и Казахстане⁴. Т. Хаджиева издала сборник фольклорных текстов балкарцев, созданных в годы депортации⁵. Опыт подобных исследований, безусловно, необходимо продолжать.

В историографии также отмечается, что депортация отрицательно сказалась на развитии советской экономики: из оборота выпадали земельные площади, утрачивались навыки животноводства и земледелия, традиционные ремесла. Вместо экономической выгоды, связанной с приобретением массы дешевых рабочих рук,

¹ *Байрамуков И.Х.* Субъективный фактор в депортации и реабилитации карачаевского народа // Репрессированные народы: история и современность: Материалы респ. науч. конф., 30–31 октября 2003 г. С. 16–17.

² См.: Репрессированные народы: история и современность: Материалы II Всерос. науч. конф., 1–2 ноября 1993 г. и др.

³ Так это было: национальные репрессии в СССР. 1919–1952 годы. Т. 1. С. 16.

⁴ *Байрамукова Ф.* Бушуу китаб (Книга скорби). В 2 ч. Черкесск, 1991–1997.

⁵ *Хаджиева Т.* Кёчгюнчюле эсгермеси (Словесные памятники выселения). Нальчик, 1997.

страна понесла колоссальные потери, «иначе как преступным расточительством ресурсов нации это назвать нельзя»¹.

Исследователи указывают на такие негативные последствия принудительного переселения, как изменение общей численности и этнодемографической структуры населения региона. Первую специальную работу, позволяющую оценить демографические последствия депортации народов Северного Кавказа, опубликовал В.И. Котов². Наиболее подробное исследование демографических потерь депортированных народов СССР содержит монография Д.М. Эдиева. На основе статистических показателей он оценил общие тенденции в демографическом развитии до и после выселения, прямые людские потери вследствие повышенной смертности, а также потери из-за дефицита рождений в период ссылки, раскрыл краткосрочное и долгосрочное влияние депортации на процесс их воспроизводства. Согласно подсчетам Д.М. Эдиева, «компенсаторные процессы позволили преодолеть примерно половину демографических потерь». Долгосрочные демографические потери населения СССР от депортаций 1920–1950-х гг. «составили около 15 % численности населения депортированных, которая могла бы сложиться в отсутствие депортаций»³.

Современные авторы доказывают, что в результате принудительного выселения некоторые народы оказались перед угрозой полного исчезновения. К.Т. Лайпанов отметил, что почти половина депортированных карачаевцев погибла от голода и болезней⁴. Однако при этом он не привел ссылок на соответствующие источники. З.Х. Текеева также акцентировала внимание на катастрофическом положении депортированных карачаевцев в местах ссылки⁵. Э.А. Аджиева считает, что на востоке страны были преднамеренно «созданы условия для вымирания от голода» целых народов⁶. Ей возражает И.В. Пыхалов, полагающий, что сознательного уничтожения депортированных народов не было, а причины снижения численности спецпоселенцев оказались связаны с послевоенным голодом: «В этих условиях государство должно было в первую очередь заботиться

¹ Бердинских В. Спецпоселенцы. Политическая ссылка народов Советской России. М., 2005. С. 19.

² Котов В.И. Депортация народов Северного Кавказа: кризисные явления этнодемографической ситуации // Северный Кавказ: выбор пути национального развития. Майкоп, 1994.

³ Эдиев Д.М. Демографические потери депортированных народов СССР. Ставрополь, 2003. С. 303.

⁴ Лайпанов К.Т. О депортации карачаевцев // Репрессированные народы: история и современность. Материалы респ. науч. конф. Карачаевск, 2003. С. 77.

⁵ Текеева З.Х. О трудовой деятельности карачаевцев-спецпереселенцев // Репрессированные народы: история и современность. Материалы респ. науч. конф. Карачаевск, 2003. С. 105.

⁶ Аджиева Э.А. Депортация народов Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны... С. 60.

о лояльных гражданах, а чеченцы и прочие поселенцы во многом оказались предоставлены сами себе»¹.

В.Г. Шнайдер объясняет «практически безропотное подчинение горцев выселению» страхом, порожденным характером советской социально-политической системы, условиями военного времени, характером горских обществ с сильно выраженными кровнородственными связями, жестокостью войск НКВД, мощной и хорошо организованной акцией, наконец, отсутствием явного сочувствия, сострадания и поддержки со стороны соседей². Он попытался осмыслить социокультурные основания депортации, ее влияние на менталитет репрессированных народов, формирование у них самоощущения «народов-изгоев». И. Алиев также отмечает, что у карачаевцев сформировался «синдром страха и недоверия к властям», настолько сильный, что, например, многие семьи даже положенную им ссуду после реабилитации не стали брать у государства: «неизвестно, во что это еще потом выльется»³.

Появились и работы, авторы которых пытаются объяснить, почему не были репрессированы другие народы Северного Кавказа. Так, в книге «Земля адыгов», названной «своеобразным “путеводителем” по истории заселения Земли адыгов», а по своему жанру представляющей скорее хрестоматию, целый раздел назван «Адыги и Сталин». Большая его часть в апологетической форме излагает биографию «признанного вождя миллионов». Авторы книги утверждают: «Наряду с прочими, у адыгов есть и свои, сугубо личные причины быть благодарными вождю». Причины этой «особой» благодарности они видят в следующем: «в начале 40-х гг. были репрессированы почти все ближайшие соседи адыгов... Все шло к тому, что следующей жертвой могли стать адыги. Есть факты, свидетельствующие, что в те годы органами НКВД был даже подготовлен проект их выселения. Но И.В. Сталин... запретил даже думать об этом. «БЕЗ АДЫГОВ КАВКАЗ – НЕ КАВКАЗ» [выделено в тексте. – *Авт.*], – этими словами был остановлен маховик репрессий против адыгов». Авторы считают, что «решение вождя не было случайным. Огромную роль в этом сыграл героизм, проявленный адыгами во время Великой Отечественной войны – на фронте и в партизанских отрядах, а также самоотверженный труд в тылу»⁴.

Похожий ответ предлагает и М.М. Ибрагимов на вопрос о том, почему не был репрессирован черкесский народ, представители которого также участвовали

¹ Пыхалов И. За что депортировали народы во время войны? URL: http://www.info-ru.com/ru/news/news_detail.php?ID=24792 (дата обращения: 13.06.2009).

² Шнайдер В.Г. Социокультурные основания акта депортации ряда народов Северного Кавказа в 1943–1944 гг. // Вестник Армавирского института социального образования (филиала) МГСУ. Научный и учебно-методический ежегодник. 2003. № 1. С. 191.

³ Тебуев Р.С. Депортация карачаевцев: причины и последствия // Депортация карачаевцев. С. 25.

⁴ Земля адыгов. Майкоп, 1996. С. 311.

в повстанческом движении. «Ответ на этот вопрос очевиден: именно в горах Черкесии действовало или базировалось большинство партизанских отрядов и края, и Черкесии, и Карачая»¹. К сожалению, автор не подтверждает свой вывод дополнительными аргументами, а утверждение о том, что Северный Кавказ «стал своего рода полигоном для отработки на практике сталинской национальной политики», ему прямо противоречит, так как действия партизан или их отсутствие не могли в этом случае иметь для И.В. Сталина какое-либо решающее значение². Как отмечает другой исследователь, карачаевцы все равно «были бы депортированы, если бы на фронтах со словами “За Сталина!” погибла половина населения»³.

По мнению современных исследователей, версии о том, что «тот или иной народ должен был подвергнуться депортации (обычно – “по злой воле” Л.П. Берии) и его спасло личное вмешательство И.В. Сталина, который учел его “заслуги” перед Родиной, достаточно давно и широко распространены на Северном Кавказе, представляя собой своеобразные мифологемы массового сознания». Подтвердить или опровергнуть их не представляется возможным, уже «исходя из того что истинные планы и намерения И.В. Сталина далеко не всегда отражались в документах. Однако их проникновение на страницы профессиональных исторических сочинений представляет собой новое явление в развитии современной историографии, отражая усиление ее взаимосвязи с этническим историческим сознанием». В подобных работах ратные подвиги представителей «своих» этносов затмевают все остальные. Этим подчеркивается историческая несправедливость депортации по отношению к определенному этносу, а не данной акции вообще.

В последние годы появились специальные исследования, посвященные реабилитации репрессированных народов. Обобщающий характер носят работы А. Калтахчяна и А. Гонова. Реабилитации карачаевцев посвящены работы Р.С. Тебуева, балкарцев – Б.М. Зумакулова, Х.-М.А. Сабанчиева, А.А. Алафаева и других авторов⁴. Немало исследователей закономерно рассматривают депортацию и реабилитацию в комплексе, как две взаимосвязанных стороны одной проблемы.

Исследователи отмечают половинчатый характер реабилитации конца 1950-х – начала 1960-х гг. и в то же время подчеркивают, что репрессированным

¹ *Ибрагимов М.М.* Власть и общество в годы Великой Отечественной войны (На примере национальных республик Северного Кавказа). М., 1998. С. 310.

² Там же. С. 287.

³ *Алиев К.-М.И.* В зоне «Эдельвейса». С. 61.

⁴ *Калтахчян А.* Реабилитация репрессированных народов России: первые практические шаги // *Этнополитический вестник.* 1992. № 2; *Гонов А.М.* Северный Кавказ: реабилитация репрессированных народов (20–90-е годы). Нальчик, 1998; *Зумакулов Б.М.* Реабилитация балкарского народа. Нальчик, 1998; *Алафаев А.А., Сабанчиев Х.-М.А.* Реабилитация балкарского народа: проблемы и решения // *Отечественная история.* 2008. № 1 и др.

народам была оказана немалая помощь со стороны государства¹. При этом ряд авторов указывает, что так и не была восстановлена «незаконно и преступно ликвидированная национальная государственность карачаевского народа»². Объединение карачаевцев с черкесами в рамках Карачаево-Черкесской автономной области, вошедшей в состав Ставропольского края, рассматривается ими как форма продолжавшейся дискриминации, что свидетельствует об отказе от прежде декларировавшихся идей дружбы народов.

Реабилитационные мероприятия 1989–1990-х получили положительную оценку ряда региональных исследователей³. Напротив, В. Муравьев, отметив целесообразность совершенствования и развития законодательной базы реабилитации, выразившуюся в принятии специальных нормативно-правовых актов в начале 1990-х гг., указывает на трудности в их реализации, связанные как с общей тяжелой социально-экономической ситуацией, в которой находилась Россия, так и с непродуманностью самих актов⁴. Часть авторов говорит о необходимости не только материальной, политической, но и морально-психологической реабилитации депортированных народов, «что означает разрушение государственными органами» их отрицательных стереотипов «в глазах других народов»⁵.

Таким образом, разработка проблемы депортаций народов Северного Кавказа в 1937–1945 гг. из достаточно «маргинального» сюжета отечественной историографии превратилась в одно из ведущих исследовательских направлений. Особенно серьезные изменения в осмыслении данной проблемы произошли в последние годы. В результате сложились различные подходы к объяснению причин и последствий депортаций, определению масштабов принудительных переселений народов и национальных групп. Однако обращение к данной проблематике в последнее десятилетие сохранило присущий ей политизированный характер, выражающийся в частности в попытках «посчитать», какой народ больше других пострадал от репрессий, заострить внимание на несправедливости только по отношению к конкретному народу. Политизация проявляется и в стремлении ряда авторов привлечь своих оппонентов не только к морально-политической, но и к юридической ответственности. Унаследованная современной истори-

¹ Тебуев Р.С. Возвращение карачаевцев на историческую родину и начало возрождения народа // Вестник Карачаево-Черкесского института гуманитарных исследований. Ставрополь, 1999. Вып. 1. С. 69.

² Бадахова И.Т. Чужие на своей земле // Репрессированные народы: история и современность: Материалы респ. науч. конф., 30–31 октября 2003 г. С. 13.

³ Тебуев Р.С. Возвращение карачаевцев на историческую родину и начало возрождения народа. С. 70; Аджиева Э.А. Депортация народов Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны: причины и следствия... С. 96–132 и др.

⁴ Муравьев В. Миграции на Северном Кавказе – следствие переселений народов // Народы России: проблемы депортации и реабилитации. С. 122–124.

⁵ Карачаевцы. Выселение и возвращение (1943–1957). С. 5 и др.

ографией от советской исторической науки тенденция обвинять оппонентов в «фальсификации» и «клевете» не позволяет перевести дискуссию в «нормальное» научное русло, и вместо поиска истины совместными усилиями представителей различных школ и направлений происходит поиск новых «врагов». Подобный взгляд «из окопа», как и стремление использовать историю в собственных политических, а то и экономических интересах, представляется не только неэффективным, но и опасным способом интерпретации прошлого.

§ 5.2. Выселение части народов Северного Кавказа и ликвидация их национально-государственных образований в период Великой Отечественной войны

Великая Отечественная война оказалась, пожалуй, главным вызовом для советского государства, важнейшей проверкой его устойчивости и жизнеспособности. Радикальным ответом на экстремальную ситуацию военного времени стали этнические депортации и последовавшие за ними новые решительные административно-территориальные преобразования на Северном Кавказе. Непосредственно обусловленные событиями военных лет, они в то же время были тесно связаны с предшествующим этапом истории региона. Поэтому их целесообразно рассматривать в контексте развития всей советской национальной политики и практики национально-государственного строительства.

Необходимо отметить, что переселения народов как метод решения тех или иных задач применялись в разных государствах начиная с глубокой древности. В СССР первые этнические депортации осуществлялись в предвоенный период в отношении поляков на западе страны, корейцев на Дальнем Востоке, затем курдов и иранцев в приграничной полосе в Закавказье. С началом Великой Отечественной войны поиск внутренних «врагов» активно продолжался, в том числе и на Северном Кавказе. В сентябре – октябре 1941 г. были выселены немцы, а в апреле 1942 г. – греки с Черноморского побережья Кавказа. Однако данные депортационные кампании, меняя этнический состав населения региона, не затрагивали его административного устройства. Изменения в указанной сфере произошли уже в 1943–1944 гг., после освобождения Северного Кавказа от нацистской оккупации.

В советской историографии считалось, что во второй половине 1930-х гг. на всей территории страны сложились основы социалистического общественного строя, сформировался единый советский народ как новая социальная общность. В настоящее время степень инкорпорирования северокавказских этносов в советское общество в значительной степени пересматривается. Исследователи отмечают, что «народы Кавказского региона втягиваются в историческую орбиту советского государственного социализма, обладая различными внутренними

социальными кондициями. Тип социальной структуры, характер внутренней социальной организации серьезно влияют на формы адаптации этих народностей к новым советским экспериментам и потрясениям. Отсутствие или слабость просоветской элиты внутри некоторых из этнических групп создает ситуацию постоянного кризиса в отношениях между властью и этими группами, а эксцессы коллективизации и борьбы с религией лишь усугубляют зреющий конфликт»¹.

В высокой протестной активности населения Северного Кавказа тесно сплетались социально-экономические и этнополитические факторы. В конце 1920-х – начале 1930-х гг. здесь произошел целый ряд вооруженных выступлений, для подавления которых использовались не только войска ОГПУ – НКВД СССР, но и регулярные части Красной армии, применялись артиллерия и авиация. Особенно массовый характер эти выступления носили в Чечено-Ингушетии, хотя и в других автономиях Северного Кавказа на протяжении практически всего периода 1920–1930-х гг. оставалось беспокойно. Всего за двадцать лет, с 1921 г. по 1941 г., на территории Чечни и Ингушетии произошло 12 крупных вооруженных выступлений, в каждом из которых участвовало от 500 до 5 тыс. чел.²

С началом Великой Отечественной войны на Северном Кавказе массовый характер приобрело дезертирство и уклонение от воинской службы в рядах Красной армии. Следует отметить, что только перед самой войной, в 1940–1941 гг., проводился массовый призыв в РККА представителей горских народов Северного Кавказа. До этого они в большинстве своем в армии не служили и военной подготовки не проходили, что неминуемо ослабляло их воинские качества. Далеко не все военнообязанные владели русским языком и осознавали цели войны. В ходе первой мобилизации с 29 августа по 2 сентября 1941 г. в Чечено-Ингушской АССР из подлежащих призыву 8 тыс. чел. дезертировали в пути следования к месту отправки 450 чел., уклонились от призыва 269 чел. В октябре 1941 г. во время очередного призыва граждан из 4 733 призывников уклонились от явки на призывные пункты 362 чел. В марте 1942 г. из 14 577 чел. было призвано только 4 395. Общая численность дезертиров и уклонившихся от призыва в республике составила 13,5 тыс. чел. Поэтому в апреле 1942 г. приказом наркома обороны СССР был вообще отменен призыв в армию чеченцев и ингушей. В 1943 г. партийные организации Чечено-Ингушской АССР попытались его возобновить. Наркомат обороны по их ходатайству разрешил призвать из республики 3 тыс. добровольцев, но из них вскоре дезертировали 1870 чел.³

В связи с приближением фронта в регионе значительно активизировалась деятельность антисоветских повстанческих и бандитских элементов, особенно

¹ Цуциев А. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774–2004). М., 2006.

² Вайнахи и имперская власть: проблема Чечни и Ингушетии во внутренней политике России и СССР (начало XIX – середина XX вв). С. 456.

³ Подробнее см.: Безугольный А.Ю., Бугай Н.Ф., Кринко Е.Ф. Горцы Северного Кавказа в Великой Отечественной войне. М., 2012.

в труднодоступных горных и предгорных районах. В Кабардино-Балкарской АССР в 1941 г. основными местами распространения бандитизма стали Эльбрусский, Чегемский и Зольский районы. В связи с этим в республике были взяты на учет 500 чел., из них в Эльбрусском районе – 52 чел., в Лескенском – 47 чел.¹

28 января 1942 г. в Орджоникидзе нелегально состоялось учредительное собрание Особой партии кавказских братьев (ОПКБ), избравшее ее исполком и оргбюро во главе с Х. Исраиловым (Терлоевым). Цели данной организации включали «полную дезорганизацию» советского тыла «во имя поражения России в войне с Германией», создание «свободной братской федеративной республики государств – братских народов Кавказа по мандату Германской империи», выселение русских и евреев. ОПКБ начала подготовку массового вооруженного восстания в горах, на ее сторону перешел ряд партийных и советских работников, включая и сотрудников правоохранительных органов. В августе 1942 г. крупное восстание охватило Шатоевский и Итум-Калинский районы Чечено-Ингушской АССР².

Германское командование стремилось использовать в своих интересах подъем антисоветского движения на Северном Кавказе. В момент ожесточенных боев под Моздоком и Малгобеком на территорию Чечено-Ингушской АССР были заброшены четыре группы немецких диверсантов во главе с офицером абвера, аварцем по национальности, эмигрировавшим в 1921 г., О. Губе (Саиднуровым). Задачи диверсантов заключались в формировании банд из местных жителей, взрыве мостов и дезорганизации снабжения в тылу частей РККА. Сохранялась напряженность и в других северокавказских автономиях и краях³.

Войскам и органам НКВД – НКГБ не хватало сил, чтобы удерживать ситуацию под контролем. Для борьбы с бандитизмом пришлось привлечь армейские части, снятые с фронта в самый сложный момент немецкого наступления на Кавказе, в частности 242-ю мотострелковую и 347-ю стрелковую дивизии, 28-ю стрелковую бригаду, Орджоникидзевскую дивизию НКВД, курсантов военных училищ. Задачи по борьбе с бандитизмом периодически ставились действовавшим на Северном Кавказе 58-й, 44-й и 28-й советским армиям.

В ноябре 1942 г. обострилась обстановка на фронте 37-й армии Северной группы войск Закавказского фронта, оборонявшей территорию Кабардино-Балкарской АССР. Действия бандитских формирований мешали отступлению и снабжению советских войск. Особую активность проявляли бандитские группы в Черекском районе. Несколько банд объединилось здесь в крупную организацию под руководством бывшего пропагандиста Черекского райкома ВКП(б) Я.Д. Жангузарова, на фронте перешедшего на сторону противника и получившего звание офицера вермахта по окончании немецкой спецшколы. 21–23 ноября 1942 г. до 200 бандитов

¹ «По решению Правительства Союза ССР...» Нальчик, 2003. С. 484.

² Подробнее см.: *Клычников Ю.Ю., Линец С.И.* Северокавказский узел: особенности конфликтного потенциала.

³ *Бугай Н.Ф.* Л. Берия – И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...» С. 94.

напали на селения Мухол и Сауты, заставив отступить находившиеся в них советские гарнизоны. Захватив Мухол, бандиты сожгли здание райисполкома, обыскали и ограбили дома советских активистов и коммунистов, ушедших на фронт и в партизанские отряды. 11-я стрелковая дивизия войск НКВД в боевых столкновениях с бандитами с 21 по 25 ноября 1942 г. потеряла 10 чел. убитыми и ранеными.

Для ликвидации бандгрупп был сформирован истребительный отряд из военнослужащих и партизан во главе с командиром роты 278-го стрелкового полка 11-й стрелковой дивизии войск НКВД капитаном Ф.Д. Накиным. В ночь на 26 ноября 1942 г. отряд подошел к селениям Средней Балкарии, где был обстрелян из захваченной бандитами зенитной пушки и стрелкового оружия. Отряд взял с боем селение Сауты, при этом погибло много женщин и детей. Капитан Ф.Д. Накин приказал сжечь все дома бандитов, а также те постройки, откуда велся огонь. Группа бойцов овладела находившимся выше в горах селением Глашево и продвинулась до селения Верхний Чегет, но под сильным огнем была вынуждена отступить. По приказу Ф.Д. Накина в Глашево было расстреляно более 60 чел. Всего с 27 ноября по 4 декабря 1942 г. сводный отряд НКВД в Черекском ущелье расстрелял около 700 мирных жителей, в том числе 155 детей в возрасте до 16 лет, сжег 519 домов с имуществом и хозяйственными постройками, уничтожил или угнал более 500 коров.

Командующий 37-й армии генерал-майор П.М. Козлов, узнав о массовой гибели мирного населения, приказал провести служебное расследование, признавшее ответственным за трагедию командира отряда. Однако никакого решения по данному вопросу не было принято, так как Ф.Д. Накин погиб 9 января 1943 г. Более того, после освобождения района от войск вермахта в 1943 г. по указанию партийного и советского руководства республики районные органы власти составили акты о том, что гибель людей в Черекском ущелье являлось злодеянием оккупантов и их пособников-бандитов. Были проведены массовые аресты, вследствие чего в горы ушли не только дезертиры, но и значительная часть остальных жителей. Данные действия руководства лишь усиливали негативное отношение части населения к советской власти¹.

Летом – осенью 1942 г. войскам вермахта удалось захватить Адыгейскую АО, Карачаевскую АО и Черкесскую АО, Кабардино-Балкарскую АССР, большую часть Северо-Осетинской АССР (Ирафский, Дигорский, Ардонский, Кировский, частично Орджоникидзеvский и Гизельдонский районы) и незначительную – Чечено-Ингушской АССР (Малгобек). Срок оккупации отдельных районов составлял от 2 до 6 месяцев. Вся полнота власти в оккупированных областях Северного Кавказа принадлежала немецким военным комендатурам, опиравшимся на войска вермахта и местные полицейские формирования. Немецким комендантам подчинялась местная гражданская администрация, игравшая вспомогательную

¹ См.: Черекская трагедия. Нальчик, 1994.

роль, – городские и районные управы во главе с бургомистрами или городскими головами и сельские старосты.

Основными направлениями нацистской пропаганды на оккупированной территории Северного Кавказа стали критика сталинского режима, апология действий руководителей Германии, призыв к сотрудничеству и агитация в поддержку мероприятий «нового порядка». Значительное место отводилось «поощрению национальных стремлений» отдельных народов. В «Воззвании к гражданскому населению Кавказа» утверждалось: «Германская армия и ее союзники пришли к вам не как поработители, а как освободители всех кавказских народов от ненавистного вам большевистского ярма»¹.

Оккупационная пресса акцентировала внимание на непокорности Кавказа Москве, неоднократно обращалась к драматическим событиям Кавказской войны: движению Шамиля, колонизаторской политике царизма, переселению черкесов за рубеж. В приказах военного командования неоднократно говорилось о необходимости распустить колхозы, уважать честь горской женщины, право собственности, развивать национальные ремесла и кавказские языки. Оккупанты объявили о свободе вероисповедания на Северном Кавказе, разрешили открывать церкви. Особое внимание уделялось поддержке ислама, во многих городах и аулах появились мечети. Стремясь внести раскол в межнациональные отношения на Кавказе, нацистские идеологи пытались доказать общность происхождения того или иного народа с немцами, в частности, обосновывали родство осетин и германцев. В то же время оккупанты демонстрировали свое особое расположение к казачеству, подчеркивали его превосходство перед горцами, обещали восстановить сословные привилегии казаков и создать особое «казачье государство».

Наряду с пропагандой на оккупированных территориях Северного Кавказа широко использовался террор. За период оккупации в Адыгейской АО захватчики и их пособники уничтожили свыше 4 тыс. чел.², в Карачаевской АО – 6 тыс. чел.³, в Черкесской АО – более 3 тыс. чел.⁴, в Кабардино-Балкарской АССР – более 2 тыс. мирных граждан⁵. В Северо-Осетинской АССР в концлагере на берегу реки Дур-Дур в Дигорском районе оккупанты уничтожили 2 тыс. чел. Кроме того, было расстреляно 128 мирных жителей, 1323 чел. погибло от воздушных налетов и артиллерийских обстрелов, 781 чел. ранен⁶.

¹ ГУ НАРА. Ф. Р-1563. Оп. 1. Д. 1. Л. 9.

² Очерки истории Адыгеи. Майкоп, 1981. Т. 2. С. 175.

³ Народы Карачаево-Черкесии. С. 192.

⁴ Государственный архив Ставропольского края. Ф. Р-1368. Оп. 1. Д. 132. Л. 1.

⁵ Управление центра документации новейшей истории Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики (далее – УЦДНИ АС КБР). Ф. 1. Оп. 1. Д. 526. Л. 1–9.

⁶ Тедтоев А.А. Защищая Отечество свое. Орджоникидзе, 1977. С. 6.

По инициативе местных партийных организаций еще до оккупации на территории Северного Кавказа создавались партизанские отряды и подпольные группы. Значительную роль в их организационном становлении сыграли органы НКВД – НКГБ и армейское командование РККА. В Адыгейской АО в период оккупации действовали 8 партизанских отрядов общей численностью до 700 чел. Согласно данным В.М. Глухова, русские составляли в них 522 чел. (74,6 %), адыгейцы – 148 чел. (21,1 %), украинцы – 25 чел. (3,6 %)¹. Эти цифры соответствуют национальному составу населения области до войны. Однако в итоговом отчете о боевой и разведывательной деятельности Краснодарского штаба партизанского движения, содержащем сведения о национальном составе отрядов Кубани в целом, приводится другая цифра – 46 адыгейцев². В Карачаевской АО были сформированы 8, в Черкесской АО – 5 отрядов общей численностью в 700 чел.³ В Кабардино-Балкарской АССР в июле – августе 1942 г. было организовано 8 отрядов численностью в 996 чел. На территории Северо-Осетинской АССР за время оккупации действовало 10 партизанских отрядов с 614 чел. В Чечено-Ингушской АССР в сентябре – октябре 1942 г. насчитывалось 28 партизанских отрядов численностью в 1081 чел. Чеченцы составляли в них 292 чел. (26,8 %), ингуши – 107 чел. (9,8 %), представители других национальностей (преимущественно русские) – 688 чел. (63,4 %)⁴. В Дагестане к ноябрю 1942 г. на случай вторжения войск вермахта было организовано 10 партизанских отрядов общей численностью в 513 чел.⁵ Но территория Дагестанской АССР не была оккупирована, и созданным в республике отрядам не пришлось участвовать в боевых действиях.

Партизаны и подпольщики других национальных автономий Северного Кавказа внесли свой вклад в дело Победы, уничтожив тысячи военнослужащих вермахта и полицейских, сотни единиц боевой техники, разрушив десятки мостов и дорог, нанеся другой урон врагу. Уже во время продвижения войск вермахта на Кавказ партизанские отряды нередко использовались для прикрытия отступления частей РККА. Значительно хуже вооруженные и обученные, чем противостоявшие им войска вермахта, партизаны несли в оборонительных боях неоправданные потери. Формально отнеслись к организации борьбы в тылу противника и отдельные местные партийные руководители. В итоговом отчете Южного штаба партизанского движения отмечалось: «В Чечено-Ингушетии партизанские

¹ Глухов В.М. Адыгея в дни Великой Отечественной войны: дис. ... канд. ист. наук. Майкоп, 1949. С. 146.

² Центр документации новейшей истории Краснодарского края (далее – ЦДНИКК). Ф. 4372. Оп. 1. Д. 17а. Л. 3.

³ Очерки истории Карачаево-Черкесии. В 2 т. Черкесск, 1972. Т. 2. Советский период. С. 247–248.

⁴ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 619. Л. 24–26.

⁵ Там же. Л. 34–37.

отряды существовали только на бумаге, в Северной Осетии прикрывались формированием так называемой партизанской бригады и бездействовали»¹.

Негативную роль сыграли недостатки в подготовке и комплектовании отрядов, утрата ими продовольственных баз, отсутствие связи и в ряде случаев поддержки со стороны населения. В результате часть отрядов вскоре распалась и была уничтожена противником. Уже к концу августа прекратили свое существование 11 партизанских отрядов Карачаевской АО и Черкесской АО, а к началу декабря 1942 г. на данной территории не осталось ни одного боеспособного отряда². Фактически распались 5 отрядов Кабардино-Балкарской АССР (часть партизан Черекского и Чегемского отрядов ушла с оружием в банду), 2 отряда перешли в советский тыл, значительная часть Нальчикского отряда сдалась противнику. Продолжал боевые действия только объединенный Кабардино-Балкарский партизанский отряд, состоявший в большинстве своем из коммунистов и находившийся в распоряжении командования 37-й армии³.

Часть населения Северного Кавказа, как и в других оккупированных регионах СССР, пошла на сотрудничество с противником. В Карачае в период оккупации был создан Карачаевский национальный комитет (далее – КНК) во главе с К. Байрамуковым. В Нальчике – правительство во главе с князем С.Т. Шадовым, работавшим в 1920-е гг. следователем областной прокуратуры, а перед оккупацией республики – адвокатом. В него вошли дворяне Д.З. Тавкешев и Б.М. Шаков (до оккупации – начальник планового отдела «Заготзерно»), К.С. Бештоков (участник Баксанского восстания, дезертировавший из РККА, перешедший на сторону противника и окончивший разведшколу в Берлине), А.Х. Пшуков (осужден в 1937 г. за контрреволюционную деятельность)⁴. В ходе освобождения территории Северного Кавказа все они ушли вместе с отступавшим противником.

Переход на сторону противника был во многом вызван недовольством осуществлявшейся в СССР национальной и антирелигиозной политикой, коллективизацией и массовыми политическими репрессиями. Свою роль среди мотивов коллаборационизма играли желание сохранить жизнь, избежать преследований со стороны оккупантов или добиться привилегий. Следует также учитывать растерянность и страх, охватившие часть населения в результате неожиданной оккупации региона. Поэтому на службе у противника оказались представители различных социальных и профессиональных слоев, в том числе и коммунисты.

Так, дезертировали из партизанского отряда и добровольцами вступили в немецкую армию члены ВКП(б) уполномоченный уголовного розыска А.А. Хакунов

¹ ЦДНИКК. Ф. 4372. Оп. 1. Д. 17а. Л. 12.

² Койчугев А.Д. Карачаевская автономная область. С. 259, 265.

³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 44. Д. 392. Л. 114–115.

⁴ *Ибрагимбеи Х.-М.* Крах гитлеровского оккупационного режима на Кавказе // Народный подвиг в битве за Кавказ. М., 1981. С. 271–272.

и районный прокурор Шовгеновского района Адыгейской АО А.Я. Хуштоков¹. В Кабардино-Балкарской АССР 72 коммуниста ушли добровольно с немцами, включая 14 секретарей первичных партийных организаций и 12 председателей сельсоветов. Среди них – уполномоченный Урванского районного отдела НКВД Хупсарганов, уполномоченный Наркомата заготовок Зольского района Вороков, начальник Чегемского районного земельного отдела Жантуев². В Северо-Осетинской АССР 22 коммуниста ушли добровольно с немцами³. В Алагирском районе заведующий городским коммунальным хозяйством Кайтуков отказался идти в партизаны, служил в полиции⁴.

В октябре 1941 г. по инициативе руководителя абвера адмирала В. Канариса был создан батальон специального назначения «Бергман» (Горец) под командованием Т. Оберлендера, в котором служили и уроженцы Северного Кавказа. В начале осени 1942 г. батальон прибыл на Северный Кавказ, где пополнился добровольцами из военнопленных и местных жителей. Подразделения «Горца» забрасывали в советский тыл разведывательно-диверсионные группы для сбора сведений, разрушения коммуникаций и организации паники, вели радиопередачи с призывом переходить к немцам, проводили антипартизанские операции.

В 1942 г. в Польше началось формирование военных частей на национальной основе из советских военнопленных и жителей оккупированных областей, предназначенных непосредственно для боевых действий на фронте против Красной армии – восточных легионов. Первоначально представители народов Северного Кавказа входили в состав Кавказско-магометанского и Грузинского легионов, а в августе 1942 г. был создан Северокавказский легион. К созданию данных частей активно привлекались представители эмиграции. Еще в 1941 г. в Берлине было создано «кавказское правительство» во главе с грузином М. Кедия. Северный Кавказ в нем представляли внук имама Шамиля С. Шамиль и бывший министр иностранных дел Горской республики Г. Баммат. В 1942 г. в Берлине был создан Северокавказский национальный комитет, который возглавил бывший руководитель Аварского округа А.-Н. Магомаев. В него вошли осетины А. Кантемиров и Б. Байтуган, адыгейский князь, активный участник Белого движения в годы Гражданской войны, генерал-майор Султан-Клыч Гирей, чеченец Д. Тукаев, ингуш Албагачиев, дагестанец Н. Муратханов и другие эмигранты. Комитет издавал журнал «Северный Кавказ» и газету «Газават», которую редактировал А. Авторханов, партийный работник, репрессированный в 1937 г. и перешедший

¹ ХДНИ ГУ НАРА. Ф. 1. Оп. 3. Д. 3. Л. 38, 38об.

² РГАСПИ. Ф.17. Оп. 88. Д. 180. Л. 6–6об.

³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 221. Л. 125–126.

⁴ Там же. Л. 97.

к немцам в 1942 г.¹ Адыгейский полковник К.К. Улагай возглавил Мусульманский комитет по освобождению Кавказа.

Всего в годы Великой Отечественной войны на стороне Германии воевало 28 тыс. представителей народов Северного Кавказа². Большинство из них составили советские военнопленные, а главной причиной этого являлось их тяжелое положение в немецких лагерях. По сведениям немецкого командования, к началу апреля 1942 г. от голода и тифа погибло 47 % всех советских военнопленных в Германии. Для успешного развития коллаборационизма непосредственно на Северном Кавказе отсутствовала позитивная программа, а идеи строительства «нового порядка без большевиков» на независимой национальной основе отвергались германским руководством. Поэтому попытки создания прочной социальной опоры режиму не имели перспектив, а поражения вермахта на фронте заставляли задуматься даже активных противников советской власти о целесообразности дальнейшего сотрудничества с оккупантами³.

В январе 1943 г. большая часть территории Северного Кавказа была освобождена от войск вермахта. Однако вплоть до середины осени регион оставался прифронтовой территорией, подвергался налетом авиации люфтваффе, вражеским бомбардировкам. Восстановление советской власти происходило непросто не только вследствие значительных материальных разрушений, но и социально-психологических, а также юридических последствий оккупации. Началось расследование поведения тех жителей, которые находились на захваченной территории и обвинялись в сотрудничестве с противником, в том числе и коммунистов, многие из которых не успели эвакуироваться вследствие неожиданно быстрой оккупации. Секретарь Майкопского горкома ВКП(б) Ф.В. Ключко признался в том, что некоторые коммунисты упрекали его: «Зачем вы нас здесь бросили». Действительно, «ведь никто не знал, что 9 августа город будет сдан». Из 900 членов и кандидатов городской парторганизации на оккупированной территории осталось 228 чел.⁴

Только в Шовгеновском районе Адыгейской АО из 185 членов и кандидатов партии на оккупированной территории осталось 97 чел., 49 впоследствии исключили «за активную работу на оккупантов, измену Родине и предательство»⁵. В Карачаевской АО на оккупированной территории осталось 93,5 % членов Усть-Джегутинской, 69,6 % Малокарачаевской, 95 % Учкуланской, 86,2 % Зеленчукской,

¹ Казаков А.В. К истории северокавказской политической эмиграции // Архивы и общество. Нальчик, 2007. № 2. С. 106–108.

² Трахо Р.Г. Черкесы. Мюнхен, 1956. С. 123.

³ См. подробнее: Кринко Е.Ф. Кавказ в планах Альфреда Розенберга // Кавказский сборник. Т. 3 (35). М., 2006. С. 107–121.

⁴ ХДНИ ГУ НАРА. Ф. 1. Оп. 3. Д. 3. Л. 9.

⁵ Там же. Л. 38, 38 об.

69,8 % Микояновской районных партийных организаций¹. Всего 565 чел., из них после освобождения 97 чел. были исключены, на 49 чел. наложено взыскание². В Урванском и Лескенском районах Кабардино-Балкарской АССР на оккупированной территории осталось до 90 % коммунистов вместе с секретарями райкомов ВКП(б). Из 2209 коммунистов Кабардино-Балкарии, оставшихся на оккупированной территории, 1005 чел. были исключены из партии³. В Ирафском районе Северо-Осетинской АССР на захваченной противником территории находилось свыше 50 % членов партийной организации, а всего в республике в оккупации осталось 485 коммунистов, 19 чел. из них сдали свои партийные документы оккупантам, 318 чел. уничтожили или утратили их⁴.

Значительно осложнял обстановку новый подъем бандитизма, особенно в горных и лесных районах. В Учкуланском районе Карачаевской АО по инициативе КНК в январе – феврале 1943 г. вспыхнуло восстание, для подавления которого пришлось проводить войсковые операции. Документы НКВД сообщали: «Первая войсковая операция по ликвидации восстания, начатая 10 февраля 1943 г., была проведена неудачно. В конце февраля 1943 г. была проведена вторая войсковая операция под руководством заместителя наркома внутренних дел СССР генерал-полковника госбезопасности И.А. Серова. Восстание было ликвидировано, часть повстанцев уничтожена, но большое количество их скрылось в горах, организовав там бандгруппы, продолжив вооруженную борьбу»⁵.

Практически по всей предгорной и лесной полосе бандиты совершали террористические и диверсионные акты, убивали руководящих работников, партийных и советских активистов, грабили государственное и колхозное имущество, прежде всего продукты и скот, распространяли слухи о скором возвращении противника. Отдельные руководители колхозов по ночам были вынуждены «скрываться из домов в леса или по соседям». Колхозники отказывались работать на полях, заявляя: «Нам жизнь дороже»⁶.

Нарастанию бандитизма способствовали дезертирство и уклонение от воинской службы в рядах действующей армии. Директор Кавказского государственного заповедника Н.Е. Лаврентьев докладывал, что в условиях немецкой оккупации часть жителей из окрестных станиц оказалась на службе в полиции, другие ушли в лес и горы, организовав партизанские отряды. После отступления немцев они поменялись местами: часть полицейских ушла в леса и горы «и организовалась в бандитские шайки, а их односельчане – бывшие партизаны, в составе

¹ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 189. Л. 2 об.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 189. Л. 3.

³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 180. Л. 6–6 об.

⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 221. Л. 125–126.

⁵ «По решению Правительства Союза ССР...» С. 425.

⁶ Кубань в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945: Рассекреченные документы. Хроника событий. В 3 кн. Краснодар, 2003. Кн. 2. Ч. 1. Хроника событий. 1943 год. С. 398.

истребительных частей продолжали с ними вооруженную борьбу, причем иногда родные братья состояли во враждебных лагерях»¹. В целом в 1943 г. на Северном Кавказе количество дезертиров составило 20 249 чел., уклонившихся от призыва – 9 838 чел., а всего за годы войны в регионе насчитывалось 49 362 дезертира и 13 389 чел., уклонившихся от службы в РККА².

В первом полугодии 1943 г. только на Кубани было выявлено 106 бандитских групп с общим количеством участников свыше 1 тыс. чел., 38 банд удалось ликвидировать полностью, 19 – частично, при этом 312 чел. были убиты и арестованы. В Адыгейской АО было выявлено более 20 группировок численностью около 300 чел., имевших винтовки, автоматы, а некоторые даже пулеметы³. Для руководства борьбой с бандитизмом в Майкопе была создана оперативная группа, в районы с наиболее сложной обстановкой откомандировывали оперативный состав управлений НКВД и НКГБ, увеличили штаты районных отделений НКВД и НКГБ, усилили гарнизоны для охраны железной дороги Белореченская – Туапсе. В районах, где действовали банды, проводилось сселение мелких хуторов в крупные населенные пункты, аресту подвергались семьи главарей банд и их активных членов, за пределы края выселяли семьи «изменников Родины», приговоренных к высшей мере наказания.

В июле 1943 г. в Краснодарском крае было ликвидировано полностью 9 банд (52 чел.), частично – 29 банд (112 чел.), 24 бандита-одиночки и 43 пособника. При этом 107 чел. сдались добровольно, 92 были арестованы, 32 – убиты. Кроме того, в ходе мероприятий по борьбе с бандитизмом удалось арестовать 787 дезертиров и 511 чел., уклонявшихся от призыва в армию. На учете оставались 77 банд общей численностью до 820 чел.⁴ В августе совместными действиями органов и войск НКВД, а также войск по охране тыла Северо-Кавказского фронта были полностью ликвидированы 50 банд численностью 335 чел., 287 участников других банд, 117 бандитов-одиночек, 129 пособников, задержаны 278 скрывавшихся в лесах дезертиров. При проведении операций 49 чел. были убиты, 400 чел. арестованы, остальные сдались добровольно⁵.

В Ставропольском крае в 1943 г. было ликвидировано 134 бандитских группы с общим количеством участников 1 515 чел., в том числе в Карачаевской

¹ Архив Кавказского государственного биосферного заповедника. Письмо Н.Е. Лаврентьева начальнику Главного управления по заповедникам К.М. Шведчикову от 6 апреля 1944 г. Л. 3.

² «По решению Правительства Союза ССР...» С. 425.

³ Кубань в годы Великой Отечественной войны. Кн. 2. Ч. 1. Хроника событий. 1943 год. С. 401.

⁴ Там же. С. 412–415.

⁵ Бугай Н.Ф. Что это было? // Иосиф Сталин – Лаврентию Берии: «Их надо депортировать...»: Документы, факты, комментарии. М., 1992. С. 8.

АО – 65 групп с 843 участниками¹. Однако в горных районах ситуация оставалась напряженной. 15 апреля 1943 г. НКВД СССР и Прокуратура СССР издали совместную директиву № 52-6927, по которой предполагалось выселить 477 семей бандглаварей (573 чел.) из Карачаевской АО. Но так как «67 бандглаварей обратились с повинной в советские органы власти», численность семей, подлежащих депортации, была сокращена до 110 (472 чел.). Для активизации борьбы с бандитизмом 12 июня 1943 г. были организованы оперативные группы по районам из сотрудников НКВД, заменены начальники ряда районных отделов НКВД и НКГБ, увеличены штаты оперативных сотрудников, усилены войсковые гарнизоны².

В середине августа в Чечено-Ингушской АССР действовали 54 бандгруппы общей численностью 359 чел., в розыске находилось 2 045 дезертиров (в первом полугодии было разыскано всего 202 чел.). В докладе заместителя начальника отдела по борьбе с бандитизмом НКВД СССР Руденко рост бандитизма объяснялся такими причинами, как «недостаточное проведение партийно-массовой и разъяснительной работы среди населения, особенно в высокогорных районах, где много аулов и селений расположены далеко от райцентров, отсутствие агентуры, отсутствие работы с легализованными бандгруппами... допускаемые перегибы в проведении чекистско-войсковых операций, выражающиеся в массовых арестах и убийствах лиц, ранее не состоявших на оперативном учете и не имеющих компрометирующего материала». Так, с января по июнь 1943 г. были убиты 213 чел., из них на оперативном учете состояло только 22 чел.³

При этом в докладной записке наркома внутренних дел Чечено-Ингушской АССР С.И. Албогачиева от 20 августа сообщались другие цифры. Отмечая, что приводимые им данные являются далеко не полными, он указал 42 бандгруппы с общим количеством участников 284 чел., в том числе 24 активно действовавших (168 чел.) и 18 (116 чел.) не проявивших себя⁴. Это свидетельствовало об отсутствии согласованности в действиях представителей центрального аппарата НКВД и местных руководителей, стремившихся создать более благоприятную картину событий.

В целом ситуация в регионе рассматривалась советской властью как хронически нестабильная, требовавшая самых кардинальных решений, которыми и стала депортация ряда северокавказских народов на восток страны. Данный вопрос Политбюро ЦК ВКП(б) обсуждало уже в феврале 1943 г. и не пришло к единому мнению лишь по вопросу о сроках выселения⁵.

Первыми после освобождения Северного Кавказа принудительному выселению подверглись карачаевцы. К этому времени Карачаевская АО включала

¹ «По решению Правительства Союза ССР...» С. 407.

² Там же. С. 485–486.

³ Там же. С. 453.

⁴ Там же. С. 454.

⁵ Некрич А. Наказанные народы // Родина. 1990. № 6. С. 32.

6 районов и город областного подчинения – Микоян-Шахар. По переписи 1939 г. население области составляло 150,3 тыс. чел., в том числе 70,3 тыс. чел., или 46,8 %, – карачаевцы.

Еще 9 октября 1943 г. руководство Казахской ССР, ссылаясь на ранее полученные указания Государственного комитета обороны СССР, предписало руководителям ряда областей республики готовиться к приему переселенцев с Северного Кавказа¹. Через три дня, 12 октября 1943 г., был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР № 115-13 о выселении карачаевского народа в Казахскую и Киргизскую ССР. Выселение объяснялось тем, что «в период оккупации немецко-фашистскими захватчиками Карачаевской автономной области многие карачаевцы вели себя предательски, вступали в организованные немцами отряды для борьбы с советской властью, предавали немцам честных советских граждан, сопровождали и показывали дорогу немецким войскам, наступающим через перевалы в Закавказье, а после изгнания оккупантов противодействуют проводимым советской властью мероприятиям, скрывают от органов власти бандитов и заброшенных немцами агентов, оказывая им активную помощь». В связи с этим Президиум Верховного Совета СССР постановил: «Всех карачаевцев, проживающих на территории области, переселить в другие районы СССР, а Карачаевскую автономную область ликвидировать». Перед Советом народных комиссаров СССР ставилась задача «наделить карачаевцев в новых местах поселения землей и оказать им необходимую государственную помощь по хозяйственному устройству»².

На карачаевцах отработывался сам механизм принудительного переселения, впоследствии применявшийся на других народах Северного Кавказа. 14 октября было принято секретное постановление СНК СССР № 1118-342сс, установившее порядок переселения жителей Северного Кавказа. Всем спецпереселенцам разрешалось взять с собой принадлежавшего им имущества не более 500 кг на семью. Все остальное: дома и сельскохозяйственные постройки, скот и птицу, зерно и другую продукцию сельского хозяйства – они оставляли на месте. При этом скот, птица и зерно шли «на покрытие государственных обязательств, поставок 1943 г. и недоимок прошлых лет», остальное подлежало «возмещению натурой в новых местах расселения». Расселение 16 тыс. семейств планировалось «производить, как правило, целыми колхозами в пустующих помещениях существующих колхозов и совхозов» в Южно-Казахстанской (6 тыс. семейств) и Джамбульской (5 тыс. семейств) областях Казахской ССР, Фрунзенской (5 тыс. семейств) области Киргизской ССР. Предполагалось, что спецпереселенцам будет предоставлена возможность построить в 1943–1944 гг. индивидуальные глинобитные дома из местных строительных материалов, а также приспособить имевшиеся пустовавшие и требовавшие

¹ Карачаевцы. Выселение и возвращение. С. 14.

² ГАРФ. Ф. Р-7523. Оп. 14. Д. 61. Л. 1.

ремонта постройки для жилья. На расходы, связанные со спецпереселением, выделялось 20 млн руб.¹

Всего с Северного Кавказа в Казахстан и Киргизию в октябре 1943 г. были выселены 69 267 карачаевцев. Впоследствии здесь были дополнительно выявлены и депортированы еще 329 чел., из других районов Кавказа – 90 карачаевцев. 2543 военнослужащих были демобилизованы из Красной армии и также отправились в принудительную ссылку.

Территория упраздненной Карачаевской АО была разделена на несколько частей. Учкуланский и часть Микояновского района с бывшим центром автономии – городом Микоян-Шахар – отошли к Грузинской ССР. Здесь они составили Клухорский район, а Микоян-Шахар был переименован в Клухори. Граница между РСФСР и Грузинской ССР была проведена с запада по прежней границе бывшего Микояновского района, далее на восток севернее Клухори, далее по реке Мара, исключая селение Нижняя Мара, с выходом на границу бывшего Учкуланского района, южнее селения Верхняя Мара, далее на юг по восточной границе бывшего Учкуланского района.

Усть-Джегутинский (в который вошла остальная часть Микояновского района), Мало-Карачаевский (переименованный в Кисловодский район) и Зеленчукский (в который включалась часть Преградненского района со станицей Преградной) вошли напрямую в Ставропольский край. Большая часть Преградненского района была передана в состав Мостовского района Краснодарского края. Границы района с юга, запада и востока остались прежними, а на севере прошли по линии от селения Куньша Краснодарского края через высоты 1194 и 1664, исключая селение Круглый, высоты 1274, 1225, с выходом на границу пастбищ Черкесской АО в районе высоты 1918².

Однако новые границы создавали чересполосицу, создававшую большие неудобства для руководства. Включенная в состав Зеленчукского района часть бывшего Преградненского района со станицей Преградной могла связываться с районным центром только через станицу Сторожевую Кировского района Черкесской АО. Поэтому Ставропольский крайисполком счел целесообразным включить данную территорию с населенными пунктами Круглый, Щелканка, Ново-Урупский, Пантелеймоновское, а также Архызские летние пастбища в Кировский район Черкесской АО. В результате административные границы Зеленчукского района оставались без изменений³.

Решением Ставропольского крайисполкома 31 декабря 1943 г. населенные пункты Крым, Холодный Родник и Ильич, а также часть Ессентукской прирезки площадью до 11 тыс. га Усть-Джегутинского района были переданы Черкесскому району Черкесской АО. Остальная часть Ессентукской прирезки площадью до

¹ «По решению Правительства Союза ССР...» С. 395–398.

² ГАРФ. Ф. Р-7523. Оп. 14. Д. 61. Л. 1–2.

³ Там же. Л. 5.

3 тыс. га вошла в Суворовский район. Карачаевская МТС была переименована в Холодно-Родниковскую и передана в Черкесскую АО. В состав Кисловодского сельского района включены нагорные летние пастбища Усть-Джегутинского района, центром района утверждена станица Кисловодская¹. Крайисполком полагал, что тем самым «ликвидируется чересполосица, приближается руководство колхозами и возможно рациональное использование свободных земель». Установление на местности межрайонных границ откладывалось до 1 августа 1944 г., «так как в горных условиях зимой производить землеустроительные работы затруднительно»².

Осенью и зимой 1943–1944 гг. органы НКВД начали подготовку операций по выселению других народов Северного Кавказа, в первую очередь самых многочисленных – чеченцев и ингушей. В состав Чечено-Ингушской АССР входило 24 района с общей площадью 15,7 тыс. кв. км. По переписи 1939 г. ее население составляло 697,4 тыс. чел., в том числе 368,4 тыс. чеченцев, 83,8 тыс. ингушей³.

В ноябре 1943 г. заместитель наркома внутренних дел СССР В.В. Чернышов провел расширенное совещание начальников управлений НКВД Алтайского, Красноярского краев, Омской и Новосибирской областей, на котором решались вопросы о количестве переселенцев и будущих районах их размещения. Для поддержания порядка в новых местах проживания утверждались 145 районных и 375 поселковых спецкомендатур с 1 358 сотрудниками. Незадолго перед выселением, 15 февраля 1944 г., начальник ГУЛАГа НКВД СССР В.Г. Наседкин и нарком внутренних дел Казахской ССР Н.К. Богданов обратились к Л.П. Берии за помощью в укомплектовании спецкомендатур необходимыми кадрами и просили «кроме использования сотрудников Казахского НКВД, командировать дополнительно 200 человек, так как предстоит большая работа по приему 408 500 человек в Казахской и 103 300 спецпоселенцев в Киргизской ССР»⁴.

Возникает закономерный вопрос, насколько знали об этой подготовительной работе в самих автономиях. По мнению Н.Ф. Бугая, «безусловно, да, во всяком случае руководящие партийные и советские работники были в курсе дел, да и не только работники ЧИ АССР». Так, нарком внутренних дел Дагестанской АССР Р.А. Маркарян в докладе на имя Л.П. Берии от 5 января 1943 г. сообщал, что еще в декабре 1943 г. начальник Орджоникидзевской железной дороги на встрече с председателем Верховного совета Дагестанской АССР и сотрудниками обкома ВКП(б) уведомил их о «предстоящем выселении чеченцев и ингушей, отметив, что для этой цели прибывают 40 железнодорожных эшелонов и 6 000 автомашин»⁵.

¹ ГАРФ. Ф. Р-7523. Оп. 14. Д. 61. Л. 4.

² Там же. Л. 6–7.

³ РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 14. Д. 56. Л. 102.

⁴ Бугай Н.Ф. Что это было? С. 10.

⁵ Там же. С. 10–11.

31 января 1944 г. ГКО СССР принял постановление № 5 073сс «О мероприятиях по размещению спецпереселенцев в пределах Казахской и Киргизской ССР». НКВД СССР поручалось направить в феврале – марте 1944 г. 400 тыс. спецпереселенцев в Казахскую ССР и до 90 тыс. спецпереселенцев – в Киргизскую ССР. СНК Казахской ССР и СНК Киргизской ССР обязывались «обеспечить прием, размещение и трудовое устройство прибывающих спецпереселенцев»¹. Для организации работы по приему скота, сельскохозяйственной продукции и другого имущества от переселяемых с Северного Кавказа чеченцев и ингушей была создана специальная Комиссия СНК СССР во главе с заместителем председателя СНК РСФСР А.В. Гриценко, прибывшая в Чечено-Ингушскую АССР 11 февраля.

Через десять дней последовал приказ НКВД СССР № 00 193 о переселении нового контингента. Операция получила название «Чечевица» и началась 23 февраля. Для ее проведения в Грозный 20 февраля прибыли лично нарком внутренних дел Л.П. Берия совместно с комиссарами государственной безопасности Б.З. Кобуловым и И.А. Серовым, другими высокопоставленными сотрудниками центрального аппарата НКВД. В начале операции «Чечевица» были депортированы 310 630 чеченцев и 81 100 ингушей, в основном жителей равнинных и относительно доступных горных районов. Вместе с ними были выселены 80 аварцев, 27 кумыков, 6 осетин, 2 лакца, 1 лезгин, 14 кабардинцев, 4 азербайджанца, 4 еврея, 1 ногаец, 1 даргинец. Затем численность депортируемых возросла до запланированных 478 479 чел.²

За три дня до начала операции Комиссия СНК СССР подготовила проекты Указа Президиума Верховного Совета СССР о судьбе Чечено-Ингушской АССР и постановления СНК СССР о порядке заселения «освобожденных от местного населения районов и передаче скота в освобожденные от немецкой оккупации области»³. В их выработке участвовали руководители Грузинской ССР, Северо-Осетинской АССР, Дагестанской АССР и Чечено-Ингушского обкома ВКП(б). При этом председатель СНК Грузинской ССР В.М. Бакрадзе и секретарь Чечено-Ингушского обкома ВКП(б) В.А. Иванов с предлагаемым проектом районирования согласились, а руководители Дагестана и Северной Осетии попросили увеличить передаваемую им территорию⁴.

Однако Указ Президиума Верховного Совета СССР «О ликвидации Чечено-Ингушской АССР и об административном устройстве ее территории» был принят уже после выселения вайнахов, 7 марта 1944 г. В отличие от карачаевцев, чеченцам и ингушам было предъявлено обвинение в тыловом и даже в довоенном бандитизме, так как в оккупации находилась незначительная часть автономии.

¹ «По решению Правительства Союза ССР...» С. 459–461.

² Бугай Н.Ф. Что это было? С. 11.

³ «По решению Правительства Союза ССР...» С. 458.

⁴ Там же. С. 465.

Выселение обосновывалось тем, «что в период Отечественной войны, особенно во время действий немецко-фашистских войск на Кавказе, многие чеченцы и ингуши изменили Родине, переходили на сторону фашистских оккупантов, вступали в отряды диверсантов и разведчиков, забрасываемых немцами в тылы Красной Армии, создавали по указке немцев вооруженные банды для борьбы против советской власти», а также тем, «что многие чеченцы и ингуши на протяжении ряда лет участвовали в вооруженных выступлениях против советской власти и в течение продолжительного времени, будучи не заняты честным трудом, совершают бандитские налеты на колхозы соседних областей, грабят и убивают советских людей». В результате Президиум Верховного Совета СССР постановил: «Всех чеченцев и ингушей, проживающих на территории Чечено-Ингушской АССР, а также в прилегающих к ней районах, переселить в другие районы СССР, а Чечено-Ингушскую АССР ликвидировать». СНК СССР поручалось «наделить чеченцев и ингушей в новых местах поселения землей и оказать им необходимую государственную помощь по хозяйственному устройству»¹. Обращает на себя внимание, что соответствующее законодательное оформление данного решения произошло лишь 25 июля 1946 г. с принятием Закона РСФСР «Об упразднении Чечено-Ингушской АССР и о преобразовании Крымской АССР в Крымскую область».

Территория упраздненной Чечено-Ингушской АССР была разделена на четыре части. Центральные районы образовали Грозненский округ в составе Ставропольского края. Первоначально Комиссия СНК СССР планировала включить в него 16 из 24 районов, в том числе 13 в прежних границах, а 3 – в уменьшенных, 238 из 412 колхозов и 45 из 81 тыс. дворов Чечено-Ингушской АССР. В том числе 21 русский колхоз с 6 037 дворами и 17 760 чел. населения². Однако в результате обсуждения территория округа уменьшилась и включила город Грозный, ставший его центром, районы бывшей Чечено-Ингушской АССР: Атагинский, Ачхой-Мартановский, Грозненский, Надтеречный, Старо-Юртовский, Урус-Мартановский, Шалинский, Шатоевский (в прежних границах), Гудермесский (за исключением восточной части), Сунженский район (за исключением западной части), Галанчожский и Галашкинский (за исключением южной части), а также северо-западную часть Курчалоевского района³.

Остальная территория, прежде всего горные районы, отошла к соседним Северо-Осетинской АССР, Дагестанской АССР и Грузинской ССР. В состав Дагестанской АССР планировалось включить 4 района в прежних границах и еще один с уменьшенной в два раза территорией. Однако первый секретарь Дагестанского обкома ВКП(б) А.М. Алиев и председатель СНК Дагестанской АССР А.Д. Даниялов попросили дополнительно присоединить восточную часть

¹ ГАРФ. Ф. Р-7523. Оп. 15. Д. 103. Л. 1.

² «По решению Правительства Союза ССР...» С. 464.

³ ГАРФ. Ф. Р-7523. Оп. 15. Д. 103. Л. 2.

Гудермесского и Курчалоевского районов¹. В итоге к Дагестанской АССР были присоединены Веденский, Ножай-Юртовский, Саясановский, Чеберлоевский – в прежних границах, Курчалоевский и Шароевский районы – за исключением северо-западной части, а также восточная часть Гудермесского района.

Граница между Грозненским округом и Дагестанской АССР с севера на юг прошла от излучины Терека западнее селения Азамат-Юрт, по его западной окраине на высоту 29,7, западнее железнодорожной станции Кади-Юрт на высоту 54,4 по восточной окраине селения Найберды до границы Курчалоевского района у северных скатов высоты 438,1 и далее на запад через высоты 333,5, 192,9, 164,9, 139,0, далее на юго-запад на высоту 143,3, западнее селения Курчалой в направлении высоты 193,4 до стыка границ Шалинского и Курчалоевского районов, далее на юг и юго-запад по границе Шалинского района до стыка границы с Атагинским районом, далее на юг по границе Атагинского и Шатоевского районов до стыка границ Шатоевского, Итум-Калинского и Чеберлоевского районов².

В состав Северо-Осетинской АССР Комиссия СНК СССР планировала включить непосредственно прилегавший к Орджоникидзе Пригородный район, за исключением его южной части, Назрановский и примерно 70 % Ачалукского районов. Первый секретарь Северо-Осетинского обкома ВКП(б) Н.П. Мазин и председатель СНК Северо-Осетинской АССР К.Д. Кулов просили дополнительно присоединить Пседахский, Малгобекский, полностью Ачалукский и часть Сунженского районов³. И в этом случае просьба республиканских руководителей была удовлетворена. В итоге в состав Северо-Осетинской АССР вошли город Малгобек, Ачалукский, Назрановский и Пседахский – полностью, Пригородный район, за исключением его южной части, западная часть Сунженского района. Граница между Грозненским округом и Северо-Осетинской АССР прошла с севера на юг по юго-западной границе Надтеречного района до высоты 522,9 с выходом на высоту 489,5, далее на юг через высоты 273,3, 808,1, восточнее селения Карабулакского с выходом на границу Назрановского района восточнее селения Яндырка, далее на юг по восточным границам Назрановского и Пригородного районов до пересечения с границей Грузинской ССР⁴.

В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 1 марта 1944 г. в состав Северо-Осетинской АССР также был включен Моздок Ставропольского края. Граница между Северо-Осетинской АССР и Ставропольским краем прошла от Терека у северо-западного угла границы Надтеречного района на северо-запад через высоту 114,1 по западной окраине станицы Стодеревской, через отметку 139,1, хутор Туков и до юго-западной окраины хутора Старо-Хохлачев, далее на юго-запад до железнодорожного разъезда

¹ «По решению Правительства Союза ССР...» С. 465.

² ГАРФ. Ф. Р-7523. Оп. 15. Д. 103. Л. 2.

³ «По решению Правительства Союза ССР...» С. 465.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-7523. Оп. 15. Д. 103. Л. 2–3.

Черноярского, 3 км на запад по линии железной дороги до пересечения с шоссе, далее на юг до Терека у западной окраины станицы Черноярской.

Чтобы обеспечить связь Моздокского района с остальной территорией Северо-Осетинской АССР, в него также включили восточную часть Курпского района Кабардино-Балкарской АССР. По переписи 1939 г. основную часть его населения составляли кумыки (3 138 чел., или 31,5 %, проживали в сёлах Кизлярского сельсовета), кабардинцы (2 792 чел., или 28 %, сёла Нижний Малгобек и Нижний Курп) и русские (1 997 чел., или 20,1 %, села Раздольное и Сухотское). Осетины составляли всего 3 % населения (299 чел., проживали в селе Ново-Николаевском). Граница между Северо-Осетинской АССР и Кабардино-Балкарской АССР прошла от стыка в 1,5 км юго-восточнее высоты 459,2 на север по западной границе Пседахского района до горы Хушако, на северо-запад через западную окраину поселка Малгобек, далее по реке Курп до ее впадения в Терек у отметки 144,8, на запад по Тереку до юго-западной окраины станицы Черноярской.

В состав Грузинской ССР вошла высокогорная часть – северные склоны Кавказского хребта, располагавшиеся на территории 5 районов бывшей Чечено-Ингушской АССР. Это Итум-Калинский район, западная часть Шароевского района, южная часть Галанчожского, Галашкинского и Пригородного районов. Кроме того, Грузинской ССР передавалась юго-восточная часть Гизельдонского района Северо-Осетинской АССР.

В связи с этим были внесены соответствующие изменения в государственную границу между РСФСР и Грузинской ССР: от границы западнее горы Гиморай-Хох и восточнее отметки 4776 на северо-восток по реке Генал-Дон западнее селения Нижняя Саниба, далее на северо-восток до высоты 2642,2, на восток по границе Пригородного района до Терека, далее по хребту горы Маг-Лай через высоты 3002,0, 2223,2, по хребтам гор Джар-Лам и Цорей-Лам южнее селения Кожвинч через высоты 2072,6, 2275,5, 2327, севернее селения Никарой, на восток по северной и восточной границе Итум-Калинского района до стыка ее с границей Шароевского района у высоты 2059,3, на восток по северной границе Шароевского района до реки Шаро-Аргун, на юго-запад по ее руслу до устья реки Харкаде-Ахк (Хуландой), далее на юг по рекам Харкаде-Ахк (Хуландой) и Харгаб-Ахк с выходом на прежнюю государственную границу Грузинской ССР у высоты 4090,0¹.

Практически сразу же, 24 февраля 1944 г., председатель Комиссии СНК СССР А.В. Гриценко высказался за создание самостоятельной Грозненской области. Он считал нецелесообразным включение Грозненского округа в состав Ставропольского края и, обращаясь к Л.П. Берии, писал, что Ставропольский край «и без того велик, и со стороны крайисполкома и крайкома не будет должного внимания к такому важнейшему промышленному району, каким является Грозный. Вопросы заселения, освоения и развития сельского хозяйства бывшей Чечено-Ингушской АССР и дальнейшего развития нефтяной промышленности

¹ ГАРФ. Ф. Р-7523. Оп. 15. Д. 103. Л. 3–4.

Грозненскому округу придется решать в правительстве через Ставропольские краевые организации, что является лишней инстанцией и будет осложнять проведение указанных мероприятий»¹.

В результате Грозненский округ просуществовал недолго. 22 марта 1944 г. был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР о создании Грозненской области². Помимо Грозненского округа в нее из состава Ставропольского края были переданы Кизлярский округ, населенный преимущественно ногайцами, кумыками и терскими казаками, а также Наурский район, основу населения которого также составляли терские казаки. По своим размерам область значительно превосходила прежнюю Чечено-Ингушскую АССР. Горные районы, из которых были выселены чеченцы, составляли лишь около четверти территории Грозненской области, а большая часть ее пришлась на степи от Терека до Каспийского моря.

Весной 1944 г. пришла очередь родственных карачаевцам балкарцев. К этому моменту они проживали преимущественно в четырех горных районах Кабардино-Балкарской АССР, образованных в 1935 г. вследствие разукрупнения Балкарского района: Чегемском, Черекском, Эльбрусском и Хуламо-Безенгиевском (см. таблицу 1). Численность балкарцев в них составляла 38 133 из их общей численности 40 909 чел.³

5 марта 1944 г. было принято постановление ГКО СССР № 5 309 о выселении балкарцев. В Киргизскую ССР «навечно в места постоянного и обязательного поселения» направлялись 8 542 балкарских семьи общей численностью 36 741 чел. В течение нескольких последующих лет были дополнительно выселены 340 балкарцев, прибывших по демобилизации из армии, из мест заключения и по репатриации: в 1944 г. – 50 чел., в 1945 г. – 104 чел., в 1946 г. – 135 чел., в 1947 г. – 45 чел., в 1948 г. – 6 чел. Всего – 37 081 чел.⁴

Как и в случае с чеченцами и ингушами, уже после депортации, «задним числом», 8 апреля 1944 г., был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «О переселении балкарцев, проживавших в Кабардино-Балкарской АССР, и о переименовании Кабардино-Балкарской АССР в Кабардинскую АССР». Он содержал стандартное обоснование выселения: «В связи с тем, что в период оккупации немецко-фашистскими захватчиками территории Кабардино-Балкарской АССР многие балкарцы изменили Родине, вступали в организованные немцами вооруженные отряды и вели подрывную работу против частей Красной Армии, оказывали фашистским оккупантам помощь в качестве проводников на Кавказских перевалах, а после изгнания Красной Армией с Кавказа войск противника вступали в организованные немцами банды для борьбы против советской власти».

¹ «По решению Правительства Союза ССР...» С. 465.

² ГАРФ. Ф. Р-7523. Оп. 15. Д. 93.

³ «По решению Правительства Союза ССР...» С. 486.

⁴ Иосиф Сталин – Лаврентию Берии: «Их надо депортировать...» Документы, факты, комментарии. М., 1992. С. 247–248.

На основании вышеизложенного Президиум Верховного Совета СССР постановил: «Всех балкарцев, проживавших на территории Кабардино-Балкарской АССР, переселить в другие районы СССР». СНК СССР предлагалось «наделить балкарцев в новых поселениях землей и оказать им необходимую государственную помощь по хозяйственному устройству». Земли, освободившиеся после выселения балкарцев, предполагалось «заселить колхозниками из малоземельных колхозов Кабардинской АССР»¹.

Таблица 1

Районы преимущественного проживания балкарцев

Районы	Площадь (га)	Численность (чел.)	Районные центры	Сельсоветы
Хуламо-Безенгийский	112 063	9 923	Бабугент	Безенгийский, Белореченский, Верхнехуламский, Кашхатау, Нижнехуламский, Хасанья, Шики
Черекский	102 150	7 499	Мухол	Верхнебалкарский, Куспарты, Нижнебалкарский, Среднебалкарский, Шаурдатский
Чегемский	104 875	6 589	Нижний Чегем	Актопракский, Булунгу, Верхнечегемский, Нижнечегемский, Каменка, Яниковский
Эльбрусский	179 272	14 122	Гунделен	Былымский, Верхнебаксанский, Гунделенский, Лашкутинский, Нижнебаксанский, Тырныаузский, Челмасский, Эльбрусский

В связи с выселением балкарцев Кабардино-Балкарскую АССР переименовали в Кабардинскую автономную советскую социалистическую республику.

¹ ГАРФ. Ф. Р-7523. Оп. 15. Д. 102. Л. 1–2.

Указ закрепил очередной территориальный передел. Юго-западная часть Эльбрусского и Нагорного районов была включена в состав Верхне-Сванетского района Грузинской ССР. В результате снова изменилась граница между РСФСР и Грузинской ССР. От перевала Бурун-Таш у северных склонов Эльбрус она прошла на восток по реке Малке до высоты 2877, далее на юго-восток по реке Ислам-Чай через высоту 3242 у перевала Кыртык-Ауш, на юго-восток по реке Кыртык, западнее поселка Верхний Баксан, и на юг по реке Адыр-Су до перевала Местия¹.

Соответствующие решения принимали и местные органы власти. 15 апреля 1944 г. бюро Кабардинского обкома ВКП(б) постановило изменить административное районирование Кабардинской АССР в связи «с переселением балкарского населения в другие районы СССР и передачей части Курпского района в состав Северо-Осетинской АССР»². Специальная комиссия в пятидневный срок разработала и представила на рассмотрение бюро обкома ВКП(б) свои соображения об установлении границ районов и переименовании населенных пунктов. Через 10 дней бюро Кабардинского обкома ВКП(б) утвердило новые границы Лескенского, Советского (бывшего Хуламо-Безенгиевского), Нальчикского, Чегемского, Эльбрусского и Нагорного районов³. Данные изменения закрепил Указ Президиума Верховного Совета РСФСР «О перенесении районных центров Нагорного, Урванского и Чегемского районов, переименовании Хуламо-Безенгиевского района и о ликвидации Черекского района Кабардинской АССР» от 29 мая 1944 г.⁴

Общая численность переселенцев с Северного Кавказа с ноября 1943 по март 1944 гг. «на постоянное жительство» в Казахскую ССР и Киргизскую ССР составила 602 193 чел., в том числе 496 460 чеченцев и ингушей, 68 327 карачаевцев, 37 406 балкарцев⁵. Переселенцы разместились на огромной территории от Северного Казахстана до предгорий Памира. Приводимые данные об их численности в отдельных областях нередко противоречивы (см. таблицу 2).

Судя по документам органов НКВД, в большинстве случаев выселение и обустройство на новом месте репрессированных народов прошло спокойно: спецпереселенцев размещали в основном по колхозам, устраивали на работу. В справке заместителя наркома внутренних дел СССР комиссара государственной безопасности 2-го ранга В.В. Чернышова на имя наркома Л.П. Берии в декабре 1943 г. сообщалось, что, по телеграфным донесениям Управлений НКВД Джамбульской и Южно-Казахстанской областей Казахской ССР и НКВД Киргизской ССР, «настроения спецпереселенцев-карачаевцев продолжают быть спокойными. Никаких

¹ ГАРФ. Ф. Р-7523. Оп. 15. Д. 102. Л. 1–2.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 44. Д. 395. Л. 128–129.

³ Там же. Л. 156.

⁴ «По решению Правительства Союза ССР...» С. 509–510.

⁵ Там же. С. 510.

эксцессов как со стороны карачаевцев, так и со стороны местного населения за истекшее время не было»¹. Подобным образом оценивалось проведение и других депортационных кампаний с Северного Кавказа. Особое внимание уделялось выселению вайнахских народов, об итогах которого Л.П. Берия докладывал лично И.В. Сталину как председателю ГКО СССР: «Операция прошла организованно и без серьезных случаев сопротивления и других инцидентов»².

Таблица 2

*Расселение карачаевцев, чеченцев, ингушей и балкарцев
в Казахской ССР и Киргизской ССР³*

Республики и области	Численность районов	Народы			
		карачаевцы	чеченцы и ингуши	балкарцы	всего
Казахская ССР	133	45 300	400 600	25 000	470 900
Джамбульская		20 300	19 000		39 300
Южно-Казахстанская		25 000	19 000	5 000	49 800
Алма-Атинская	14		29 400	34 000	63 400
Кзыл-Ордынская	8		25 000		25 000
Восточно-Казахстанская	4		33 500		33 500
Северо-Казахстанская	15		38 200	2 500	40 700
Актюбинская	9		2 000		2 000
Кустанайская	15		47 400	2 500	49 900
Павлодарская	12		40 700	2 500	43 200
Акмолинская	17		60 000	5 000	65 000
Карагандинская	9		36 000		36 000
Киргизская ССР	24	22 900	88 300	15 000	126 200
Фрунзенская	10	22 400	34 000	5 000	62 700
Ошская	9		29 200	5 000	34 200
Джалалабадская	4		24 300	2 500	26 800
Иссык-Кульская	11			2 500	2 500

Однако и в пути, и в местах ссылки вынужденные переселенцы столкнулись с многочисленными трудностями. В июле 1944 г. Л.П. Берия сообщал

¹ Иосиф Сталин – Лаврентию Берии: «Их надо депортировать...» Документы, факты, комментарии. М., 1992. С. 96.

² «По решению Правительства Союза ССР...» С. 468.

³ Там же. С. 496–497. Данный документ – справка отдела по борьбе с бандитизмом НКВД СССР – содержит очевидные несоответствия (например, численность балкарцев в Алма-Атинской области превышает их общую численность в Казахской ССР: 34 000 и 25 000 чел. и др.) и, тем не менее, позволяет представить общую картину расселения депортированных народов Северного Кавказа.

И.В. Сталину, В.М. Молотову и Г.М. Маленкову о том, что «бытовое устройство спецпоселенцев в Казахстане и приобщение их к общественно-полезному труду находится в неудовлетворительном состоянии. Семьи спецпереселенцев, расселенные в колхозах, не принимались в члены сельхозартелей. Неудовлетворительно проходило наделение семей спецпереселенцев приусадебными участками и огородами, а также обеспечение жильем. Спецпереселенцы, расселенные в совхозах и переданные на промышленные предприятия, слабо привлекались для работы на производстве, отмечены заболевания сыпным тифом, недостатки в хозяйственном и бытовом устройстве, кражи, уголовные преступления». Для наведения порядка в Казахскую ССР был командирован в мае 1944 г. заместитель наркома внутренних дел Круглов с группой работников. Были созданы 429 спецкомендатур НКВД для наблюдения за режимом проживания спецпереселенцев, борьбы с побегами, «оперативно-чекистского обслуживания и содействия в быстрейшем хозяйственном устройстве спецпереселенческих семей»¹.

Многочисленные проблемы были связаны и с тем, что первоначально сам правовой статус представителей репрессированных народов был не определен, что создавало благоприятную почву для различных злоупотреблений в их отношении. Только в конце войны было принято соответствующее решение – постановление № 35 СНК СССР «О правовом положении спецпереселенцев» от 8 января 1945 г. В нем отмечалось, что спецпереселенцы пользуются всеми правами граждан СССР, за исключением ограничений, предусмотренных настоящим постановлением. Все трудоспособные спецпереселенцы обязывались заниматься общественно полезным трудом, местные советы депутатов трудящихся по согласованию с органами НКВД обеспечивали «трудоустройство спецпереселенцев в сельском хозяйстве, в промышленных предприятиях, на стройках, в хозяйственно-кооперативных организациях и учреждениях». Ограничения выражались в том, что спецпереселенцы не имели права без разрешения коменданта спецкомендатуры НКВД отлучаться за пределы района расселения. Самовольная отлучка квалифицировалась как побег и влекла за собой уголовную ответственность. Главы семей или лица, их заменявшие, обязывались в трехдневный срок сообщать в спецкомендатуру НКВД обо всех изменениях в составе семьи (рождении ребенка, смерти члена семьи, побеге и т.д.). От спецпереселенцев требовалось строгое соблюдение установленного режима и общественного порядка в местах расселения, подчинение всем распоряжениям спецкомендатур НКВД. За нарушение режима и общественного порядка в местах расселения спецпереселенцы подвергались административному взысканию в виде штрафа до 100 руб. или ареста до 5 суток².

Одной из главных форм протеста представителей репрессированных народов против принудительной ссылки стали побеги домой, на историческую родину. В течение первых четырех лет на территории бывшей Карачаевской АО с 1944 по

¹ «По решению Правительства Союза ССР...» С. 510–511.

² Иосиф Сталин – Лаврентию Берию: «Их надо депортировать...» С. 65.

1948 гг. Управление внутренних дел по Ставропольскому краю выявило 424 карачаевца, уклонившихся от выселения, освобожденных из мест заключения, репатрированных и демобилизованных из армии. Все они были направлены в места поселения без привлечения к уголовной ответственности, поскольку ни один из них не являлся беглецом с места поселения. С 1944 г. по ноябрь 1948 г. поступило лишь 46 требований на розыск бежавших карачаевцев. Выявленные беглецы были возвращены на прежнее место¹. В том же 1948 г. в розыске находилось всего 7 балкарцев, совершивших побег из мест поселений. Кроме того, в Хуламский овцесовхоз прибыло 6 балкарцев по демобилизации из армии и репатриации. Все они подлежали немедленному выселению, но использовались в оперативных целях отделом борьбы с бандитизмом МВД Кабардинской АССР².

Значительно больше оказалось бежавших с мест ссылки на родину чеченцев и ингушей. В 1944–1948 гг. органы внутренних дел Грозненской области легализовали и задержали 2 213 чеченцев и ингушей. 348 чел. из них было арестовано и привлечено к уголовной ответственности за бандитизм, 28 чел. – за побег из мест поселений, остальных задержали и отправили под охраной к местам поселений. Как показала проверка, из 1843 задержанных 1818 чеченцев и ингушей уклонялись от переселения и в большинстве своем скрывались в горах. Остальные 25 чел., в том числе 8 несовершеннолетних, бежали из мест поселений и скрывались до их задержания в горах вместе с уклонявшимися от переселения. Из них 16 чел. органами внутренних дел в 1945–1946 гг. «были легализованы, обработаны для склонения к легализации и вывода с гор уклоняющихся от переселения и после завершения этой работы, вместе с задержанными по оперативным сообщениям, были направлены к месту поселения чеченцев и ингушей»³.

26 ноября 1948 г. был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об уголовной ответственности за побег из мест обязательного и постоянного поселения лиц, выселенных в отдаленные районы Советского Союза в период Отечественной войны». В нем говорилось, что переселение в «отдаленные районы Советского Союза» чеченцев, карачаевцев, ингушей, балкарцев и других репрессированных народов «произведено навечно, без права возвращаться к их прежним местам жительства». За побег вводилось суровое наказание – 20 лет каторжных работ. Приказом министра внутренних дел СССР и генерального прокурора СССР от 2 декабря 1948 г. № 001 475/379сс определялось, что расследование дел всех бежавших с мест обязательного поселения следовало проводить органами МВД по месту задержания в 10-дневный срок и направлять на расследование в Особое совещание⁴.

В целом жизнь в принудительной ссылке, под надзором спецкомендатур НКВД, в совершенно других, чем на родине, природно-климатических условиях

¹ «По решению Правительства Союза ССР...» С. 416–417.

² Там же. С. 515.

³ Иосиф Сталин – Лаврентию Берию: «Их надо депортировать...». С. 125.

⁴ Карачаевцы. Выселение и возвращение. С. 17.

стала тяжелым испытанием для депортированных народов. Отсутствие необходимых для жизни социально-бытовых условий, массовый голод, особенно в первое время, частые вспышки инфекционных заболеваний, тяжелый труд вызвали массовую смертность. Тем не менее многие представители высланных народов Северного Кавказа в Казахстане и Киргизии научились выращивать новые для себя сельскохозяйственные культуры, добывали руду в шахтах, прокладывали дороги и каналы. Многие из них были представлены к правительственным наградам за успехи в труде.

В то же время серьезной проблемой для советского руководства стало заселение опустевших территорий упраздненных северокавказских автономий. В качестве переселенцев широко использовались жители соседних регионов. По постановлению СНК СССР от 9 марта 1944 г. в 11 районов бывшей Чечено-Ингушской АССР, вошедших в состав Грозненской области, из Ставропольского края было переселено 6 800 семей, а из самой Грозненской области и города Грозного – 5 892 хозяйства колхозников. Всего до 15 мая в бывшие чеченские и ингушские села переместились 12 692 семейства, из которых были организованы 65 колхозов. До выселения в них проживали 32 110 хозяйств чеченцев и ингушей. В результате количество новых переселенцев составило менее 40 % от прежнего населения. Незаселенными оставались 22 села, и 20 сел были заселены частично.

Поэтому было предложено переселить в Грозненскую область колхозников из малоземельных районов Мордовской АССР, Тамбовской, Пензенской, Рязанской, Ульяновской, Саратовской, Горьковской, Ярославской и других областей РСФСР. Однако «напряженность трудовых ресурсов в колхозах центральных областей РСФСР вызвала возражения против переселения со стороны большинства председателей облисполкома и только пять областей... подтвердили свое согласие на переселение»¹. В феврале – марте 1945 г. в Грозненскую область переселили 2000 хозяйств из Брянской, Вологодской, Ивановской, Калужской и Кировской областей².

Всего в районы, вошедшие в Грозненскую область, было переселено из РСФСР, Украинской ССР и Молдавской ССР 78 тыс. чел. На территорию районов, отошедших Дагестанской АССР после ликвидации Чечено-Ингушской АССР, переселились из высокогорных районов республики 46 тыс. чел., в том числе аварцы, даргинцы и представители других народов Дагестана. Бывшие чеченские (аккинские) села на территории Дагестана (упраздненный Ауховский район) заселялись лакцами и аварцами. В районы, включенные в состав Северо-Осетинской АССР, переселились 55 тыс. чел., в том числе 26 тыс. осетин из высокогорных населенных пунктов Юго-Осетинской АО Грузинской ССР и 15 тыс. осетин из самой Северо-Осетинской АССР. В Грузинской ССР в Клухорский район из горных

¹ «По решению Правительства Союза ССР...» С. 472.

² Там же. С. 473.

районов переселялись сваны, рачинцы и лечхумцы, в южные районы бывшей Чечено-Ингушетии – хевсурь и тушины. Но значительная часть территории, вошедшей в состав Грузинской ССР, так и осталась незаселенной¹.

Административно-территориальный передел на Северном Кавказе в 1943–1944 гг. стал новым этапом в развитии советской национально-государственной политики. Как и административные преобразования первых советских десятилетий, он отражал стремление власти перекраивать карту региона в соответствии с определенными целями и задачами. Таковыми в тот момент в первую очередь являлись стремление руководства страны стабилизировать ситуацию на Северном Кавказе и подавить протестные движения, наиболее опасными формами которых стали сотрудничество с противником, массовое дезертирство и уклонение от службы в действующей Красной армии, бандитизм в советском тылу, приобретший особо угрожающий характер в условиях прифронтовой территории. Ответственность за данные негативные явления возлагалась на целые народы, несмотря на то что многие их представители служили в рядах действующей армии, сражались в партизанских отрядах, работали в тылу. На фронте воевали свыше 10 тыс. балкарцев, 15,6 тыс. карачаевцев, 17,3 тыс. чеченцев и ингушей². Многие из них погибли, защищая Родину. Немало выходцев с Северного Кавказа были удостоены правительственных наград, другие не получили их из-за своей принадлежности к репрессированным народам.

Однако в ссылку должны были отправиться все – и те, кто сотрудничал с оккупантами и оказывал помощь бандитам, и те, чьи родственники воевали на фронте. В марте 1949 г. среди спецпоселенцев, высланных с Северного Кавказа, насчитывалось 8 894 бывших военнослужащих РККА (в том числе 710 офицеров). Среди них – 4 248 (238 офицеров) чеченцев, 946 (129) ингушей, 2 543 (238) карачаевцев, 1 045 (99) балкарцев³.

Тем не менее советское руководство не отказалось от самих принципов и форм национально-государственного устройства СССР. Отдельные национальные республики и области даже существенно выиграли в ходе административных преобразований 1943–1944 гг., вследствие как ликвидации ряда субъектов, так и передачи им территорий, населенных русскими (терскими казаками), ногайцами, кумыками и другими народами, не имевшими собственных национально-государственных образований. В первую очередь это Грузинская ССР и особенно Северо-Осетинская АССР, территория которой увеличилась почти в 1,5 раза. Дагестанская АССР лишилась Кизлярского округа, получив взамен высокогорные районы Чечни. Расширилась и территория Черкесской АО. Наказание одних

¹ Бугай Н.Ф., Гонов А.М. Северный Кавказ: границы, конфликты, беженцы (документы, факты, комментарии). Ростов н/Д, 1997. С. 172.

² Карачаевцы. Выселение и возвращение. С. 9; Бугай Н.Ф. Л. Берия – И. Сталину: «После Ваших указаний проведено следующее...» М., 2011. С. 358, 369.

³ Иосиф Сталин – Лаврентию Берии: «Их надо депортировать...» С. 250.

и поощрение других народов и их национально-государственных образований, считавшихся более лояльными, не меняло самих принципов советской политической системы. Новым административно-территориальным проектом стала Грозненская область, создание которой было призвано обеспечить не только социально-политическую стабильность, но и эффективность в решении экономических задач, прежде всего добычи и производства нефти.

Новые границы порой кроились и перекраивались достаточно произвольно, не учитывали этнического состава населения, неминуемо порождая территориальные споры, а впоследствии и конфликты. 16 апреля 1944 г. исполком Ставропольского краевого совета депутатов трудящихся возбудил ходатайство перед Президиумом Верховного Совета СССР об уточнении границ Ставропольского края с Грузинской ССР, проходившей в северо-западной части Клухорского района. Исполком предложил в целях сохранения существовавшего землепользования колхоза им. Шмидта Усть-Джегутинского района Ставропольского края установить границу по его межам, проходившим по живому урочищу реки Дудар-Дон¹. Председатель СНК РСФСР А.Н. Косыгин свое согласие дал, но СНК Грузинской ССР считал нецелесообразным изменение границы, аргументируя это тем, что территория Клухорского района «представляет из себя высокогорную местность, с крайне ограниченным количеством пахотно-удобных земель». В случае установления границы по проекту Ставропольского крайисполкома Ставропольский край получал до 700 га сенокосов Клухорского района, что «лишило бы колхозы Клухорского района жизненно необходимых пахотных земель». По мнению руководства Грузинской ССР, «Ставропольский крайисполком имеет все возможности наделить нужными землями колхоз им. Шмидта Усть-Джегутинского района, ибо, как известно, в Ставропольском крае имеется огромное количество неиспользуемых земель»². В итоге ходатайство Ставропольского крайисполкома осталось не удовлетворено.

При установлении границы между Грозненской областью и Северо-Осетинской АССР в распоряжении их представителей вообще не было «ни графического проекта, ни такой карты, которая позволила бы определить положение вновь устанавливаемой границы в натуре по приведенным в тексте указа пунктам (высотам)». Более того, «ни одной из сторон не было известно, какая именно карта, какого года издания и масштаба была положена в основу описания границы». Поэтому «попытки определить местонахождения необходимых высот путем вычислений по имеющимся картам не дали никаких результатов, так как таких высот или совсем не находилось, или они располагались на территории, не затрагиваемой описательной частью Указа». Лишь позже по договоренности представителей Грозненской области и Северо-Осетинской АССР граница была установлена в пределах Сунженского района³.

¹ ГАРФ. Ф. Р-7523. Оп. 15. Д. 136. Л. 1, 4.

² Там же. Л. 5–6.

³ РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 14. Д. 11. Л. 22–23.

Опустевшие территории заселялись новыми жителями, однако их количество, особенно в первые годы, значительно уступало численности прежнего населения, что вело к определенному спаду в ряде отраслей народно-хозяйственного комплекса, особенно связанных с традиционными для данного региона занятиями. В то же время приток переселенцев впоследствии заложил основы для новых конфликтов. По словам современного исследователя, «институционально определенная и идеологически обоснованная дискриминация углубляла отчуждение между народами: для одних советское государство действует как враждебная сила, для других это же государство выступает как орудие справедливого возмездия»¹.

Новые административные преобразования сопровождались соответствующими изменениями в топонимике региона. Так, в связи с выселением балкарцев были переименованы их населенные пункты: селение Кашхатау – в Советское, селение Хасанья – в поселок Пригородный, селение Яниккой – в Ново-Каменку, Гунделен – в Комсомольское, Лашкута – в Заречное, Былым – в поселок Угольный. Бабугентский клепочный завод – в Черекский клепочный завод, соответственно поселок при заводе получил наименование Черекского². Указы Президиума Верховного Совета РСФСР от 29 апреля и 22 мая утвердили предложения Северо-Осетинского обкома партии о замене чеченской и ингушской топонимики в районах, вошедших в состав Северо-Осетинской АССР (см. таблицу 3)³.

Таблица 3

**Переименование населенных пунктов упраздненной
Чечено-Ингушской АССР, вошедших в состав Северо-Осетинской АССР**

	Прежнее название	Новое название
район	Пригородный	Пригородный
селение	Галгай	Нижне-Камбилеевское
селение	Новый Джерах	Верхне-Камбилеевское
селение	Шолхи	Карца
селение	Яндиево	Дачное
селение	Гадаборшево	Куртаг
селение	Ангушт	Тарское
селение	Барбадом	Лесное
селение	Тауэнь-Юрт	Комгарон
селения	Нижне-Шолджи, Нижние Шолхи	Пограничное
селение	Базоркино	Чермен
селение	Цараев	Нижне-Донгарон
хутор	Годзиев	Верхне-Донгарон

¹ Цуциев А. Атлас этнополитической истории Кавказа...

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 44. Д. 395. Л. 156.

³ ГАРФ. Ф. Р-7523. Оп. 15. Д. 115. Л. 70, 114.

Продолжение таблицы 3

хутор	Льянов	Детский
селение	Длинная Долина	Терк
район	Пседахский	Аланский
селение	Кескем (1-й)	Советское
селение	Кескем (2-й)	Хурыкау
селение	Сагопш	Ногцард
район	Ачалукский	Нартровский
селение	Верхне-Ачалуки	Верхне-Ацалык
селение	Средне-Ачалуки	Средне-Ацалык
селение	Нижне-Ачалуки	Нижне-Ацалык
селение	Даллаково	Даллакау
район	Назрановский	Коста-Хетагуровский
селение	Назрань	Коста-Хетагурово
селение	Барсуки	Хорджин
селение	Гамурзиево	Рухс
селение	Альтиево	Баркаджин
селение	Сурхахи	Мамисон
селение	Экажево	Ново-Ардонское
селение	Насыр-Корт	Ново-Дигорское
селение	Али-Юрт	Нарон
селение	Плиево	Ахсар
селение	Гази-Юрт	Заречное
селение	Яндырка	Райдзаст

Все это отражало стремление власти закрепить произошедшие изменения в административной карте Северного Кавказа в исторической памяти его населения.

§ 5.3. Реабилитация и восстановление национальной государственности репрессированных народов

Практически сразу после депортации карачаевцев, чеченцев, ингушей, балкарцев и ликвидации их национальных автономий обнаружилась противоречивость новых административных границ, порождавшая бесконечные территориальные споры. В первые послевоенные годы они в большинстве своем еще не принимали публичных форм. Смерть И.В. Сталина и приход к власти нового политического руководства стимулировали настоящий подъем административно-территориальных преобразований на Северном Кавказе. Наряду с высшим партийным руководством их нередко инициировали местные власти, что являлось

очевидным свидетельством постепенно возраставших политических амбиций национально-региональной элиты.

3 апреля 1948 г. Президиум Верховного Совета Северо-Осетинской АССР принял постановление № 368 «Об отмене неправильно завизированной административной карты с искаженными границами Северо-Осетинской АССР с Грозненской областью». Указ Президиума Верховного Совета РСФСР № 713/5 «Об установлении границы между Сунженским районом Грозненской области и Коста-Хетагуровским районом Северо-Осетинской АССР» от 11 января 1949 г. утвердил новую границу. Северо-Осетинской АССР были переданы 4 441 га земель колхозов Грозненской области, в том числе 3 224 га пахотных. При этом территория Северо-Осетинской АССР вклинилась на 6 км вглубь Грозненской области, что приводило к ежегодным спорам между смежными пользователями. Следует отметить, что до 1930 г. эти земли принадлежали казачьей станице Троицкой Сунженского района¹.

В свою очередь, с изменением политической ситуации в стране Грозненский обком КПСС решил вернуть «исконно принадлежащие колхозам Сунженского района» земли, переданные по Указу Президиума Верховного Совета РСФСР от 11 января 1949 г. Северо-Осетинской АССР, и обратился 12 июня 1954 г. с соответствующей просьбой в ЦК КПСС. В письме говорилось о том, что бывшие пахотные земли в большинстве своем превращены в сенокосы и пастбища, использовались не по назначению, за исключением 648 га, перешедших в вечное пользование колхоза «Путь сознания» станицы Вознесенской Малгобекского района Северо-Осетинской АССР. Но на них колхозы Грозненской области и не претендовали, и речь шла о передаче территории общей площадью в 3 793 га².

Однако руководство Северо-Осетинской АССР резко возразило против возвращения каких-либо земель. Секретарь Северо-Осетинского обкома КПСС В.М. Агкацев сообщил, «что указанные земли полностью используются»: за колхозами республики навечно закреплено 1 тыс. га, под лесонасаждениями находится 1 131 га и 2,1 тыс. га переданы под подсобные хозяйства предприятиям союзного значения. Совет министров РСФСР отказался поддержать просьбу Грозненского обкома КПСС, посчитав «нецелесообразным вновь пересматривать границы землепользования между Грозненской областью и Северо-Осетинской АССР»³.

В 1953–1954 гг. Кабардинский обком КПСС дважды ставил перед ЦК КПСС и Советом министров СССР вопрос о возвращении территорий, переданных в 1944 г. Северо-Осетинской АССР – большей, северо-восточной части Курпского района (26 062 га) – и Грузинской ССР – юго-западной части Эльбрусского и Нагорного районов (71 565 га). Соответствующие предложения были также

¹ РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 14. Д. 11. Л. 23–24.

² Там же. Л. 23–26.

³ Там же. Л. 31.

сделаны руководству Грузинской ССР и Северо-Осетинской АССР, но никакого результата это не принесло. 14 марта 1955 г. по Указу Президиума Верховного Совета СССР Грузинская ССР передала полученные ею в 1943–1944 гг. бывшие карачаевские и балкарские земли Ставропольскому краю. Это вызвало очередное обращение Кабардинского обкома КПСС к первому секретарю ЦК КПСС Н.С. Хрущеву. При этом в нем ничего не говорилось об обстоятельствах передачи данной территории, связанных с депортацией балкарцев, но подчеркивалось, что она «являлась как в экономическом, так и в географическом отношении естественной неразрывной частью Кабардинской АССР». Отмечалось, что отошедшие Грузии земли Северного Приэльбрусья использовались «кабардинскими колхозами как летние пастбища, а Баксанское ущелье в его верхней части развивалось как курортное хозяйство, связанное с г. Нальчиком и имеющее республиканское и союзное значение». Между тем Грузинская ССР, отгороженная от данных земель Главным Кавказским хребтом, «располагающая богатейшими курортными богатствами на своей южной территории, не хотела и не могла заниматься возрождением северного Приэльбрусья».

По мнению кабардинского руководства, передача Курпского района «искусственно разобщила его с Терским и Урожайненским районами Кабардинской АССР» и нарушила их «исторически сложившуюся и экономически целесообразную направленность». Поэтому оно полагало, что возвращение данных земель РСФСР и их включение в состав Ставропольского края, получившего территорию, «не имеющую с ним общих границ и совершенно оторванную и изолированную ... не исправляет до конца допущенной в 1944 году ошибки». В духе политической риторики времени подчеркивалось, что при изменении границ «инициатива исходила не от руководства Северной Осетии и не от Кабардинской АССР», а решение «было вынесено без должного обсуждения целесообразности этого акта и без согласия Кабардинской АССР, по необоснованному предложению врага народа Берия»¹.

Однако руководство Северной Осетии крайне негативно отнеслось к возвращению каких-либо земель своим соседям. Северо-Осетинский обком КПСС направил 2 апреля 1955 г. секретное письмо в ЦК КПСС «О неправильном предложении руководства Кабардинской АССР об изменении территориально-административной границы Северо-Осетинской и Кабардинской АССР». В нем отмечалось, что границы между республиками «в данное время представляют обоюдные удобства в территориальном расположении и на протяжении одиннадцати лет никем не оспаривались». Обращение кабардинского руководства характеризовалось как необоснованное, поскольку «присоединением Курпского района к Кабарде надвое рассекался Малгобекский нефтяной район», что создавало значительные неудобства и трудности в его эксплуатации, и перерезалась узкоколейная железная дорога, связывавшая Моздок и Малгобек.

¹ РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 14. Д. 11. Л. 15–17.

Кроме того, за время с момента передачи Курпского района в Северо-Осетинскую АССР в нем были проведены значительные мероприятия в сфере экономики, здравоохранения и образования, в частности построена новая МТС, увеличились посевные площади и поголовье крупного рогатого скота. Наконец, в качестве аргумента приводился и состав населения: село Виноградное – «самый крупный населенный пункт и административный центр Курпского района» – было заселено еще во время войны «главным образом трудящимися из Северо-Осетинской АССР. Осетины составляли и основную часть жителей поселка Ново-Николаевского, расположенного рядом с районным центром», тогда как «среди населенных пунктов Курпского района кабардинских нет ни одного».

В заключение подчеркивалась необоснованность предпринимавшихся в последнее время попыток отчуждения территорий Северо-Осетинской АССР: предложений руководства Кабардинской АССР о передаче Моздокского района, претензий Грозненской области на значительную часть территории Коста-Хетагуровского района, стремление Министерства сельского хозяйства СССР к изъятию отгонных пастбищ в районе Черного рынка и Наура. По мнению руководства Северо-Осетинской АССР, подобные предложения не способствовали «развитию экономики республики и укреплению дисциплины в районах». Обком КПСС и Совет министров Северо-Осетинской АССР просили ЦК КПСС «дать разъяснение руководителям Кабардинской АССР по этому вопросу»¹.

В итоге советское руководство передало территорию Иалбузского сельсовета Клухорского района из Ставропольского края в состав Кабардинской АССР. Это решение закрепил Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 26 мая 1955 г. Но в отношении Курпского района были полностью учтены аргументы североосетинского руководства, и его передачу в состав Кабардинской АССР сочли нецелесообразной, «так как экономическое тяготение населения этого района больше к г. Моздоку Северо-Осетинской республики как к ближайшему железнодорожному пункту». Отмечался и национальный состав: «в Курпском районе проживает всего лишь около 400 кабардинцев, остальное население в основном кумыки – около 3 тыс. чел., русских здесь проживает 1785 чел., осетин – 523, болгар – 322 и других национальностей – 77 чел.»²

Практически в то же время Северо-Осетинский обком КПСС и Совет министров Северо-Осетинской АССР обратились в ЦК КПСС с просьбой об отмене Указа Президиума Верховного Совета СССР от 7 января 1944 г., закрепившего передачу части Гизельдонского и Пригородного районов к Грузинской ССР. В письме говорилось, что «такое изменение южных границ Северной Осетии не вызвано ни экономическими, ни какими-либо другими разумными соображениями, являясь актом вражеской деятельности авантюриста Берия». Отошедшая Грузии часть Гизельдонского района «территориально, экономически и по

¹ РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 14. Д. 11. Л. 18–20.

² Там же. Д. 29. Л. 23.

национальному составу населения с незапамятных времен является неотъемлемой частью Северной Осетии. Здесь расположены старинные осетинские села Ларс, Чми, Верхняя Старая Саниба и Нижняя Старая Саниба». Отрицалась и целесообразность в присоединении к Грузинской ССР части Пригородного района, так как она «образует единый территориальный и экономический комплекс с землями и хозяйством Северо-Осетинской АССР». С другой стороны, она отделена от основной территории Грузинской ССР Главным Кавказским хребтом, «создающим большие трудности в руководстве хозяйством и культурным строительством на этих землях». К тому же «новая же граница между обеими республиками проходит всего лишь в 13 км от г. Орджоникидзе»¹.

Реакция советского руководства на предложения, исходившие в 1953–1955 гг. от национально-государственных и административно-территориальных образований Северного Кавказа об изменении их границ, показывает, что оно в это время было достаточно осторожным в данных вопросах. При возникновении территориальных претензий со стороны отдельных субъектов выяснялась позиция других заинтересованных сторон. Это создавало впечатление новой атмосферы принятия управленческих решений, при которой учитывалось мнение региональных властей. При этом практически никто из последних, особенно руководителей национальных республик, не желал расставаться со своей территорией, вне зависимости от того, при каких обстоятельствах она досталась, находя различные обоснования для обладания ею и не желая идти на уступки даже ради общих интересов. Советское руководство неожиданно столкнулось со своеобразным политическим местничеством, использовавшим коммунистическую идеологию. В этой ситуации поддержание административно-территориального статус-кво способствовало сохранению стабильности в развитии региона. Кардинальные изменения в административно-территориальной системе на Северном Кавказе произошли только в связи с реабилитацией репрессированных народов, начало которой было фактически положено на XX съезде КПСС, где впервые на самом высоком уровне подверглись критике сталинские депортации.

Через два месяца после завершения работы съезда, 28 апреля 1956 г., Президиум Верховного Совета СССР принял Указ «О снятии ограничений по спецпоселению с крымских татар, балкарцев, турок – граждан СССР, курдов, хемшилов и членов их семей, выселенных в период Великой Отечественной войны». Из текста следовало, что существующие ограничения в правовом положении данных народов, выселенных в 1943–1944 гг. с Северного Кавказа, из Грузинской ССР и Крыма, «в дальнейшем не вызываются необходимостью». Поэтому Президиум Верховного Совета СССР постановил снять их «с учета спецпоселений и освободить из-под административного надзора органов Министерства внутренних дел СССР». В то же время в указе специально оговаривалось, что «снятие ограничений по спецпоселению с лиц, перечисленных в статье первой настоящего Указа, не влечет за

¹ РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 14. Д. 29. Л. 52–53.

собой возвращение им имущества, конфискованного при выселении, и что они не имеют права возвращаться в места, откуда были выселены»¹. Через два с половиной месяца, 16 июля, был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «О снятии ограничений по спецпоселению с чеченцев, ингушей, карачаевцев и членов их семей, выселенных в период Великой Отечественной войны», формулировки которого практически повторяли текст предыдущего документа².

Таким образом, первоначально реабилитация не предполагала возвращения принудительно высланных народов Северного Кавказа на родину. Более того, в различных партийных и государственных структурах обсуждались перспективы создания автономий репрессированных народов в районе их бессрочной ссылки, особенно широко – вопрос о чечено-ингушской автономной области в пределах Казахской ССР или Киргизской ССР. Ее создание требовало немалых усилий, связанных с переселением в одно место всех представителей одной национальности, разбросанных к этому времени по разным областям и районам. Тем не менее эти затраты были существенно меньше, чем расходы по переселению около 700 тыс. чел. из Казахстана и Киргизии на Северный Кавказ, несшему, помимо прочего, и определенные политические риски.

Поэтому у данной идеи нашлось немало сторонников. Среди них был и министр внутренних дел СССР Н.П. Дудоров, писавший в июне 1956 г.: «Учитывая, что территория, где проживали до выселения чеченцы и ингуши, в настоящее время в основном заселена, возможность восстановления автономии для чеченцев и ингушей в пределах прежней территории является делом трудным и вряд ли осуществимым, так как возвращение чеченцев и ингушей в прежние места жительства неизбежно вызовет целый ряд нежелательных последствий»³.

Однако сами представители репрессированных народов Северного Кавказа всюду рвались на родину. Уже сразу после объявления указов, предоставлявших спецпоселенцам право свободного передвижения в пределах Казахстана и Киргизии, некоторые из них решили использовать его для выезда на Кавказ⁴. Вскоре на власти обрушился целый вал индивидуальных и коллективных писем, обращений, заявлений, ходатайств граждан, которые просили восстановить их национальные автономии на исторической родине⁵. Так, 92 балкарца из села Дмитриевка Кантского района Фрунзенской области писали 10 июня 1956 г., что «за прошедшие 12 лет не было дня, чтобы не мечтали о том времени, когда представится возможность вернуться в родные края»⁶. Карачаевцы также категорически отвергали «всякую мысль об автономии ... вне пределов Ставропольского

¹ ГАРФ. Ф. Р-7523. Оп. 75. Д. 365. Л. 7.

² Там же. Д. 359. Л. 20.

³ Цит. по: Козлов В.А. Синдром возвращения // Вайнахи и имперская власть. С. 844.

⁴ Вайнахи и имперская власть. С. 864–865.

⁵ См.: ГАРФ. Ф. Р-7523. Оп. 75. Д. 360–362, 364. Л. 11–109; Д. 365. Л. 10–29 и др.

⁶ Там же. Д. 365. Л. 20.

края», ибо считали, что такие предложения исходили из желания закрепить их «в качестве рабочей силы в местах нынешнего расселения ... ни один карачаевец не согласится на переселение внутри Средней Азии ради такой “автономии”, так как она (эта автономия) не изменит фактического, политического и правового положения переселенцев...»¹ Но наиболее интенсивно писали в различные партийные и государственные инстанции чеченцы и ингуши. По словам В.А. Козлова, это стремление «завалить правительство жалобами и просьбами» было «блестяще организовано закулисными чеченскими авторитетами»².

В современной историографии отмечается еще одно важное обстоятельство, сыгравшее свою роль в принятии решения о возвращении бывших спецпереселенцев на их историческую родину: «оставлять чеченцев и ингушей в Казахстане, в районах массового освоения целинных и залежных земель, а только там были свободные территории для организации автономии, было не менее опасно, чем возвращать их на родину». Здесь уже разразились первые насильственные конфликты на этнической почве, наиболее активными участниками которых были приезжие русские и чеченцы³.

Показателем массового стремления депортированных народов на свою родину стало их самовольное возвращение на Северный Кавказ. Особую активность и в этом случае проявляли чеченцы и ингуши, использовавшие самые различные способы, чтобы добраться до Северного Кавказа. К 1 сентября 1956 г. в Дагестанскую АССР прибыло 518 семей чеченцев (2 473 чел.), разместившихся в основном в Хасавюртовском и Ритлябском районах, в Грозненскую область – 30 семей. А к концу года уже более 11 тыс. чеченцев и ингушей самовольно вернулось в районы бывшей Чечено-Ингушской АССР⁴.

Властям северокавказских республик, краев и областей, прежде всего Дагестанской АССР, Кабардинской АССР и Северо-Осетинской АССР, пришлось вплотную заняться вопросами приема и размещения переселенцев. На заседании бюро Кабардинского обкома КПСС 9 июня 1956 г. было принято специальное решение: «1. Считать возможным возвращение балкарцев частично в места прежнего жительства с организацией новых колхозов и частью в кабардинские и русские населенные пункты республики...

2. Просить ЦК КПСС при рассмотрении этого вопроса учесть необходимость выделения значительных денежных и материально-технических средств для трудового и бытового устройства возвращающихся в республику балкарцев...»⁵

Через два с лишним месяца тональность заявлений стала другой, так как руководство республики осознало, с каким валом проблем ему пришлось столкнуться.

¹ ГАРФ. Ф. Р-7523. Оп. 75. Д. 364. Л. 105.

² Козлов В.А. Синдром возвращения // Вайнахи и имперская власть. С. 842–843.

³ Там же. С. 844.

⁴ РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 14. Д. 56. Л. 103–104.

⁵ РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 14. Д. 56. Л. 67.

3 сентября на заседании бюро Кабардинского обкома КПСС в очередной раз рассматривался вопрос о балкарцах. Решение гласило: «...2. Обязать Советский, Чегемский, Нагорный, Эльбрусский, Лескенский райкомы КПСС и райисполкомы, Нальчикский горком и горисполком в месячный срок трудоустроить прибывших балкарцев, преимущественно в колхозах и совхозах, и решить вопросы их бытового устройства.

3. В связи с невозможностью трудового и бытового устройства большего числа балкарцев, чем уже прибыло, предложить Министерству внутренних дел Кабардинской АССР, райкомам и райисполкомам, Нальчикскому горкому и горисполкому в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 28 апреля 1956 г. прекратить дальнейший прием балкарцев в районы Кабардинской АССР»¹.

Высшие государственные инстанции уже давно осознали, что подобное попустительство в решении вопросов о переселенцах чревато серьезными трудностями. В партийных документах отмечалось, что «Кабардинский обком партии с первых дней после снятия балкарцев со спецпоселения занял неправильную позицию, допустив свободный въезд и расселение их на территории республики». В результате прибыло уже более 1,6 тыс. семей (8,6 тыс. чел.), и «сотни балкарцев ходят в поисках работы и жилья, многие разместились на вокзалах, в шалашах, на животноводческих фермах, а то и просто на улице»². Заведующий Отделом партийных органов ЦК КПСС по РСФСР В.М. Чураев предлагал «впредь до окончательного рассмотрения в ЦК КПСС вопроса о положении всех бывших переселенцев» предложить Кабардинскому обкому КПСС «отменить свое решение от 3 сентября как противоречащее Указу Президиума Верховного Совета СССР, а также дать указание ЦК КП Казахстана и Киргизии о проведении среди балкарского населения необходимой разъяснительной работы, чтобы прекратить их отъезд на территорию бывшей Кабардино-Балкарской АССР»³.

Фактически начавшийся отъезд тысяч представителей бывших репрессированных народов из районов принудительной ссылки на родину вынудил власти в конце осени 1956 г. перейти к восстановлению ликвидированных автономий. 4 ноября Президиум ЦК КПСС утвердил проект Постановления ЦК КПСС и Совета министров СССР «О восстановлении национальной автономии калмыков, карачаевцев, балкарцев, чеченцев и ингушей». В нем признавалось, что принятые меры по реабилитации репрессированных народов недостаточны для восстановления их равноправного положения в СССР, экономического и культурного развития.

Больше всего сложностей вызывало возвращение чеченцев и ингушей. К этому времени ситуация в районах бывшей Чечено-Ингушской АССР существенно изменилась по сравнению с началом 1940-х гг. (см. табл. 4).

¹ РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 14. Д. 56. Л. 68.

² Там же. Л. 65.

³ Там же. Л. 64.

Таблица 4

Характеристика районов бывшей Чечено-Ингушской АССР¹

Районы бывшей Чечено-Ингушской АССР	Годы	Население (тыс. чел.)	Число населенных пунктов	Посевная площадь (тыс. га)	Поголовье крупного рогатого скота (тыс. голов)	Поголовье овец (тыс. голов)
Вошедшие в Грозненскую область	1940	447,3	862	204,4	118,2	152,1
	1956	355,5	179	237,6	84,3	218,6
Вошедшие в Дагестанскую АССР	1940	132,2	888	52,7	104,6	152,4
	1956	45,9	87	33,2	41,3	195,4
Вошедшие в Северо-Осетинскую АССР	1940	96,3	229	67,9	32,2	22,9
	1956	67,4	55	80,1	35,9	95,6
Вошедшие в Грузинскую ССР	1940	21,6	290	6,7	19,1	30,8
	1956	–	–	–	–	–
В целом по районам бывшей Чечено-Ингушской АССР	1940	697,4	2269	331,7	274,1	358,2
	1956	468,8				

Анализируя ситуацию, органы власти приходили к выводу о том, что «полное переселение всех чеченцев и ингушей на прежние места их жительства практически возможно лишь при условии перемещения в другие районы страны около 200 тыс. переселенцев, привезенных в районы бывшей Чечено-Ингушской АССР в организованном порядке из различных областей РСФСР и некоторых других республик». По подсчетам Грозненского обкома КПСС и облисполкома на территории области было возможно расселить «около 20 тыс. семей чеченцев и ингушей при условии организации новых совхозов и дополнительного строительства жилых помещений с ориентировочной затратой государственных средств на эти цели 700–800 млн руб.» В Северо-Осетинской АССР, по мнению ее руководящих работников, «возможно поселить примерно до 5 тыс. семей». В Дагестанской АССР, «как заявили руководители республиканских органов, отсутствуют возможности дополнительного расселения чеченцев и ингушей»².

К тому же многие руководящие работники и местные жители Грозненской области, Дагестанской АССР и Северо-Осетинской АССР высказывали «очень серьезные опасения в том, что некоторая часть чеченцев и ингушей, зарекомендовавшая себя с плохой стороны своими неблагоприятными поступками в прошлом,

¹ РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 14. Д. 56. Л. 102; ГАРФ. Ф. Р-7523. Оп. 75. Д. 359. Л. 12.

² ГАРФ. Ф. Р-7523. Оп. 75. Д. 359. Л. 14.

снова примется за старое и внесет дезорганизацию в трудовую жизнь местного населения». Вернувшиеся чеченцы и ингуши в местах своего прежнего проживания уже требовали возвращения ранее принадлежавших им домов: «Приезд их, а также распространяемые ими слухи о скором возвращении на Северный Кавказ всего чечено-ингушского населения, вызывают резкое недовольство местных жителей, создают атмосферу нервозности и неуверенности»¹.

В свою очередь, приглашенная в Отдел партийных органов в начале декабря 1956 г. группа коммунистов – чеченцев и ингушей – просила «учесть интересы их народа и образовать автономную республику на прежнем месте, в ранее существовавших границах, так как чеченцы и ингуши ни на какую другую территорию не поедут, а предоставление автономии в любом другом месте будет, по их мнению, неполной реабилитацией этих национальностей». При этом чеченцы и ингуши заявили, что на их родине «выселять никого не нужно, они будут дружно жить и работать вместе с проживающим там населением. Если же им будет передана кроме территории бывшей Чечено-Ингушской АССР хотя бы часть кизлярских земель, то тогда проблема расселения всех чечено-ингушских семей будет решена вполне удовлетворительно»².

На совещании в ЦК КПСС секретари обкомов партии и председатели облисполкомов областей и республик Северного Кавказа высказали мнение, что автономии чечено-ингушскому народу «желательно было бы предоставить в каком-либо другом районе страны, не на территории бывшей Чечено-Ингушской АССР. В то же время они сомневались в реальности такого решения, ибо заставить чеченцев и ингушей поехать туда можно только силой. Поэтому за основу территории восстанавливаемой Чечено-Ингушской АССР они предлагали принять прежние районы этой республики»³. При этом в вопросе об определении конкретных границ Чечено-Ингушской АССР возникли серьезные затруднения, вызвавшие различные варианты его решения.

Руководители Дагестанской АССР предложили образовать Чечено-Ингушскую АССР в прежних границах и вернуть со своей стороны районы, полученные в 1944 г. В свою очередь, Дагестанской АССР предлагалось вернуть районы бывшего Кизлярского округа. В ином случае было некуда переселить проживавших там дагестанцев, перемещенных с высокогорных районов после депортации чеченцев и ингушей.

12 декабря 1956 г. руководители республики, «исходя из того, что Президиум ЦК КПСС решил положительно вопрос о национальной автономии чеченцев и ингушей, и учитывая, что без полного восстановления территориальной автономии не может быть устойчивого равновесия, мира и дружбы между этими народами и их соседями», писали этому высшему партийному органу, что они «с самого начала

¹ ГАРФ. Ф. Р-7523. Оп. 75. Д. 359. Л. 15.

² РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 14. Д. 56. Л. 103–104.

³ Там же. Л. 104.

изъявили согласие отдать все шесть районов обратно в состав Чечено-Ингушской АССР». В то же время «4 из этих 6 районов заселены дагестанцами очень густо и дополнительное их заселение нецелесообразно. Кроме того, нежелательно, чтобы аварцы, даргинцы и лакцы, принадлежащие и так к малочисленным народностям Дагестана, дробились и находились в составе Чечено-Ингушской АССР». Притом почти половина колхозов Дагестана, располагавшихся в густозаселенных горных и высокогорных районах, остро нуждалась в пахотных и пастбищных угодьях. Поэтому обком КПСС и Совет министров Дагестанской АССР просили ЦК КПСС решить положительно вопрос о возвращении в состав Дагестана хотя бы Кизлярского, Каргалинского, Караногайского, Тарумовского районов, с учетом того, что около 500 га земель колхозов Дагестана в виде отгонных пастбищ расположено именно на их территории¹.

Напротив, руководство Северо-Осетинской АССР высказалось категорически против возвращения Чечено-Ингушской АССР тех районов, которые были ей переданы в 1944 г., объясняя это тем, что они «заселены главным образом осетинами и возвращать назад их было бы нецелесообразно». Использовался в качестве аргумента и фактор хозяйственного и социально-культурного освоения данных территорий: «за последние годы на капитальное строительство в колхозах этих районов вложено около 80 млн руб.»²

Руководство Грозненской области считало, что для расселения всех чеченцев и ингушей следовало передать не только их прежнюю территорию, но и ту часть, которая ранее не входила в Чечено-Ингушскую АССР (8 районов бывшего Кизлярского округа и Наурский район). Ее общая площадь составляла 25 тыс. кв. км., на ней проживали 163,7 тыс. чел., имелось 8 совхозов, 85 колхозов, 200 тыс. га посевной площади, 41 тыс. голов крупного рогатого скота и 588 тыс. овец. Это позволяло считать, что в данных районах имелись возможности «для развития животноводства, садоводства и виноградарства, строительства новых совхозов, предприятий легкой и пищевой промышленности, что позволит в течение ближайших 3–4 лет расселить и трудоустроить значительное число чеченцев и ингушей»³.

12 декабря было принято специальное постановление Грозненского обкома КПСС «О неотложных мерах, связанных с расселением чеченцев, самовольно прибывающих в Грозненскую область». Бюро обкома постановило упорядочить расселение прибывающих чеченцев и ингушей, «рассредоточивая их в селах, где для этого имеются более благоприятные условия». Кроме того, планировалось «не допускать въезд чеченцев и ингушей в перенаселенные пункты, усилить охрану общественного порядка, привлекая к этому активистов из местного населения», усилить медико-санитарное обслуживание, определить всех чеченских

¹ РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 14. Д. 56. Л. 92.

² Там же. Л. 104–105.

³ Там же. Л. 105.

и ингушских детей в школы, улучшить торговлю в предгорных районах необходимыми продовольственными и промышленными товарами¹.

Определяющими для дальнейшего развития ситуации стали принятые 9 января 1957 г. указы Президиума Верховного Совета СССР о восстановлении национальных автономий на Северном Кавказе: «О восстановлении Чечено-Ингушской АССР в составе РСФСР», «О преобразовании Черкесской автономной области в Карачаево-Черкесскую автономную область» и «О преобразовании Кабардинской АССР в Кабардино-Балкарскую АССР». Текстуально они в значительной степени совпадали, различаясь в названиях народов и их национальных автономий, а также в нескольких положениях. В целях «создания необходимых условий для национального развития» балкарского, карачаевского, чеченского и ингушского народов Президиум Верховного Совета СССР постановил для них: «Признать необходимым восстановить национальную автономию». В соответствии с действовавшим законодательством было рекомендовано Президиуму Верховного Совета РСФСР рассмотреть указанные вопросы. Отмечалась также необходимость установить «границы и административно-территориальное устройство» Чечено-Ингушской АССР и Карачаево-Черкесской АО, утвердить Организационный комитет Чечено-Ингушской АССР, на который возлагалось «впредь до выборов Верховного Совета АССР руководство хозяйственным и культурным строительством на территории республики».

Указы Президиума Верховного Совета СССР от 7 марта 1944 г. «О ликвидации Чечено-Ингушской АССР и об административном устройстве ее территории», от 12 октября 1943 г. «О ликвидации Карачаевской автономной области и административном устройстве ее территории», от 8 апреля 1944 г. «О переселении балкарцев, проживающих в Кабардино-Балкарской АССР, и о переименовании Кабардино-Балкарской АССР в Кабардинскую АССР», а также статья 2 Указа от 16 июля 1956 г. «в части запрещения» балкарцам, карачаевцам, чеченцам и ингушам «возвращаться на прежнее местожительство» были признаны утратившими силу².

В тот же день Президиум Верховного Совета РСФСР принял указы «О восстановлении Чечено-Ингушской АССР и упразднении Грозненской области», «О преобразовании Черкесской автономной области в Карачаево-Черкесскую автономную область» и «О преобразовании Кабардинской АССР в Кабардино-Балкарскую АССР»³. Отдельным указом был утвержден Организационный комитет по Чечено-Ингушской АССР: председатель М.Г. Гайрбеков, первый заместитель А.М. Слюсарев, заместители А.Ф. Зонов, З.С. Тонгиев, И.А. Шустов, секретарь М.И. Комаров, члены Ф.Д. Баранова, Е.В. Брыксин, А.Д. Гашев, Г.М. Дементьев, Х.Н. Дукузов, Д.Г. Мальсагов, Н.Г. Петров, В.Ф. Русин,

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 56. Д. 1486. Л. 58–61.

² ГАРФ. Ф. Р-7523. Оп. 75. Д. 359. Л. 2; Д. 364. Л. 2; Д. 365. Л. 2.

³ Там же. Д. 359. Л. 4; Д. 364. Л. 6; Д. 365. Л. 4.

С.С. Струлев, К. Сулейманов, А.В.Т. Тепсаев, В.Ф. Хозиев, У.Д. Цутиев, А.И. Яковлев и М.А. Яндиев¹.

Советское руководство планировало постепенное переселение депортированных народов Северного Кавказа на родину и восстановление их национальных автономий, растянутое по времени на несколько лет. Выступая на шестой сессии Верховного Совета СССР четвертого созыва 11 февраля 1957 г., секретарь Президиума Верховного Совета СССР А.Ф. Горкин доложил о принятых 9 января указах. Верховный Совет СССР утвердил их, соответствующие изменения были внесены в статью 22 Конституции СССР. А.Ф. Горкин также заявил: «Практическое осуществление мероприятий по восстановлению национальной автономии этих народов потребует известного времени и проведения большой организационной работы по подготовке в местах прежнего жительства необходимых производственных, жилищных и других культурно-бытовых условий. Потребуются также большие затраты материальных и денежных средств». Поэтому, по его словам, «переезд граждан указанных национальностей, изъявивших желание возвратиться в районы прежнего местожительства, должен производиться организованно, небольшими группами, в определенные сроки и в порядке очередности». Переезд балкарцев и карачаевцев планировался на 1957–1958 гг., а более многочисленных чеченцев и ингушей – на 1957–1960 гг.²

Но планы на постепенное и последовательное развитие событий были разрушены быстрым возвращением спецпереселенцев, которые не хотели ждать нескольких лет. Свою роль сыграли и действия местных руководителей в Казахской ССР и Киргизской ССР, которые вовсе не стремились задерживать их далее у себя как дестабилизировавшие обстановку элементы, быстро рассчитывали, увольняли, выписывали и выдавали необходимые проездные документы.

В самом конце 1956 г. министр внутренних дел Н.П. Дудоров докладывал, что в результате проведения «специальных мероприятий по предотвращению массового и незаконного выезда чеченцев и ингушей из районов Киргизской, Казахской и Узбекской ССР в места их прежнего жительства» с 22 по 28 декабря работники МВД сняли с поездов и самолетов около 5 тыс. чеченцев и ингушей, направлявшихся в Грозненскую область и Северо-Осетинскую АССР. После проведения с задержанными соответствующей разъяснительной работы их организованно направили в места прежнего поселения: «Свое массовое переселение, особенно в последнее время, задержанные чеченцы и ингуши объясняли тем, что местные власти не препятствовали их выезду и снимали их с партийного, комсомольского, профсоюзного и воинского учета». Министр оптимистично заверял ЦК КПСС в том, что «массовое прибытие бывших спецпереселенцев из числа лиц

¹ ГАРФ. Ф. Р-7523. Оп. 75. Д. 359. Л. 6.

² Шестая сессия Верховного Совета СССР четвертого созыва. Совет Национальностей. Бюллетень № 6. М., 1957. С. 21–23; Шестая сессия Верховного Совета СССР четвертого созыва. Совет Союза. Бюллетень № 6. М., 1957. С. 19–20.

чечено-ингушской национальности в Грозненскую область и Северо-Осетинскую АССР прекратилось»¹.

Однако через три с лишним месяца потребовалась целая «спецоперация» по пресечению очередного потока переселенцев на Северный Кавказ. Н.П. Дудоров докладывал о том, что в течение трех дней, с 5 по 7 апреля 1957 г., все пассажирские поезда из Киргизии и Казахстана проверялись оперативными бригадами милиции. В результате было выявлено и задержано 2 139 чеченцев и ингушей, направленных обратно. Министерство внутренних дел настаивало, чтобы в Казахской ССР и Киргизской ССР осуществлялись меры, направленные на то, чтобы не допустить увольнения с работы бывших спецпереселенцев, не снимать их с воинского учета, не выписывать из домовых книг и не продавать им проездных билетов. По оценке В.А. Козлова, это был «ничем не прикрытый произвол, который, может быть, и основывался на здравом смысле бюрократов, но решительно никаких юридических оснований под собой не имел», поскольку «никаких законов, вообще никаких юридических решений, которые бы препятствовали немедленному выезду, не существовало. Органы МВД, задерживая чеченцев и ингушей на станциях и снимая их с поездов, действовали на свой страх и риск»².

К тому же в областных центрах Казахстана «скопилось большое количество чеченцев и ингушей, которые уволились с работы, продали свое имущество и настойчиво добиваются выезда к прежнему месту жительства»³. В Караганду было возвращено 613 чеченцев и ингушей, снятых с поездов при попытке выехать на Кавказ. При этом 413 чел. разместились прямо на вокзале, а 200 чел., не выходя из вагонов, продолжали требовать «отправки в Чечено-Ингушскую АССР, заявляя, что они продали свои дома, а личные вещи отправили на Кавказ». Возле здания Карагандинского обкома КПСС ежедневно собирались большие толпы чеченцев и ингушей, останавливавшие машины секретарей обкома КПСС и требовавшие отправки на Кавказ⁴.

Ситуация накалялась и на Северном Кавказе. После принятия решений о восстановлении Чечено-Ингушской АССР в ЦК КПСС и другие центральные органы поступили многочисленные заявления, выписки из решений колхозных собраний и телеграммы от жителей 4 дагестанских районов, отошедших Чечено-Ингушской АССР. Так, более 30 представителей колхозов Шурагатского, Ритлябского, Веденского районов, переданных из Дагестанской АССР в Чечено-Ингушскую АССР, писали, что они «одобряют решение партии и правительства о восстановлении автономии чечено-ингушского народа, но в то же время возражают против совместной жизни с чеченцами, отказываются принимать их в колхозы, настойчиво просят оставить эти районы в составе Дагестана или организованно

¹ РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 14. Д. 80. Л. 1.

² Козлов В.А. Синдром возвращения // Вайнахи и имперская власть. С. 846–847.

³ РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 14. Д. 80. Л. 9.

⁴ Там же. Л. 11.

переселить проживающее здесь население, заявляя, что в противном случае все даргинцы и аварцы все равно стихийно уедут в дагестанские аулы»¹.

Авторы писем обращали внимание на «крайний недостаток земельных угодий при избытке рабочей силы в колхозах» данных районов. В Андалалском, Ритлябском и Веденском районах на 1 трудоспособного колхозника приходилось по 0,4–0,8 га пашни, а в Шурагатском – 1,8 га. В результате «сотни колхозников не вырабатывают минимума трудодней по той причине, что их просто нечем занять». Однако в Шурагатский район уже прибыло самовольно более 400 семей, «причем некоторые чеченцы привезли из Казахстана в мешках останки трупов своих родственников и хоронят только там, где жили их предки»².

Даргинцы и аварцы писали, что не хотят быть оторванными от своего народа и обеспокоены тем, что нахождение их в составе Чечено-Ингушской АССР отрицательно скажется на развитии национальной культуры. Они также заявляли, что «не могут жить вместе с чеченцами в силу исторически сложившихся натянутых взаимоотношений между этими народами и неправильного поведения многих чеченцев как до переселения, так и в настоящее время». Эти отношения «особенно осложнились после 1944 г., ибо чеченцы считают дагестанцев в какой-то степени повинными в выселении чечено-ингушского народа и крайне недовольны, что они живут в их домах». В письмах говорилось, что «в течение многих десятилетий чеченцы совершали набеги на соседние дагестанские села, грабили и убивали людей, угоняли скот, и эти действия их дагестанцы не могут забыть».

В устных и письменных жалобах колхозников и сообщениях органов государственной безопасности указывалось, что многие чеченцы после возвращения с мест поселения вели себя вызывающе, оскорбляя жителей и угрожая им, самовольно вселялись в ранее принадлежавшие им дома или требовали их освобождения, совершали хулиганские нападения на граждан. Они скупили все ружья и демонстративно большими группами ходили с ними по селам, устраивали стрельбу, провоцируя аварцев и даргинцев на ответные действия и столкновения. Местное население также начало приобретать ружья, в том числе и за пределами региона. Применение холодного и огнестрельного оружия в межличностных конфликтах приводило к большим жертвам. Впрочем, в документах отмечались и случаи, «когда национальную рознь между чеченцами и дагестанцами разжигают и отдельные лица из числа аварцев». В целом же развитие ситуации вызывало серьезные опасения: «В заявлениях даргинцев и аварцев указывается, что если в ближайшее время не будут приняты необходимые меры, то могут произойти серьезные столкновения и резня между чеченцами и дагестанцами». Поэтому представители дагестанских районов, отошедших к Чечено-Ингушской АССР, при поддержке руководства республики настойчиво просили ЦК КПСС и советское правительство «переселить все 11 тыс. хозяйств аварцев

¹ РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 14. Д. 80. Л. 2–3.

² Там же. Л. 3.

и даргинцев на территорию Дагестана, оказав им помощь по линии государства предоставлением ссуд на строительство и других льгот, которыми пользуются плановые переселенцы»¹.

Необходимо отметить, что восстановление национальных автономий репрессированных народов вовсе не сопровождалось полным возвращением к прежним административным границам, существовавшим до их депортации. Так, карачаевцы не получили самостоятельной автономии, которой они обладали с 1926 по 1944 гг., и были включены в состав объединенной Карачаево-Черкесской АО. Такое решение вызвало острое недовольство части карачаевцев, увидевших в этом продолжение дискриминации народа.

В объединенную Карачаево-Черкесскую АО вошли территории бывшей Черкесской АО, а также Зеленчукский, Клухорский, Усть-Джегутинский районы, пригородная зона города Кисловодска (в границах бывшего Мало-Карачаевского района), а также восточная часть Псебайского района Краснодарского края (в границах бывшего Преградненского района)². Указ Президиума Верховного Совета РСФСР «Об административно-территориальном составе Карачаево-Черкесской автономной области Ставропольского края» закрепил в ее составе город Черкесск, Адыге-Хабльский (центр – аул Адыге-Хабль), Зеленчукский (станция Зеленчукская), Мало-Карачаевский (село Первомайское), Клухорский (г. Клухори), Преградненский (станция Преградная), Усть-Джегутинский (станция Усть-Джегутинская), Хабезский (аул Хабез) и Черкесский районы. Город Клухори был переименован в Карачаевск, а Клухорский район – в Карачаевский³.

В восстановленной Кабардино-Балкарской АССР балкарские районы оказались включены в районы с преобладавшим кабардинским населением. В результате внутреннее административное деление республики перестало следовать этническому принципу, опираясь на принципы экономического районирования⁴. Часть бывшего Курпского района так и осталась в составе Моздокского района Северо-Осетинской АССР.

В Чечено-Ингушскую АССР 9 января 1957 г. были включены из Грозненской области город Грозный, Грозненский, Гудермесский, Каргалинский, Красноармейский, Междуреченский, Надтеречный, Новосельский, Наурский, Советский, Сунженский и Шелковский районы. Из Дагестанской АССР – Андалалский, Веденский, Ритлябский, Шугаратский, а также западная часть Ботлихского и Шумадинского районов (в границах бывших Чеберлоевского и Шароевского районов). Из Северо-Осетинской АССР – город Малгобек с пригородной зоной, Коста-Хетагуровский район и северо-восточная часть Правобережного района в границах бывшего Ачалукского района.

¹ РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 14. Д. 80. Л. 4–5.

² ГАРФ. Ф. Р-7523. Оп. 75. Л. 364. Л. 6.

³ Там же. Л. 4.

⁴ Цуциев А. Атлас этнополитической истории Кавказа. С. 112.

Президиуму Верховного Совета Северо-Осетинской АССР и Организационному комитету по Чечено-Ингушской АССР поручалось внести на утверждение Президиума Верховного Совета РСФСР описание границы между Северо-Осетинской АССР и Чечено-Ингушской АССР «с учетом упразднения территориальной разобщенности Моздокского района с основной территорией Северо-Осетинской АССР». Часть упраздненной Грозненской области – районы Караногайский, Кизлярский, Крайновский, Тарумовский и город Кизляр – была передана в состав Дагестанской АССР, Ачикулакский и Каясулинский районы – в состав Ставропольского края¹.

В связи с восстановлением Чечено-Ингушской АССР 10 января 1957 г. были приняты постановления Президиума Верховного Совета Грузинской ССР и Президиума Верховного Совета РСФСР о передаче в состав РСФСР северной части Душетского и Казбегского районов Грузинской ССР в границах бывшего Итум-Калинского района и части территории бывших Галанчоужского, Галашкинского, Шароевского, Пригородного и Гизельдонского районов. В соответствии с этим была восстановлена граница между Грузинской ССР и РСФСР, существовавшая до 7 марта 1944 г.² На следующий день данные решения утвердил Указ Президиума Верховного Совета СССР.

12 апреля 1957 г. было принято постановление Совета министров РСФСР № 205 «О предоставлении льгот и оказании помощи колхозникам, рабочим и служащим, возвращающимся в Чечено-Ингушскую и Кабардино-Балкарскую АССР, Калмыцкую и Карачаево-Черкесскую автономные области Ставропольского края, а также в Дагестанскую АССР и в некоторые районы Северо-Осетинской АССР, Астраханской и Ростовской областей». По данному постановлению чеченцам, ингушам, балкарцам, карачаевцам предоставлялись кредиты на строительство домов (до 10 тыс. руб. на семью на 10 лет), на ремонт домов и построек (до 3 тыс. руб. на 3 года), на приобретение коров или другого рогатого скота особо нуждавшимся (1,5 тыс. руб. на 3 года). Для этого выделялся кредит в 150 млн руб., в том числе Организационному комитету по Чечено-Ингушской АССР – 63 млн руб., Совету министров Кабардино-Балкарской АССР – 19,5 млн руб., облисполкому Карачаево-Черкесской АО – 37,5 млн руб. Возвращавшиеся из ссылки также освобождались от уплаты сельскохозяйственного налога и обязательных поставок государству сельскохозяйственных продуктов и продуктов животноводства, кроме молока, а принявшие их колхозы – от уплаты подоходного налога. Наиболее нуждавшимся семьям разрешалось оказывать помощь в размере, не превышавшем 500 руб., для чего выделялось 7,5 млн руб.³

¹ ГАРФ. Ф. Р-7523. Оп. 75. Д. 359. Л. 4.

² Там же. Л. 29, 34.

³ «По решению Правительства Союза ССР...» С. 753–755.

Свои инициативы по обустройству переселенцев проявляли и местные власти. Так, Кабардино-Балкарский обком КПСС и Совет министров обратились к Совету министров РСФСР с просьбами помочь в трудовом и бытовом устройстве возвращавшегося в республику балкарского населения. К маю 1957 г. вернулось уже 10 тыс. балкарцев, остальные ожидалось в мае-июне 1957–1958 гг. Трудоустройство балкарцев в республике осуществлялось главным образом путем организации новых колхозов как «наиболее быстрой и целесообразной формой бытового и хозяйственного устройства балкарского народа». При этом учитывалось, что «землепользование вновь создаваемых на территории Балкарии колхозов будет состоять из горных пастбищ и сенокосов, благоприятствующих развитию животноводства, но используемых в настоящее время недостаточно эффективно; принимается во внимание опыт и склонность балкарского народа к занятию животноводством»¹.

В целях подготовки и проведения необходимых мер было создано переселенческое управление при Совете министров Кабардинской АССР, организовано 19 новых колхозов животноводческого направления (31,5 тыс. чел.) и 2 новых совхоза (2,5 тыс. чел.). Выделялся скот и безвозвратная семенная ссуда, единовременное безвозвратное денежное пособие, а также денежные ссуды на приобретение скота, сельхозинвентаря, возведение объектов производственного и культурно-бытового назначения. Новые балкарские колхозы освобождались от уплаты подоходного налога и всех видов обязательных поставок государству сельскохозяйственной продукции и продуктов питания на 5 лет. Выделялись средства на строительство административных зданий, дорог, школ, больниц, детских домов, издание газет, радиовещание на национальных языках².

Однако возвращение бывших спецпереселенцев шло намного быстрее, чем планировалось (см. табл. 5). Причины этого объяснялись «неправильной организацией работы» представителями Оргкомитета и областных исполкомов, а то и прямыми злоупотреблениями с их стороны³. К тому же местные власти не всегда справлялись с объемом запланированных работ. Так, в документах отмечались недостатки в подготовке к приему переселенцев-балкарцев в Эльбрусском районе Кабардино-Балкарской АССР. В подсобном хозяйстве Тырнаузского комбината оказалось подготовлено квартир лишь на 30 семей, а не на 100, как планировалось, в Былыме – на 62, а не на 200, в Эльбрусе и Верхнем Баксане – на 86, а не на 300 семей⁴.

¹ УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 2. Д. 849. Л. 89–91.

² УЦГА АС КБР. Ф. 774. Оп. 1. Д. 17. Л. 1–18.

³ Сост. по: Вайнахи и имперская власть... С. 898, 904–907 и др.

⁴ УЦГА АС КБР. Ф. 774. Оп. 1. Д. 11. Л. 7.

Таблица 5

Возвращение бывших спецпереселенцев на Северный Кавказ к 1 августа 1957 г.¹

Автономии	План возвращения в 1957 г. (семей)	Всего вернулось			
		Семей	Чел.	В том числе трудоспособных	Трудоустроилось
Кабардино-Балкарская АССР	5 000	4 557	18 754	8 414	7 379
Карачаево-Черкесская АО	10 000	11 662	46 748	18 614	9 161
Чечено-Ингушская АССР	17 000	33 227	132 034	59 720	41 122
Северо-Осетинская АССР	–	739	3 501	1 510	895
Дагестанская АССР	–	753	3 236	1 362	1 362
Всего	32 000	50 938	204 273	89 620	59 919

В современной историографии критике также подвергаются «нецелевые использования» части средств, выделявшихся на обустройство переселенцев-карачаевцев. Отмечается, что они пошли на хозяйственное и бытовое устройство всей области и прежде всего ее центра, города Черкесска, и «не обеспечили подтягивание уровня социального развития районов расселения карачаевцев во вновь созданной области»².

Очередной административно-территориальный передел неизбежно породил и новые проблемы, споры и конфликты. Колхозники Шурагатского и других районов Дагестанской АССР, передаваемых в состав Чечено-Ингушской АССР, в январе 1957 г. посылали в Москву одну за другой правительственные телеграммы: «мы по национальности дагестанцы и сейчас настаиваем оставить в составе Дагестана в настоящее время наши дома в тех местах где ранее жили разрушены соседними колхозами и на старое место жительства возвращаться нам некуда...», «колхозники колхоза имени Орджоникидзе не желают объединиться в колхоз с чеченцами и не желают потерять национальную самостоятельность», «просим выделить место для переселения на территорию Дагестана и заранее подготовленные дома...», «категорически возражаем против передачи нас [в] Чечено-Ингушскую республику и требуем переселения в Дагестанскую республику»³.

В связи с включением Коста-Хетагуровского, Малгобекского и восточной части Правобережного районов в состав Чечено-Ингушской АССР территория

¹ Сост. по: Вайнахи и имперская власть... С. 898–899.

² Карачаевцы. Выселение и возвращение. С. 35.

³ РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 14. Д. 81. Л. 3–6.

бывшего Ачалуковского района была перераспределена между несколькими районами. Оргкомитет по Чечено-Ингушской республике принял решение северную часть района с населенными пунктами Верхние Ачалуки, Средние Ачалуки и Нижние Ачалуки включить в состав Малгобекского района, а южную часть с населенными пунктами Кантышево, Даллаково и Нартовскую МТС – в состав Коста-Хетагуровского района. В сопровождавших документах отмечалось, что в Ачалуках до 1943 г. проживало более 6 тыс. ингушей, существовало несколько колхозов. Но в 1944–1956 гг. действовал всего один колхоз им. Молотова, а в 1956 г. в связи с укрупнением районов он был объединен с колхозом им. Молотова Коста-Хетагуровского района. Просьба Коста-Хетагуровского райкома партии оставить в составе района станицу Карабулакскую и селение Яндырка была признана необоснованной, так как эти населенные пункты ранее входили в Сунженский район, и население требовало их возвращения в него. К тому же они были удалены от районного центра Коста-Хетагуровского района, в то время как районный центр Сунженского района располагался всего в нескольких километрах¹.

В состав Чечено-Ингушской АССР не была возвращена часть Пригородного района, входившая в ее состав до депортации 1944 г. Непосредственно примыкая к городу Орджоникидзе, она была в хозяйственном отношении тесно с ним связана и оставлена в составе Северо-Осетинской АССР по просьбе ее руководства. Именно сюда переселялись осетины из других районов, переданных в Чечено-Ингушскую АССР. В то же время предпринимались меры, ограничивавшие возвращение в Пригородный район ингушского населения.

Это вызывало резкое недовольство ингушей, неоднократно обращавшихся как к высшим партийным и советским органам, так и непосредственно к руководству Северо-Осетинской АССР с просьбой оставить им Пригородный район как их историческую родину. В этих обращениях подчеркивалось, что именно здесь располагалось селение Онгушт (Ангушт, переименованное в Тарское), от которого пошло и название народа: «...мы не допускаем мысли, что братский осетинский народ претендует на земли своих вековых соседей...»² Проживавшие в Пригородном районе ингуши жаловались на свое положение, сообщая, что они подвергаются дискриминации, «терпят бедствия», их безнаказанно убивают, а «осетинская местная власть ведет разнузданную шовинистическую пропаганду»³. В ответах партийных инстанций сообщалось, что многие приводимые факты не соответствуют действительности, а убийства происходили «на почве пьянства и хулиганства»⁴.

Взамен Пригородного района Чечено-Ингушской АССР были переданы входившие в Грозненскую область Наурский, Шелковской и Каргалинский районы

¹ РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 14. Д. 81. Л. 7.

² Там же. Д. 56. Л. 98.

³ Там же. Л. 47–48.

⁴ Там же. Л. 53.

с преимущественно казачьим и ногайским населением, экономически тяготевшие к Грозному. В составе Северо-Осетинской АССР был оставлен узкий перешеек, связывающий ее основную территорию с Моздокским районом.

Ачикулакский и Каясулинский районы упраздненной Грозненской области были включены в состав Ставропольского края, а Караногайский, Кизлярский и Крайновский – в состав Дагестанской АССР. В результате территория бывшего Кизлярского округа оказалась распределена между несколькими образованиями: Дагестанской АССР, Чечено-Ингушской АССР и Ставропольским краем. Проживавшие здесь ногайцы, не имевшие своей национальной автономии, фактически оказались в положении разделенного народа.

Не был восстановлен и Ауховский район Дагестанской АССР, созданный 5 октября 1943 г., в котором до своего принудительного выселения проживали преимущественно чеченцы-аккинцы. 3 июня 1944 г. он был ликвидирован в связи с депортацией чеченцев, а его территория вошла в состав Новолакского и частично Казбековского районов Дагестанской АССР. С началом реабилитации чеченцы-аккинцы попытались вернуться сюда, но встретили противодействие со стороны местного руководства. К этому времени на данной территории проживало «2838 семей лакского и аварского населения, которое 14 лет назад было переселено из горных малоземельных колхозов республики и прочно обосновалось в местах нынешнего жительства»¹.

В 1958 г. группа чеченцев, возвратившихся из Киргизии и Казахстана в Дагестанскую АССР, обратилась в ЦК КПСС, в ЦК коммунистических партий союзных республик и в адрес XXI съезда партии с просьбой о восстановлении бывшего Ауховского района и расселении их в тех населенных пунктах, откуда они были высланы². Но советское руководство считало, что восстановление Ауховского района и расселение на его территории прибывшего чеченского населения «потребовало бы нового переселения лакцев и аварцев и нерациональные дополнительные расходы». Поэтому ЦК КПСС в июне 1958 г. принял предложение Дагестанского обкома КПСС и Совета министров Дагестанской АССР о «нецелесообразности восстановления бывшего Ауховского района» и расселении чеченцев в соседних Хасавюртовском, Бабаюртовском и Кизилюртовском районах, «колхозы и совхозы которых имеют лучшие условия для развития хозяйства, орошаемые земли и испытывают недостаток рабочей силы». При этом предусматривалось расселение чеченцев большими группами.

К началу 1959 г. из 5248 семей чеченцев, выселенных из Дагестанской АССР в 1944 г., возвратилось 2216 чел., из них 2037 чел. были расселены и трудоустроены в Хасавюртовском, Бабаюртовском и Кизилюртовском районах, 123 чел. – в Новолакском, 105 чел. – в Казбековском районах. Власти пытались решить вопросы хозяйственного обустройства прибывших чеченцев, которым были выданы

¹ РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 14. Д. 140. Л. 27.

² Там же. Л. 17.

ссуды на строительство домов и приобретение скота в размере 3747 тыс. руб., выделены строительные материалы и приусадебные участки. 1148 семей проживали в отдельных домах и квартирах, из них 742 семьи – во вновь построенных домах. Чеченские хозяйства приобрели в личное пользование 930 коров, 1516 овец и коз. Вместе с тем в документах отмечались определенные недостатки в данной сфере, медленное решение вопросов хозяйственного и трудового устройства прибывших чеченцев в ряде случаев. 200 чел. оставались не трудоустроены, отдельные семьи не получили ссуды на строительство и земельные участки¹.

Но большинство переселенцев стремилось вернуться именно в те места, где они жили до депортации. Как отмечал председатель Совета министров Кабардино-Балкарской АССР А.Н. Ахохов в письме председателю Совета министров РСФСР Ф.Р. Козлову, «в силу этого из некоторых прежних мест поселения балкарцев приходится переселять много кабардинских семей по их просьбе в кабардинские населенные пункты республики». Так, в 1958 г. из селения Гунделен Эльбрусского района было переселено более 500 семей в другие населенные пункты того же района². В Северо-Осетинскую АССР из Назрановского (бывшего Коста-Хетагуровского) района было переселено 4 тыс. семей колхозников³. В Дагестанскую АССР из районов, переданных в состав Чечено-Ингушской АССР, к 10 июля 1957 г. было переселено 1683 семьи⁴.

Самым острым кризисом, вызванным изменениями в административно-территориальной системе на Северном Кавказе, стали массовые беспорядки в Грозном в августе 1958 г. Ситуация в городе обострялась с начала возвращения чеченцев и ингушей. Еще в начале июня 1957 г. Отделом партийных органов бюро ЦК КПСС по РСФСР была подготовлена записка «О положении дел в Чечено-Ингушской АССР», в которой выражались серьезные опасения по поводу развития событий в автономии. В ней, в частности, отмечалось, что в республике имели место «факты предвзятого, недружелюбного отношения к прибывшим со стороны части даргинского, аварского, осетинского и русского населения, среди которого еще до приезда чеченцев и ингушей получили распространение различные слухи о невозможности совместной жизни с чеченцами и ингушами, о том, что “в республику едут бандиты, их не надо пускать или придется уезжать отсюда”». На почве таких «неправильных взаимоотношений в некоторых местах происходили ссоры и драки между прибывшими и местными жителями, которые иногда кончались жертвами с той и другой стороны». Однако Чечено-Ингушский обком КПСС не придал должного значения массовому выезду русского населения из отдельных районов республики. Между тем в течение весны из Грозненского, Урус-Мартановского и Ачхой-Мартановского районов выехало более 550 семей.

¹ РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 14. Д. 140. Л. 27.

² «По решению Правительства Союза ССР...» С. 764.

³ Там же. С. 771.

⁴ Вайнахи и имперская власть... С. 902.

В конце 1950-х гг. криминальная обстановка в республике в целом и в ее столице в особенности ухудшилась. Убийства из хулиганских и националистических побуждений стали постоянным явлением, вызывая протестные настроения у части населения. На имя различных советских руководителей поступали заявления и жалобы граждан, сообщавших о преступлениях, совершенных чеченцами и ингушами, остававшимися безнаказанными¹. Действительно, количество уголовных преступлений в республике стремительно возрастало (см. табл. 6).

Таблица 6

Количество преступлений в Чечено-Ингушской АССР в 1957–1958 гг.²

	Первая половина 1957 г.	Вторая половина 1957 г.	Пять месяцев 1958 г.
Убийства	12	31	22
Разбой	23	59	44
Кражи государственного имущества	101	124	145
Кражи личного имущества	259	332	287
Общее количество преступлений	805	1229	1031

По мнению первого секретаря Чечено-Ингушского обкома КПСС А.И. Яковлева, это объяснялось тем, что в связи с восстановлением автономии сюда прибыло «значительное количество уголовно-преступного элемента». К 1 января 1958 г. из Казахстана и Киргизии поступило 457 требований на розыск и задержание преступников, 131 из них был задержан. К тому же, по его словам, «значительная часть чеченцев и ингушей придерживается старых обычаев, не выдает преступников, отказывается от дачи показаний», среди них сохраняется сильная круговая порука и кровная месть. Однако он категорически отвергал утверждение о том, что преступления остаются безнаказанными³.

Однако в реальности партийные и государственные органы все более утрачивали контроль над развитием ситуации. Крайне неэффективно работали и правоохранительные органы. Неслучайно отдельные руководители республиканские предлагали «в порядке исключения, по Чечено-Ингушской АССР» дать им право «выселить отдельные семьи убийц их республики без права возвращения на родину»⁴.

¹ РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 14. Д. 108. Л. 18–20.

² Там же. Л. 21.

³ Там же. Л. 22–23.

⁴ Там же. Д. 140. Л. 200.

Наращение межнациональной напряженности завершилось настоящим взрывом, поводом для которого послужило убийство на бытовой почве русского рабочего Е. Степашина, получившее широкий общественный резонанс. Стихийный протест русского населения перерос в масштабное политическое выступление, для подавления которого в город пришлось вводить войска. Основные требования митингующих сводились к переименованию Чечено-Ингушской АССР в Грозненскую область или в Многонациональную советскую социалистическую республику, ограничению численности чеченцев и ингушей в ней до не более чем 10 % от общего количества населения и лишению их преимуществ «по сравнению с другими национальностями», переселению «передовой прогрессивной комсомольской молодежи различных национальностей из других республик для освоения богатств Грозненской области и для развития сельского хозяйства». В результате беспорядков пострадало 32 чел., в том числе 4 работника МВД, 2 чел. умерли, 10 чел. были госпитализированы. В ходе расследования на оперативный учет было взято 273 участника массовых беспорядков, задержано 93 чел., возбуждено 58 уголовных дел на 64 чел.

Отдельные чеченцы-коммунисты обвинили часть руководства республики и представителей аппарата ЦК КПСС в античеченских настроениях и поддержке «контрреволюционного путча»¹. И, хотя эти обвинения были категорически отвергнуты, ситуация в Грозном и Чечено-Ингушской АССР стала предметом специального обсуждения на Пленуме ЦК КПСС в сентябре 1958 г. Секретарь ЦК КПСС Н.Г. Игнатов, выезжавший в Грозный для разбирательства, назвал одной из главных причин возникновения беспорядков крупные ошибки, а также «отсутствие должного единства в работе бюро обкома, горкома партии и Совета министров республики». Первый секретарь Чечено-Ингушского обкома КПСС А.И. Яковлев был впоследствии переведен в аппарат ЦК КПСС².

На административной карте Северного Кавказа сохранялись и другие «болевые точки», в числе которых оказалась и территория бывшего Ауховского района. К февралю 1959 г. в Дагестанскую АССР вернулось уже 10 109 чеченцев, в основном размещенных, как и планировалось, в Хасавюртовском, Бабаюртовском и Кизилюртовском районах. Однако некоторые из них проявляли недовольство, требуя разместить их в местах прежнего жительства, занятых лакцами и аварцами. Председатель Комитета государственной безопасности при Совете министров СССР А.Н. Шелепин отмечал, что в силу сложившейся обстановки «между чеченцами и проживающими в этих районах лакцами и аварцами проявляются нездоровые взаимоотношения, иногда сопровождающиеся поножовщиной и убийством и отрицательно влияющие на производственную деятельность колхозов и совхозов». Прямым следствием нарастания межэтнической напряженности стал

¹ РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 14. Д. 108. Л. 93–97.

² Козлов В.А. Синдром возвращения // Вайнахи и имперская власть. С. 859–861.

отток населения. Так, из совхоза «10 лет Дагестанской АССР», опасаясь «нежелательных действий чеченцев», уволилось и выехало 50 семей русских и представителей других национальностей. В колхозе селения Сталин-аул Казбековского района поселились 60 чеченских семей. Выход на работу сократился вдвое из-за опасений, что чеченцы захватят дома в отсутствие хозяев¹.

С конца 1950-х гг. система административно-территориального деления Северного Кавказа не испытывала серьезных потрясений. Одним из последних изменений стало включение в состав Адыгейской АО территории Тульского района из Краснодарского края. Но, поскольку сама Адыгейская АО при этом входила в состав Краснодарского края, это не вызвало тогда серьезных разногласий. В 1960–1980-е гг. не раз происходили интенсивные преобразования на муниципальном уровне в связи с укрупнением, разделением и ликвидацией отдельных административных образований. Однако все эти преобразования не меняли принципов и основных форм сложившейся административно-территориальной системы.

Новый острый кризис в развитии административно-территориальной системы на Северном Кавказе пришелся уже на рубеж 1980–1990-х гг. и был вызван распадом СССР, ослаблением союзной власти, «парадом суверенитетов» и общим ухудшением социально-экономической и этнополитической ситуации в стране. Рост национального самосознания способствовал повышению статуса ряда субъектов (выходу автономных областей из состава краев, преобразованию автономных областей и республик – в республики в составе Российской Федерации). Принятые в них нормативно-правовые акты закрепляли суверенитет данных государственных образований. Однако рассматриваемые тенденции вызвали серьезные опасения у представителей ряда «нетитульных» народов, полагавших, что в новых условиях они могут подвергнуться дискриминации. Наиболее радикальные формы протеста выразились в требованиях их выхода из состава новых республик и создания собственных государственных образований (республик). Так, балкарцы и кабардинцы стали требовать раздела Кабардино-Балкарии на два субъекта². Позже было объявлено о национальном суверенитете балкарского народа и создании самостоятельной балкарской республики.

О создании собственных автономных областей, а затем и республик в составе СССР и РСФСР заявляли карачаевцы и черкесы, абазины и ногайцы, а также терские казаки, провозгласившие Баталпашинскую и Зеленчукско-Урупскую казачью советскую социалистическую республику, а затем Верхне-Кубанскую казачью республику в 1991 г. Российское руководство уже было готово признать разделение Карачаево-Черкесии, о чем свидетельствует создание комиссии Верховного Совета РСФСР по образованию Карачаевской, Черкесской, Баталпашинской автономных

¹ РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 14. Д. 140. Л. 175–176.

² Казенин К. «Тихие» конфликты на Северном Кавказе: Адыгея, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия. М., 2009. С. 64.

областей и проведение референдума по данному вопросу в 1992 г. Однако по официальным результатам большинство населения республики высказалось против разделения. Выдвигались также предложения о создании «национально-государственного образования ногайцев и терского казачества» в статусе республики в составе РСФСР, Черкесско-абазинской и Ногайско-абазинской республик. На реальной административно-территориальной структуре региона данные политические заявления не сказались.

Наиболее острый характер данные процессы получили в 1990-е гг. в Чечне. Чеченская Республика Ичкерия фактически стала независимым, хоть и не признанным международным сообществом образованием. «Возвращение» Чечни в политическое пространство Российского государства происходило в форме настоящих боевых действий. Только в 2003 г. была принята Конституция, провозглашавшая Чеченскую Республику субъектом Российской Федерации. В других субъектах России на Северном Кавказе к этому времени законодательство также было приведено в соответствие с общероссийским. В результате из конституционных актов республик исчезли положения об их суверенитете.

В целом формирующаяся в 1990-е гг. административно-территориальная система в условиях ослабления влияния федерального центра продемонстрировала свою крайнюю неэффективность. Свидетельством этого стали тяжелая социально-экономическая ситуация во многих субъектах, а также ряд межэтнических конфликтов, нередко сопровождающихся территориальными спорами. Необходимо отметить, что их возникновению в определенной степени способствовало принятие закона о реабилитации репрессированных народов, подразумевавшего восстановление их автономий в прежних границах как формы территориальной реабилитации. Наиболее острым из этнополитических споров стал осетино-ингушский конфликт из-за административно-правового статуса Пригородного района и Владикавказа, принявший характер вооруженного конфликта. Определенные проблемы порождает отсутствие установленной границы между Чеченской Республикой и Республикой Ингушетией. Территориальные претензии высказывали Чечня (в отношении Новолакского района Дагестана как территории проживания чеченцев-аккинцев) и Адыгея (в отношении районов Краснодарского края, населенных шапсугами).

Достаточно часто в последние годы звучали и требования о выходе того или иного административного образования или этнической группы из состава республики и вхождении их в состав «русских» Краснодарского и Ставропольского краев. Так, протест против выхода Адыгеи из Краснодарского края в связи с провозглашением ее республикой выразился в возникновении требования о переходе Майкопского района с преимущественно русским населением «назад» в Краснодарский край. Впоследствии обсуждался вопрос о возможности присоединения Республики Адыгеи к Краснодарскому краю, что вызвало резко негативную оценку республиканского руководства. Поднимался

вопрос и об образовании Абазинского административного района в составе Ставропольского края.

Но все эти требования не были реализованы. В условиях обострения ситуации в регионе российское руководство пошло по пути консервации сложившихся административных границ, обоснованно опасаясь эскалации насилия. Не отрицая в ряде случаев справедливости выдвигаемых представителями отдельных этносов и этнических групп требований, оно понимало, что передел территории чреват еще большими проблемами. В результате национальным движениям пришлось искать способы добиваться своих требований в рамках действующей административно-территориальной системы. Так, в составе Карачаево-Черкесской Республики в 2006 г. появился Абазинский, а в 2007 г. – Ногайский районы.

Курс российского руководства на укрепление государственности привел к созданию федеральных округов. Территория Северного Кавказа вместе с Нижним Поволжьем вошла в состав Южного федерального округа с центром в Ростове-на-Дону. Однако осознание неэффективности сложившейся системы управления и нарастание многочисленных этнополитических и социально-экономических проблем развития региона вызвали поиск новых форм административно-территориального устройства на Северном Кавказе. Следствием чего, собственно, и стало создание Северо-Кавказского федерального округа с центром в Пятигорске и наделение его главы особыми полномочиями. Данные преобразования позволяют судить о новых тенденциях в развитии региональной системы управления, попытках найти его более эффективные формы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вопросы о том, насколько расширяющаяся империя, а вслед за нею и советская власть способны были обеспечить «крепость государственной власти» и ее возможности к своевременному решению возникающих в новых российских регионах проблем, остаются одним из наиболее разрабатываемых и практически востребованных направлений современного научного поиска. Между тем, несмотря на их активную разработку, сопровождающуюся введением в научный оборот огромных пластов фактического материала и разнообразных теоретических положений, рассматриваемые проблемы все еще остаются дискуссионными. В условиях методологического обновления исторической науки, расширения ее источниковой базы и перевода на русский язык ряда знаковых зарубежных работ начался процесс активного переосмысления природы Российской империи и советского союзного государства. Формирование новых представлений о нетипичности имперского и советского типов организации власти, динамики расширения границ Российского государства влекут за собою и необходимость ревизии устоявшихся взглядов на конкретные исследовательские практики изучения административно-территориальных процессов формирования российских регионов. Привнесение в проблемное поле исторических исследований разработок и методологических принципов социальных и естественных наук позволят рассматривать данные процессы не только на уровне взаимодействия Российского государства и местных сообществ, но и в контексте культурного влияния и цивилизационных контактов. Изменение ракурса освещения одного из наиболее значимых компонентов государственного строительства – административно-территориальных преобразований – позволяет приблизиться к пониманию логики и основных императивов формирования региональных вариантов Российской государственности.

История взаимоотношений России и народов Северного Кавказа насчитывает более четырех столетий, на протяжении которых шел медленный, но неуклонный процесс интеграции региона в единый государственный организм сначала империи, затем советской республики и демократической России. На протяжении всего этого времени помимо военного и культурно-хозяйственного освоения края велся напряженный поиск эффективных форм и методов управления регионом. Его участниками становились не только представители имперской, советской и постсоветской администрации, но и северокавказской элиты. Вырабатываемые ими проекты не всегда находили взаимное понимание, зачастую приводили к столкновению интересов сторон и затяжным конфликтам. Тем не менее накопленный опыт административно-территориального обустройства одного из наиболее проблемных российских регионов позволил выявить и проанализировать причины успехов и неудач управленческой политики центра по созданию единого государственного пространства страны.

Процесс административного освоения Северного Кавказа начался на рубеже XVIII–XIX вв., когда к империи была присоединена значительная часть территории региона. В его пределах проживали народы, чье этническое и конфессиональное разнообразие находило отражение в существовании множества политических образований самого различного характера от монархического шамхальства Тарковского до вольных обществ Чечни и Дагестана. Поиск эффективных форм управления новоприобритенной окраиной изначально был тесно связан с военными мероприятиями, породившими такие формы управления регионом, как кордонные линии и приставства. По мере замирения края происходило обращение империи к местным управленческим практикам, результатом чего становится учреждение Кавказского наместничества и народно-военного управления. В административно-территориальном управлении намечались новые тенденции. Наряду с рассредоточением функций управления по отдельным министерствам начались территориальные изменения границ внутри наместничества. Максимальное дробление территории должно было обеспечить большую эффективность управления. С упразднением наместничества Кавказ был втянут в орбиту общероссийской политики, целью которой в рассматриваемый период становится всемерное укрепление государственного порядка. В отношении отдельных групп населения, в частности горского, был принят ряд мер репрессивного порядка. В своих основных чертах новая административная система управления Кавказом просуществовала до 1905 г. Границы региона в основном оставались прежними.

Тем не менее к началу советской эпохи уже отчетливо прослеживались основные формы и методы имперской управленческой политики. Она сводилась к двум различным подходам к интегрированию региона в общероссийское пространство – централистскому и регионалистскому. Сторонники централистского подхода настаивали на скорейшем распространении в регионе российской системы управления, сторонники регионалистского подхода – на создании особых форм управления, учитывающих особенности и специфику местного населения. Различия во времени и способах присоединения отдельных территорий Северного Кавказа к России предопределили и различные модели управления регионом.

Новый этап в развитии административно-территориального управления Северным Кавказом оказался тесно связанным с революционными потрясениями начала прошлого века. Кризис общероссийской власти в феврале 1917 г. и ее неспособность обеспечить элементарный порядок упразднили старую структуру управления краем и вызвали к жизни различные формы политической активности его народов. В советский период была продолжена имперская традиция учета «местных» особенностей в управлении регионом. Однако в отличие от предыдущего времени ставка делалась не на региональные, а этнические отличия. Развернувшееся в 1920-е гг. национально-государственное строительство не только реализовало право народов на самоопределение, но и обозначило

проблему экономической состоятельности создаваемых национальных автономий. Административно-территориальные преобразования 1920–1930-х гг. были подчинены нахождению такой формы административно-территориального устройства северокавказских народов, которая обеспечивала бы им возможность построения нового социалистического общества. Частые изменения статуса автономий, их границ, включение национальных образований в экономически более сильные объединения отражали поиски советской властью оптимальной хозяйственно-административной модели управления регионом.

Следующий этап преобразований, приведших к серьезным изменениям в административно-территориальной системе Северного Кавказа, начался в годы Великой Отечественной войны. Они были вызваны депортациями – принудительными переселениями ряда народов Северного Кавказа и последовавшим за ними упразднением национальных автономий. В результате политико-административная карта региона подверглась очередной кардинальной перекройке: с нее исчезли появившиеся в 1920–1930-е гг. национально-государственные образования, статус которых официально закрепляли действовавшие законодательные акты «страны победившего социализма» – Конституция СССР 1936 г. и Конституция РСФСР 1937 г. Между тем сама ликвидация данных образований оформлялась указами Президиума Верховного Совета СССР, что придавало им изначально неконституционный характер.

Этнические депортации в СССР планировались на самой долгосрочной основе. Однако после смерти И.В. Сталина упраздненные национальные автономии были восстановлены. В то же время новые административные границы закрепили многочисленные этнополитические противоречия, ставшие «пороховыми бочками» будущих конфликтов. Сложившаяся на Северном Кавказе во второй половине 1950-х гг. административно-территориальная система сохранялась практически без значительных изменений почти до конца существования советского государства, подвергаясь корректировке лишь на муниципальном уровне. Между тем, по свидетельству архивных документов и очевидцев того времени, восстановление ликвидированных автономий депортированных народов вылилось в целую череду административно-территориальных конфликтов и существенно подорвало «интернациональное единство» народов региона. В условиях общего кризиса СССР конца 1980-х – начала 1990-х гг. все скрытые проблемы обострились и в незначительной степени способствовали его распаду.

Рассматриваемые вопросы в последние годы вызывают повышенный научный и общественный интерес, во многом обоснованный не только современной историографической ситуацией, активным переосмыслением прежних положений, вводом в научный оборот новых источников, но и самими этнополитическими процессами 1990–2000-х гг., истоки которых нередко выводят из событий советского времени. Исследователи прямо связывают негативные явления в сфере межнациональных отношений и причины межнациональных

конфликтов на территории Российской Федерации последних десятилетий с национальной политикой, осуществлявшейся в условиях «социалистического эксперимента». Проведенные в рамках реализуемого проекта глубинные интервью с руководителями Национального архива Республики Адыгея, Государственного архива Чеченской Республики наглядно продемонстрировали не всегда прямую и непосредственную взаимосвязь между текущими задачами, стоящими перед обустройством современных национально-государственных образований, и обращением к прошлому опыту. Так, в Чеченской Республике интерес к проблемам административно-территориальных изменений вызван прежде всего обострением пограничных споров с соседней Ингушетией. В Адыгее же, напротив, при сохраняющемся повышенном интересе к формированию национальной государственности адыгов, ее дальнейшей судьбе отмечается снижение профессионального интереса к проблемам национального строительства и административно-территориальных преобразований в предыдущие годы и наблюдается переключение исследовательской активности на проблемы генеалогии.

В целом опыт административно-территориального освоения Северного Кавказа и интеграции его в состав Российского государства показал, что на всем протяжении этого процесса действовали самые различные факторы – от хозяйственных потребностей и необходимости обеспечения внешнеполитических интересов до «приобщения горцев к благам цивилизации». При этом приоритетность каждого из них определялась как соображениями общегосударственного характера, так и личными взглядами проводников очередного «кавказского курса». Отсутствие долгосрочной программы и какой-либо стройной концепции по административно-территориальному и национальному строительству на Северном Кавказе свидетельствовало о прагматической направленности российской политики в регионе, ее готовности к признанию собственных ошибок и поиску новых решений. Не все они оказывались удачными с позиций упрочения положения центральной власти в регионе, но на какой-то промежуток времени решали стоящие перед страной проблемы.

Научное издание

Хлынина Татьяна Павловна
Кринко Евгений Федорович
Урушадзе Амиран Тариелович

**РОССИЙСКИЙ СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ:
ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ УПРАВЛЕНИЯ
И ФОРМИРОВАНИЯ ГРАНИЦ РЕГИОНА**

Техническая редакция *Ю.М. Валова-Романенко,*
А.А. Яковлева
Оригинал-макет *С.А. Шестак*
Оформление обложки *Е.Б. Орлова*

Подписано в печать 08.10.2012
Формат 70×100/16. Бумага офсетная
Гарнитура Times New Roman. Печать офсетная
Усл. п. л. 21,93. Тираж 500 экз.

Издательство Южного научного центра
Российской академии наук
344006, г. Ростов-на-Дону, пр. Чехова, 41
Тел. 8 (863) 250-98-21
E-mail: ssc-ras@ssc-ras.ru